

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ВИТАЛИЙ ИВАНОВ

**ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
И ЭТНОГРАФИИ
ЧУВАШИИ**

*Избранные труды
(2012—2022)*

**Чебоксары
2022**

УДК 39(470.344)
ББК 63.5(2Рос.Чув)
И 20

*Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного института
гуманитарных наук*

Иванов В.П.

И 20 Очерки по истории и этнографии Чувашии: избран-
ные труды (2012—2022). — Чебоксары: ЧГИГН, 2022. —
304 с.

ISBN 978—5—87677—268—8

В книгу включены избранные труды историка-этнографа, доктора исторических наук В.П. Иванова, опубликованные в 2012—2022 гг. в различных научных и научно-популярных изданиях. В них рассматриваются отдельные вопросы истории, этнической географии и демографии, этнической культуры и истории этнографических исследований чувашского народа и других национальностей Чувашии. Ряд работ печатается в переработанном варианте. Работы, написанные автором в предыдущий период — в 1978—2011 гг. — опубликованы отдельной книгой «Проблемы этнографии чувашского народа. Избранные труды» в 2012 г.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям и студентам, всем, кто интересуется историей и этнографией Чувашии.

**УДК 39(470.344)
ББК 63.5(2Рос.Чув)**

© Иванов В.П., 2022
© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2022

ISBN 978—5—87677—268—8

B. Bangs

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ОЧЕРК ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЧУВАШЕЙ

Ученые спорят по широкому кругу вопросов истории Чувашии и чувашского народа. Поиск истины — процесс сложный и часто долгий. Ведущее место в научных дискуссиях занимают проблемы происхождения и ранних этапов этнической истории чувашского народа.

Древнейшее население Чувашского края

Первые люди на территории современной Чувашии появились около 80 тыс. лет назад, в межледниковый период, о чем свидетельствуют материалы открытой археологами стоянки эпохи среднего палеолита. Также в Чувашии вдоль рек найдены стоянки мезолита (13—5 тыс. до н.э.) и неолита. В эпоху неолита (4—3 тыс. до н.э.) Среднее Поволжье заняли финно-угорские племена — дальние предки марийского и мордовского народов.

Большой сдвиг в общественном развитии произошел в эпоху бронзы — во 2 тыс. до н.э. Распространились скотоводство и земледелие. В Среднем Поволжье среди неолитического финно-угорского населения островками стали жить пришлые с юга индоевропейские племена фатьяновской и балановской археологических культур, затем племена абашевцев и ираноязычных срубников, знавших мотыжное земледелие, скотоводство и технологию изготовления бронзы. В эпоху раннего железа (1 тыс. до н.э.) у обитавших в Среднем Поволжье финно-угорских племен ананьинской и городецкой культур появились укрепленные поселения. В конце 1 тыс. до н.э. — 1 тыс. н.э. пьяноборские и позднегородецкие финно-угорские племена, занимавшиеся охотой, рыболовством, скотоводством и земледелием, временами объединялись в союзы племен с чертами военной демократии.

Таким образом, до прихода в конце 1 — начале 2 тыс. н.э. на территорию современной Чувашии тюркоязычных предков чувашей — булгаро-сувар — здесь обитали финно-угорские племена.

Какие существуют гипотезы и теории по вопросу происхождения чувашского народа?

Проблема происхождения чувашского народа — ключевая в его истории. К вопросу о происхождении чувашского народа исследователи обратились еще в XVIII в. В разное время были выдвинуты многочисленные гипотезы и теории этногенеза чувашского народа. Одни (А.А. Фукс, П. Хунфальви) считали, что предками чувашей являются хазары, другие (А.Ф. Риттих, В.А. Сбоев) — буртасы, третьи (В.В. Бартольд, Н.Н. Поппе) — гунны, четвертые (Н.М. Карамзин, Н.Н. Фирсов) — финно-угры, пятые (М.Г. Худяков) — древние авары, шестые (В.Н. Татищев, Н.И. Ашмарин, З. Гомбоц) — волжские булгары*, седьмые (Н.Я. Марр) — шумеры и т.д. По предположению Ф.С. Хакимзянова и И.Л. Измайлова, чуваша — потомки гуннского племени акациров. По мнению А.К. Салмина, предками чувашей являются исключительно сувары. В общей же сложности все выдвинутые положения сводятся к следующим концепциям:

1) основу чувашского народа (этноса) составило местное финно-угорское (марийское) население, испытывавшее сильное культурное и особенно языковое влияние со стороны пришлых с юга тюркоязычных болгарских и суварских племен;

2) как этнос чуваша сформировались главным образом на основе доболгарских тюрков, проникавших большими массами в Среднее Поволжье еще до VI в. н.э. (до появления здесь болгар/булгар и сувар) и ассимилировавших часть предков марийцев, мордвы и удмуртов;

3) чувашский этнос сформировался в XII—XV вв. на базе не принявшего ислам и в основном земледельческого болгаро/булгарского и суварского населения, расселившегося на правобережье (в Присвияжье, Прицивилье, Прианишье) и левобережье (в Приказанье и Заказанье) Волги, частично ассимилировавшего коренное горномарийское население северных районов современной Чувашии.

* По устоявшейся в современной российской науке традиции является предпочтительным использование термина «болгар» лишь применительно к болгарам, проживавшим в северокавказско-приазовском регионе, до переселения части их на Среднюю Волгу, а также к дунайским болгарам. Написание через «у» («булгары») оставлено за волго-камскими болгарями (чуваш. *пăлхар*, *пулхар*).

Первая и вторая концепции не получили достаточного научного обоснования и остаются лишь предположениями. На основе многочисленных исторических, культурных и особенно языковых данных большинство исследователей признает решающую роль в формировании чувашей болгаро/булгарских и суварских племен, появившихся на Средней Волге в VII—VIII вв.

Научное обоснование концепция болгаро/булгарского происхождения чувашей получила в работе Н.И. Ашмарина «Болгары и чуваша» (1902). Как теория она развита в трудах Х. Фаизханова, А.П. Смирнова, В.Ф. Каховского, М.Р. Федотова, В.Д. Димитриева и др. Однако дискуссионными продолжают оставаться вопросы, во-первых, по поводу первоначальной основы самих булгар и сувар — прототюркской либо древнеиранской, во-вторых, о соотношении тюркских и финно-угорских начал в современных чувашах.

Необходимо отметить, что в последние годы было опубликовано немало книг о происхождении чувашей, но не все научно выдержаны, а некоторые развивают и вовсе экзотические гипотезы — о шумерском, африканском, скифском, индийско-иранском, сарматском, этрусском и ином происхождении чувашей. Большой интерес, проявляемый сегодня широким кругом пытливых людей к вопросам происхождения чувашей, свидетельствует о наличии серьезных пробелов в их изучении. По признанию ученых, постижение истины при изучении этногенеза чувашей дается с невероятным трудом. Прежде всего, сами проблемы очень трудны.

Где находится прародина предков чувашского народа — булгар и сувар?

Наиболее вероятной прародиной древнейших предков чувашского народа является Центральная Азия. Более близкой этнической общностью, из которой вышли древние болгары/булгары, считают огуро-оногуров, обитавших по северным склонам отрогов Тянь-Шаня и в верховьях Иртыша (в то время здесь обитали и восточноиранские племена), известных еще в III—II вв. до н.э. В бассейне Верхнего Иртыша размещались также сабиры, которые были болгароязычными, т.е. говорили на чувашского типа тюркском *p*-языке.

Древнейшие тюркоязычные предки чувашей имели генетическую связь с прототюркскими племенами хуннов. Об этом свидетельствуют, прежде всего, древнекитайские и древнемонгольские слова в чувашском языке и древние элементы материальной и духовной культуры чувашей, общие с культурой тюркоязычных народов Азии. В памяти чувашского народа сохранились отголоски воспоминаний о выходе их предков из Китая. Интересны сведения, почерпнутые этнографом XIX в. А.Ф. Риттихом среди чувашей: «Старики того мнения, что настоящее их отечество — Китай».

В начале нашей эры происходило движение хуннских племен на запад. Огуро-оногурские (праболгары) и савирские (сабирские) племена мигрировали в западном направлении обособленно от собственно западных хуннов, зигзагообразно кочуя летом с юга на север (летовки) и зимой с севера на юг (т.е. на зимники, основные территории обитания) через земли североиранских племен.

В III—V вв. огуро-оногуро-сабирские племена продвинулись по р. Сырдарья дальше на запад, в районы Приуралья, и кочевали в степях Средней Азии и Казахстана. Они покоряли обитающие в этом обширном регионе восточные ираноязычные племена (саки, масагеты, усунь и др.). В ходе этногенетического и культурно-языкового взаимодействия пришлых центральноазиатских тюрков и местных племен происходило формирование новых этнических общностей.

Таким образом, как полагают историки, протоболгарская этническая общность сформировалась в результате взаимной ассимиляции огуро-оногуро-сабирских и ираноязычных племен в среднеазиатско-казахстанских степях. «Они говорили на одном из архаичных тюркских языков, — отмечает известный ученый С.Г. Кляшторный. — По отдельным словам и грамматическим формам, сохранившимся в письменных памятниках и отразившим язык волжских и дунайских болгар (до славянизации последних), установлено, что *болгарское наречие было историческим предшественником современного чувашского языка*» (выделено нами. — В.И.).

В ходе многовековой миграции древние болгарские племена достигли в III—IV вв. степных районов Северного Кавказа, Приазовья и Прикаспия. В 670-х гг. одна часть болгар во главе с Аспарухом ушла на Дунай и к IX в. растворилась среди славян, другая в конце VII — начале VIII вв. переселилась в Волго-Камье и

составила этническую основу волжско-камских булгар — предков чувашей и частично казанских татар. Сувары переселились в Среднее Поволжье в середине VIII в. и осели по соседству с булгарами.

Волжская Булгария

При хане Алмуше (895—925 гг.) в Волго-Камье образовалось единое раннефеодальное государство — Волжская Булгария, занимавшее обширную территорию Среднего Поволжья от Самарской Луки на юге до р. Вятка на севере, от Средней Камы на востоке до р. Сура на западе. Основная часть булгарских и суварских племен обитала на территории современных Самарской, Ульяновской и части Пензенской областей, центральных и юго-западных районов Татарстана и юго-восточных районов Чувашии. Укрепленные и отдельные поселения булгар островками располагались на марийских, удмуртских, пермяцких и восточно-мордовских землях. Ведущими отраслями хозяйства Волжской Булгарии стали пашенное земледелие и животноводство, важное место занимали охота, рыболовство, бортничество. Возникли города Болгар, Биляр, Сувар, Ошель, Нохрат, Жукотин (*Чукту*) и др. На территории современной Чувашии функционировали Большетаябинское и Тигашевское городища.

В процессе этнической консолидации булгар, сувар и других родственных им племен, а также смешения их с частью финно-угорского населения к рубежу XII—XIII вв. сформировалась единая булгарская (древнечувашская) народность. Булгаро-чувашии пользовались письменностью на основе арабской графики, государственным языком был язык чувашского типа (что подтверждают 90 % сохранившихся надписей на надгробных памятниках).

Целый год — с сентября 1236 по сентябрь 1237 г. — булгары героически сопротивлялись 200-тысячному монголо-татарскому войску хана Батия, но многие булгарские города были разгромлены, значительная часть населения уничтожена. Монголо-татарское нашествие в начале XIII в. уничтожило государственность у булгаро-чувашей, а в последующий период в XIV — начале XV в. — булгарские земли были подвергнуты многократным опустошительным набегам со стороны кочевых орд с юга.

В 1243 г. территория Среднего Поволжья была включена в состав Золотой Орды как Булгарский улус. Уцелевшие группы булгаро-сувар с левобережья Волги переселились второй вол-

ной в центральные и северные районы современной Чувашии (здесь они появились еще с конца IX в. и активно смешивались с местными финно-уграми — марийцами), а также на север левобережья Волги — в Приказанье и Заказанье.

Беженцами с левобережья Волги — с окрестностей болгаро-суварского города Сувар — был основан город Чебоксары, местоположение и древнее название которого как Веда-Суар (*Bäta Sävar* — «Средний Сувар») зафиксированы на известной карте Фра-Мауро (середина XV в.).

В период до XV в. одна группа болгаро-чувашей осела в центральных и северных районах территории современной Чувашской Республики, другая — на востоке от Казани. В этот период земли Яльчикского, Комсомольского, Батыревского, Шемуршинского районов Чувашии, как и юго-западных районов и Закамской части Татарстана, Ульяновской, Самарской, Пензенской и Саратовской областей, представляли собой «дикое поле» — пространство без оседлого населения, регион кочевий ногайцев, астраханских татар, кыпчаков, позже и калмыков. В Чувашии зона «дикого поля» располагалась к югу от р. Кубни и к западу от р. Суры.

В 1438 г. бывшие болгарские земли, куда входила вся территория современной Чувашии, захватил свергнутый с золотоордынского престола хан Улут-Мухаммед. В 1445 г. было основано Казанское ханство. Среди населения насильственно распространялся ислам. Значительная часть чувашей после принятия ислама была отатарена.

В 1551 г. происходит присоединение Чувашского края к Русскому государству. Сооружение засечно-сторожевых линий в XVI—XVII вв. в его юго-восточных районах дало возможность чувашам начать вторичное заселение этого превратившегося в «дикое поле» региона, а также расселяться на обширных территориях Поволжья и Южного Приуралья.

Что является основным аргументом в пользу болгарской теории происхождения чувашского народа?

Болгарское наследие у чувашей ученые обнаруживают прежде всего в их языке. Это единственный сохранившийся язык болгарской ветви тюркской семьи языков и отличается от всех других тюркских языков тем, что звуку «з» в них соответствует

чуваший «р» (так называемый ротацизм), а звуку «ш» — звук «л» (ламбдаизм), звуку «к» — звук «х» и т.д. По данным изученных эпитафий надгробных памятников волжских булгар, ротацизм и ламбдаизм были характерны и для болгаро/булгарского языка (например, чуваш. *хёр* «девушка» — общетюрк. *кыз*, чуваш. *хёл* «зима» — общетюрк. *кыш* и т.д.).

О сходстве хозяйства, быта и культуры чувашей и булгар свидетельствуют данные археологических, этнографических и искусствоведческих исследований. Первые унаследовали от своих сельских предков типы жилищ, планировку усадьбы (глухой стеной на улицу), веревочный орнамент для украшения столбов ворот и т.п. Белая женская одежда, головные уборы (*тухья*, *хушпу*, *сурпан*), украшения (перстни, накосники), бытовавшие у чувашей в прошлом, были распространены среди булгар, включая дунайских. В традиционной религии чувашей прочно сохранились староболгарские языческие культы, содержащие черты зороастризма — религии древних этносов Ирана и Средней Азии.

С чем связано сравнительно позднее появление этнонима «чуваш» (*чăваш*) в истории?

Практически для всех исследователей одним из главных интригующих вопросов является тот факт, что этноним «чуваш» (*чăваш*) появился в источниках сравнительно поздно (в самом начале XVI в.), что такой, казалось бы, крупный этнос довольно долгое время оставался географически четко нелокализованным. Задолго до появления этнонима «чуваш», по крайней мере в конце I тыс. н.э., в письменных источниках были зафиксированы финно-угорские племена, причем в ряде карт были обозначены и территории их обитания, а башкир хорошо знал араб Ибн Фадлан (начало X в.). К примеру, в летописи «Повесть временных лет» (начало XII в.) перечислены почти все народы Восточной Европы: «...Меря, Мурома, Весь, Мордва, Заволочская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, Уфа, Черемис...», но такая крупная народность, как чуваш, нигде не упомянута. Объясняется это тем, что чуваше как самостоятельный этнос начинают формироваться лишь после погромов Золотой Орды Тамерланом, в XV в., из остатков разоренного булгарского сельского земледельческого населения. Именно поэтому в истори-

ческих документах собственно предки чувашей и выступали под разными названиями. С IX—X вв. они известны как «булгары» и «сувары», а в русских и зарубежных источниках конца XV — начала XVIII в. — как «нагорные черемисы», «горные люди», «татарские черемисы».

Первое упоминание в источниках этнонима «чуваш» относится к 1508 г. Н.И. Ашмарин в 1925 г. указывал: «Все данные языка и истории говорят за то, что чуваша — потомки древних болгар, но если это так, то следует думать, что древние волжские болгары были известны под этим названием только у других народов, сами же называли себя чувашами». По одной из наиболее распространенных версий, этноним «чăваш» восходит к названию *сувар/суваз*, хотя имеются и другие интерпретации.

При участии каких языков сформировались диалекты этнографических групп народа?

Древнейшие предки чувашей пользовались письмом рунического типа, что прослеживается в родовых знаках (тамгах), в узорах старинных вышивок. В булгарское время чуваша знали арабскую графику. Кроме того, им хорошо были знакомы приемы пиктографии (картинное письмо) и идеографии (исероглифы), особые числовые знаки, похожие на римские.

Важнейшую роль в формировании чувашского языка сыграли три основных компонента: 1) среднебулгарский язык-основа (*р-язык*), уже освоивший значительное число кыпчакских заимствований, в том числе и лексику монгольского, персидского, арабского происхождения; 2) горномарийский язык (главным образом в формировании верхового диалекта чувашского языка); 3) сильное контактное воздействие со стороны казанско-татарского и мишарского языков.

После разгрома Булгарского улуса Золотой Орды в 1391—1395 гг. остатки булгар переселились на север: из правобережных районов — на северо-восток Чувашии, из Закамья — в Предкамье и Заказанье. В этих окраинных районах булгарские беженцы ассимилировали незначительное марийское (на севере Чувашии) и удмуртское (в Заказанье) население и образовали новый этнос, получивший в период Казанского ханства название «чуваша». В конечном итоге формирование чувашского языка происходило в основном на северной половине современной Чува-

ший, главным образом в междуречье Цивилия и Кубни. Здесь сложилось ядро чувашского народа (так называемые *анат енчи*, или средненизовые чуваша) со специфическими диалектными особенностями, восходящими к среднебулгарскому состоянию.

Со второй половины XV в. северо-восточные говоры чувашского языка развивались под сильным воздействием казанско-татарского языка. Во второй половине XV в. северо-восточные чуваша (*анат енчи*) начали осваивать лесные массивы междуречья Цивилия и Суры. Здесь в результате физической и культурно-языковой ассимиляции местного горномарийского населения сформировалась этнографическая группа верховых чувашей (*вирьял*). В конце XVI — начале XVII в. северо-восточные чуваша начали расселяться по юго-восточной территории современной Чувашии и смежным районам сегодняшнего Татарстана. Здесь в результате взаимодействия с татарско-мишарским языком в XVII в. сложился низовой диалект (*анатри*) чувашского языка. Благодаря литературной и переводческой деятельности И.Я. Яковлева, низовой диалект стал основой чувашского литературного языка.

Верховые (*вирьял, тури*) расселены в северных и северо-западных регионах Чувашии, низовые (*анатри*) — на юге республики и за ее пределами, средненизовые (*анат енчи*) — в центральных и северо-восточных районах республики. Последние по культуре ближе к анатри, а по языку — к вирьялам. Низовые чуваша в большей мере сохранили этнические черты своих тюркоязычных болгарских предков, а в культуре верховых заметно проявлялись финно-угорские (главным образом горномарийские) элементы.

Этнографические группы чувашей различаются прежде всего диалектными особенностями языка, вышивкой — у верховых мелкие тонкие швы, обильно применяются ромбические фигуры, а у низовых — яркая расцветка, не только геометрические, но и растительные узоры.

Какие последствия имело для чувашского народа присоединение Чувашского края к Русскому государству?

Присоединение территории Чувашского края к Московскому государству в 1551 г. произошло в отсутствие сколько-нибудь выраженного сопротивления этому со стороны чувашей и горных марийцев. В данном вопросе необходимо учесть следующее обстоятельство. В результате монголо-татарского за-

воевания булгаро-чуваши лишились своего государства — Волжской Булгарии, затем, во второй половине XIV — начале XV в., и всей основной исторической территории своего обитания. Остатки населения переместились в периферийные районы, но и туда прибыли татары, подчинили чувашей, марийцев и южных удмуртов. Не могло быть и речи о каком-либо серьезном сопротивлении правобережных чувашей процессу присоединения их края к Русскому государству. Чуваши сами стремились к этому, чтобы избавиться от казанско-ханского режима.

Однако в Русском государстве социальный и национальный гнет над чувашским народом сохранился. Царские власти не допускали чувашей, как и другие нерусские народы России, к государственному управлению, подавляли их самобытную культуру, насаждали православие. Бремя колониального гнета тормозило экономическое, политическое и культурное развитие чувашского народа.

С другой стороны, присоединение территории Чувашского края к Русскому государству было событием прогрессивным, и прежде всего потому, что в составе сильного централизованного государства чуваши обрели возможность жить в мирных условиях, прекратились опустошительные набеги ногайцев, крымцев и других кочевников с юга.

Разноголосица в трактовке событий времен покорения Казани имеет объективный характер и отражает разное восприятие их со стороны московских, казанских и чувашских исследователей с точки зрения последствий этих событий для России в целом и для отдельных народов Среднего Поволжья в частности. Надо согласиться со швейцарским историком А. Каппелером в том, что в этом вопросе необходим дифференцированный подход: «Так, не может быть сомнения в том, что присоединение чувашей к России происходило в других условиях и имело другие последствия, чем у татар...»

И исторические, и политические, и этнодемографические последствия данного события, в том числе последующее обращение чувашей в православие, имели для них эпохальное значение. Они определили весь ход новой этносоциальной истории чувашского народа. Самым важным результатом мирного вхождения чувашей в состав России было сохранение их как народности. В Казанском ханстве почти половина левобережных чувашей была отатарена.

Если бы продолжились существование Казанского ханства и исламизация чувашей, как отмечал В.Д. Димитриев, то все они были бы отатарены и исчезли как этнос. Даже в составе России отатаривание левобережных чувашей продолжалось, но правобережные чуваша и значительная часть приказанских и заказанских чувашей Чувашской (позже Зюрейской) даруги сохранились как этнос и численно увеличились за 450 лет примерно в 10 раз.

Исторически важен и этногеографический аспект присоединения Чувашского края к Русскому государству: в составе гигантского по размерам государства чуваша получили практически неограниченные возможности для расширения территории своего обитания, в том числе и прежде всего путем расселения на ранее оставленных их булгарскими предками землях в Средневолжском регионе.

**Князь А.М. Курбский о встрече чувашским
населением Горной стороны русского войска,
направляющегося походом на Казань***

Егда ж переплывишася Суру реку, тогда и Черемиса Горняя, а по их Чуваша зовомые, язык особливый, начата встречати по пяти сот и по тысяще их, аки бы радующеся цареву пришествию [понеже в их земле поставлен оный предреченный град на Свияге**].

**Историк Н.Н. Фирсов о расселении чувашей
в Волжской Булгарии*****

То обстоятельство, что памятники начинают говорить о чувашах очень поздно, лишь с XVI века, не должно нас смущать: наименования народов меняются в зависимости от их политического положения. В эпоху Болгарского государства чуваша жили приблизительно там же, где живут и в настоящее время, лишь более, чем теперь, распространяясь по Каме; но тогда они играли державную роль в Волжско-Камском крае, занимали властное положение в его городах, аулах и сохраняли то название, которое было названием именно их господства в крае.

* *Курбский А.М.* История о великом князе Московском. СПб.: Изд. Императорской археографической комиссии, 1913. С. 17—18.

** Имеется в виду г. Свияжск.

*** *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Вып. 1. Казань, 1919. С. 33.

ЧУВАШСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В XVII—XVIII ВЕКАХ

После присоединения Горной стороны, т.е. Чувашского края, к Русскому государству в середине XVI в. зона обитания чувашей получила определенное расширение, прежде всего появилась возможность миграции в южном направлении. Однако еще вплоть до середины XVII в. южные районы современной Чувашии, а также территории юго-западных районов и закамской части Татарстана, Ульяновской, Самарской, Пензенской, Саратовской областей представляли собой «дикое поле», и здесь не проживало оседлое население.

Для управления Казанской землей и другими вновь присоединенными территориями в Поволжье в Москве был создан приказ Казанского дворца. Территория современной Чувашии во второй половине XVI — XVII в. полностью находилась в ведении данного государственного органа.

После овладения Казанью восточная часть Горной стороны вошла в состав Свияжского уезда, северо-западная — Чебоксарского. Мордовское и русское население Среднего Присурья было отнесено к Алатырскому уезду.

Царское правительство во второй половине XVI в. возвело на Горной стороне новые административные и военно-опорные пункты, первоначально исключительно с русским населением: города-крепости Курмыш (1372), Чебоксары (1555), Алатырь (1555), Кокшайск (1574), Козьмодемьянск (1583), Цивильск (1589), Ядрин (1590), которые стали центрами одноименных уездов Чувашского края — Чебоксарского, Цивильского, Ядринского, Козьмодемьянского, Курмышского, Свияжского, Кокшайского, Алатырского. Причем в составе Свияжского уезда находилась почти треть территории Чувашии. Чуваша, проживавшие в юго-восточных регионах края, входили в Симбирский уезд, а чуваша левобережной части Среднего Поволжья находились в составе Казанского уезда. По данным писцовых переписей Казанского уезда второй половины XVI — начала XVII в. установлено, что если в левобережье насчитывалось около

200 чувашских селений, то на территории современной Чувашии числилось около 300 материнских селений¹.

В нижнем звене управления власти использовали представителей местного населения по установившейся еще в Казанском ханстве системе. Волостными сотниками назначались (до середины XVII в.) представители чувашской феодальной прослойки.

Во главе отдельных чувашских деревень или групп селений ставились выборные старосты из ясачных крестьян. Сотники и старосты подчинялись уездной администрации.

Русское правительство в присоединенной области развернуло усиленную помещичье-монастырскую колонизацию. Земли хана и разгромленной казанско-татарской феодальной знати, как на Луговой, так и на Горной стороне, в 50—60-х гг. XVII в. были переданы в качестве вотчин и поместий казанскому архиепископу, казанским и свияжским монастырям, воеводам, дворянам и детям боярским. Лишившись своих земель вследствие захвата их помещиками, монастырями и городами, чувашские крестьяне переселялись целыми деревнями на «новые земли», т.е. в «дикое поле».

Освоение «дикого поля» привело к значительному расширению основной этнической зоны обитания чувашей. Мирные условия жизни в составе России благоприятствовали экономическому развитию чувашского народа, увеличилась его численность.

В XVI—XVII вв. все чуваша проживали в регионе Среднего Поволжья. Относительно XVIII в. В.И. Кабузан уже добавляет «почти все»². Кроме того, в 20-х гг. XVIII в. они начинают заселять Южное Приуралье, а с 60-х гг. — южные районы Среднего Поволжья. Однако здесь их в XVIII в. было немного.

После падения Казани татарской феодальной знати в Чувашии не осталось. Во второй половине XVI в. упоминается один из них — князь Темей Теняков, который проживал в д. Пюкасы (совр. Большое Князь-Теняково) Чебоксарского уезда. Сотников и тарханов в Чебоксарском и Цивильском уездах числилось более 100 человек. Вместе с князьями они стали служить русскому царю.

В период борьбы за Казань и после Иван IV жаловал оказавшим ему услуги представителям чувашской знати звания и

привилегии тарханов. Князья и сотники, как и в ханстве, управляли волостями, подчиняясь теперь русским воеводам. Тарханы несли службу в русской армии. За князьями, сотниками и тарханами сохранялись их вотчинные земли и зависимые от них общинные крестьяне. Появилась такая социальная прослойка, как новокрещены и служилые чуваша. Размещались они в городах, по укрепленным линиям (засечным чертам).

В источниках первой половины XVII в. служилые чуваша Козьмодемьянского, Кокшайского, Цивильского, Чебоксарского, Ядринского уездов именуются служилыми тарханами. По состоянию на 1637 г., численность служилых чувашских тарханов и служилых чувашей составляла в Козьмодемьянском уезде 10 чел., в Кокшайском — 6, в Курмышском — 30, в Свияжском — 50, в Цивильском — 55, в Чебоксарском — 48, в Ядринском — 17 чел.³

В отличие от русских крестьян, чувашские не находились в непосредственной зависимости от русских помещиков и монастырей, т.е. не были превращены в частнособственнических крепостных. Основная же масса чувашей осталась на положении «черных людей» — податного люда. Кроме уплаты ясака и многочисленных оброков, ясачные чуваша выполняли повинности по строительству и ремонту городских крепостей, оборонительных линий, дорог, мостов и т.д. Во время войн чуваша обязаны были поставлять по одному воину с трех ясаков — шести крестьянских дворов.

По приблизительным подсчетам, на территории современной Чувашии в 1630-е гг. проживало около 175 тыс., в 1680-е гг. — около 200 тыс. чел., из них чуваша составляли 80—81 %, русские — 16—17 %, татары — 1,5—2 %, мордва — 1 %⁴.

В XVII столетии еще существовала феодальная прослойка из чувашей — сотники, тарханы, служилые новокрещены и служилые чуваша. Сотников и тарханов из чувашей было около 300 чел. Они владели небольшими поместьями (от 10 до 120 десятин). В дальнейшем их численность постепенно сокращалась.

Основную массу чувашей составляли ясачные крестьяне. Они были объединены в сельские общины, которые, скорее, носили не соседский, а родственный характер, так как в одну общину объединялись материнские и дочерние населенные пункты. Члены общины вели единоличное хозяйство. Большая часть пахотной

земли и сенокосов была поделена между отдельными хозяйствами. По традиции участки нередко передавались по наследству. Леса, выгоны, рыболовные угодья (реки и озера) находились в общем пользовании.

Подавляющее же большинство ясачных чувашей составляли люди «среднего» состояния. Но имелись, в незначительном количестве, разорившиеся, неимущие крестьяне, не способные к несению тягла. За пользование землей чувашские крестьяне платили государству денежный и хлебный ясак. Ясак являлся не только податью, но и единицей обложения. Он определялся по размерам земельной площади. В чувашских уездах на 1 ясак приходилось в среднем 15 десятин пашни и 10 десятин сенокоса. Крестьянский двор мог платить целый ясак, три четверти ясака, пол-ясака и четверть ясака.

Чуваши платили казне оброк за бортные ухажай, рыбные ловли, бобровые гоны, мельничные места, оброчные пашни и сенокосы, сборы от «иноверческих свадеб», конские (с купли-продажи лошадей), таможенные (с привоза и продажи товаров), крепостные (за оформление купчих, кабальных и других документов) и тому подобные пошрины.

Повинности ясачных чувашей были многочисленны и обременительны. В 1647—1654 гг. чувашские крестьяне с каждых 5 дворов выделяли по одному работнику — «деловцу» — на строительство засечных черт, крепостей и острогов Симбирской укрепленной линии. В 1652—1658 гг. чуваши, наряду с татарами, мордвой, марийцами, удмуртами и русскими, строили Закамскую линию. В первый год на строительство брали по одному человеку с трех дворов, а впоследствии — по одному с шести дворов. Чувашские крестьяне несли и службу на засечных чертах, в частности, на Тетюшской засеке. В 40-х гг. XVII в. на засечную службу выделялось по одному человеку с 10 дворов.

Чувашей привлекали и к военной службе. В течение всего XVII в. они были обязаны во время войн ставить одного ополченца с трех полных ясачных дворов.

Особенностью феодального строя чувашской деревни XVII в. было то, что ясачные люди являлись крепостными всего государства, были прикреплены к земле, составлявшей собственность этого государства. Ясачный чуваш не мог оставить или забросить свою землю, отлучиться из деревни на продолжи-

тельное время без ведома начальства. Лишенные прав чуваша не допускались к участию в уездных и вышестоящих органах управления.

Зона сравнительно компактного расселения чувашского этноса, не говоря уже о периферийных землях, время от времени подвергалась изменениям в ходе территориальных реформ. Так, в XVI—XVII вв. территория современной Чувашии находилась под управлением приказа Казанского дворца. По губернской реформе Петра I в 1708 г. она вошла в состав Казанской губернии, затем часть ее отошла к Нижегородской губернии, выделенной из Казанской в 1714 г.

В 1719 г. губернии были подразделены на провинции, включавшие несколько уездов. Чувашию составляли полностью Чебоксарский и Цивильский, частично — Свияжский, Козьмодемьянский и Кокшайский уезды Свияжской провинции, несколько селений Казанского и часть Симбирского уездов Казанской губернии, целиком Ядринский и части Курмышского и Алатырского уездов Алатырской провинции Нижегородской губернии. Уезды по-прежнему делились на волости или станы. Такое административное деление просуществовало до областной реформы, проведенной в Среднем Поволжье в 1780—1781 гг. Но к тому времени некоторая часть чувашского этноса находилась также и на землях Самарской, Уфимской, Оренбургской и Саратовской губерний.

Согласно I ревизии (1719—1723), чуваша, насчитывавшие в общей сложности 217,9 тыс. человек, являлись одним из крупных народов России. В целом в первой четверти XVIII в. в общем составе населения Среднего Поволжья удельный вес чувашей достигал 13,8 %, татар — 13,3 %, мари — 3 %, мордва — 4,9 %.

С учетом всех социальных групп общая численность населения Чувашии на исходе первой четверти XVIII в. приблизительно составляла 243 тыс. человек, в третьей четверти века — 275 тыс. и в 1795 г. — 289 тыс.⁵

В географическом плане на небольшой территории междуречья Суры и Свияги чуваша обитали в целом компактной массой: соседями с севера были марийцы, с запада — русские, с востока и юго-востока — татары, с юга — русские и отчасти мордва; русские и мордовские селения кучно располагались в

юго-западных районах Чувашии, татарские — в юго-восточных, русские селения встречались в центральных районах, а также в окрестностях городов и по берегам рек.

Основным занятием чувашских крестьян оставалось земледелие. В северной половине Чувашского края как озимые, так и яровые в урожайные годы приносили «сам-три», «сам-четыре», редко «сам-пять», в юго-восточной зоне собирали урожай ржи вчетверо и впятеро, овса, полбы и ячменя — вшестеро, пшеницы — втрое, гречихи, проса, гороха, конопли — в 7 и 8 раз больше против высева.

Чуваши выращивали в огородах капусту, репу, огурцы, чеснок, лук, редьку и пр. Сады у них появляются лишь с середины XVIII столетия. Зарождается окультуренное хмелеводство. Животноводство у чувашей занимало важное место. Развивалось пасечное пчеловодство.

Необходимо подчеркнуть, что безземельных дворов среди чувашей было относительно мало (в первой четверти XVIII в. безьясачные, или бобыльские, дворы составляли около 1 %).

Чуваши занимались всеми видами крестьянского ремесла — колесным, санным, бондарным, сыромятным, шорным, кожевенным, валяльным, портняжным, скорняжным, гончарным, столярным и др. Следует отметить, что с целью пресечения изготовления оружия, применяемого в народных движениях, царское правительство еще в начале XVII в. запретило чувашам и другим поволжским народам заниматься кузнечным и серебряным делом (запрет сохранялся вплоть до XIX в.). Во второй половине XVII в. в городах Чувашии возникли кожевенные, винокуренные, салотопенные и другие предприятия русских купцов.

Что касается сферы торговли, то среди чувашских крестьян купцов было меньше, чем среди русских и татарских. Интересно, что вывоз товаров из края в ценностном выражении в 9—10 раз превышал ввоз. Основным предметом вывоза был хлеб. Из Чувашии ежегодно вывозили около одного миллиона пудов ржаной муки, а также хмель, пеньку, пушнину, мед, воск и хлебное вино.

Чувашские крестьяне были обложены государством множеством всевозможных сборов: за казенные пашни и сенокосы, бортные и хмелевые ухояи, бобровые гоны, мельничные мес-

та, рыбные ловли и свадьбы. А в XVIII в. для чувашей были введены дополнительно и такие, как с крестьянских бань (по 15 копеек в год), с языческих киреметей, пасечных ульев, клеймения хомутов, трехрублевый налог с женихов.

В условиях экстенсивного хозяйства в середине XVIII в. в чувашских селениях стали ощущаться признаки малоземелья. Это явилось основной причиной переселения крестьян из Чувашии в восточные и южные регионы страны, принявшего с 40-х гг. массовый характер.

Чуваши, будучи исключительно крестьянским, земледельческим народом, особенно тяжело воспринимали необходимость выполнения так называемой «рабочей повинности», т.е. набора людей на строительные, промысловые и транспортные работы. В конце XVII — первые годы XVIII в. чувашей брали на возведение укреплений и строительство судов на юге (в Азове, Воронеже, Таганроге), затем — на строительные работы в Петербурге, на Котлине острове, на Олонецкой верфи, на сооружение каналов и т.п.⁶ В дополнение к общероссийским наборам чуваша давали рабочих людей по наборам местного характера — на заготовку лесоматериалов, на работы при Казанском адмиралтействе, на Симбирских заводах, на возведение местных крепостей и укрепленных линий и т.п. Людей отбирали с определенного количества дворов и в период отбывания повинности содержали на средства тех же хозяйств.

Эксплуатация, произвол и бесчинство чиновников, насильственное насаждение православия вызывали сопротивление населения. Чуваши участвовали во всех крупных выступлениях народных масс в Среднем Поволжье в XVI — первой половине XIX в. и особенно массово в одном из самых крупнейших крестьянских движений в истории России — в крестьянской войне под предводительством Е.И. Пугачева.

Правительство было заинтересовано в получении наибольшей прибыли от инородцев. Однако власти не допускали чувашей к управлению, препятствовали использованию и изучению чувашского языка, не содействовали развитию национальной культуры. Официальные круги и господствующие сословия пренебрежительно относились к быту, нравам и обычаям чувашей⁷.

Особой страницей истории чувашей XVIII в. является реализация царизмом политики их насильственной христианизации, через посредство которой, собственно говоря, и была поставлена задача русификации народа. Но эта политика первоначально — в XVI—XVII вв. — никакого успеха не имела. Зато активно продолжалась татарская ассимиляция чувашей. Дело в том, что ислам в царской России был в оппозиции государственной религии — православию. Поэтому чувашаи, проживавшие среди татар, стали видеть в исламе средство социального сопротивления. Но принятие ислама вело к обязательному отатариванию, так как в отличие от православных церковников, не принуждавших чувашей при крещении к отказу от своей национальности, мусульманские миссионеры при переходе их в ислам требовали отречения и от своей национальности. Так чувашаи «уходили в татары» (*тутара тухнӑ*), т.е., принимая мусульманство, они как бы автоматически становились и этническими татарами.

В XVIII в. московское правительство принимает ряд указов, облегчающих положение принявших православие чувашей и существенно сужающих права язычников. Некрещеный местный феодал не мог владеть крещеными крестьянами, а в случае его смерти имущество передавалось в казну или только православному родственнику. «В этих условиях, — отмечает Н.В. Никольский, — чтобы сохранить свои права на земли, владетельные особы из чувашей принимали христианство и постепенно сливались с коренным русским элементом. Другие чувашские родоначальники сближались с татарскими князьями, чтобы совместно противодействовать ограничительным мероприятиям правительства, чувашские мурзы Нижегородского края, упоминаемые под 1647 г., к началу XVIII в. не существуют: они отатарились и омусульманились»⁸. Таким образом, в условиях противостояния ислама и православия в Поволжье чувашские мурзы и князьки, т.е. именно та часть чувашей-язычников, которая была в социально-культурном плане наиболее продвинутой частью этноса и потому составляла основу его генофонда, или обрусевала, или отатаривалась, принимая ислам.

Обращение чувашей в христианство объективно способствовало развитию просвещения, в открываемых в чувашских селениях «иноподчешких новокрещенских» школах вводился род-

ной язык, хотя это делалось властями, прежде всего, в целях эффективной христианизации и русификации.

Еще Петр I в своей инструкции о крещеных иноверцах (1724) требовал «склонять владельцев и законников их к христианскому учению... и книги нужные перевести на их язык»⁹. С 1740 по 1773 г. в новокрещенских школах обучалось около 380 чувашских мальчиков. Учащихся набирали в принудительном порядке. Хотя срок обучения был довольно большой — 9 лет, учащиеся получали лишь элементарные знания, обучение велось на русском и церковнославянском языках. В школах применялись телесные наказания. Учащиеся влачили полуголодное существование, болели и умирали. Выпускники школ определялись в приходы причетниками. Наиболее успевающие переводились в Казанскую духовную семинарию.

В 1789—1791 гг. в Чебоксарах, Ядрине и Козьмодемьянске появились малые народные училища, но чувашские дети в эти училища почти не попадали. В начале XIX в. сельских школ на территории Чувашского края вообще не было. Чувашские крестьяне неохотно отдавали детей в школу. Одной из главных причин отказа было преподавание на малопонятном для чувашей русском языке. Царское правительство не разрешило вести начальное обучение на родных языках народностей Поволжья. В начале XIX в. на тысячу чувашей приходилось не более 4—5 грамотных¹⁰.

В 1769 г. в Петербургской типографии Российской Академии наук издается книга «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка», составленная под руководством В. Пуцка-Григоровича при участии учащихся-чувашей Казанской духовной семинарии.

К кругу первых деятелей культуры, просвещения и науки из чувашей рассматриваемого периода обычно принято относить известного российского архитектора Петра Егоровича Егорова (1728(31)—1789). П.Е. Егоров занял видное место среди незаурядных российских зодчих XVIII в. Он был автором проекта и строителем в северной столице ограды Летнего сада, считающейся непревзойденным шедевром архитектурно-декоративного искусства, соавтором проекта и ведущим строителем одного из красивейших зданий — Мраморного дворца, участ-

ником строительства Зимнего дворца, Смольного монастыря, автором ряда жилых домов и храмов.

Подытоживая, следует отметить, что, по мнению В.Д. Дмитриева, к концу рассматриваемого периода, т.е. в XVIII в., Чувашия заняла свое определенное место в общероссийском историческом процессе, выступая как определенный район в экономике России, в системе всероссийского рынка — район, поставляющий хлеб, мед, лес, кожевенные товары, продукты обработки хлеба и т.п.; она играла значительную роль в широких антифеодальных движениях XVIII в.¹¹

Несмотря на условия феодального и национально-колониального угнетения, во всех областях общественного производства и жизни наблюдался, хотя и медленный, прогресс, обусловленный внутренними силами общества и внешним воздействием, т.е. влиянием общероссийской социально-экономической обстановки. В Чувашии, как и в Центральной России, происходило ускоренное развитие товарного производства и обмена, появились купеческие промышленные предприятия, главным образом по переработке сельскохозяйственной продукции, возникло несколько вотчинных промышленных заведений, росло число крестьян, занимавшихся торгово-промышленной деятельностью.

На историческом пути чувашского народа период XVII—XVIII вв. был временем дальнейшего развития его производственных навыков в области сельского хозяйства и ремесла. Хозяйство чувашских крестьян постепенно втягивалось в рыночные отношения, в результате чего изживалась замкнутость чувашей. Шло дальнейшее усиление крепостнической зависимости чувашского крестьянства от феодального государства, от класса русских феодалов, взятого в целом, росло угнетение среднестатейных и маломощных крестьян представителями национальной патриархально-феодальной прослойки. В то же время росли самосознание чувашского крестьянства, его способность к сопротивлению и активность в борьбе против угнетателей. Несмотря на национальный гнет, самобытная чувашская культура развивалась. Появились отдельные грамотные люди из чувашей. Были сделаны первые шаги в изучении хозяйства, языка и культуры чувашского народа¹².

Литература

- ¹ *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 88.
- ² *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке: численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. С. 115, 245.
- ³ *Димитриев В.Д.* Землевладение служилых чувашей Свияжского уезда в середине XVII в. // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: материалы VIII межрегиональной конференции историков-аграрников (Чебоксары, 19—21 мая 2005 г.). М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 54.
- ⁴ История Чувашской АССР. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. С. 73, 85.
- ⁵ *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII в. до Крестьянской войны 1773—1775 гг. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. С. 47.
- ⁶ История Чувашской АССР. С. 109.
- ⁷ *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII в. С. 489.
- ⁸ *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань: [б.и.], 1919. С. 17.
- ⁹ См.: *Иванов В.П., Николаев В.В., Димитриев В.Д.* Чуваши: этническая история и традиционная культура. М.: ДИК, 2000. С. 60.
- ¹⁰ Там же. С. 60.
- ¹¹ *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII в. С. 489.
- ¹² Там же.

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ КОРНИ РАЗЛИЧИЙ В ЭТНОКУЛЬТУРАХ ТАТАР И ЧУВАШЕЙ

Исследование по проблемам происхождения и этнической истории любого народа непременно предполагает необходимость изучения общего и особенного в его культуре в сравнении, прежде всего, с теми этносами, с которыми его связывает общая историческая судьба. В свете сказанного вообще немалым представляется игнорирование этнокультурных параллелей у чувашей и татар, которые, по утверждению большинства специалистов, имеют близкие этногенетические корни. Еще в 1984 г. автором была опубликована статья, написанная именно в таком ракурсе¹. В ней было отмечено, что наличие в культуре обоих народов болгарского компонента, а также сходные естественно-географические условия проживания способствовали выработке у чувашей и приволжских татар общих черт в хозяйстве и быту, культуре и обычаях. Вместе с тем в статье подчеркивался и тот факт, что между ними имеется и немало различий, исторически обусловленных, с одной стороны, ведущей ролью кыпчаков в формировании физического типа, языка и культуры казанских татар, многовековым влиянием на них ислама и через это — культуры народов Средней Азии и, с другой стороны, бóльшим, чем татары, смешением части чувашей с финно-угорским, в частности марийским, населением.

С тех пор прошло 30 лет, а постановка вопроса о необходимости объективного и беспристрастного изучения общего и особенного в этнокультурах чувашей и поволжских татар так и не получила должного развития, причем как в Чебоксарах, так и в Казани. И вот здесь я хотел бы особо отметить, что если в редких случаях казанские авторы и касаются (хотя бы вскользь) указанного аспекта, то в основном только с целью в очередной раз подтвердить, что в культуре поволжских татар и чувашей практически нет общего, сходного, тождественного, иначе говоря, того, что может идти в актив болгарской концепции происхождения чувашского народа. Делаются попытки ссылкой на болгарский материал всячески подчеркивать уникаль-

ность, исключительность тех или иных элементов и явлений традиционной культуры казанских татар и нехарактерность их для соседних народов. Но если что-то сходное стойко наличествует и у последних, то это трактуется очень часто как результат обычного этнокультурного влияния вначале — болгар, а позднее — казанских татар. Вот и Б.Л. Хамидуллин привычно ссылается на мнение М.З. Закиева, что в период Казанского ханства татары оказывали «очень сильное культурное влияние» на соседние народы региона, в частности — на чувашей, «часть которых, живя среди болгар, постепенно обугаривалась»². В то же время следует отметить, что не все казанские исследователи разделяют такой упрощенный подход к рассматриваемой проблеме, резонно утверждая, что исследования вопросов традиционной культуры, быта и общественной жизни Волжской Булгарии могут иметь плодотворный характер, к примеру, при условии комплексного привлечения дополнительных, зачастую и косвенных этнографических и фольклорных материалов по потомкам болгар — казанских татар и чувашей³. «Практически никто из археологов не отрицает наличия болгарского компонента в этногенезе чувашей, — указывает А.Р. Мухамедеев, — что дает нам основание включать их в орбиту наших исследований»⁴.

Конечно, можно без конца заниматься поисками и выявлением общего и особенного в культурах обоих народов, но в принципиальном плане это ничего не изменит и не добавит к тому, что уже хорошо известно исследователям, а именно: общие этнокультурные параллели у чувашей и татар бесспорны в их языке и хозяйственных занятиях, а вот черты особенного чаще всего фиксируются в их традиционно-бытовой культуре, и обусловлено это главным образом религиозным различием обоих этносов. Однако и то правда, что казанские татары проявляли себя как сравнительно более инициативная этническая общность в сфере ремесел и промыслов. Касается это и такой отличительной черты татар, как их более активное, по сравнению с чувашами и другими нерусскими народами региона, участие в торгово-посреднической сфере, мелкооптовой торговле.

Явно выраженный характер такого направления занятий казанских татар (в отличие от соседей), скорее всего, объясняется тем, что, как подчеркивает исследователь болгарских памятников

Е.П. Казаков, по-видимому, в 60-е гг. X в. новая волна болгар пришла в Среднее Поволжье из «Черной Булгарии», Азово-Прикубанского региона гибнущей Хазарии. «Это было уже мусульманизированное население с глубокими ремесленными и земледельческими навыками. Они принесли с собой совершенно новые элементы культуры, которые отсутствовали у ранних болгар, но с VIII в. были присущи болгаро-салтовскому населению Подонья (прогрессивные земледельческие орудия: серпы, косы, лемеха, новые орудия металлообработки, керамики и т.д.). С этого времени культура волжских болгар приобретает те черты, которые характеризуют домонгольский период. Были, видимо, две волны такой миграции»⁵.

Возможно, именно традиции ремесленных занятий, принесенные мигрантами четвертого этапа переселений болгар из распадающейся Хазарии, который С.А. Плетнева и другие относят к началу и первой половине X в., задали тон ремесленному производству в Волжской Булгарии. Касается это прежде всего ювелирного искусства, выделки кожевенных изделий.

У чувашей и татар выразительно сохранилось общее в былом, исконно кочевническом, скотоводческом образе жизни и хозяйствования прежде всего их предков — болгар и кипчаков. Сходство особенно наблюдается в общих пережитках бывшего языческого прошлого (акатуй, сабантуй и т.п.). Это общее с татарами хорошо сохранилось у низовых чувашей, частично и у средненизовых. Особый интерес представляют совпадения древнейших обрядовых и мифологических мотивов, сохраняющихся в современных текстах, несмотря на переосмысление их тем, жанров, образов.

В целом, при сопоставлении традиционных культур чувашей и казанских татар обнаруживаются многочисленные этнокультурные параллели, аналогичные элементы и явления. Все это вместе с данными языка отчетливо подтверждает близкую генетическую и культурную общность двух тюркоязычных народов.

Причем проявление бывшего общего зачастую уже не всегда связано с реальными хозяйственными занятиями, оно «сидит» в языке обоих народов. Благодаря именно той роли, которую играл болгарский язык в качестве государственного, в ходе болгаро-финно-угорских ассимиляционных процессов уже на территории непосредственно Чувашского края предопределилось

соответствующее доминирование собственно болгарского компонента в закладывании основ чувашского этноса.

Говоря о генетических аспектах чувашско-татарских этнокультурных параллелей, нельзя упускать из виду такое исключительно важное обстоятельство, как прямое участие в формировании казанских татар болгаро-чувашского компонента, о чем уже написано достаточно. Основная часть приказанско-заказанского массива болгаро-чувашей, как и значительная их часть, расселенная на правобережье Волги, в Предволжье и Присвияжье, приняв ислам, отатарилась, что не могло не оставить глубокий след в комплексе традиционной культуры казанских татар. Именно наличием в культуре поволжских татар мощного болгаро-чувашского пласта и объясняется в значительной степени сходство, общность, близость двух народов. Отсюда становится очевидным, что не всегда можно и правомерно выводить те или иные элементы материальной и духовной культур поволжских татар только из культуры волжских болгар или же приписывать их бытованию и особенностям уникальный характер, свойственный только татарам. В целом, в культуре чувашей болгарские элементы прослеживаются отчетливо, и они, как указывает московский археолог Ю.А. Краснов, «не могут считаться результатом только культурного влияния со стороны Волжской Булгарии. Они органически сочетаются с местными элементами, не носят характера чисто внешних заимствований, прослеживаются во всех элементах культуры как в городе, так и в очень небольших сельских поселениях»⁶.

Исторически так сложилось, что основным этноразграничителем между татарами и чувашами-язычниками, а позже и крещеными чувашами, стало религиозное различие. Ислам способствовал складыванию у татар весьма выразительного этнокультурного облика, быта и традиций, которые в корне отличали их от соседей. Он сформировал особую психологию казанских татар, причем не столько этнически актуализированную, сколько во всех отношениях идейно фундированную на постулатах превосходства «правоверных» над приверженцами других религий, прежде всего, языческих. О глубине и силе идеологического воздействия ислама на самосознание формирующейся татарской нации говорит и тот факт, что в царской России переходившие в эту религию немалые группы чувашей

(язычников и православных) не просто считали себя мусульманами, а изо всех сил стремились стать этническими татарами, между тем как крещенные чуваша сохраняли этническую идентичность, язык и культуру⁷.

Причем такая религиозно-идеологическая установка, внедрявшаяся в обыденное сознание татар-мусульман столетиями, в историческом плане всегда имела социально-политическое основание, базирующееся на том факте, что в течение ряда веков татары были господствующей этнической общностью региона. Особый менталитет казанских татар сложился более структурированно уже в эпоху Казанского ханства, когда они имели политико-государственное и культурно-языковое превосходство над «язычествующими» чувашами и финно-угорскими народами региона. «Главы духовенства... стояли формально во главе государства... принимали активное участие в государственной деятельности»⁸. Следует отметить появление у татар в этот период чувства хозяина края, и неудивительно, что русские их прозвали «князьями»⁹.

А в эпоху царской России значение интегративной функции ислама как этноконфессиональной идеологии даже возросло. В этот период понятия «этническая принадлежность» и «религиозная принадлежность» воспринимались татарами как синонимы. Свое единство они мыслили, как и прежде, не только как религиозное, но и как социально-политическое¹⁰. Даже татарские большевики, несмотря на то, что их политические цели предполагали создание атеистического общества, воздерживались от критики ислама, заранее зная, что это приведет к полной потере и без того немногочисленных сторонников¹¹.

Как мне представляется, в обыденном сознании ряда современных татарских историков и этнографов влияние ислама находит свое проявление, хотя, скорее всего, они этого сами и не осознают, ибо процессы такого рода развиваются подспудно, на уровне подсознания. Проявляется нечто подобное нередко и у русских историков (в частности, хотя бы в связи с мифологизацией «особости и святости» православия), но не так выразительно, как у наших татарских коллег. Таким образом, смею полагать, что дискуссия в вопросе этногенеза казанских татар и чувашей в немалой степени искусственно отягощается и усложняется также и их религиозным различием: ну не может

иноверец быть равным правомерному мусульманину и иметь с ним что-либо общее по происхождению!

Первое, на что хотел бы еще раз обратить внимание, это то, что даже беглый анализ работ, опубликованных в последние три десятилетия XX в. по вопросу этнической истории чувашей и казанских татар, дает все основания утверждать, что принципиальной ошибкой, допускаемой некоторыми авторами зачастую сознательно, является абсолютизация нынешних административных границ Татарстана и Чувашии, искусственное перенесение их координат на Средневолжский регион тысячелетней давности. Иначе говоря, история и этническая территория волжско-камских булгар почти «втискивается» в пределы только территории современного Татарстана, ставшей своеобразным прокрустовым ложем всего, что имеет отношение к Волжской Булгарии. Отталкиваясь уже от современных политико-административных реалий (границ республик и областей, специфики форм национальной государственности и т.п.), делаются попытки пределы территории обитания булгар зафиксировать лишь по линии западных границ Татарстана. При этом, что показательно, указанные попытки и сопровождающие их дискуссии имеют место быть почти только в отношении западных границ Волжской Булгарии, в то время как касательно северных и в особенности восточных и южных ее рубежей, как ни странно, споров не возникает.

Примечательно, что произвольно устанавливая западные границы волжско-булгарской историко-культурной цивилизации практически лишь по линии границ современных территорий Татарстана и Чувашии, некоторые исследователи не берут в расчет даже тот факт, что основная часть Чувашского края (северо-запад, центр, север, северо-восток и юго-восток) вплоть до р. Сура входила последовательно не только в Волжскую Булгарию, Булгарский улус Золотой Орды, но и в Казанское ханство, а после его падения — в Казанскую губернию. «В состав Казанского ханства, образовавшегося после распада Золотой Орды в 40-х годах XIV века, входила вся территория Чувашии. Немецкий путешественник XVII века Адам Олеарий писал, что река Сура некогда отделяла казанские владения от русских»¹². Однако, несмотря на очевидность исторических реалий, в публикациях ряда казанских авторов по сегодняшний день продол-

жает проскальзывать в той или иной форме концепция, заложенная еще в 1980-х А.Х. Халиковым: «К западу и северу от территории ранней Булгарии находились земли, в основном занятые проточуващами и финноязычным населением. Так, в Среднем Посурье и далее на запад в Сурско-Волжско-Окском междуречье сидела мордва. С ней довольно тесно контактировали буртасы. К сожалению, до сих пор не установлен характер культуры населения современной территории Чувашии — к западу от р. Свияга, то есть к западу и северо-западу от земель болгарских эсегель. Скорее всего, здесь — в бассейне р. Цивиль и нижнего течения р. Сура — располагались отороченные еще в начале н.э. финно-угорские предки чувашей. Но эти районы не входили в состав основной территории Булгарии, о чем свидетельствует отсутствие здесь как ранних, так и поздних типично болгарских памятников»¹³. Вот с такого рода формулировками и происходит игнорирование того очевидного для большинства исследователей факта, что на протяжении более чем тысячелетия основным населением Булгарии и возникших в последующем на ее территории Казанского ханства и Казанской губернии являлись булгаро-сувары и их потомки — чувашаи и казанские татары. Иначе говоря, территории современных Чувашии и Татарстана, вместе взятые, составляют и для чувашей, и для поволжских татар не просто общий историко-культурный и географический ареал, но и то, что обычно называется землей предков, общей родиной. Невольно возникает впечатление, что это весьма напоминает что-то похожее на так называемый «косовский синдром». Как известно, историческая область Косово на Балканах в VIII—XII вв. являлась центром этнокультурного зарождения и формирования сербского народа. До XVII в. большинство населения составляли сербы. Вследствие австро-турецких войн XVI—XVIII вв., когда турки закрепились здесь, началось выдавливание сербов. Опустевшее Косово начали заселять албанские переселенцы. Но о нынешней этнической ситуации в Косове известно всем.

Сегодня мало кем оспаривается, что вследствие сложных драматических, а то и трагических событий XIII—XIV вв. часть потомков булгаро-чувашей оказалась на правобережье Волги и в ходе ассимиляционного давления на местное финно-угорское население в лице прежде всего горных марийцев (север совре-

менной Чувашии) и мордвы (среднее и нижнее Присурье) она переформатировалась в новый этнос — чувашаи. В итоге «земля предков» (Закамье, Предволжье) оказалась потерянной, на ней обосновалась пришлая, цивилизационно в значительной степени другая культура. Примерно то же самое имело место, когда в Египет пришли арабы и в конечном итоге древнюю египетскую культуру (пирамиды, Сфинкс и др.) «присвоили», хотя ее тысячелетиями до их появления создавала цивилизационно совершенно другая этносоциальная общность. Таким образом, в результате драматических военно-политических событий XIII—XIV вв., а также последовавших за ними процессов, приведших к образованию на болгарских землях Казанского ханства, сложилась та этногеографическая конфигурация древних и средневековых этнических общностей региона, которую мы сегодня имеем.

За более чем вековой период существования Казанского ханства (сер. XV — сер. XVI в.) татары, в отличие от чувашей и финно-угров региона, на столетия вперед получили не только колоссальный социально-психологический заряд для ускоренной консолидации в достаточно сплоченную этническую общность, но и, по сути, раньше, чем другие народы Среднего Поволжья и Приуралья, сформировались в нацию¹⁴. Следует еще раз подчеркнуть, что в этом процессе нациообразования значимую роль сыграли три главных историко-культурных фактора — эпоха Улуса Джучи или Золотой Орды, период Казанского ханства и ислам как этноинтегрирующая идеология.

Понятно, что у части тех болгар, что продолжали оставаться в язычестве и при этом официально (в исторических источниках) имевшие в ханстве статус как народ подчиненный, формирование этнического менталитета шло по другим законам. Этим и были обусловлены у чувашей низкий уровень конкурентоспособности, надежда только на «нине» — этноконфессиональный коллективизм. Чувашские селения во множественном числе именно в эпоху Казанского ханства были официально названы по именам владевших ими татарских биев/биков, тарханов¹⁵. Впрочем, для примера, подобное наблюдалось и в Чехии, где немцы были хозяевами, в конечном итоге все немецкое стало «правильным» и это вьелось «в кровь» чехам. Так, собственно, произошло и в Прибалтике, и в ряде других регионов Европы.

Наши татарские коллеги-историки «цепляются» за болгарские археологические памятники: мол, абсолютное их большинство находится на территории Татарстана, и лишь самая малость — в восточных районах Чувашии. Попытки обосновать тезис об отсутствии прямых этногенетических связей болгар с чувашами только лишь на основании географического (а теперь и политико-административного) расположения археологических памятников имеют ненаучный характер. В древности, как и в Средневековье, этнические группы в силу самых разных причин мигрировали, причем нередко на огромные расстояния, оставляя на территориях прежнего обитания свои захоронения, артефакты жизнедеятельности, а затем на эти земли приходили другие общности, зачастую совершенно другого происхождения и, соответственно, кардинально другой культуры. Культурные горизонты разного происхождения наслаивались друг на друга. И потому судить об истории и культуре той этнической общности, что осела уже последней на данной территории, только лишь исходя из культурного слоя, оставленного предыдущими насельниками, совершенно неприемлемо. Это, как уже отмечалось, было бы примерно то же самое, если бы мы современное арабское население Египта воспринимали как прямых потомков древних египтян, оставивших после себя пирамиды и другие величественные памятники.

Археологические памятники болгарских предков чувашей находятся в Закамье. А те, что выявлены в восточных районах Чувашии, имеют отношение к сравнительно поздним периодам истории, когда болгаро-чувашаи начали активно осваивать правобережье Волги. Казанский археолог Ф.Ш. Хузин пишет: «...при изучении этногенеза чувашей с привлечением археологических источников важнейшей задачей является, на наш взгляд, правильная датировка и этническая атрибуция тех памятников, в первую очередь поселений и могильников, которые располагаются на территории их компактного проживания — правобережной части Среднего Поволжья между реками Сурой и Свиягой»¹⁶. Таким образом, прямо указывается, что этногенетические истоки чувашей следует искать лишь в пределах территории современной Чувашии. При этом болгарская атрибуция выявленных на территории Чувашии памятников вызывает у части археологов, как отмечает Ф.Ш. Хузин, недоверие¹⁷. Он подчер-

кивает: «...следует в первую очередь признать тот неопровержимый факт, что памятники ранних булгар VIII—IX вв. и даже начала X в. на территории Чувашии полностью отсутствуют»¹⁸. Скорее всего, именно так и обстоит дело. Еще В.Ф. Каховский отмечал, что булгары в указанное время проникали на территорию современной Чувашии небольшими группами и то кратко, временно, и устраивались здесь временно, охотничьими факториями¹⁹.

В публикациях казанских коллег в качестве доказательств отсутствия булгарских атрибуций и, соответственно, неучастия булгарского компонента в формировании чувашского этноса приводятся данные исследований Большеангильдинского, а также близких им по материалам I и II Яндашевских, Нимичкасинского, Убеевского, Янмурзинского («Пăлаху»), Таутовского и некоторых других селищ, выявленных в северной части Чувашии — в Чебоксарском, Красноармейском и Аликовском районах. К примеру, Ф.Ш. Хузин указывает (со ссылками на Р.Г. Фахрутдинова и Т.А. Хлебникову) на очень слабую (5,2 %) представленность булгарской атрибутики в Большеангильдинском селище²⁰. «Таким образом, — заключает он, — на основе имеющихся на сегодняшний день достоверных источников начало проникновения булгарского населения в финно-угорскую среду центральных и северных районов Чувашии мы можем уверенно относить ко времени около XIII в.» «Более ранняя дата очень спорна», — резюмировал свои наблюдения по данной проблеме известный московский археолог Ю.А. Краснов, хорошо знавший материалы средневековых памятников региона²¹. А дело в том, что северо-западные и северные районы Чувашии, действительно, ко времени первоначальной летописи уже заняли марийцы, продвигаясь с Окско-Сурского междуречья. «На восток марийцы расселялись по обоим ее берегам, но основной массой — по правобережью, достигнув берегов р. Свияги, — указывают марийские исследователи. — О проживании марийцев по правобережью Волги в период Средневековья среди мордвы и булгаро-чувашского населения известно по топонимическим, историческим, этнографическим и фольклорным исследованиям»²².

Вероятнее всего, именно в начале монголо-кыпчакско-татарской эпохи и началось сравнительно массовое переселение «р»-язычных булгарских племен на чувашское правобережье

Волги. По данным марийских археологов (Т.Б. Никитиной и др.), в XIII—XIV вв. в связи с нашествием монголо-татар и разгромом Волжской Булгарии «происходило массовое передвижение бунтарского населения в лесные районы правобережья и левобережья Волги, что вызвало в свою очередь перемещение части марийцев из правобережья Волги на левый берег, из Приказанья — в глубь междуречья Вятки и Волги»²³. При этом очевидно, что расселившись в восточных и северных районах современной Чувашии, уже обжитых горными марийцами, прибывающие сюда группы булгар достаточно активно вовлекались в ассимиляционные процессы, что отразилось соответствующим образом и в атрибуции археологических памятников, то есть в факте превалирования артефактов финно-угорского происхождения. В этой связи весьма красноречивым выглядит вывод Ф.Ш. Хузина о том, что, как ему «кажется» (его слова), при изучении чувашского этногенеза первостепенное внимание следует уделять все же памятникам Большеангильдинского типа, в керамическом комплексе которых преобладает не булгарская, а местная, так называемая «славяноидная» керамика (по терминологии Т.А. Хлебниковой), характерная для материальной культуры поволжских финнов, прежде всего, древних марийцев²⁴.

И еще. На мой взгляд, в работах, так или иначе затрагивающих вопрос этногенеза чувашей, последовательно упускается (скорее, даже неосознанно) один весьма немаловажный аспект, связанный с миграцией булгаро-суварских племен с юга в регион Волго-Камья. Как известно, согласно мнению С.А. Плетневой, были четыре волны переселений булгар на Среднюю Волгу²⁵. Не вдаваясь в их причины, хотел бы обратить внимание на научно подтвержденные маршруты миграций. Первая волна имела место во второй половине VII — первой половине VIII в. Интересно отметить, что булгары этого времени оставили свои памятники именно на правобережье Волги — на территории Самарско-Ульяновского Поволжья²⁶. Вторая миграционная волна булгар из районов Подонья в Среднее Поволжье имела место в середине VIII — первой половине IX в. Их памятники представлены могильниками, расположенными как на левом, так и на правом побережье Волги, на территории современных Татарстана, Ульяновской и Самарской областей²⁷. Третья волна переселений булгар с территории Хазарского каганата произошла

во второй половине IX в. Примечательно, что эталонными памятниками булгар этого времени принято считать в том числе и могильники, расположенные на правобережье Волги (Тетюшский и др.)²⁸. Последнее, четвертое переселение булгар на Среднюю Волгу состоялось в конце IX — начале X в. Опять-таки интересные материалы выявлены на правобережье Волги, в частности, на Шиловском курганном могильнике VII в.

Таким образом, переселение булгар из южных регионов в Среднее Поволжье происходило по территории обоих побережий Волги. Отсюда возникает вопрос: почему всерьез не рассматривается предположение о возможности оседания на правобережье Волги каких-то групп булгар, что мигрировали с юга на север по его территории? На это указывает, к примеру, и Тетюшский могильник. Иначе говоря, основой чувашей могло послужить то булгарское население, которое, возможно, осело относительно немногочисленными массивами на правобережье Волги и со временем расселялось вширь, а впоследствии, что естественно, частью вступило в ассимиляционное взаимодействие с горными марийцами и заложило основу для формирования этнографической группы верховых чувашей (*вирьял*). Возможно, по этой причине эта группа булгар и не подверглась влиянию ислама и сумела сохранить исконный «р»-язык? А позднее (XIII—XIV вв.) мигранты с левобережья Волги уже привнесли на правобережье элементы исламской религии и татарского языка, что и получило отражение в специфике «языческой» культуры чувашей. Венгерский ученый Д. Месарош, приезжавший в начале XX в. в чувашские уезды Поволжья с целью изучить религию и фольклор чувашей, в изданной в Будапеште в 1909 г. объемистой книге «Памятники старой чувашской веры» писал, что не только исламская, персидско-арабская терминология религии чувашей, но и многое из ее обрядов, сущность всей чувашской мифологии, раскрытая в его книге, все проведенные им «исследования языческой веры чувашей показывают, что большая часть народа когда-то была мусульманами, но в результате позднейшей неблагоприятной политической ситуации связь между ними и мусульманским миром прекратилась, и в душе народа неукоренившийся ислам слился с еще не совсем забытым язычеством. Из этих двух элементов создались сегодняшние религиозные верования чувашей».

шей, в которых местами еще чувствуется и русское христианское влияние»²⁹.

Период XIV—XV вв. оказался для чувашей «сумеречным». Вместе с тем это время кристаллизации их основных специфических показателей, формирования их в некую отдельную этническую единицу из массивов отброшенного от уже исламизированного населения. Причем данный процесс происходил на разных «площадках» — в Заказанье и Приказанье, но главным образом — на Правобережье. Этот не принявший ислам этнический массив, смешанный с финно-уграми, блуждал в поисках новых, особых опорных культурных основ. Это и есть так называемая «темная» эпоха в истории чувашского народа. И главное, по данному времени нет почти никаких свидетельств о характере тех процессов, что имели место в основных зонах расселения формирующегося этноса.

Собственно говоря, если взять русский этнос, то в научном плане процесс его формирования, начавшийся еще в эпоху раздробленных и расселенных довольно дисперсно восточнославянских племен (дреговичей, полян, вятичей и др.) и продолжавшийся вплоть до появления первых русских княжеств, тоже остается не проясненным в достаточной мере. Не зря же ведутся бесконечные дискуссии на тему, какие этнические компоненты — собственно славяне, финно-угры, а то и татары — и в каких пропорциях составили основу русских как этнической общности.

Теперь по поводу некоторых новых предположений наших казанских коллег относительно этногенеза чувашей. Складывается впечатление, что они строятся исходя из неких установок любой ценой найти небулгарские корни происхождения чувашей. Раньше активно обсуждались тезисы о чувашах как о потомках отюреченных марийцев или добулгарских тюрков. Наконец, нашли акациров. Красиво, ибо это племя гуннское. Объясняют, связывая с булгарским «р»-язычием чувашей, что они, акациры, вскоре после гибели вождя гуннов Атиллы (в 453 г. его «держава» распалась, а восставшие народы нанесли поражение гуннам в битве при Недао — 454 г.) вынуждены были отступить в Поволжье, где их поглотила новая сила — булгары. Возможно, как утверждают некоторые авторы, «именно в это время, или даже несколько ранее одна из групп огуру-тюркских племен (носителей особенностей *р*-языка), разбитая в сте-

пи, отступила в леса Окско-Свияжского междуречья, дав начало формированию современных чувашей, и даже, возможно, в Верхнее Прикамье, где зафиксированы заимствования из тюркского *p*-языка в финно-пермские языки»³⁰. Однако при этом данная гипотеза ее авторами совершенно никак не обосновывается — она все еще остается лишь предположением.

Развертывающаяся данной гипотезой историческая картина поражает воображение: акациры выдвигаются из южных регионов междуречья Дона и Днепра, продвигаются в северо-восточном направлении через обширные территории, населенные разными, частью до сих пор четко не установленными этническими группами, входят в район обширных лесных массивов и речных систем на мордовских, Волго-Окских землях, проходят через таежные лесные зоны юга и юго-запада современной Чувашии и, в конечном итоге, оседают в ее северных лесных районах. Ф.Ш. Хузин пишет, что ранние булгары, оставившие на территории Татарстана такие классические памятники, как Большетарханский и Танкеевский могильники, практически до X в. сохраняли в своем быту значительные пережитки кочевничества; испокон веков обитали они в степных и лесостепных просторах и дальше на север, в зону лесов, не проникали. В далеком прошлом территория Чувашии «почти целиком была покрыта лесами. Только на юго-востоке, между реками Кубней и Карлой, вклинивался участок древней лесостепи с черноземными почвами, представляющий собой продолжение такого же участка по среднему течению Свияги (Буинские степи)»³¹. И сегодня лесные массивы занимают треть территории республики.

Как могли акациры-степняки отважиться целенаправленно на подобный поход? Причем рассматриваемое предполагаемое событие не зафиксировано ни в одном источнике. Выходит, что именно акациры оказались ближе всех к современной территории Чувашии, да еще при этом никак не верифицируется версия, что акациры были земледельцами (отсюда, мол, и сравнительно развитая земледельческая культура у их потомков — чувашей). Тогда возникает закономерный вопрос относительно столь странной и активной миграции земледельческого народа именно на север, в лесные регионы Среднего Поволжья, где земледелие в те эпохи требовало невероятных усилий (кор-

чевка леса и т.д.). Единственное, что связывало акациров и предков чувашей — «р»-язык, вот и все. Возможно, потому и связывало, что древние предки чувашей — приазовские болгары — обитали на юге в составе гуннского объединения, в котором состояли и «р»-язычные акациры. Таким вот образом авторы названной гипотезы невольно подтверждают происхождение чувашей от приазовских болгар.

Впрочем, в вопросе об акацирских корнях чувашей есть еще один интересный аспект. Если бы это были акациры, то есть племена Гуннского союза и, конечно, изначально весьма агрессивные в связи с постоянным участием в военных действиях и имевшие опыт и желание во что бы то ни стало (по крайней мере, по привычке) завоевывать на новых землях свое господство, то ведь этого не произошло! Нет никаких следов появления акациров в Среднем Поволжье.

Поэтому еще и еще раз возникает вопрос: как же акациры оказались именно в северных районах современной Чувашии? Они были степняками, кочевниками, и никак не смогли бы пройти через территорию даже лесостепных земель современной Мордовии. Алатырские и присурские лесные таежные массивы тоже являлись непреодолимой преградой для кочевников. Известно, что уже в эпоху Золотой Орды и последующие периоды никакие отряды степных орд не могли проникнуть даже до территории по линии Комсомольское—Янтиково современной Чувашии. Здесь были сплошные лесные массивы, валежник создавал естественную преграду набегам с юга. Зачем, спрашивается, акацирам-степнякам нужно было обязательно прорываться в северные районы современной Чувашии? Чтобы заложить основу будущего чувашского этноса, «отличного от булгарского»?

Как известно, до начала XVI в. чувашаи не упоминаются ни в одном источнике. Значит, вплоть до этого времени шло формирование этноса, в том числе и в ходе ассимиляционных процессов. Интересно, однако, отметить, что нет никаких исторических свидетельств относительно того, насколько численно значим был тот массив булгар-мигрантов на северо-востоке Чувашии, что вступил в процессы миксации с финно-уграми. Судя по тому, что в конечном итоге здесь взял «верх» булгарский язык, собственно булгар здесь было более чем достаточно, чтобы играть доминирующую роль в ассимиляционных процессах.

В начале XII в. русский летописный свод перечисляет «*инии языци, иже дань даютъ Руси: Чюдъ, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордѡва, Пермь, Печера, Емь, Литва, Земгола, Корсь, Норома, Либь*»³². Как видно, к указанному времени среди народов Поволжья уже утвердились черемисы (марийцы) и впервые присутствует «пермь». Из народов, населявших в более поздний период северную периферию Волжской Булгарии, в названных источниках отсутствует пока прямое упоминание только чувашей и удмуртов. Такому странному отсутствию сведений о двух крупных народах края, как подчеркивает В.В. Напольских, может быть предложено объяснение социально-политического порядка, однако и они могут быть, хотя бы предположительно, обнаружены в источниках³³. Далее указанный автор пишет, что предки чувашей впервые упоминаются, по-видимому, только в русском источнике начала XIII в. — в «Слове о погибели земли Русской»: «*Буртаси, Черемиси, Веда и Морѡдва бортѣничаху на великого князя Володимера*». Название «Веда» «Слова о погибели...» представляет собой заимствованное в древнерусский язык мордовское название чувашей *vet'ke* (основа *ved'* — ср. *ved'eń* «чувашский»). По его же мнению, этимология этого названия неясна: предполагаемая Н.Ф. Мокшиным связь его с названием территориальной группы удмуртов «Ватка» невозможна, поскольку последнее заимствовано из русского «Вятка» и называть себя так чепецкие удмурты стали, безусловно, гораздо позднее времени фиксации мордовского названия чувашей в «Слове о погибели...»³⁴.

По поводу мордовского термина «ветке», фиксация которого относится к XIII в.³⁵, можно предположить, что его происхождение связано с тогдашним названием г. Чебоксары — «*Вѣта Сѣвар*» (Средний Сувар), зафиксированным на картах. Предположение же В.В. Напольских о возможности происхождения древнего мордовского названия чувашей от мордовского *ved-* «вода» (то есть «поречане, народ, живущий у реки»), крайне сомнительно. Если исходить из этого, тогда все этносы, которые жили у воды (булгар и прежде всего марийцев, да саму мордву, расселенную по берегам Оки и Мокши), последние называли бы «ветке». К тому же в XIII в. переселявшиеся на территорию северо-восточной Чувашии группы булгаро-чувашей, вступившие в процесс ассимиляции с местными горными марийцами, вряд ли

еще успели выделиться в отдельный этнос, который стал известен в таком качестве мордве. Впрочем, поиски корней мордовского названия древних чувашей необходимо продолжить, ибо имеющиеся в литературе толкования пока вызывают много вопросов.

Таким образом, можно констатировать, что к концу болгарской эпохи, в XIII в., в Среднем Поволжье и Предуралье уже в том или ином виде присутствовали все местные финно-угорские народы и чуваши. По всей вероятности, именно существование в регионе мощного государственного образования, его экономическое, политическое и культурное влияние сыграли решающую роль в оформлении этнической карты данного края³⁶. Естественно, во взаимоотношениях с «метрополией», то есть центральной властью Волжской Булгарии, болгаро-чуваша, расселенные на правобережье Волги, уже в силу осознания своего этногенетического родства, играли роль союзников. Между тем как марийцы и мордва, по-видимому, чаще занимали позицию противостояния, скорее всего, именно процессу активного расселения на их исконных землях, в том числе и в северной Чувашии, болгарских пришельцев.

По мнению В.В. Напольских, правобережье же Волги (современная Чувашия) подвергалось более интенсивной болгаризации, ибо оно являлось буферной зоной между Русью и Булгарией и представляло к тому же большую ценность как сельскохозяйственный регион³⁷. «Видимо, в этих различиях, а также, возможно, в остающихся нам неизвестными особенностях политики местной племенной верхушки и лежит причина расхождения путей этноязыкового развития предков марийцев и чувашей в болгарскую эпоху. Сложение обоих этих народов на каких-то общих основах не подлежит сомнению. И наконец, примечательно то, что само горномарийское название чувашей *suasla marə* букв. “татарский мариец”... Позиция племенной верхушки мордвы в ситуации складывающегося противостояния Руси и Булгарии была, видимо, в некоторой части близка марийской»³⁸.

Главный вопрос в том, почему у чувашей, несмотря на то, что они представляют плод тюркско-финно-угорской ассимиляции, болгарский язык закрепился и сохранился прочно и не поддавался влиянию финно-угорской языковой культуры? Наоборот, как известно, в чувашском языке совершенно нич-

тожным оказалось число марийских заимствований. Вывод может быть только один: значит, тот массив булгар, что участвовал в этногенезе чувашей, был, во-первых, количественно достаточно внушительным и, во-вторых, продолжал устойчиво сохранять в закоулках массового сознания свою культурно-языковую преемственность от болгарских предков.

Литература и источники

¹ *Иванов В.П.* К вопросу о чувашско-татарских этнокультурных параллелях (необходимые интерпретации некоторых фактов, приведенных в книге «Татары Среднего Поволжья и Приуралья») // *Болгары и чувашки*. Чебоксары: Чуваш. НИИ, 1984. С. 103—120.

² *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. С. 174.

³ *Мухаммадеев А.Р.* Право Волжской Болгарии. Ч. 1. Преступления и наказания, правосудие. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2013. С. 8.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ *Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны в IX—XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. С. 98.

⁶ *Краснов Ю.А.* Проблемы происхождения чувашского народа в свете археологических данных // *Советская археология*. 1974. № 3. С. 123.

⁷ *Кобзев А.В.* Татары и чувашки на перекрестке вер: тюркоязычно-христианское пограничье в Симбирской губернии во второй половине XIX — начале XX века. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 142—149.

⁸ *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. С. 196.

⁹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Рус. яз. — Медиа, 1989. Т. 2. С. 126.

¹⁰ Татары. М.: Наука, 2001. С. 429.

¹¹ Там же. С. 434.

¹² *Каховский В.Ф.* Новые археологические памятники Чувашского Присурья // *Исследования по археологии Чувашии*. Чебоксары: ЧНИИ, 1978. С. 317. (Труды ЧНИИ; вып. 80).

¹³ *Халиков А.Х.* Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. С. 85.

¹⁴ *Исхаков Д.М.* Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань: Мастер Лайн, 1997. С. 67—85.

¹⁵ *Хамидуллин Б.Л.* Указ. соч. С. 175—176.

¹⁶ *Хузин Ф.Ш.* О некоторых проблемах болгарской археологии в аспекте этногенеза чувашского народа // *Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие: материалы научного семинара* (Чебоксары, 13 апреля 2011 г.) / сост. и науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 37. (Тюркские племена и государства Евразии в древности и в Средние века; вып. 1).

- ¹⁷ Там же. С. 37—45.
- ¹⁸ Там же. С. 38.
- ¹⁹ *Каховский В.Ф.* Указ. соч. С. 17.
- ²⁰ *Хузин Ф.Ш.* Указ. соч. С. 39.
- ²¹ Там же. С. 41; *Краснов Ю.А.* Указ. соч. С. 120.
- ²² Марийцы: историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. С. 47.
- ²³ Там же. С. 50.
- ²⁴ *Хузин Ф.Ш.* Указ. соч. С. 42.
- ²⁵ *Плетнева С.А.* Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. Казань: Ин-т истории АН РТ, 1997. № 1. С. 46.
- ²⁶ История татар с древнейших времен. В 7 т. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: РухИЛ, 2006. С. 116.
- ²⁷ Там же. С. 119.
- ²⁸ Там же. С. 121.
- ²⁹ *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры / перев. с венг. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 20.
- ³⁰ История татар с древнейших времен... С. 622.
- ³¹ Чувашы: этнографическое исследование. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956. Ч. 1. С. 67; *Хузин Ф.Ш.* Указ. соч. С. 38.
- ³² История татар с древнейших времен... С. 101.
- ³³ Там же. С. 102.
- ³⁴ Там же. С. 102—103; См. также: *Мошкин Н.Ф.* Тайны мордовских имен: Исторический ономастикон мордовского народа. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. С. 33, 34.
- ³⁵ *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2004. С. 75.
- ³⁶ История татар с древнейших времен... С. 103.
- ³⁷ Там же. С. 107.
- ³⁸ Там же.

**ПРОБЛЕМА «ЯСАЧНЫХ ЧУВАШЕЙ»
КАК ОТРАЖЕНИЕ МНОГОВЕКТОРНОСТИ
БУЛГАРО-ЧУВАШСКОЙ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОЙ
ПРЕЕМСТВЕННОСТИ**

В обширной тематике этнической истории чувашей все еще остается не проясненным целый ряд весьма значимых проблем. Одна из них — это вопрос о так называемых приказанско-казанских чувашах, точнее — о «ясачных чувашах». Следует отметить, что, хотя, казалось бы, материалов об этой «загадочной» по происхождению общности немало, но они таковы, что допускают неоднозначные трактовки. Как известно, дискуссия идет в основном о том, кем были «ясачные чуваша» — собственно этническими же чувашами или же одной из сословных групп казанских татар?

Исследователь истории Поволжья Г.И. Перетяткович приводит сведения о чувашском населении в левобережье Волги еще до взятия Казани (до 1552 г.)¹. Об арских и левобережных чувашах первой половины XVI в. не раз упоминается в русских летописях. Согласно данным писцовых книг Казанского уезда 1556—1558 гг. и 1602—1603 гг., а также другим источникам, во второй половине XVI — первой половине XVII вв. в Галицкой, Алацкой, Чувашской (Зюрейской), Арской и Ногайской «дорогах» (прежние даруги) огромного по площади Казанского уезда известно не менее 200 чувашских селений². Документы второй половины XVI—XVII вв. левобережных чувашей называют «ясачными чувашами», наряду с терминами «ясачные черемисы», «ясачные вотяки». Писцовая книга Казани 1565—1568 гг. в Казани фиксирует 150 дворов торговцев — татар и неясачных чувашей³.

По источникам XVI в. можно установить, что Казанское ханство делилось на Горную, Луговую, Арскую, Побережную стороны⁴.

Горная сторона — правобережье Волги — была населена чувашами, горными марийцами и в небольшом количестве восточной мордвой. В междуречье нижней Свияги и Волги начали

оседать служилые татары. По документам XVI—XVII вв. определяется, что во времена Казанского ханства на Горной стороне имелось более 300 чувашских материнских деревень.

На **Луговой стороне** обитали луговые марийцы, левобережные чувашы, татары. Сюда относились Галицкая (Западный угол) и Алатская даруги (от Казани на север, северо-запад, северо-восток).

Арская сторона — районы значительно северо-восточнее Казани, южная часть Удмуртии — населена марийцами, удмуртами, арскими чувашами, татарами, значительным количеством остяков. Сюда относилась Арская даруга.

Побережную сторону, составлявшую широкую полосу на правобережье нижней Камы от ее изгиба и до Волги (а с левобережья нижней Камы начиналось «дикое поле») населяли казанские чувашы, марийцы и татары; возможно, сюда относилась часть кочевьев башкир. На Побережной стороне размещались Ногайская (правобережье Нижней Камы) и Чувашская (от Казани на восток до Камы) даруги.

Чувашскую даругу следует рассматривать как отдельную административную единицу, однако она так называлась только до XVII в., а с этого времени известна как «Зюрейская». Как утверждает Г.Ф. Саттаров, название «Чувашская», «вероятно, является первичным, связанным с проживанием в средние века во многих населенных пунктах Заказанья, расположенных вдоль этой дороги, булгаров-суас (то есть волжско-камских булгаров)»⁵.

Регион, расположенный к северу от Камы, составляет Предкамье. Западное Предкамье (часть Предкамья в междуречье Волги и Вятки) являлось самым густонаселенным районом Казанского ханства, его историческим центром и местом формирования этноса казанских татар. Восточное Предкамье составляла территория к востоку от р. Вятка.

В «Приложениях» своей последней книги «Чувашский народ в составе Казанского ханства» В.Д. Дмитриев приводит список чувашских селений левобережья бывшего Казанского ханства⁶. В неполный список по «Писцовому описанию Казани и Казанского уезда 1565—1568 годов» вошли более 250 таких селений; по данным писцовой книги Казанского уезда 1602—1603 гг., по Ногайской даруге числилось 26 деревень, по Чувашской — 31, по Арской — 44, по Галицкой и Алатской даругам — 44.

По сведениям отказных, отводных, отдельных, дозорных и межевых книг Казанского уезда 1642—1646 гг. зафиксированы как чувашские 74 селения. По данным переписной книги Казанского уезда 1678 г. список чувашских деревень состоит из 58 названий.

Интересно отметить, что, казалось бы, в самом центре этнической территории казанских татар — Казанском уезде — на начало XVII в. чувашей было намного больше, чем татар: здесь, согласно писцовой книге 1602—1603 гг., насчитывалось 802 двора ясачных чувашей и 228 служилых татар⁷. При этом следует иметь в виду, что во второй половине XVI — XVII в. служилые чуваша нередко именовались служилыми татарами по традиции, оставшейся от Казанского ханства, где служилые люди считались татарами. Однако Е.И. Чернышев, И.П. Ермолаев и Д.М. Исаков «ясачных чувашей» признают скорее за татар, чем этнических чувашей⁸. По мнению Д.М. Исакова, в XVI — начале XVII в. татарский этнос состоял из двух этнословных страт: правящего феодального сословия «татар» и феодально-зависимого ясачного населения — «чувашей»⁹. Впрочем, аргументы приводятся неубедительные. Хотя при этом и отмечается, что «есть основания полагать, что называвшиеся «татарами» социальные верхи являлись представителями тюркских групп с клановым делением золотоордынского происхождения. «Ясачные чуваша» же, скорее всего, имели болгарские этнические истоки»¹⁰. При этом Д.М. Исаков сам же отмечает, что «болгарский этнический компонент формирующейся этнической общности казанских татар к середине XVII в. был в 4—5 раз многочисленнее «татарского» компонента последних»¹¹. Мы же считаем, что более обоснованна точка зрения Г.Ф. Саттарова: «ясачными чувашами» в Казанском уезде в XVI — середине XVII в. назывались те группы болгарского населения, в языке которых кыпчакские элементы не одержали окончательной победы, и «булгары с родным болгарским языком (чувашского типа) не должны были исчезнуть и потерять свой родной язык в период между XIII и XVI вв.»¹². Об этом, продолжает исследователь, может свидетельствовать расшифровка названий многих деревень центральной части Казанского уезда — Заказанья, которые, как подтвердило исследование М.И. Скворцова, этимологизируются на основе чувашского языка¹³.

Можно уверенно сказать, что в татарах Приказанья и Заказанья следует видеть население, генетически связанное с болгарской народностью, но подвергнувшееся в последующий период (до конца XVII в.) отатариванию. Р.Н. Степанов данные группы населения называет «лутовыми чувашами»¹⁴.

Ижевскими историками была высказана еще одна гипотеза о том, что под «чувашой» Арской даруги имеются в виду какие-то группы южноудмуртского населения, в определенной мере тюркизировавшиеся еще в составе Волжской Булгарии. «В этническом оформлении бесермян не исключено участие и какой-то тюркской группы, родственной позднейшим чувашам (не отсюда ли столь многочисленные параллели в костюмных комплексах бесермян и чувашей, а также факт смешения в источниках этнонимов «чуваша», «бесермяне»); после разгрома Волжской Булгарии часть «чувашей Арских» оказалась на Вятке, и здесь окончательно сформировалась та этническая группа удмуртов, которая впоследствии стала называться бесермянами»¹⁵. Очевидно, татаризация «чувашей Арских», оставшихся в Прикамье в окружении тюркского населения, продолжалась ускоренными темпами и завершилась уже в составе Русского государства, в результате эта группа населения, как справедливо полагают Р.Н. Степанов, М.В. Гришкина и В.Е. Владыкин,полнила собой ряды ясачных татар.

Действительно, «Арские (вятские) чуваше» упоминаются в целом ряде источников, относящихся ко времени как до завоевания Казанского ханства, так и второй половины XVI в.¹⁶ Окончательное присоединение Вятки к Московскому государству произошло в 1489 г. С этого времени и фиксируются здесь «чувашане».

Булгары, расселившиеся в бассейне реки Чепцы — притока Камы, были известны здесь под названием «чуваше» еще в самом начале XVI в. Первый документ, называющий переселившихся на Чепцу (Северная Удмуртия) «булгаро-чувашами», относится к 1510 г. Он выявлен и опубликован М.В. Гришкиной¹⁷. Данная группа булгар — предков бесермян — долгое время фигурировала под именем «причепецких чувашей». Поэтому письменные источники часто смешивали этнонимы «чуваше» и «бесермяне»¹⁸. Как отмечает Д.М. Исхаков, «с начала XVII в. вместо “чувашей арских” и “арских татар” мы видим уже “бесермян”,

иногда не совсем последовательно, ибо понятие “чуваши” еще сохраняется, особенно на территории “вверх Чепцы”. Затем в Карино исчезают и удмурты (отяки), остаются одни “бесермяне”. В районе верховьев р. Чепцы удмурты сохраняются, а вместо “чуваши” закрепляется термин “бесермяне”»¹⁹.

В грамоте московского великого князя Василия III наместнику г. Слободского Г.Ф. Мансурову от 29 июня 1522 г. указывается, что в городе и уезде живут, наряду с русскими, каринские князья, чуваши и вотяки (удмурты). В других актовых источниках XVI — первой половины XVII в. содержится много сведений о чувашах на р. Чепце, часто одновременно именуемых «бесермянами» (иногда в форме «чуваша с бесермянами»). На р. Чепце, в селении Гурия-Кала обнаружен болгарский надмогильный памятник 1323 г., содержащий в эпитафии чувашские слова²⁰.

В 1551 г., когда «горные люди твердо к государю укрепились», арские люди восстали против власти крымского улана Кучака: «...и приходили чюваша Арская з боем на крымцов. О чем де не бьете челом государю? Пришли на царев двор, и крымцы Кошак улан с товарищами о ними билися, и побили чювашу»²¹. «Что значит термин “чюваша Арская”, свидетельствует ли он о наличии на территории Арской даруги чувашского населения?» — задаются вопросом М.В. Гришкина и В.Е. Владыкин. Здесь нельзя пройти мимо того факта, что в 40—50-е гг. XVI в. исторические источники фиксируют «чювашу» и на Вятке²².

«Чюваши Арские» упоминаются также в документах, конкретно датированных 1546—1548 гг. Здесь интерес представляет, подчеркивают М.В. Гришкина и В.Е. Владыкин, дальнейший ход развернувшегося процесса дечувашизации, хорошо иллюстрируемый выявленными сведениями²³. В начале XVII в. наряду с «чювашой», на Вятке появляются «бесермяне»: перепись 1615 г. зафиксировала в Большом и Нижнем татарском погостах дворы «бесермян и отяков». Перепись 1629 г. отметила в Каринской волости и «верх Чепцы дворы и пашню бесермян и отяков, и чюваши». В переписи 1646 г. «чюваша и отяки» отмечены в погосте Гоженове, а в погостах Шамарданов и Шамардан — только «отяки»; в переписи «приставных» дворов 1662 г. «чюваша и отяки» должны быть в погосте Красная Слюда, однако перечислены только «отяки», городище Гординское в заставке от-

мечается как населенное «чювашами», но перечисляются дворы бесермян. Перепись 1678 г. во всех «чювашских» деревнях отмечает бесермян, этноним «чюваша» на ее страницах более не появляется. По всей вероятности, заключают М.В. Гришкина и В.Е. Владыкин, «чюваша арская» и есть остатки того населения Арской земли, которое в XVI — начале XVII в. мы застаем уже в бассейне р. Чепцы и объединяем под этнонимом «бесермяне». Не случайно в удмуртских преданиях говорится, что удмуртов, которые покинули пределы Арской земли и поселились за Вяткой, татары называли «д'уаш ар»²⁴.

В левобережье Вятки сохранились топонимы на основе термина «чуваши» и т.п. На территории Удмуртии в настоящее время существуют селения: Чуваши — в верховьях р. Селитра, на р. Уть — притоке Кильмези, в верховьях р. Святицы — левого притока Чепцы; Чувашики — на р. Уть; Чувашайка — на правом берегу р. Кырымкас — левого притока р. Иж, впадающей в Каму, и т.д. На территории бывшей Вятской губернии зафиксировано 14 названий, связанных с термином «чуваш»²⁵.

По мнению Ю.А. Кизилова, в период утверждения Казанского ханства, т.е. в XV в., «только какая-то часть болгарской знати и местного населения приняла ислам и обычаи татар-кыпчаков». Это, конечно, не бесспорно, но исследователь прав в том, что в «целом процесс этнической интеграции населения “луговой” (т.е. левобережной Волги. — *В.И.*) был продолжительным и трудным. Собственно татары жили только в центральной части Новой Орды, на луговой стороне Волги»²⁶. По всей видимости, этнонимом «чуваш» в Казанском ханстве никогда не обозначали ясачных татар. В 1565—1568 гг. «чуваши» пяти даруг Казанского уезда были собственно чувашами же. В ареалах их расселения и топонимика представлена в основном чувашская²⁷.

Как известно, на основании изучения материалов писцовых книг Казанского уезда 1565—1568 гг. и 1602—1603 гг., а также Свияжского уезда 1565—1567 гг. Е.П. Чернышев и И.П. Ермолаев²⁸ пришли к «оригинальному» выводу, что в данных «книгах» термин «чуваш» — не этноним, а соционим со значением «ясачный татарин». «При описании деревни Евлушеик, Ногайской дороги, писец противопоставляет землю ясачных людей (“ясачной чюваши”) и землю “служилого татарина и его чюваши”.

Это говорит о том, — утверждает И.П. Ермолаев, — что писцы под термином “чуваши” никак не могли понимать название народа — это социальный, а не этнический термин в данной Писцовой книге, а следовательно, и вообще в жизни в конце XVI — начале XVII в.»²⁹ В последующем, как уже отметили, данная идея получила поддержку и развитие главным образом в трудах Д.М. Исхакова. Что примечательно, Д.М. Исхаков совершенно однозначно заключает, что «в XVI — первой половине XVII в. этническую общность потомков волжских булгар в русских документах именовали “ясачными чувашами”. Золотоордынско-тюркская группа называлась “татарами”. Татары представляли из себя социальную верхушку Казанского ханства. После присоединения Казанского ханства к Русскому государству эта группа продолжительное время сохраняла свои привилегии, являясь служилым населением. Булгарская группа была “черным людом” (т.е. ясачниками)»³⁰. И далее автор дает своеобразное объяснение тому, почему наименование «чуваша» применительно к казанскому булгарскому населению не может являться этнонимом: «Для той части булгар, которая принимала участие в формировании казанских татар, наименование “чуваши” не являлось этнонимом. Есть основания полагать, что эта группа называла себя “бесермянами”, т.е. “мусульманами”. Наименование “чуваши”, являвшееся этнонимом формирующейся чувашской этнической общности, было распространено русской администрацией на “бесермянскую” часть булгар потому, что в XVI — первой половине XVII в. между “бесермянской” и “чувашской” частями булгарской этнической общности еще сохранялась определенная переходность»³¹.

Однако беспристрастный анализ имеющихся материалов по данному вопросу дает больше оснований согласиться с утверждением, что в XV—XVI вв. из татар не было «ясачных людей», они составляли элиту и «служилых татар», только в XVII в. отатаренные (точнее — омуслиманившиеся) чуваша становятся «ясачными татарами»³². В писцовых, дозорных книгах и других источниках Казанского уезда второй половины XVI — первой половины XVII в. отмечаются, наряду с ясачными чувашами, также и ясачные черемиса (марийцы), и ясачные вотяки (удмурты), в Казани — торговцы-чуваша и торговцы-татары. Как известно, в Казанском ханстве ясак платили

только подчиненные народы, татары не являлись ясачными. И после присоединения ханства к России до XVII в. из татар ясачных людей не было. «Если чуваш — социальный термин, — резонно ставит вопрос В.Д. Димитриев, — то почему же были ясачные черемиса и вотяки, и лишь в XVII в. — ясачные татары?»³³.

Как известно, писцовая книга 1602—1603 гг. зафиксировала 79 селений, в которых произведено описание ясачных земель. «Обращает на себя внимание, что в ней не встречаются деревни с исключительно ясачным населением, — указывает И.П. Ермолаев. — Между тем такие деревни существовали и были очень распространены. При межевании часто упоминались ясачные крестьяне других деревень, не вошедших в данное писцовое описание (деревни Тарловья, Тарлаши, Тямти, Масра, Морлы, Коваль, Клюклер и др.)»³⁴. Такой метод выборочного описания земель писцами наводит на мысль, заключает автор, что целью данной переписной книги было не столько описание земель вообще, сколько размежевание служилых татар от ясачного населения. Следовательно, в описание могли попасть только те ясачные деревни, в составе жителей которых находились служилые люди³⁵. Думается, что данный вывод нуждается в соответствующем обосновании, но его нет. В самом объяснении смысла формулировки цели переписи — «размежевание служилых татар от ясачного населения» — присутствует немалая доля неопределенности. Надо полагать, что, скорее всего, речь должна идти о «размежевании земель представителей разных сословий».

Поскольку упомянутыми нами авторами принято считать, что «ясачные чуваш» на самом деле являются этническими татарами, то возникает вопрос, почему в писцовой книге 1602—1603 гг. нет-нет да и встречается фиксация также и «ясачных татар»? Например, «деревни Шигали служилой татарин Токозя Колушев, деревни Бустыр ясачной чувашанин Теребердей Сабалчеев, да деревни Салтан ясочные татаровя Курмаш Кулсарев, Тохтамыш Утямшев»³⁶. А это значит, что все-таки «ясачные татары» были (хотя представлены они крайне немногочисленно), так же, как были и «ясачные чуваш», «ясачные вотяки», «ясачные марийцы», которые и составляли абсолютное большинство этой сословной группы. В многостраничном деле «О спорной земле дер. Ашерма (Яшерма) по Арской дороге»

(1642—1643 гг., 5 мая) строго определенно очерчена идентичность чувашей именно как этнической общности, а не социального сословия, и, что примечательно, ни в одном месте они не указаны как «ясачные чуваша»³⁷.

Писчик постоянно подчеркивает: «ясачная чюваша». Если последние являлись этническими чувашами, то, казалось бы, достаточно было ограничиться термином «чювааш». Но, что примечательно, так же двусложно — именно как «служилые татары» — обозначаются собственно «татары». Из этого следует, что были «ясачные чюваши» (т.е. язычники) и «ясачные новокрещены» (т.е. крещенные чуваша), как, собственно говоря, были и «служилые новокрещены» (т.е. и крещенные чуваша, и крещенные татары), так и «ясачные татары». Например: «А на меже были с писцы: деревни Коротыевы ясачные новокрещены — Иван Ебенкозин, Семейка Данилов да чюваша — Тока Канакозин, Яуш Черюев, Байчюра Канакозин»³⁸. Ясно, что все они из одной деревни, и новокрещены уже с русскими именами, а «чюваша» — с языческими.

«В тех деревнях за ясачными новокрещены и за ясачною чювашею за 174-мя дворы»³⁹. То есть обе группы чувашей жили вместе в одних и тех же деревнях.

«А на меже были старожилы: деревни Айши служилые татарове Янгильдей Едигерев, Юлгуш Кигиулов, Исенгильдей Янчурчеев, да той же деревни чюваша Кудабердей Куламетев; деревни Марли... ясачной татарин Учкей Алдербышев»⁴⁰. Как видно, служилыми татарами здесь обозначены чуваша, принявшие ислам.

«За кем та пустошь истари была — за ясачными татарами или за служилыми людьми»?⁴¹ Скорее всего, ясачными татарами писчик обозначил перешедших в мусульманство чувашей, но в связи с бедностью не претендовавших войти в сословие служилых татар. Поэтому свое статусное состояние они и не оспаривали.

В том же уже упомянутом спорном деле о земле 1642—1643 гг. д. Ашерма по Арской дороге называется татарской, а истцы, живущие в ней, «чювашами». В писцовой книге одни и те же лица (Тогонай Девлеткильдеев, Тууш Тянеев) упоминаются в одном месте как ясачные татары, в другом — как ясачные чюваши⁴². «В той же деревне служилой татарин Сабакай Еникеев ... живет с братом своим с Чювашаем в одном дворе»⁴³. Вполне возможно, что в данном случае один из братьев-чувашей (этнических) принял мусульманство, стал служилым, а второй остался в язычестве.

Имя Сабакай встречается также и на л. 201: «а береза стоит в земле татарина Сабакая». Значит, он не являлся служилым, а был чувашом, принявшим ислам, и таким образом идентифицирующим свою «новую» национальную принадлежность. Имя Сабакай — чувашское языческое имя. К примеру, одно из селений Мелекесского района в Ульяновской области, многие жители которого до сих пор не приняли православие, так и называется по имени его основателя — Сабакаево (Сапакиел).

Кстати, антропонимический аспект рассматриваемой темы требует специального внимания. В этой связи интересно отметить, что в известном своде чувашских языческих имен, изданном В.К. Магницким в 1905 г., значится 10 587 имен⁴⁴. Так вот многие из них встречаются и в писцовой книге Казанского уезда 1602—1603 гг. Например: Алликей (л. 208), Алмендей (л. 38), Ахчюра (л. 188), Бегиш (л. 211), Давлезер (л. 61), Емендей (л. 32) и т.д. Здесь важен тот факт, что В.К. Магницкий свой список языческих имен составил не напрямую на основе писцовых книг, а опираясь, главным образом, на материалы I ревизии (1719—1723) населения Чебоксарского уезда, церковные документы с. Шуматово Ядринского и с. Абашево Чебоксарского уездов.

И.П. Ермолаев отмечает: «Писцовая книга показывает, что как только “ясачный чувашин” становился служилым, он начинал называться служилым татаринном. Так, например, в д. Укреч Култук по Ногайской дороге описана ситуация, как в поместье служилого татарина Емая Енибекова упоминается “двор брата его Кошая”, а в поместье вдовы служилого татарина Чапкуна “двор чувашенина Тогоная Великаева”»⁴⁵. В д. Большой Бимер по Галицко-Алатской дороге упоминается чувашенин Мансур, один сын которого платил ясак, а другой стал служилым татаринном⁴⁶. «Все это говорит о том, — указывает И.П. Ермолаев, — что называемые писцом “ясачные чувашин” после верстання на службу становились “служилыми татарами”»⁴⁷.

Что примечательно, во многих случаях писчик вообще обходится без приставки «ясачный», например: «Новокрещен Иван Исаков... поляна деревни Новые Черемыши у чувашин»; «новокрещен Иван Ларионов... та поляна у чувашин»⁴⁸.

Общеизвестно, что процесс отатаривания булгаро-чувашей через принятие ислама, начавшийся еще в булгарскую эпоху,

продолжался с переменным успехом не только в золотоордынское и в казанско-ханское время, но и в период христианизации, в целом вплоть до начала XX в. Причем в XIX—XX вв. «отпадали в магометанство» уже не только язычники, но и «новокрещенные» чуваши. Есть сведения, что в начале XIX в. из 270 тыс. крещеных чувашей Казанской губернии желали вновь обратиться в язычество 186 тыс. чел.⁴⁹ И.П. Ермолаев указывает, что в писцовой книге такого рода процессы отмечены. «Видим мы и недостаточную прочность новой религии (т.е. православия) в мусульманской и языческой среде. Часто служилые если не формально, то фактически (в бытовом отношении) отходят в старую веру. Такими, вероятно, если судить по именам, были Якуш Иванов и Тахтар Иванов»⁵⁰. Принявшие мусульманство чуваши могли оставаться чувашами по языку и культуре, но в народе их уже называли татарами.

Вообще, на этот счет скорее прав В.Д. Дмитриев, указывавший на то, что «еще Е.И. Чернышев ошибочно считал, что “ясачные чувашы” исповедовали ислам, т.к., мол, при описании одной чувашской деревни указано, что при деревне имеется татарское кладбище. В этой деревне для управления и взимания ясачных платежей от ясачных чувашей были размещены мурза и один-два служилых татарина. Писцы любой иноверческий объект в Казанском уезде называли татарским. Служилых чувашей называли служилыми татарами (об этом есть статьи И.Н. Юркина и В.К. Магницкого). Нет ни одного факта, свидетельствующего о том, что ясачные чувашы разговаривали по-татарски. При деревнях ясачных чувашей топонимика чувашская (статья М.И. Скворцова). Известно, что ни в одном татарском ханстве ясачных татар не было»⁵¹. И.П. Ермолаев же, утверждая, что «под «чювашами» в писцовой книге понимается вовсе не национальный признак, а социальная категория населения, указывает и на то, что в источнике упоминаются татарские кладбища возле деревень с «ясачными чювашами»⁵². При этом ссылка делается на 3 факта⁵³. Однако данный аргумент не убедителен. Дело в том, что в смешанных чувашско-татарских селениях у каждой этнической группы всегда были и сегодня сохраняются свои отдельно расположенные кладбища. И.П. Ермолаев сам же подчеркивает, что большинство деревень имело смешанный состав населения (служилые и ясачные люди). Всего

в писцовой книге описано 114 деревень. Из них две находились в вотчинном владении, 22 — в поместном владении у одного служилого человека, 10 — в поместном владении у нескольких служилых людей, 76 деревень имели смешанное служило-ясачное население (из них большинство, а именно 37 деревень, имели одного служилого человека и несколько ясачных дворов)⁵⁴.

Причем обращает на себя внимание тот факт, что при описании границ земельных участков писчик специально указывает, что кладбище именно татарское. Невольно возникает вопрос, а почему ни разу не указаны в качестве ориентира чувашские кладбища? А они русскими чиновниками ни тогда, ни позже никогда не брались во внимание (соответственно, и на учет) из-за их «языческого поганства».

И еще. Никак нельзя обойти вниманием факты упоминания в писцовой книге термина «чюваш» как самостоятельного понятия, без приставки «ясачный», т.е., по сути, в качестве этнонима. Например: «и на ее жеребей двор помещиков, двор — чювашенин Тогокай Велкиев»⁵⁵; «люцких чювашских дворов» (л. 3); «а чювашских людей со 6 дворов князь Багиш хлеба и денежного оброку сказал не емлет...» (лл. 4—5); «пашни ж осталось чюваше в двух полях» (л. 10); «да Измы деревни чювашенин Янгурьян Куватов» (л. 100); «И живут де за ним те русские люди и чюваша и латыши на льготе» (л. 104); «той же деревни чюваша Монаш Бозяев» (л. 132); «во дворе бобыль чювашенин Евгасты Хозесентов» (здесь вроде бы противоречие — бобыль и в то же время ясачный? Нет, здесь именно бобыль-чювашенин!) (л. 139); «пахали на той пустоши пашню деревни Чюваш чюваша сверх своих жеребьев» (л. 195); «Мозяр деревни служилой тотарин Ишмаммет Хозяков да чювашской староста Казауль Тансарьев» (л. 196) и т.д., и т.п.

А ведь между тем марийцы писцом определены четко. Например: «у деревни ж на речке Малмыже за служилым и за ясачное черемисою 10 меленок мутовок»; «Направо земля служилого татарина, а налево земля ... ясачные черемисы» (л. 125); «прибегали де на тое пустошь в войну многие люди — вотяки и черемиса. ... А чюваша Салауч деревни тою землею владеют давно» (л. 167).

О том, что «ясачные чуваше» Казанского уезда во второй половине XVI в. (разумеется, и до этого времени) были этническими чувашами, свидетельствуют источники о переселении некоторых из них из Казанского уезда на территорию нынешней

Чувашии и в Закамье. Часть приказанско-заказанских чувашей-язычников возвращается в XVI—VII вв. в Закамье, другие их группы переселяются и на территорию современной Чувашии: в XVI в. — юго-восточные и южные районы, и активно участвуют в освоении «дикого поля». Установлено, что чувашскими мигрантами из Казанского уезда был основан целый ряд селений в районах Чувашии⁵⁶, как, например, в Цивильском районе — Анчикассы (бывш. Старые Шигали), Канашском — Татмыш-Ягутлы (ныне в составе с. Янгличи), Атнашево, Вутабоси, Кибечи, Чагаси, Девлизерево, Ухманы, Вурнарском — Хирпоси, Чебоксарском — Большие Мамыши, Мариинско-Посадском — Сатышево, Итяково, Комсомольском — Тойси-Паразуси, Ендоба, Байбахтино, Ивашкино, Шерауты, Аликовском — Урмаево, Батыревском — Сугуты, Тойси, Балабаш-Баишево, Большая Таяба, Бахтгильдино и др. Причем ряд этих новых деревень, основанных переселенцами из левобережья Волги, сохранили названия материнских селений. Как известно, в документах XVII в. и в переписных книгах XVIII в. чувашские селения правобережья Волги, основанные переселенцами из Приказанья, продолжали вплоть до 1781 г. числиться в Казанском же уезде⁵⁷. С образованием Симбирского уезда часть их, находящаяся в зоне «дикого поля», вошла в его состав.

Значительная часть чувашей из Приказанья и Заказанья в конце XVI—XVII вв. вернулась в Закамье и основала здесь много селений. Целый ряд закамских чувашских селений был основан выходцами из Зюрейской даруги Заказанья: Нижние Именья, Камышлы, Каска (Бюляр Тюбяк тож), Студеный Ключ, Савруши, Нижние Савруши Михидерово тож, Ивашкина Тойгуза, Гандубино, Калмыково Ильмовый Куст тож, Новое Ильмовое, Новый Адам, Верхняя Майна, Киреметь Тридцать дубов тож и др. в 1716 г. состояли в Зюрейской (бывшей Чувашской) даруге Казанского уезда, хотя другие селения Закамья входили в Ногайскую даругу. По данным третьей четверти XVIII в., в Зюрейской даруге числились следующие чувашские деревни Закамья: Саволей, Акташ (Окташ), Нижний Акташ, Шумыш, Новый Шумыш, Явушево, Токташи, Верхние и Нижние Савруши, Нижние Кандраты, Ишалкино, Никуткино, Нижняя Мака Батрас тож, Савантеево, Чайгутлы, Курки⁵⁸.

Судьбу чувашских селений Казанского уезда, как отмечает В.Д. Димитриев, показывает переписная книга Д.И. Кошелева

Галицкой дороги 1678—1679 гг. На листах 400—443 приводятся данные переписи под заголовком «Чювашские деревни и починки»: Ковали (была еще отдельная марийская деревня Ковали с 20 дворами), Мозяр Малый, Чюваш, Абаш, Большой Ряз, Мамедели, Ертуш, Чюравчи, Сеитово, Бигишна, Карак-козя, Яни, Карадмен. Однако в них уже жили татарские ясачные люди: чуваша к этому времени успели отатариться, но, по традиции предшествующих писцовых книг, эти деревни продолжали писать чувашскими. На листах 444—614 даны сведения о «черемисских волостях и починках». Раздел на листах 614 об. — 625 называется: «За Волгою рекою живут Галецкие ж дороги горные чюваша, а ясак платят с чермисою ровно»⁵⁹.

И, наконец, хотелось бы особо отметить, что тема «ясачных чувашей» имеет еще один далеко немаловажный аспект, а именно: кем же были «ясачные чуваша» по религии — мусульманами, язычниками или православными? Согласно тезису о «ясачных чувашах» как этнических татарах, они были только мусульманами, и никак не язычниками, и тем более православными. Логично спросить, а «ясачные марийцы» или «ясачные удмурты» тоже были мусульманами? Возникает закономерный вопрос: как могли татары-мусульмане своих единоверцев называть «чувашами», заведомо зная, что чуваша — есть язычники? Можно ли представить, чтобы русские помещики называли русское же тяглое население, допустим, башкирами, вотяками и т.д.?

В попытках как-то аргументировать, почему ясачные чуваша должны быть признаны этническими татарами, Е.И. Чернышев находит простое объяснение: «служилые татары противопоставляли себя ясачным татарам и называли их “чувашами”»⁶⁰. В действительности, они себя противопоставляли последним не столько по причине разницы в социально-экономическом статусе, но прежде всего потому, что реально существовали и этнический, и конфессиональный разрывы.

В целом, имеющиеся материалы о заказанско-приказанских, «ясачных чувашах» дают достаточно оснований полагать, что генеральная линия этногенеза чувашей и казанских татар в значительной степени была заложена в золотоордынскую эпоху, когда начались процессы культурно-языкового смешения немногочисленной уцелевшей мусульманской части булгарского населения с прибывающими в регион кыпчако-татарами, и од-

новременно происходила консолидация не принявших ислам групп болгар в отдельную этноконфессиональную общность. С середины XIV по начало XV в. имело место интенсивное перемещение болгар, прежде всего их неисламизированных групп, из Закамья в Предкамье и Заказанье, на северо-восток современной Чувашии — в междуречье Кубни и Цивилия.

На базе болгарского населения, расселившегося компактным массивом в правобережье Волги, в междуречье Аниша, Кубни и Свияги, к концу XV в. формируется новое этническое образование под этно-конфессиональным именем «чуваши», с другой — далеко не малочисленная и достаточно консолидированная группа болгаро-чувашей концентрируется в Заказанье. Основу обеих территориальных групп этноса составило преимущественно сельское земледельческое болгарское население («худые болгары»), не принявшее ислам (и отпавшее от него), вобравшее некоторое количество марийцев. Расселившееся в Заказанье («Арские земли») болгарско-чувашское население (бесермяне) ассимилирует часть местных удмуртов и частично оттесняет их на север («Чуваша Арская и Казанская»). В период Казанского ханства (XV — перв. половина XVI в.) происходит усиленный приток в левобережные районы Среднего Поволжья кыпчако-татарского населения, которое начинает доминировать как в социально-политическом, так и культурно-языковом отношениях. В последующем, к концу XVII в., значительная часть левобережных (заказанско-приказанских) болгаро-чувашей окончательно растворилась среди казанских татар (именно поэтому луговые марийцы жителей отатаренных болгаро-чувашских деревень продолжали называть «суасами» — чувашами). «...Мне удалось узнать в Елабужском уезде, — отмечает В.К. Магницкий, — что живущие в этом уезде черемисы называют местных татар по своему “сюэс”, а так называемые горные черемисы Козмодемьянского уезда Казанской губернии словом: “суас” или полнее “суасла мари” — суасо-подобный человек, или как суас “человек” называют своих соседей чуваш... Ввиду этого можно, кажется, полагать, что в лице татар в Елабужском уезде скрываются омагометанившиеся чувашы. Такое предположение подтверждается и названиями некоторых татарских селений, объясняющимися с чувашского языка»⁶¹.

Исходя из сказанного напрашивается однозначный вывод о неубедительности аргументации тезиса о том, что под термином

«чюваша» в XVI — начале XVII в. следует подразумевать социальный, а не этнический термин, и что «ясачные чуваш» являлись не чувашами, а этническими татарами. Данную концепцию трудно поддержать даже хотя бы в силу того исторического факта, что в XV — начале XVII в. из казанских татар не было «ясачных людей», они составляли элиту и «служилых татар», и только в XVII в. отатаренные чувашы становятся «ясачными татарами».

И в заключение — вольная ремарка относительно термина «чăваш» (чуваш). Конечно, относительно его происхождения наука располагает весьма скудными историческими данными, но и они позволяют предполагать, что, возможно, какая-то, причем значительная часть сувар (сувазов) в свое время, не желая принимать ислам, держалась особняком и, естественно, в процессе полного поглощения суваров булгарами идентифицировалась как «сувазы» (чувашы). По крайней мере, логично думать, что этноним «чăваш» не появился, как говорится, ни с того ни с сего, т.е. собственно чувашы издревле себя именно так идентифицировали. Будь это иначе, такой этноним не мог бы буквально внезапно получить широкое распространение среди огромного по тем временам (XVI—XVII вв.) массива населения Среднего Поволжья, которое вплоть в начале XVIII в. превышало численность собственно казанских татар (как известно, по данным ревизии 1719—1723 гг., чувашей в России насчитывалось 218 тыс. чел., казанских татар — 175 тыс.; да и в целом всех татар в империи было зафиксировано 295 тыс. чел.)⁶².

Литература и источники

¹ *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV—XVI веках. М.: Тип. Грачева И.В., 1877. С. 120—194.

² *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 99.

³ Список с писцовых книг г. Казани. Казань: Сов. Казан. духовной акад., 1887. С. 64.

⁴ *Димитриев В.Д.* Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. С. 29—30; *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа: Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. С. 105.

⁵ *Саттаров Г.Ф.* Этнонимы Татарии // Советская тюркология. Баку: АН СССР, АН Азербайджан. ССР, 1980. № 1. С. 45.

⁶ *Димитриев В.Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства. Предыстория и история. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. С. 168—181.

⁷ *Исхаков Д.М.* Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI—XVII вв. (Критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края) // Советская этнография. 1988. № 5. С. 143.

⁸ *Ермолаев И.П.* Писцовая книга Ивана Болтина как источник // Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов / Публикация текста. Казань, 1978; *Чернышев Е.И.* Селения Казанского ханства // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: Ин-т ЯЛИ им. Ибрагимова АН СССР, 1971; *Исхаков Д.М.* Проблема становления и трансформации татарской нации. Казань: Ин-т истории АН РТ, 1997; *Его же.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV—XVII вв.). Казань: Ин-т истории АН РТ, 1998; *Его же.* Арские князья и нукратские татары. Казань: ФЭн, 2010.

⁹ *Исхаков Д.М.* Проблема становления и трансформации татарской нации. С. 222.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Исхаков Д.М.* Арские князья и нукратские татары. С. 66.

¹² *Саттаров Г.Ф.* Антропонимы Татарской АССР. Казань: Татар. кн. изд-во, 1973 (на тат. яз.). С. 32.

¹³ *Скворцов М.И.* Чувашский языковой материал в «Писцовой книге Казанского уезда 1602—1603 годов» // Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т, 1988.

¹⁴ *Степанов Р.Н.* К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ: Право, история, филология. Казань: [б.и.], 1964. С. 64.

¹⁵ *Гришкина М.В., Владыкин В.Е.* Письменные источники по истории удмуртов IX—XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск: НИИ при СМ Удм. АССР, 1982. С. 27.

¹⁶ *Спасский Н.А.* Очерки по родоноведению. Казанская губерния. Казань: Изд-во М.А. Голубева, 1910. С. 165.

¹⁷ *Гришкина М.В.* Служилое землевладение арских князей в Удмуртии в XVI — первой половине XVIII в. // Проблемы аграрной истории удмуртов. Ижевск: НИИ при СМ Удм. АССР, 1988. С. 35—38.

¹⁸ *Тепляшина Т.И.* О смешении терминов «чуваша» и «бесермяне» в письменных источниках // Ученые записки Чувашского НИИ / Вып. 4. Чебоксары, 1967.

¹⁹ *Исхаков Д.М.* Арские князья и нукратские татары. С. 59.

²⁰ *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. С. 103.

²¹ *Гришкина М.В., Владыкин В.Е.* Указ. соч. С. 24.

²² Там же.

²³ Там же. С. 24—25.

²⁴ Там же.

²⁵ *Каховский В.Ф.* Этноним «чуваша» в письменных источниках // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. НИИ, 1982. С. 93.

²⁶ *Кизилов Ю.А.* Земли и народы России в XIII—XV вв. М.: Высшая школа, 1984. С. 78.

²⁷ *Скворцов М.М.* Указ. соч.

- ²⁸ *Чернышев Е.И.* Татарская деревня второй половины XVI и XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. Рига, 1963; *Его же.* Селения Казанского ханства; *Ермолаев И.П.* Указ. соч.
- ²⁹ *Ермолаев И.П.* Указ. соч. С. 23.
- ³⁰ *Исхаков Д.М.* Арские князья и нукратские татары. С. 65.
- ³¹ Там же. С. 65—66.
- ³² *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. С. 149.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Ермолаев И.П.* Указ. соч. С. 26.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов. Публикация текста / сост. Р.Н. Степанов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. С. 84.
- ³⁷ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. Ч. II. Саранск: Морд. НИИ при НК МАССР, 1951. С. 14—21.
- ³⁸ Писцовая книга Казанского уезда. Л. 137.
- ³⁹ Там же. Л. 53.
- ⁴⁰ Там же. Л. 172.
- ⁴¹ Там же. Л. 196.
- ⁴² *Ермолаев И.П.* Указ. соч. С. 23.
- ⁴³ Писцовая книга Казанского уезда. Л. 10.
- ⁴⁴ *Магницкий В.К.* Чувашские языческие имена. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1905.
- ⁴⁵ *Ермолаев И.П.* Указ. соч. С. 23.
- ⁴⁶ Писцовая книга Казанского уезда. Л. 229—230.
- ⁴⁷ *Ермолаев И.П.* Указ. соч. С. 23.
- ⁴⁸ Писцовая книга Казанского уезда. Л. 63, 64, 65 и т.д.
- ⁴⁹ *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. С. 189.
- ⁵⁰ *Ермолаев И.П.* Указ. соч. С. 12.
- ⁵¹ *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. С. 37—38.
- ⁵² *Ермолаев И.П.* Указ. соч. С. 12.
- ⁵³ Писцовая книга Казанского уезда. Л. 29 об., 44, 91 об.
- ⁵⁴ *Ермолаев И.П.* Указ. соч. С. 14.
- ⁵⁵ Писцовая книга Казанского уезда. Л. 33.
- ⁵⁶ *Иванов Л.И.* К вопросу об основании чувашских селений на правобережье Волги переселенцами из Казанского уезда // Вопросы истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары: Чуваш. НИИ, 1984. С. 32.
- ⁵⁷ *Иванов В.П.* Указ. соч. С. 125.
- ⁵⁸ *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. С. 100.
- ⁵⁹ Там же. С. 100—101.
- ⁶⁰ *Чернышев Е.И.* Татарская деревня второй половины XVI и XVII вв. С. 176.
- ⁶¹ *Магницкий В.К.* Указ. соч. С. 4.
- ⁶² *Иванов В.П.* Указ. соч. С. 128.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОДХОДОВ АКАДЕМИКА В.В. НИКОЛАЕВА К ИССЛЕДОВАНИЮ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ПРЕДКОВ ЧУВАШСКОГО ЭТНОСА

Академик РАЕН, доктор технических наук, профессор Василий Васильевич Николаев (1939—2007)* получил известность своими оригинальными научно-популярными изданиями по древней истории чувашей. Из-под его пера вышли, в частности, «Генеалогия чувашского народа» (2004), «История предков чувашей» (2005), три книги семитомной серии «Иллюстрированная история чувашей» (кн. 1, 2006; кн. 2 и 3, 2007), «История чувашей: древняя эпоха; Атлас» (2007), охватывающие в общей сложности эпоху с древнейших времен до середины 1 тыс. н.э. Мне посчастливилось в течение ряда лет наблюдать за тем, как работал над данными трудами В.В. Николаев, и поэтому хотел бы поделиться некоторыми своими соображениями о его концептуальных подходах к изучению истории древних предков чувашей, а также об особенностях его исследовательских методов и приемов. В отличие от авторов, выдвигавших всевозможные гипотезы по вопросу происхождения чувашей, В.В. Николаев ставил перед собой совершенно конкретную задачу — изыскивать подлинные источники и «хорошо» забытые труды признанных ученых и уже на этой основе выстроить свою поисково-исследовательскую деятельность. При этом исключительно важным он считал междисциплинарный подход, т.е. сравнительно-сопоставительное изучение материалов широкого круга наук — лингвистики, археологии, этнографии, географии, искусствоведения и др., между тем как чувашские исследователи учитывали, по его мнению, как правило, данные лишь «по своим наукам», игнорируя материалы смежных дисциплин.

В.В. Николаев был прирожденным системщиком. Историю происхождения предков чувашей он изучал по методике Д.И. Менделеева. Как известно, выдающийся русский химик

* Практически вся жизнь В.В. Николаева была связана с работой в сфере химической промышленности, добычи и переработки газа. В 1989—2002 гг. являлся генеральным директором ООО «Оренбурггазпром» (см.: Чувашская энциклопедия. Т. 3. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 234).

открыл абсолютно простую вещь, что не заметили другие. Расположив химические элементы в определенном порядке по их основным свойствам (валентности, числу атомов и др.), он выявил их подчиненность определенной закономерности. И, как выяснилось, после размещения химических элементов в таблице по клеткам целый ряд последних остался незанятым. Именно по этим «пустым клеткам» ученые-химики всего мира получили, исходя из общей закономерности, направление поиска неизвестных еще химических элементов. По признанию самого В.В. Николаева, он как раз и занимался поисками необходимых материалов для заполнения «пустых клеток» чувашской истории, чтобы в конечном итоге добиться полноты и логичности ее изучения, а в последующем — и в изложении.

В трех книгах «Иллюстрированная история чувашей» (Чебоксары, 2006—2007) В.В. Николаев обращает внимание на ряд принципиальных моментов, на которых я и хотел бы остановиться.

I. Древний, античный и раннесредневековый миры не были статичными средами или, как говорил химик В.В. Николаев, «текучими». Это было связано главным образом с постоянными поисками народами тех эпох лучших или приемлемых природных условий жизни. К тому же на ряде издревле заселенных людьми территорий происходило изменение природно-климатических условий, в связи с чем менялись соответственно и условия жизни отдельных или целых групп народов. Увеличение численности населения на определенных территориях вынуждало людей рассредоточиваться. Естественно, происходило выдавливание целых этнических общностей с их земель более сильными пришельцами. В общем, В.В. Николаев очень большое значение придавал изучению факторов и последствий массовых переселений народов в древнюю эпоху.

В 9 тыс. до н.э. происходила миграция кочевников-индоевропейцев из южнорусских степей в Переднюю Азию. В результате их контактов здесь с прасемитскими группами (афразийцами) образовалась определенная культурная общность. Археологи это подтвердили по раскопкам в Чатал-Гуюке в Малой Азии.

В 6 тыс. до н.э. ввиду изменения климата и перенаселенности территорий у индоевропейцев начался обратный миграционный откат. Часть из них вернулась в северные регионы Евразии, часть осталась в Месопотамии, в Междуречье, где создала Шу-

мерскую цивилизацию. Этим объясняется, как считает В.В. Николаев, наличие элементов шумерского языка у урало-алтайских этнических общностей.

Еще одно мощное переселение народов произошло в начале 2 тыс. до н.э. По мнению В.В. Николаева, оно было связано с нашествием в Переднюю Азию индоевропейцев-индоиранцев опять-таки из южнорусских степей. После этого территория между Каспием и Месопотамией стала называться «Арианом» — Ираном. Эти мигранты дошли до Индии и Бактрии. На своем пути они уничтожали все. Вытесняемые ими местные народы уходили волнообразно на восток, в Среднюю Азию. Часть из них подверглась иранизации.

Последнее крупное миграционное перемещение этнических групп в регионах Передней Азии произошло в VIII—VII вв. до н.э. в связи с нашествием через Кавказ снова из южнорусских степей вначале киммерийцев, а потом и скифов.

II. В древних источниках и на исторических картах, относящихся к 3 тыс. до н.э., *сувары* появляются в связи с заключением военных договоров между их страной Субарту и Шумером. Страна Субарту (Шубрия), названная так аккадцами, в шумерских источниках в греческой транскрипции фигурирует как *Субар* (*Сувар*), с вариантами *Савур*, *Савир*. Она образовалась на территории современной восточной Турции и юга Армении, на западе от озера Ван, у самого истока великой реки Тигр. Столицей страны был город-крепость *Пулу* (другое название — *Унуму*).

В.В. Николаев указывает (что, кстати, совершенно ново для исследований по этногенезу предков чувашей), что в ходе масштабных переселений народов некоторые племена суваров, подхваченные общим потоком, мигрировали в 3 тыс. до н.э. в благоприятные для обитания регионы Центральной Азии. Сюда *шубары/шубаши/субаши/сувары* принесли из Передней Азии название своей этнической общности. Страна *Субаши* (*Субейси*) в Центральной Азии объединяла племена *суваров*, *чеши* и *билу*.

III. По опубликованным древним армянским источникам В.В. Николаев проследил историю и миграцию оставшихся на своей прародине суваров после ухода их братьев в Центральную Азию. Царь Ассирии, победивший суваров в 73 г. до н.э., приводит имя их царя и его сыновей. Он также объявляет о том, что страну Субарту он разделил на две части, определил

их столицы, и указывает, кого назначил наместником на этих разделенных территориях. В.В. Николаев отмечает, что в Закавказье, на территории бывшей Великой Армении, где поселилась большая часть суваров в стране Пулуади (территория современного Азербайджана), до наших дней сохранились названия древних их городов (кн. 2, рис. на с. 22).

Из-за войн и вторжений римлян во главе с Помпеем в I в. до н.э. суварские племена и пулийцы (болгары), не ушедшие в Центральную Азию, смещаются на север Армении, в область *Чуаши*. Еще до прихода на Северный Кавказ центральноазиатских суварских племен — потомков переселившихся из Передней Азии месопотамских *суваров (шубаров)*, закавказские *сувары* и *пулийцы (болгары)*, подхваченные аланами, расселились по Северному Кавказу, Прикаспию и Причерноморью. После распада в V в. н.э. Гуннской державы суваро-болгары и аланские племена окажутся вместе в Хазарском царстве, в состав населения которого войдут и те суваро-болгарские племена, которые ушли из Передней Азии в Центральную Азию, но впоследствии, подхваченные гуннским движением на запад, тоже оказались на Северном Кавказе.

Таким образом, как пишет В.В. Николаев, расставив по местам все известные факты, удастся выявить недостающие звенья, привести их в систему (кн. 3, карта на с. 146). По его мнению, некоторые топонимические названия с территории Великой Армении и Месопотамии древние предки чувашей принесли и на Среднюю Волгу. Например, как он считает, чувашское название столицы Чувашской Республики *Шупашкар* (букв. «город субашей, т.е. чувашей»).

Надо отметить, что города и селения суваров, начиная от Месопотамии и Центральной Азии, имели по 2—3 названия. Например, столицу государства суваров в Месопотамии называли то *Улumu*, то *Пулу*, то *Билу*, по имени рода наместника западной части страны. В Центральной Азии, в западной части страны Субаши, город тоже назывался *Бугур (Пулу, Пулей)*. Сегодня именно там находится известный во всем мире археологический реликварий «Субаши».

В течение II—IV вв. н.э. происходило активное перемещение центральноазиатских народов, которые уходили из-за наступления засухи с мест своего обитания под предводительством хуннов на запад, в степную зону Восточной Европы. Так и субары

(сувары), и билу/пулу (болгары) оказались на Северном Кавказе, в Приазовье, Прикаспии.

IV. В.В. Николаев был одним из сторонников концепций академиков Н.Я. Марра и В.В. Бартольда относительно суваров и болгар. Как известно, в результате своих исследований последние пришли к выводу, что чувашский язык является древним и восходит к пратюркскому (3 тыс. до н.э.) или прачувашский и пратюркский языки восходят к еще более древнему одному языку. Так, Н.Я. Марр однозначно утверждал, что чуваша являются яфетическим («древним кавказским») народом, что «чуваша по названию шумеры», что «чуваша — месопотамские субары», что их предки генетически связаны с древними хеттами и т.д. Надо, однако, заметить, что такая точка зрения большинством современных чувашских исследователей не разделяется.

V. Действительно, о месопотамских суварах и родственных им кутиях имеется немало публикаций. В.В. Николаев часто ссылается на труды известных специалистов по истории Ближнего Востока И.М. Дьяконова, Б.Б. Пиотровского (отца), Г.Х. Саркисяна, В.И. Авдеева и др., поскольку они основываются на достаточно древних источниках. Первые упоминания в клинописях о месопотамских суварах относятся к середине 3 тыс. до н.э. При этом они локализуются на севере Месопотамии: сувары в верховьях р. Тигр, западнее от озера Ван, а кутии — ниже по течению Тигра (кн. 1, рис. 8).

VI. В работах В.В. Николаева красной нитью проходит мысль о роли и значении того факта, что сувары в течение двух тысячелетий находились под влиянием мощных культур Шумера, Аккада и Вавилона. Как полагает ученый, именно в связи с этим, несомненно, и сохранились в чувашской этнокультуре соответствующие элементы древних цивилизаций, прежде всего в религии и языке.

Болгары, аланы и сувары будут совместно обитать на Северном Кавказе и в Причерноморье, а также в донских степях вплоть до нашествия печенегов и похода на них киевского князя Святослава во второй половине X в. Этим нашествием прерывается созданная болгаро-суварскими и аланскими племенами мощная и яркая салтово-маяцкая культура.

VII. Концептуальная особенность подходов В.В. Николаева к исследованию истоков происхождения чувашского народа

заключается в том, что он считал принципиально важным привлекать и анализировать исторические сведения о предках чувашей, отстраняясь от нынешних территориально-культурных параметров народа, полагая, что нельзя замыкаться, как это имеет место быть, только в рамках региона Среднего Поволжья. Самое главное, указывал он, что источники имеются, и важно их искать и выявлять, просеивая через сито истории, как крупинки золота из песка. В этой связи он постоянно подчеркивал, что у исследователя должна быть и интуиция.

В отличие от множества других авторов, В.В. Николаев стремился историю предков чувашей вплести в общемировой контекст и рассматривать ее в органическом единстве с историей древних великих цивилизаций. Новизна работ В.В. Николаева заключается в том, что в них использован целый ряд совершенно новых, ранее проигнорированных исследователями источников, а также в активном введении в научный оборот разнообразного картографического материала.

Таким образом, В.В. Николаев, пожалуй, одним из первых при моделировании механизма формирования и территориального размещения предков чувашей предлагает своеобразный «сетевой» принцип — сосуществование родственных прародителей в разных цивилизационных образованиях, порой разделенных недостижимыми расстояниями. Тем не менее в следующую историческую эпоху они пересекаются, объединяются, а порой и противостоят друг другу в разных союзах. Вывод простой и важный: этногенез — явление нелинейное, синтетическое и многослойное. Корни дуба не менее разветвлены, чем корона. В.В. Николаев, как никто другой, это ясно осознавал.

Литература

Николаев В.В. Иллюстрированная история чувашей. Кн. 1: Древняя эпоха — до 500 г. до н.э. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2006. 100 с.; *Его же*. Иллюстрированная история чувашей. Кн. 2: Античность — 1 — с 499 г. до н.э. до 1 г. до н.э. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2006. 144 с.; *Его же*. Иллюстрированная история чувашей. Кн. 3: Античность — 2 — с 1 г. н.э. до 500 г. н.э. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2007. 156 с.

ИСТОРИЯ СТАРИННОГО ЧУВАШСКОГО СЕЛА СЛАКБАШ*

Все, кто писал о жизни и творчестве гениального чувашского поэта К.В. Иванова, так или иначе затрагивали тему его малой родины — с. Слакбаш (*Слакпуш*), расположенного в Белебеевском районе Республики Башкортостан, ставшего известным всему чувашскому народу также и благодаря яркому таланту народного поэта Чувашии Я.Г. Ухсая, троюродного брата автора «Нарспи». «Тот, кто читал “Нарспи” бессмертного Иванова, слушал “Слакбашские песни” композитора Федора Васильева, — пишет народный поэт Чувашии Порфирий Афанасьев, — легко может представить, какой это изумительно песенный и сказочный край, богатый легендами и преданиями, край с существующими еще языческими обрядами»¹.

Авторы, изучавшие судьбу и творчество К.В. Иванова, так или иначе затрагивали также тему истоков рода поэта и истории возникновения его родного села Слакбаш². При этом по мере углубления в ранние пласты родословия поэта все более отчетливо и предметно выявлялась его органичная связь с историей села и его первопоселенцами. К настоящему времени документально установлено, что корни рода К.В. Иванова и Я.Г. Ухсая просматриваются до восьмого колена (по крайней мере, по мужской линии). Имеется достаточно оснований утверждать, что легендарный предок поэта Кашкяр (Волк) есть не кто иной, как Васюк Андрюхин — по крещении Антон Андреев сын Данилов (1730—1785) и является он уроженцем д. Байгильдино нынешнего Канашского района Чувашской Республики (в прошлом Цивильский уезд Казанской губернии)³.

Авторы настоящей статьи задались целью исследовать дискуссионные вопросы истории возникновения на башкирской земле селения Слакбаш (*Слакпуш*), непростого процесса оседания на ней чувашских переселенцев начиная с XVIII в. Естественно, обсуждая вопросы истории Слакбаша, никак нельзя

* Написана в соавторстве с М.Х. Сафиним.

было избежать рассмотрения темы соседнего с ним легендарного селения Сильби, где, по замыслу поэта, и происходили события, описанные им в поэме «Нарспи». Работа базируется на источниках, выявленных авторами в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Национальном архиве Республики Башкортостан (НА РБ), а также на опубликованных материалах по истории Башкирии.

Что собой представляет сегодня с. Слакбаш? Ныне это центр одноименного сельского поселения в составе Белебеевского района Республики Башкортостан. Расположено оно на местности, откуда берет начало р. Слак, в 155 км к юго-западу от Уфы; расстояние до районного центра г. Белебей — 25 км, до ближайшей железнодорожной станции Глуховская — 3 км.

В составе Слакбашского сельского поселения находятся связанные исторически и генетически со Слакбашем небольшие деревни Канаш, Краснояр, Чубукаран и Степановка (ныне в составе Бижбулякского района), основанные выселившимися из Слакбаша в 1920-х гг. крестьянами.

По данным Всероссийской переписи 2010 г., в Слакбаше проживало 580 чел., во входящих в состав Слакбашского сельского поселения деревнях: в Канате — 46 чел., в Краснояре — 83 чел., в Чубукаране — 27 чел.

В селе имеются средняя школа, детский сад, Дом культуры, фельдшерский пункт, библиотека, отделения связи и Сбербанка, магазин.

В 1940 г. открыт Мемориальный дом-музей К.В. Иванова. 17 ноября 1940 г. на могиле поэта воздвигнут памятник-obelisk, в мемориальном парке в 1992 г. установлен памятник с фигурой поэта. В селе действует также Мемориальный дом-музей Я.Г. Ухсая (открыт в 2006 г.).

В описаниях окрестностей Слакбаша отмечается, что они «примечательны своими лугами с густым разнотравьем, грядой таинственных лесов и звенящими родниками, бьющими из-под белых камней на склонах холмов. Здесь берет начало река Слак. Вся эта животворящая сила природы была ярко воплощена Константином Ивановым в поэме «Нарспи»⁴.

Что касается собственно истории возникновения Слакбаша, следует отметить, что в краеведческой и научной литературе

опубликовано несколько версий его начального периода. При этом необходимо иметь в виду, что, наряду с общим, характерным в целом для времени появления большинства чувашских селений в данном регионе Башкортостана, возникновение Слакбаша отличается интересным своеобразием, обусловленным фактом прямой связи истории села с основанием г. Белебей.

Рассмотрим основные версии зарождения Слакбаша. По одной из них, это село «основано в 1730 г. чувашами-новокрещеными из д. Ковали и д. Эльми Чебоксарского уезда Казанской губернии на вотчинных землях башкир Минской волости Ногайской дороги. По договору 1750 г. о припуске здесь поселились мишари»⁵.

В «Чувашской энциклопедии» приведены две основные фавбулы преданий о возникновении села. Так, по преданиям, Слакбаш основан в середине XVIII в. чувашскими крестьянами — выходцами из г. Белебей, вначале осевшими на р. Сильби, а потом переселившимися в верховье р. Слак. По другим данным, село образовано в 1760 г. чувашами из с. Ермолкино Белебеевского уезда. Указывается также, что имеется легенда и о более раннем происхождении села: в 1618 г., после переселения сюда чувашей из селений Тупах и Кавал Чебоксарского уезда Казанской губернии (ныне Тансарино и Ковали Урмарского района Чувашской Республики)⁶.

Обсудим первую версию. Деревня *Кавал* — это с. «Архангельское Ковали» тоже Свияжского, а не Чебоксарского уезда, в 1730 г. жители с. Ковали не были еще крещеными. Первые переселенцы из д. Ковали Аринской волости Свияжского уезда появились в 1756 г. и основали в числе других д. Белебеево. Среди них «в 1762 г. был 25-летний Алми Сапаров, по крещении Семен Яковлев»⁷. Таким образом, Эльми — это не название деревни, а языческое имя переселенца Алми Сапарова из д. Ковали.

Деревня Белебеево основана в 1754 г. на земле вотчинников Иланской волости Казанской дороги. На земле же вотчинников Яиксубиминской волости Ногайской дороги чувашские крестьяне из д. Ермолкино (Ермолаевка) заселились в 1770 г. и основали д. Сильби. Что же касается упомянутых мишарей, то они по договору 1759 г. о припуске заселились не в Слакбаше, а в

д. Слак, что располагается ниже по течению р. Слак. Как видно, эта версия никакими документами не подтверждается, по крайней мере, она имеет противоречивый характер.

Как уже отметили, согласно второй версии, Слакбаш основан в середине XVIII в. выходцами из г. Белебей, вначале осевшими на речке Сильби, а потом переселившимися в верховье р. Слак.

Архивные документы свидетельствуют о том, что 10 марта 1770 г. 56 башкир-вотчинников Яиксубиминской волости Ногайской дороги «от Уфимских крепостных дел дали сию запись деревни Ермолкиной из чуваш новокрещенам Тихону Васильеву с товарищи всего 15-и дворам... В Уфимской провинциальной канцелярии у крепостных дел объявлено в том, что уступили мы им... собственную свою вотчинную землю... по нижеписанным межам и урочищам с сроком на 20 лет, т.е. с того 1770-го марта 10-го будущего 1790-го годов марта по 10-е число... А межи той земле: от вершины речки Сибили вниз по той речке, идучи по вершинам выпавших от лесу, называемого Шарлы, до Переузенского мысу, токмо в лес не входить, а оттоль до устья оной речки Сибили, а от того устья за Слаком с черною травой до вершины...»⁸.

Из этого документа видно, что речь идет о р. Сибили, название которой переселившимися в данную местность чувашами, согласно особенностям чувашского языка, было видоизменено на *Силти* (Сильби). Переселенцы были не из г. Белебей, а из д. Ермолкино. В 1770—1780-е гг. чувашские крестьяне проживали на этих арендованных землях и накануне IV ревизии населения (1782) переселились в район современного Слакбаша, окончательно обосновались здесь. Продлить срок пользования или выкупить «сибиловские» земли будущие слакбашцы не могли из-за финансовых затруднений. В материалах IV ревизии (переписи) населения (1782) д. Сильби не значится, между тем Слакбаш зафиксирован в двух ревизских сказках (документах именной переписи податного населения). Если бы во время IV ревизии населения отдельно существовала д. Сильби (*Силти*), то она была бы ревизорами населения зафиксирована, сказкоподавателем оказался бы житель д. Сильби (*Силти*), а не д. Слакбаш.

Как известно, на первых порах многие чувашские переселенцы арендовали вотчинные земли (у башкир, помещиков) в

устной форме. Это было выгодно для обеих сторон, чтобы не платить «лишних» денег в казну. Но группа переселенцев во главе с Тихоном Васильевым могла уехать сразу после ревизии 1762 г., проживать в районе речки Сибили на основе устного соглашения и только в 1770 г. официально оформить договор на 20 лет.

Эту версию подтверждает и то, что «будущая земля» Слакбаша к 1780 г. вряд ли была пустопорожней при массовом наплыве татарских, мишарских и чувашских переселенцев. В договорах от 1787 и 1788 гг. слакбашцы только расширяли свои землевладения.

В сказке IV ревизии первым отмечен 55-летний Тихон Васильев, а всего было учтено 68 душ мужского пола и 85 душ женского пола⁹. Во время III ревизии населения (1762—1766) «36-летний Тихон Васильев, по-чувашски Утемыш Сенкин, переселенец из села Богоявленское Кутема тож сотни Федора Федорова Ногайской дороги Казанского уезда 18 мая 1762 г. учтен как чуваш-новокрещен по дер. Ермолаевка на земле команды старшины Беккула Курбакина Казанской дороги Уфимского уезда»¹⁰.

Сама же д. Ермолкино в то время находилась в составе Казанской дороги Уфимского уезда (в 1781—1796 гг. существовала Белебеевская округа Уфимского наместничества), а Белебеевский уезд был учрежден позже, в 1805 г.

Как уже отметили выше, согласно другой легенде, Слакбаш был основан якобы еще в 1618 г. чувашскими переселенцами из селений *Тупах* (Тансарино) и *Кавал* (Ковали) Чебоксарского уезда Казанской губернии. В этой связи необходимо сказать, что, как показывают источники, основная часть ранних переселенцев из числа чувашей-язычников периода 1690—1747 гг., оказавшись в Башкирии, приняла ислам и перешла в башкирское сословие или была записана как тептяри и бобыли. И неудивительно, что по состоянию на 1747 г. (по итогам II ревизии населения 1744—1747 гг.) по Казанской дороге Уфимского уезда не было зафиксировано ни одного чувашского селения. Таким образом, к 1747 г. эти «ранние» некрещенные чувашские переселенцы, скорее всего, обашкирились и отатарились.

Что же касается переселенцев из деревень Ковали и Тансарино (*Тупах*) Свияжского уезда Казанской губернии, то в действительности они появились в Белебеевском крае не в 1618 г.,

а в 1756 г. Основание самой же д. Слакбаш относится также к 1756 г.

На основе архивных источников устанавливается, что в 1756 г. в числе первооснователей деревень Белебеево и Ермолкино (Ермолаевка) были указаны чуваша-новокрещены. Следовательно, ко времени III ревизии населения (1762—1766) одни предки слакбашцев временно жили в Белебеево, другие — в Ермолкино.

В 1763 г. в числе белебеевских чувашей-новокрещенов был учтен предок К.В. Иванова — «Антон Данилов, по-чувашски Васюк Андриюхин, 35 лет, переходец из Цивильского уезда Тогайской волости дер. Байгильдиной»¹¹.

Таким образом, согласно выявленным нами источникам, д. Белебеево была основана на земле вотчинников команды-старшины Муслема Усманова Иланской волости Казанской дороги в 1754 г.¹²

Среди городов Уфимской губернии Белебей по возрасту был пятым: старше его Уфа, Бирск, Мензелинск и Стерлитамак. В 1750 г. служилые татары Казанского адмиралтейства из д. Апасово Свияжского уезда Казанской губернии основали недалеко от устья р. Стерля д. Стерлитамак. Следовательно, образование д. Белебей надо искать после 1750 г. Раньше его просто не было.

В РГАДА по д. Белебей (Белебеево) Казанской дороги Уфимского уезда за 1762—1765 гг. обнаружены данные о ее населении в 207 душ мужского пола новокрещенов, среди них 2 татарина и 3 вотяка¹³.

Первыми жителями Белебеево являются переселенцы из 21 деревни Свияжского (147 муж.), 9 — Чебоксарского (31 муж.), 4 — Цивильского и 4 — Казанского уезда Казанской губернии, а также из 2 деревень Курмышского уезда Нижегородской и 1 деревни Симбирского уезда Симбирской губернии. Нужно подчеркнуть, что во время II ревизии населения в 1744—1747 гг. все будущие переселенцы вышеуказанных уездов еще проживали на своей малой родине.

По итогам II ревизии населения к 1752 г. был подготовлен и в 1755 г. выпущен «Атлас Оренбургской губернии с прилежащими к ней местами по ландкартам Красильникова и топографии П.И. Рычкова 1755 года». В кругу краеведов этот труд известен как «карта Красильникова» и находится в Национальном

архиве Республики Башкортостан. На этой карте указана р. Белебей без населенных пунктов. Следовательно, чувашские переселенцы в районе р. Белебей появились после 1752 г., во времена правления императрицы Елизаветы Петровны. В «Памятной книжке Уфимской губернии на 1878 год» записано: «Белебей при речке Белебейка и ключе Кузнечном, в 30 вер. в сторону Уфимско-Казанского тракта; от Уфы в 168, С.-Петербурга 1944, Москвы 1270 верстах. Окрестности Белебея служили местом башкирских кочевков... При Императрице Елизавете Петровне, когда в Уфимской провинции окрещено было много чуваш, часть этих новокрещеных поселена была на месте нынешнего Белебея, который назывался селом Белебеем... В этом селе была деревянная церковь во имя Св. Михаила Архангела, построенная в 1757 году по благословению архиепископа Казанского Гавриила с целью утверждения чуваш в православии. Когда начался пугачевский бунт, возмущившиеся чуваша сожгли в 1774 году эту церковь и пристали к бунту. После усмирения бунта большая часть чуваш была прощена по воле государыни Екатерины II и по распоряжению посланного на окончательное усмирение бунта генерал-аншефа графа Панина.

При переименовании Оренбургской губернии в Уфимское наместничество село Белебей назначено по указу 23—24 декабря 1781 г. уездным городом, и чуваша большею частью выселены, а в город переведены преимущественно русские.

В 1865 г. Белебей наименован уездным городом Уфимской губернии. Белебей — самый маленький из городов Уфимской губернии. В нем 3 церкви, 3 каменных и 317 деревянных домов. Число жителей обоего пола 3368, из них мужчин 1712, женщин 1656. Значительную часть населения составляют чуваша... В Белебее бывают две ярмарки: Февральская — с 25 февраля по 3 марта, и Покровская — с 1 по 8 октября»¹⁴.

Согласно сведениям из источников, «в 1762—1765 гг. по Казанской дороге Уфимского уезда учтены чувашские деревни Базгиево, Андреевка, Андреево (Зингиреево), Ермолаево (Ермолаевка), Белебеево, Камышенка, Крыкнарлат, Кошаево и Каран (Азикова Пустошь)»¹⁵.

В 1782 г. по Белебеевской округе Уфимского наместничества, кроме вышеперечисленных, учтены селения «Кайрякле, Курчее-

ва, Менеус, Кистеня Вершины, Менеус-Баш, Елань-Чишмы, Аделево, Тюртюли, Кучуково, Устемово, Бюзюрово, Бижбуляк Новая, Баскаево, Каныбеково, Илькино (Карын-Илга), Ново-Семеново¹⁶. При этом д. Ермолаево учтена как Ермолкино, д. Андреево — как Зингиреево (Осиново), д. Белебеево — как г. Белебей.

Второй «особой» сказкой IV ревизии (1782) в д. Слакбаш отмечено 67 душ мужского пола и 60 душ женского пола, все они являлись переселенцами из г. Белебей. Во главе сказки указан 46-летний Иван Сергеев из с. Ковали (Кавал) Аринской волости Свияжского уезда. Там же учтены 66-летний Родион Иванов, 44-летний Иван Яковлев и 42-летний Василий Савельев — уроженцы д. Тансарино (Тупах) Яльчиковской волости Свияжского уезда, также упомянутый выше, теперь уже 54-летний предок К. Иванова Антон Данилов — выходец из д. Белебеево.

Как уже выше отметили, на основе материалов ревизских сказок и ландратской (переписной) книги Цивильского уезда 1719, 1748 и 1762 гг. устанавливается, что предок поэтов К.В. Иванова и Я.Г. Ухсая Антон Данилов родился в семье ясачных крестьян в д. Багильдино (современное название — Байгильдино, чуваш. *Пайкилт*), «что на Хирпосях (Хирбосях)», Второ-Тугаевской волости Цивильского уезда¹⁷. Ныне д. Байгильдино находится в составе Канашского района Чувашской Республики.

После 1783 г. по «указам Уфимской казенной палаты была учтена в дер. Слакбашево новая партия переселенцев — 16 дворов (52 мужчины и 48 женщин)». Во главе этой группы был указан Антон Данилов. В составе переселенцев зафиксированы крестьяне «деревень Адияровой, Пояновой, Новой Икковой, Бурна Цивильской округи, Емашевой и Шутнеру Чебоксарской округи, села Архангельское Ковали тож Свияжского уезда и из г. Белебей.

В составе очередной партии переселенцев, учтенных в 1794—1795 гг., были 31 мужчина и 30 женщин — выходцы из деревень Семеново, Байгильдино Цивильской округи, Горбиково, Чарбось, Ямашево, Тансарино, Чашлама Ядринской округи, села Троицкое.

Среди переселенцев 1796 г. было 9 мужчин и 10 женщин из д. Тончурино Чебоксарской и д. Буртас Цивильской округи.

Тогда же 3 мужчин переселились в Слакбаш из г. Белебей и д. Ермолкино»¹⁸.

Одной из главных причин, вынудивших чувашей д. Белебеево переселиться в другие места, в частности на слакбашские земли, было объявление этого селения в 1781 г. уездным городом. Таким образом, предки слакбашцев стали жертвами административно-территориальной реформы императрицы Екатерины II и вынуждены были переменить место жительства.

После переселения на слакбашские земли белебеевцы и ермолаевцы заключили два договора об аренде земли у местных вотчинников на 50 лет. 2 февраля 1788 г. вотчинники команды старшины Каипа Зиямбетова Белебеевской округи Уфимского наместничества дали договорное письмо «из оброку на 50 лет за 282 руб. земли под поселение и хлебопашества чувашам-новокрещенам дер. Слакбашевой Тихону Васильеву, Василию Савельеву, Василию Тимофееву с товарищи (всего 196 мужчин)»¹⁹.

Таким образом, как выясняется из архивных источников, в состав жителей Слакбаша вошли в разное время переселенцы из ряда чувашских селений современной Чувашской Республики:

- д. Байгильдино (*Пайкилт*) Цивильского уезда (д. Байгильдино, Канашский район);

- д. Тансарино (*Тупах*) Свияжского уезда (с. Тансарино, Урмарский район);

- д. Адиярово (*Элтус*) Цивильской округи (с. Алдиарово, Янтиковский район);

- д. Пояново (*Кивё Пуянкасси*) Цивильской округи (д. Старое Буяново, Янтиковский район);

- д. Новое Икково (*Иккасси*) Цивильской округи (с. Икково/Второе Икково, Чебоксарский район);

- с. Ковали (*Кавал*) Свияжского уезда (с. Ковали, Урмарский район);

- д. Семеново (*Уйкас Мами*) Цивильской округи (д. Семёновка, Канашский район);

- с. Троицкое (*Кивё Сăрьел*) Ядринской округи (д. Троицкое, Вурнарский район);

- д. Чарбось (Ямашево Чарбоси тож; *Ямаш Чарнусь*) Ядринской округи (д. Полевые Яуши [*Явйш*], Комсомольский район);

— д. Ямашево (*Чарпуҫ*) Ядринской округи (с. Ямашево, Канашский район);

— д. Чешлама (*Чашлама*) Ядринской округи (д. Чешлама, Козловский район);

— д. Тончурино (*Тёмер*) Чебоксарской округи (с. Новое Тинчурино, Яльчикский район);

— д. Буртас (*Пӑртас*) Цивильской округи (с. Буртасы, Урмарский район).

По состоянию на 1848 г. на землях башкир Илькульминской и Кулильминской волостей проживало 300 душ мужского и 420 душ женского пола — жителей Слакбаша²⁰.

До 1859 г. слакбашские крестьяне ходили в Михаило-Архангельский собор г. Белебея, в 1859—1891 гг. — в Кресто-Воздвиженскую церковь с. Воздвиженское (ныне в составе Альшеевского района). Некоторые прихожане посещали Димитриевскую церковь в с. Надеждино (расположено рядом с железнодорожной станцией Аксаково, Белебеевский район). В 1892 г. в Слакбаше открывается Михаило-Архангельская церковь.

Согласно данным официальных органов от 1896 г., с. Слакбаш «расположено на равнине при подошве возвышенности, возле р. Слак, годной для мельниц... Местность гористая. В селении бывают базары. Промыслы: работают в свободное от полевых работ время на железной дороге (очищают путь от снега)»²¹. Кроме того, население занималось портняжничеством. При р. Слак располагались 6 водяных мельниц. В Слакбаше работал случный пункт для разведения лошадей. Владелец его был Василий Николаев Иванов — отец поэта Константина Иванова.

В заметке краеведа Г.Г. Макарова говорится, что первый дом, построенный «по-белому», появился в Слакбаше в 1831 г. Его хозяином был *Макар мучи*. И только в 1886 г. два крестьянина — Ванюшке и Хурсь — сумели выстроить себе дома с печной трубой и приобрести керосиновые лампы²².

По данным подворной переписи крестьянских хозяйств 1912—1913 гг., в с. Слакбаш было 389 хозяйств с населением 2228 человек обоего пола (1102 муж.)²³. Единственным в Слакбаше торговцем являлся 45-летний Егор Петрович Беляев.

Первая школа в Слакбаше была открыта 3 декабря 1891 г. Это была так называемая миссионерская школа. Священник

Слакбашской церкви Иоаким (Иванов) сумел собрать 60 первых учащихся²⁴. Школа помещалась в здании, построенном летом 1892 г. на средства, выделенные уфимским епископом Дионисием. Бревна и железо для крыши здания школы и для учительской квартиры были доставлены по железной дороге из Уфы. Кроме мужской школы, в 1898 г. в Слакбаше были открыты женская одноклассная, в 1905 г. — двухклассная миссионерские школы.

Таким образом, вновь выявленные материалы, относящиеся к XVIII—XIX столетиям, позволяют уточнить и дополнить малоизученные страницы истории возникновения Слакбаша, ставшего к началу XX в. одним из крупных чувашских селений в Башкирском крае. Архивные источники подтверждают, что, в отличие от других селений чувашской диаспоры, история Слакбаша имеет уникальный характер в силу того, что его возникновение и формирование населения напрямую были связаны с историей старинного города Белебея, возникшего на месте поселения чувашских переселенцев. И, наконец, благодаря своим славным уроженцам — гениальным чувашским поэтам К.В. Иванову и Я.Г. Ухсай — с. Слакбаш стало значимым и ярким национальным историко-культурным центром чувашского народа за пределами Чувашской Республики.

Литература и источники

¹ Я.Г. Ухсай в воспоминаниях современников / сост. А.И. Дмитриева, Е.Я. Ухсай. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. С. 8.

² *Артемьев Ю.М.* Константин Иванов. Жизнь. Судьба. Бессмертие. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013; *Иванов В.П., Сафин М.Х.* Малая родина поэта Константина Иванова в свете новых данных по его родословию // Чувашский гуманитарный вестник. 2010. № 5; Родники Слакбаша: литературно-краеведческий сборник / сост. А.А. Кондратьев. Уфа: Изд-во Уфим. нефтяного ун-та, 1996.

³ *Иванов В.П., Сафин М.Х.* Указ. соч.

⁴ Константин Иванов: фотоальбом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 17.

⁵ Башкирская энциклопедия. Т. 5. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2009. С. 531; *Катулевская З.П.* В краю поющих родников (Из истории села Слакбаш Белебеевского района Республики Башкортостан): историко-документальные очерки. Белебей: З.П. Катулевская, 2013. С. 11.

⁶ *Матвеев Г.Б., Петров И.Г.* Слакбаш // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 4. С. 41.

- ⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 3795. Л. 669.
- ⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 4. Ч. 1. С. 340—341.
- ⁹ Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 35. Л. 485—487.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3795. Л. 747—752.
- ¹¹ Там же. Л. 669—678.
- ¹² Там же. Л. 669.
- ¹³ Там же. Л. 669—701.
- ¹⁴ Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Уфа: Губерн. тип., 1878.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3795. Л. 536—1018.
- ¹⁶ Там же. Ф. 558. Оп. 2. Д. 293. Л. 73—74, 87—87 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 4013. Л. 228, 229 об.; Д. 4019. Л. 772, 774 об.; Д. 4023. Л. 405, 408 об.
- ¹⁸ Национальный архив Республики Башкортостан. Д. 35. Л. 498 об.—514.
- ¹⁹ Там же. Д. 9626. Л. 10 об., 13, 16.
- ²⁰ Там же. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 108. Л. 275—277.
- ²¹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 4. Белебеевский уезд. Уфа: Уфим. губерн. земская управа, 1898. С. 913.
- ²² Макаров С.Г. Слакпуҫ таврашёнче [В Слакбашском крае] // Ялав. 1990. № 5. С. 24.
- ²³ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Уфа: Электр. тип. т-ва «Печать», 1914. С. 370—377.
- ²⁴ Макаров С.Г. Указ. соч.

**СОЮЗ МЕЛКИХ НАРОДНОСТЕЙ
ПОВОЛЖЬЯ (1917—1918) И ПРОЕКТ
«НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ»***

Коренные нерусские народы Волжско-Камского региона — марийцы, мордва (эрзя и мокша), удмурты, татары, кряшены (крещеные татары), башкиры и чувашаи — объединены общностью исторических судеб, многовековыми межэтническими культурно-языковыми взаимосвязями. После их присоединения к Московскому государству в XVI в. неофициальным национально-культурным центром для большинства из них становится Казань¹. Во второй половине XIX в., главным образом благодаря функционированию первой профессиональной чувашской школы, основанной И.Я. Яковлевым, появляется второй центр притяжения чувашей — г. Симбирск. После Февральской революции возникают еще несколько очагов чувашского национального движения — города Уфа, Чебоксары, Цивильск, Ядрин и др.

В царской России нерусские народы Волго-Камья были расселены на территории нескольких губерний и, по существу, кроме татар, не имели четко обозначившихся единых центров национальной консолидации. В силу известных особенностей этнической истории и культурно-конфессиональных ориентаций процессы национальной консолидации и мобилизации у народов региона в конце XIX — начале XX в. протекали неравномерно, сравнительно выраженный характер они имели лишь у татар. Ко времени революционных событий 1917 г. национальные устремления у немусульманских нерусских народов Волго-Камья не выходили за рамки требований установления национально-культурной автономии, то есть национально-языкового равноправия.

Февральская революция зародила в нерусских народах надежду на национальное возрождение. У зачинателей национальных движений программы действий формировались в ходе углубления революции. В начальный ее период главной задачей представлялась ликвидация языкового неравноправия, то есть изда-

* Написана в соавторстве с А.П. Леонтьевым.

ние на родном языке газет и журналов, использование его в школах, суде и церковной службе. С углублением национального движения определились требования политического плана, в том числе всегда раздражавший великодержавных шовинистов империи вопрос о национально-пропорциональном представительстве нерусских народов в административных, общественных и прочих организациях.

В условиях царской России все немусульманские народы региона были одинаково неравноправны в политико-правовом, национально-культурном, языковом и религиозном отношении и являлись «братьями по несчастью». Поэтому их представители вместе, сплоченно включились в национальное движение и нашли удовлетворившую всех форму объединения — Общество (впоследствии — Союз) мелких народностей Поволжья (далее ОМНП), созданное 22 марта 1917 г. на собрании представителей нерусских народов в Казани².

Для этого, безусловно, были определенные предпосылки. В книге «Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение» один из лидеров чувашского национального движения Д.П. Петров (Юман) отмечает: «В начале XX века в чувашском национальном сознании совершенно отчетливо сложилась программа целей и действий, свидетельствующая о притязании чувашской нации на культурную автономию и на ограниченное крутом местных дел национальное самоуправление»³. Позднее, в 1926 г., Д.П. Петров (Юман) снова возвращается к этому своеобразному периоду: «Формы и методы революционной борьбы чувашей, если подходить к ней с общей меркой, были довольно бледны и элементарны. Но если рассматривать эту борьбу в исторической перспективе, то приходится признать, что она составила целую, совершенно новую эпоху в истории. <...> Знамёнательность и характерность этой борьбы заключается в большей определенности ее социально-политической программы и, главное, в ясно и отчетливо выраженной идее общенационального объединения чувашей в целях свержения национального гнета и завоевания свободы для беспрепятственного культурно-хозяйственного строительства соответственно заложенным в народе силам и возможностям. <...> Революционные требования поработенного чувашского народа нашли более полное и отчетливое выражение в революционной деятельности чувашской интеллигенции»⁴.

Инициаторами создания ОМНП выступили преподаватели казанских вузов и семинарий. Наибольшую активность проявили чуваши. Решение организационных вопросов объединения возглавил чувашский историк и этнограф, приват-доцент Казанского университета, член совета, делопроизводитель переводческой комиссии Православного миссионерского общества при Братстве святителя Гурия Н.В. Никольский, который и был избран председателем правления Общества. Были созданы секции: чувашская (к началу августа выросла до 193 чел.), марийская (горные и луговые марийцы — 47 чел.) и мордовская (2 чел.). Как сочувствующие вступили в Общество 36 русских, 2 татарина-мусульманина, по 1 башкиру, якуту, калмыку, латышу, эстонцу и украинцу. Записался даже находившийся на стажировке в Казанском университете выпускник Хельсинкского университета, впоследствии известный лингвист Арво Рясанен. Первоначально объединение поддерживали денежными средствами несколько чувашских купцов и офицеров, в ходе съезда делегатами и гостями были внесены от 50 коп. до 15 руб. (в основном по 3 руб.) со стандартной формулировкой «на общие нужды». Некоторые из них указывали свой адрес. Например, прапорщик 164-го запасного полка И.В. Васильев и прапорщик 240-го запасного полка Г.С. Сергиев пожертвовали по 10 руб. «казначее чувашской секции», а «пожизненные члены Общества» (из устава ОМНП) Н.В. Никольский, П.Т. Селиванов, П.Д. Селиванов — по 100 руб. и более (в том числе на издание газеты «Хыпар»)⁵.

В пробуждении национального движения у немусульманских народов Волго-Камья, определении задач национального возрождения в рассматриваемый исторический период и сплочении национальных элит важнейшую роль сыграл I Съезд мелких народностей Поволжья, подготовленный и созванный правлением ОМНП по почину его председателя Н.В. Никольского. Он состоялся 15—22 мая 1917 г. в Казанском университете. Из Поволжья прибыли чуваши, марийцы, удмурты, калмыки, крещенные татары, мордва (эрзя и мокша). Народности северо-востока страны представляли зыряне и пермяки. Свыше 500 участников.

Съезд открыл Н.В. Никольский. Председателем форума единогласно был избран Н.А. Бобровников. В первый же день работы съезда были образованы четыре комиссии: 1) издательская,

2) школьная, 3) церковная, 4) по местному самоуправлению. Было решено «16-е число мая (следующий день) посвятить занятиям комиссий»⁶. Комиссии работали и 17 мая.

Основной тон работе съезда задавали чувашские делегаты. По-видимому, их представители — эсеры Г.Ф. Алюнов, И.В. Васильев и С.Н. Николаев — основательно «поработали» с делегатами, ибо на втором заседании, 18 мая 1917 г., первым выступил не докладчик по вопросам образования (приоритетность коего обозначил Н.А. Бобровников), а докладчик комиссии по местному самоуправлению — делегат от симбирских чувашей Ф.Б. Исланкин. Он сообщил, что комиссия «признала желательность единой демократической республики с широким местным самоуправлением; хотя в комиссии были и сторонники федеративной республики, но она, комиссия, признала, что мелкие народности Поволжья в настоящее время не подготовлены к такому строю»⁷.

I Съезд мелких народностей Поволжья, вне всякого сомнения, можно считать одной из первых публичных дискуссионных площадок чувашских политических деятелей по вопросам местного самоуправления (национально-культурной автономии). Позиция лидеров чувашских эсеров была едина. Г.Ф. Алюнов: «Устройство федеративной республики на национальных началах невозможно, а для устройства федеративной республики на территориальных началах в данный момент необходимы культурно-политические условия»⁸. С.Н. Николаев: «Введение федеративной республики находит неприемлемым для мелких народностей за недостатком культурных сил среди этих народностей»⁹. Резолюция комиссии гласит: «Ввиду невозможности осуществления в данный момент федеративной республики Съезд высказывается за демократическую республику с самым широким местным самоуправлением»¹⁰.

Альтернативная комиссии позиция, «2-я резолюция Ивана Васильева», значительно отличалась: «Признавая федеративную республику самой желательной формой правления и не возражая против создания особых штатов на окраинах, Съезд представителей мелких народностей Поволжья вынес решение: в настоящий момент своих штатов не образовывать, но в законодательном порядке обеспечить возможность перерождения самоуправления в местные штаты на территориально-национальных

основах, когда местные национальности политически и культурно разовьются до надлежащего уровня»¹¹.

Резолюция комиссии принимается незначительным большинством. Но на этом дебаты не закончились. 19 мая 1917 г. Н.В. Никольский заявляет, что «внесена формула о форме правления Г.Ф. Алюновым, примиряющая две резолюции»¹².

В результате съезд постановил: «<...> Российская демократическая республика должна быть устроена на таких началах, чтобы в ее основных законах не заключалось препятствий к переходу ее в федеративную республику при наступлении соответствующих культурно-политических условий. <...> Признать, что Учредительному собранию следует установить в России демократическую республику с предоставлением: а) самой широкой автономии: политической, сообразно с местными условиями, тем окраинам, которые имеют отдельное и обособленное историческое прошлое, и культурной — всем мелким народностям; б) самого широкого самоуправления всему населению Российской державы»¹³.

Политика компромиссов. «А примиряла она (резолюция Алюнова. — *Авторы.*), на наш взгляд, скорее всего, авторитет зрелого и признанного чувашского лидера того времени Г.Ф. Алюнова с молодым и перспективным политиком И.В. Васильевым, — размышляет историк С.В. Шербаков. — Причем первый, как видно, воспринял позицию второго. В дальнейшем эта резолюция перешла в решения I Всечувашского национального съезда в июне 1917 г., способствовала фактическому признанию Совнаркомом РСФСР экстерриториальной автономии чувашского народа в мае 1918 г., в июне 1920 г. образованию Чувашской автономной области и в апреле 1925 г. созданию Чувашской АССР»¹⁴.

Для национального сплочения поволжских народов значение Съезда было огромным. Вслед за ним состоялись национальные съезды чувашей (Симбирск, 20—28 июня 1917 г.), марийцев (Бирск, 15—25 июля), удмуртов (Глазов, 14 июля). Благодаря энергичной деятельности Н.В. Никольского и его участию в работе губернской земской управы в качестве заместителя председателя (а затем председателя), Обществу удалось добиться выделения ассигнований для открываемых учительских семинарий и сельских высших начальных училищ, содержания

библиотек и налаживания издательского дела на языках народностей региона. Например, при финансовом содействии губернского земства начинают выходить в 1917 г. две газеты Общества: чувашская — «Хыпар» в Казани и марийская — «Ужара» в Вятке¹⁵.

В условиях резкой активизации в 1917 г. национального движения в регионе, в связи с возникновением национальных обществ у чувашей и марийцев стал необходимым пересмотр организационной структуры, целей и задач Общества. 1 августа 1917 г. в Казани был созван II Съезд мелких народностей Поволжья, в котором приняли участие около 100 делегатов. ОМНП было преобразовано в Союз мелких народностей Поволжья, его председателем был избран Н.В. Никольский. Съезд принял устав Союза и завершил свою работу принятием воззвания «К свободным гражданам великого Отечества — братьям чувашам, мари, эрзе, мокше, вотякам, зырянам, пермякам и другим»¹⁶.

Следует отметить, что чувашский просветитель, в тот период инспектор Симбирской чувашской учительской школы, И.Я. Яковлев пренебрежительно отозвался о ОМНП. По-видимому, это связано с неприязненным его отношением к персоне Н.В. Никольского. «Инициатором мифического национального “Общества мелких народностей Поволжья” был тот самый Н.В. Никольский, — читаем в его воспоминаниях. — <...> В общем, это мелкий человек. Неудивительно, что и из затей его относительно “Общества мелких народностей Поволжья”, как кажется, ничего путного не вышло. Устав “Общества мелких народностей Поволжья”, никем не утвержденный, мною назван выше “фантастическим”, но его надо назвать просто глупостью и по существу, и в деталях»¹⁷.

А по мнению И.Д. Кузнецова, «решения (ОМНП, а затем Союза. — *Авторы.*) по всем вопросам представляли собою сделку между национальной буржуазией и мелкобуржуазной интеллигенцией, представленной в эсеровских организациях, соглашение в целях подавления революционного движения широких масс»¹⁸.

Изучение материалов о Союзе мелких народностей Поволжья показывает необъективность оценок И.Я. Яковлева и надуманность позиций чувашских историков-марксистов. Во-пер-

вых, ОМНП, как видим, было лишь началом консолидации общественных организаций разных народов Поволжья и Приуралья, трансформировавшись в более крупное объединение — Союз. Последний не являлся политической организацией, тормозившей развитие «революционной борьбы рабочего класса и трудящегося крестьянства»¹⁹. Во-вторых, он не проповедовал идеи «буржуазного национализма», а выдвигаемые им требования и цели определялись уровнем развития национального движения народов региона. В-третьих, достигнутые Союзом рубежи и планы на перспективу не выходили за рамки национально-культурной автономии, исходили из реальных возможностей, наличия национальных кадров для решения тех или иных задач²⁰.

По оценке инициатора создания Чувашского национального общества с центром в г. Уфа, историка и этнографа Г.И. Комиссарова, «съезды проходили с необыкновенным подъемом духа и вообще очень единодушно. <...> Они составили себе задачи общенародные, но непартийные, а потому на этих съездах можно было наблюдать трогательное единение всех общественных элементов собравшихся народностей: и простого крестьянства, и военных, и светской интеллигенции, и духовенства. <...> Единомыслие чуваш, поддерживавшееся в 1917 году, дало благие результаты»²¹.

В уставе, принятом на II съезде, были сформулированы задачи Союза. *В политической области* предполагалось: а) содействовать насаждению и укреплению в России «свободного, демократического и правового строя», способного уважать права отдельных народов и защитить интересы национальных меньшинств; б) способствовать осуществлению национального самоопределения «мелких» народностей (под этим подразумевалось предоставление равных прав их языкам в школе, церковной сфере, учреждениях местного самоуправления, книгоиздательском деле); в) требовать введения пропорционального представительства меньшинств при выборах в государственные органы и учреждения местного самоуправления и пропорционального распределения денежных и других средств на нужды «мелких» народностей.

В социальной области была поставлена задача добиваться установления равенства обоих полов для участия в общественно-политической жизни, признания национально-бытовых особенностей «мелких» народностей, активного их участия в работе органов самоуправления на местах.

В экономической сфере первоочередными целями были определены разрешение земельного вопроса в интересах крестьянства, распространение среди «мелких» народностей всякого рода кооперативных товариществ, обществ и союзов, развитие промышленности и ремесленно-кустарного промысла.

В культурно-просветительской области предусматривалось содействовать всемерному подъему школьного, внешкольного, дошкольного и профессионального образования «мелких» народностей, общему и нравственному воспитанию их, изданию и распространению литературы.

Цели религиозно-нравственного воспитания преследовали упорядочение церковной жизни на началах освобождения церкви от государственной опеки, введение системы выборов священников и епископов приходскими и епархиальными общинами, образование из приходов «мелких» народностей особых епархий во главе с епископом из лиц соответствующей народности, совершение богослужений и отправлений треб в приходах на «материнском» языке²².

Устав Союза мелких народностей Поволжья в дальнейшем стал основой программных документов отдельных национальных объединений региона, в частности Чувашского национального общества (ЧНО), созданного чувашскими правыми социалистами-революционерами, которые в то время имели невероятно высокую популярность среди соплеменников и которые в острой борьбе завоевали 5 мест на выборах во Всероссийское учредительное собрание [Г.Ф. Алюнов, И.В. Васильев, С.Н. Николаев, Д.П. Петров (Юман), Г.Т. Титов].

Отметим также следующий исторический факт: до конца лета 1918 г., то есть до момента установления жесткой коммунистической диктатуры, Союз мелких народностей Поволжья ни разу не подвергался гонению, не считался организацией антисоветского толка²³.

В июне 1918 г. состоялся III Съезд Союза мелких народностей Поволжья, на котором речь шла о мерах по обеспечению финансирования культурно-просветительных учреждений «мелких» народностей Поволжья, о национальном школьном, дошкольном, внешкольном и профессиональном образовании, об отношении к вопросу о создании Татаро-Башкирских штатов²⁴.

Вполне возможно, что при демократическом строе, не будь раздавлены его ростки большевиками, Союз мелких народно-

стей Поволжья мог бы продолжать содействовать национально-культурному возрождению входивших в него народов. После разгрома антибольшевистских сил в Поволжье в августе — сентябре 1918 г. Союз официально нигде не фигурирует, однако опыт его деятельности не сразу вышел из практики. Так, 12 ноября 1918 г. в Казани состоялось совещание представителей «мелких» народностей Поволжья, которое внесло в губернские органы ряд предложений по реорганизации системы народного образования, обсуждавшихся еще на съездах и собраниях Союза²⁵.

Деятельность Союза мелких народностей Поволжья оживила работу по национальной консолидации нерусских народов региона, прежде всего в районах компактного расселения их диаспорных групп, оказала идейно-организационное воздействие на сплочение их элит в национальные общества и союзы, содействовала открытию национальных учебных заведений в Уфимской, Вятской, Симбирской и Самарской губерниях. Следует отметить, что именно благодаря активной инициативной позиции руководителей Союза создаются в марте 1918 г. при Казанском губернском совете комиссариаты по делам отдельных народностей Поволжья (чувашской, марийской и др.). Союз оказал прямое влияние и на образование соответствующих структур по делам национальностей Поволжья при Наркомнаце РСФСР, где уже в марте 1918 г. был сформирован Чувашский отдел, несколько позднее — Марийский и др., которые в перспективе стали структурами, приведшими к созданию национально-территориальной автономии этих народов²⁶.

Вернемся к проблеме государственного переустройства России. На I Общечувашском национальном съезде, состоявшемся 20—28 июня 1917 г. в Симбирске, «формула» Г.Ф. Алюнова трансформируется в резолюцию «О форме государственного правления». Приведем текст этого документа: «Чувашский народ, признавая, что лучшей формой государственной организации, наиболее полно и лучше обеспечивающей народовластие и национальные права народностей разноплеменной России, является федеративная республика, но по условиям политического момента считая в настоящее время ее неосуществимой, высказывается за демократическую республику, причем Российская Демократическая Республика должна быть устроена на таких

началах, чтобы в ее основных законах не заключалось препятствий к переходу ее, при наступлении соответствующих культурно-политических условий, в федеративную республику. Съезд единогласно постановил, что Всероссийскому учредительному собранию следует установить демократическую республику, с предоставлением:

а) самой широкой автономии: политической — сообразно с местными условиями, тем окраинам, которые имеют отдельное и обособленное историческое прошлое, *и культурной — всем мелким народностям* (курсив наш. — Авторы.) и

б) *самого широкого самоуправления всему населению* (курсив наш. — Авторы.) Российской державы...

Съезд надеется, что каждой из населяющих Россию народностей будет обеспечена свобода самоопределения во всех случаях, затрагивающих их национальные интересы; что каждой национальности будет принадлежать неоспоримое право пользоваться своим родным языком в школе, местных судах и учреждениях; что за всеми национальностями будет признано право беспрепятственно создавать учреждения, имеющие целью сохранение и развитие национальной литературы, искусства, языка и проч.; что основные государственные законы, созданные общегосударственным Учредительным собранием, закрепят за всеми нациями право как на свободное национально-культурное развитие, так и право, при наступлении соответствующих культурно-политических условий, на национальную автономию, основы которой должны быть выработаны, согласно желанию и воле населения, национальными представительными собраниями»²⁷.

Стремление чувашских эсеров ограничиваться культурной автономией «для мелких народностей», на первый взгляд, можно считать недалеким в их мировоззрении. За это их третируют весь период советской власти. Да и в настоящее время их неосуществленный проект не принимается всерьез. Как же так, а почему не политическая, или национально-территориальная, автономия? Давайте задумаемся: может, они не так сильно ошибались? Сначала вернемся к пункту Б резолюции Г.Ф. Алюнова: «самого широкого самоуправления всему населению». Это и есть стремление к осуществлению права народами принципов национально-культурной автономии.

В своей монографии «Хыпар: минувшее и настоящее» один из авторов настоящей статьи довольно глубоко размышлял, разумеется на основе документов, о проекте чувашских эсеров о национально-культурной автономии, предпосылках появления этого проекта²⁸. В газете «Хыпар» в 1906—1907 гг. вопрос о самоопределении наций серьезно не обсуждался. За прошедшее десятилетие к моменту Февральской революции постепенно формировалась национальная идеология, «которая в отношении разрешения национального вопроса, однако, не шла дальше требования культурно-национальной автономии для чувашей»²⁹. «Идеи о политическом самоопределении в истинном значении этого понятия были чужды революционному поколению 1905 г., — пишет Д.П. Петров (Юман). — <...> В этом отношении оно ограничивалось проектами создания общечувашского земского союза и объединения чувашских кооперативов, которые, являясь некоторым образом органами выявления народной воли, могли бы решать и проводить в жизнь политические и экономические задания нации, как, например, учреждение национального фонда для обслуживания разного рода общенациональных мероприятий для улучшения экономического благосостояния народа»³⁰. Примечательно, что руководитель чувашских эсеров Т.Н. Николаев (Хури) имел прозвище «Президент»³¹.

В начале XX в. 64 % чувашей европейской части Российской империи проживало в Казанской, 18 % — в Симбирской и 11 % — в Самарской губернии, а остальные 7 % этноса находились на территориях других губерний³². По данным Н.В. Никольского, к 1911 г. чувашаи были расселены «в 15 губерниях и 4 областях»³³. Одним словом, сплошная чересполосица. Как объединить соплеменников, как ими управлять и какую форму объединения считать наиболее оптимальной?

Чувашские эсеры под идейным руководством «старых революционеров» (Г.Ф. Алюнов), а они, как мы уже заметили, задавали тон на всех съездах Общества (Союза) мелких народностей Поволжья, а также на общечувашских съездах, и в 1917—1918 гг. продолжали работать над созданием общечувашского земского союза. Земства с самого их создания функционировали только на уровне губерний и уездов, тогда как чувашаи проживали в 262 волостях. Проект культурно-национальной автономии, безусловно, включал в себя создание волостных земств,

где, как предполагали лидеры чувашских организаций, можно было удовлетворить национально-культурные потребности этноса. В итоге волостные земства были созданы в 1917 г. и просуществовали до 1919 г.

Но как решить основной вопрос: национально-культурная автономия или национально-территориальная автономия?

В ноябре 1917 г. в Уфе Национальное собрание мусульман турко-татар внутренней России и Сибири приняло решение о создании штата Идель-Урал (Волжско-Уральского штата), включающего в себя Южный Урал и Среднее Поволжье³⁴. Идея создания такой административной единицы напрямую затрагивала интересы чувашского народа. Работавший в Казани с 12 января по 2 февраля 1918 г. Всероссийский чувашский съезд военнослужащих уделил большое внимание данной инициативе. Комиссия по национальному вопросу (председатель Г.Т. Титов, докладчик И.В. Васильев) предложила разные варианты развития событий в процессе национального возрождения чувашей. Во-первых, ничего не предпринимая, пассивно ждать общегосударственной административно-территориальной реформы, во-вторых, образовать «чувашский национальный территориальный штат». Однако, по мнению комиссии, для ее создания чувашаи пока не имели ни кадров, ни материально-культурных средств (нужны были центр притяжения и исполнительный орган), да и сама масса чувашского населения не была охвачена ясным сознанием целесообразности территориального самоопределения. Исходя из таких соображений, комиссия предложила третий вариант: включить чувашскую (административную. — *Авторы.*) территорию в проектируемый мусульманами Волжско-Уральский штат «Идель-Урал» при соблюдении определенных условий. В частности: «...в пределах штата все народности должны быть равными, суверенными и иметь культурно-национальную автономию; кроме того, наряду с татарами и русскими, чувашаи должны представлять в штате третью силу, притягивающую к себе другие малые нации — марийцев, удмуртов, мордву. В связи с последним соображением следовало бы изменить, т.е. расширить, границы штата для включения в его состав территорий, заселенных названными народами. <...> В штате все природные и культурно-экономические ценности объявить интернациональными»³⁵.

Однако торжественное провозглашение в Казани штата Идель-Урал было сорвано большевиками. Декретом Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР от 22 марта 1918 г. было объявлено о создании Татаро-Башкирской советской республики. При определении границ за основы приняли проект, подготовленный башкирскими и татарскими революционными организациями. В эту административно-территориальную единицу предполагалось включить всю Уфимскую губернию, башкирские населенные пункты Оренбургской и Казанской губерний, за исключением чувашско-марийской части, и прилегающие мусульманские «анклавы» Пермской, Вятской, Симбирской и Самарской губерний. «Окончательное установление границ Республики предоставляется Учредительному съезду Советов этой Республики»³⁶.

Данный факт вызвал острую полемику среди организаций, состоящих в Союзе мелких народностей Поволжья. На объединенном заседании представителей мелких народностей Поволжья и Приуралья, проходившем в рамках II Всероссийского съезда мари (6—14 июня 1918 г.) 13 июня 1918 г., докладчик, «представитель чуваш» [Д.П.] Петров заявил: «1) Съезд полномочных представителей чуваш категорически отказывается войти в состав Татаро-Башкирской республики. 2) Искусственным путем не может быть создана ни одна государственная единица. При составлении границ не приняты во внимание исторические и экономические связи народностей, входящих в состав республики. <...> 4) ...авантюра эта может кончиться весьма плачевно. Чуваш не войдут в состав этой республики. Но от создания единой областной федеративной республики, совместно с другими народностями, не отказываются»³⁷. Далее из целого ряда весьма обстоятельных речей ораторов (представитель крещеных татар Купцов, представитель вотяков, представитель мари С.Г. Гаврилов, [А.Д.] Краснов, [Г.Ф.] Алюнов, А.А. Пэрк, Н.В. Никольский и др.) «выясняется полная неприемлемость проекта создания республики, выдвинутого татаро-башкирами»³⁸. В итоге объединенное заседание представителей делегатов чувашей, мари, кряшен и вотяков (удмуртов) постановило: «...в осуществлении принципа национального самоопределения и для решения областных дел признать желательным... создание в районе Среднего Поволжья и Приуралья автономной государствен-

ной единицы областного типа, входящей в состав единой Российской Федерации, учрежденной по взаимному соглашению всех местных национальностей...»³⁹.

На фоне этого документа оценка И.Д. Кузнецовым инициативы лидеров национальных движений кажется не совсем верной. «Вся эта путаница проекта чувашских национал-социалистов, — пишет историк, — имела вполне определенную подкладку — идею экстерриториальной культурно-национальной автономии. Они дошли до того, что начали отрицать принцип организации отдельных национальных республик и областей в Поволжье и Приуралье»⁴⁰.

Большевики всегда выступали против проекта национально-культурной автономии. Однако, как известно, после создания по концепции Наркомнаца РСФСР национально-территориальных автономий в форме национальных республик и национальных областей многие народы территориально были разделены. В СССР по результатам переписи 1989 г. чувашей насчитывалось 1 843 300 чел., 906,9 тыс. из них жили в самой Чувашии. Более чем за 20 лет, в период с 1989 по 2010 г., численность чувашского населения в Чувашии сократилась с 906,9 до 814,8 тыс. чел., в стране в целом — с 1 773 до 1 435 млн чел. Как видим, снижение численности этноса произошло в указанный период в основном за счет дисперсно расселенных групп, то есть диаспоры.

Таков результат этногеографического и политико-административного разделения чувашского этноса. Среди чувашей в регионах России и в странах ближнего зарубежья происходят угрожающие по масштабам ассимиляционные процессы, которые не в силах остановить, увы, ни Чувашский национальный конгресс, ни более чем 100 чувашских региональных национально-культурных автономий и объединений.

Невольно возникает риторический вопрос: а как сложилось бы, если бы большевики не проигнорировали проект национально-культурной автономии? Хотя бы для дисперсных, то есть рассеянных по разным регионам, народов? Увы, история не допускает сослагательного наклонения.

Далекое видится на расстоянии. А ведь «старые революционеры» Г.Ф. Алюнов, И.В. Васильев, Д.П. Петров (Юман), С.Н. Николаев в осуществлении проекта национально-культур-

ной автономии видели сплочение и возрождение своего народа. Современная политика изобилует казуистикой. Как нынешние «эсеры» никакого отношения не имеют к социалистам-революционерам, так же нынешние национально-культурные автономии всего лишь жалкая пародия на проект, обсуждаемый 100 лет назад.

Подводим итоги. Первое: ОМНП являлось генератором идей в национально-культурном строительстве. Второе: оно находилось в авангарде национального движения народов Среднего Поволжья и Приуралья. Третье: ОМНП не смогло осуществить проект национально-культурной автономии для народов Поволжья и Приуралья. Четвертое: в большевистской программе в качестве основы в решении национального вопроса проект национально-культурной автономии не стал равноправным с проектом национально-территориальной автономии.

Литература и источники

¹ *Иванов В.П., Изоркин А.В.* «Союз мелких народностей Поволжья» (1917—1918 гг.) — редкий пример региональной межэтнической консолидации и самоорганизации // Проблемы изучения научного наследия Н.В. Никольского. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. С. 269.

² Там же. С. 270.

³ *Петров (Юман) Д.П.* 1905 год (Воспоминания о событиях среди чуваш). Чебоксары: [б.и.], 1925. С. 24. На чуваш. яз.

⁴ *Петров Д.П.* Чувашия: историко-политический и социально-экономический очерк. М.; Л.: [б.и.], 1926. С. 51, 55.

⁵ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 316. С. 1—40.

⁶ Съезды народа мари: документы и материалы, 1917—2004. Йошкар-Ола: Электрон. книгагудо, 2008. С. 6.

⁷ Там же. С. 10.

⁸ Там же. С. 13.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 14.

¹³ Там же.

¹⁴ *Щербаков С.В.* Вопрос о федеративном и унитарном устройстве России на Съезде мелких народностей Поволжья в мае 1917 года // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов: сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. С. 447.

¹⁵ *Иванов В.П., Изоркин А.В.* Указ. соч. С. 272.

¹⁶ Крестьянская газета. Казань, 1917. 3, 4, 6, 9 августа.

- ¹⁷ Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. М.: Республика, 1997. 696 с.: ил.
- ¹⁸ Кузнецов И.Д. Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. С. 64.
- ¹⁹ Иванов В.П., Изоркин А.В. Указ. соч. С. 273.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Комиссаров Г. О чувашских съездах в Казани // Заволжский летописец. Уфа. № 10. 1918. 1 августа. Цитата ранее использована в статье Атнара Хузангая «Чувашский национальный проект, год 1917», опубликованной в № 3 альманаха «КИЛ» за 2007 г., с. 97.
- ²² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 286.
- ²³ Иванов В.П., Изоркин А.В. Указ. соч. С. 273.
- ²⁴ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 499. Оп. 1. Д. 2.
- ²⁵ ГИА ЧР. Ф. 499. Оп. 1. Д. 14.
- ²⁶ Иванов В.П., Изоркин А.В. Указ. соч. С. 274.
- ²⁷ Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским национальным съездом, состоявшимся в г. Симбирске с 20 по 28 июня 1917 г. Симбирск: [б.и.], 1917. С. 2—3.
- ²⁸ Леонтьев А.П. «Хыпар»: минувшее и настоящее: факты, события, личности, судьбы. Чебоксары: Изд. дом «Хыпар», 2011.
- ²⁹ Иванов В.П., Клементьев В.Н. Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы: монографическое исследование. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. С. 21.
- ³⁰ Петров (Юман) Д.П. Указ. соч. С. 24.
- ³¹ Там же. С. 11.
- ³² Иванов В.П., Клементьев В.Н. Указ. соч. С. 11.
- ³³ Никольский Н.В. Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама // Никольский Н.В. Собрание сочинений. В 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. 3. С. 358.
- ³⁴ Исаков С.М. Октябрьская революция и борьба мусульманских лидеров за власть // Отечественная история. 1999. № 1. С. 51.
- ³⁵ Изоркин А.В. От зарождения идеи самоопределения до образования автономии // Проблемы национального в развитии чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. С. 20—37.
- ³⁶ Султанбеков Б. Образование Башкирской и Татарской республик: сцена и закулисы // Казанские истории: культурно-просветительская газета. URL: www.history-kazan.ru (дата обращения: 12 октября 2017 г.).
- ³⁷ Съезды народа мари. С. 184—185.
- ³⁸ Там же. С. 186.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Кузнецов И.Д. Указ. соч. С. 88.

ЭТНИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Бесспорен тезис, что любая, даже крайне сжатая информация о том или ином народе, будет неполной, если она не содержит сведений прежде всего о численности и географии его расселения. Это обстоятельство приобретает особо важное значение при характеристике этнических общностей, населяющих многонациональные государства, где изменения расселенческих и демографических параметров народов нередко становятся решающим фактором не только собственно этнических, межнациональных, но и политико-государственных процессов. В этом плане анализ исторической динамики численности и расселения чувашского этноса — пятого по численности народа России — представляет особую значимость, тем более, если иметь в виду наличие у него крупных этнотерриториальных групп в целом ряде регионов страны.

Среди российских народов чувашский этнос выделяется рядом весьма специфических расселенческих и этнодемографических характеристик, которые являются результатом длительного исторического развития. Во-первых, чуваша являются одним из крупных этносов страны. В 1989 г. их численность в СССР составляла 1842,3 тыс. чел., в том числе в РСФСР — 1773,6 тыс. чел. В СССР чуваша по численности занимали 16-е место, а по РСФСР — 4-е (после русских, украинцев и татар). Согласно данным переписи 2010 г., они переместились по данному показателю на 5-е место, составив 1 млн 435,8 тыс. чел.

Во-вторых, чувашский народ — один из наиболее дисперсно расселенных: 43,3 % всего его числа (621,1 тыс. чел.) проживает вне Чувашской Республики в других регионах страны. В 2010 г. чуваша были зафиксированы во всех субъектах РФ, а в 57 из них числом 1000 и более чел. Наиболее многочисленно и компактно чуваша живут в Татарстане (116,3 тыс.), Баш-

кортостане (107,5 тыс.), Ульяновской (95,0 тыс.) и Самарской (84,1 тыс. чел.) областях. Значительные группы чувашей, но расселенных менее компактно, имеются в Тюменской области (25,7 тыс.), Москве (14,3 тыс.), Оренбургской (12,5 тыс.), Московской (12,5 тыс.) и Саратовской областях (12,3 тыс.), Красноярском крае (11,0 тыс.), Нижегородской (9,8 тыс.), Кемеровской (9,3 тыс.), Свердловской (8,3 тыс.) и Челябинской областях (6,8 тыс.), Республике Марий Эл (6,0 тыс.), в Волгоградской (5,9 тыс.) и Пензенской областях (5,6 тыс.), Республике Коми (5,1 тыс.), Пермском крае (4,7 тыс.), Санкт-Петербурге (4,6 тыс.), Иркутской (4,6 тыс.), Томской (4,0 тыс.) и Омской областях (3,1 тыс. чел.)¹.

Значительные по численности группы чувашей находятся в ближнем зарубежье: в Узбекистане — 14 тыс., в Украине — 10 593 (2001), в Казахстане — 7301 чел. (2009). В других странах их численность невелика и составляет, по приблизительным данным: в Туркмении около 3600, Таджикистане — 3400, Беларуси — 1277 (2009), Молдове — около 1 тыс., Кыргызстане — 848 (1999), Литве — 687, Грузии — 542, Латвии — 534, Эстонии — около 500, Азербайджане — 489 чел.²

В-третьих, чувашаи — один из более чем весомо представленных в своей автономной республике титульных этносов (кроме чеченцев и ингушей), они составляют 67,7 % ее населения. Кроме того, чувашаи преобладают и в составе городского населения.

Согласно данным I ревизии (1723), в России насчитывалось 218 тыс. чувашей. К концу XIX в. (перепись 1897 г.) их численность в империи достигла 843,8 тыс. чел., из них на условной территории современной Чувашии проживало 542,4 тыс. чел. (64,3 % их числа). Почти все чувашаи (99,3 %) были расселены в губерниях европейской части России: в Казанской — 502,0 тыс. (59,9 %), Симбирской — 159,8 тыс. (19,1 %), Самарской — 91,8 тыс. (11,0 %), Уфимской — 60,6 тыс. (7,2 %), Саратовской — 14,4 тыс. (1,7 %), Оренбургской — 5,1 тыс. чел. (0,6 %)³. Практически все чувашаи жили в сельской местности. В городах Волго-Уральского региона в 1897 г. чувашей-горожан было зафиксировано немного: в Казани — 501 чел., Симбирске — 303, Самаре — 87, Уфе — 40, Саратове — 26, Нижнем Новгороде — 31, Оренбурге — 24 чел. В городах Чувашского края проживали всего 874 чуваша, из них 439 — в Чебоксарах⁴.

В целом численность чувашей на территории Чувашского края в разные периоды досоветской эпохи имела неровную динамику, что было связано, кроме всего прочего, с «волновым» характером их миграций и переселений.

С образованием в 1920 г. Чувашской автономной области и преобразованием ее в 1925 г. в республику определились административные границы условной этноисторической территории чувашей. Вместе с тем автономия размежевала чувашей на 2 части — титульный этнос и диаспорные группы. По данным переписи 1926 г., из 1 117 419 чувашей 667 695 проживали в ЧАССР, а 449 724 чел. — за ее пределами, что составляло 40,2 % их численности. В РСФСР проживали 1 114 813 чувашей, в том числе 48 516 в Сибири и на Дальнем Востоке, 2276 в Казахской (Казахской) АССР и 12 чел. в Киргизской АССР, входивших в то время в состав Российской Федерации. За пределами РСФСР в 1926 г. чуваша жили на Украине (905 чел.), в Белоруссии (739 чел.), Туркмении (555 чел.) и Узбекистане (315 чел.), в Закавказской Федерации (92 чел.)⁵.

Интенсивное промышленно-экономическое развитие и урбанизация в Чувашии и ее активное участие в хозяйственно-культурном строительстве в стране явились фактором усиления не только внутриреспубликанской, но и внешней миграции чувашей, ускоренного увеличения численности городского населения, усложнения социально-профессиональной структуры этноса.

Что касается изменений этнодемографических характеристик чувашей в целом по стране, следует отметить, что по СССР их численность в период с 1926 по 1989 г. выросла с 1117,4 тыс. до 1842,3 тыс. чел., на 60,6 %, а по РСФСР — с 1114,8 тыс. до 1773,6 тыс. чел., на 62,8 % (см. табл. 1)⁶. Таким образом, рост численности чувашей как в масштабе СССР, так и в пределах России происходил в одинаковой мере. Вместе с тем численность чувашей в самой республике за указанный период увеличилась в сравнительно меньшем объеме — всего на 35,6 %. Объясняется это, главным образом, тем, что чувашское население ЧАССР все годы советской эпохи «вымывалось» миграцией за ее пределы.

Динамика численности чувашей на протяжении всего XX в. имела неравномерный характер. Если в 1926—1959 гг. (то есть за 32 года) число чувашей в самой Чувашской АССР выросло на 13,3 %, то с 1959 по 1989 г. (то есть за 30 лет) данный показа-

Таблица 1

Динамика численности чувашей в Российской империи, СССР и РФ

Годы переписей	Всего по Российской империи, СССР (тыс. чел.)	Республика		Дияспора	
		всего (тыс. чел.)	%	всего (тыс. чел.)	%
1897	843,8	542,4	64,3	301,3	35,7
1926	1117,0	667,7	59,8	449,3	40,2
1939	1369,6	777,2	56,7	592,4	43,2
1959	1469,8	770,4	52,4	699,4	47,6
1970	1694,3	856,2	50,5	838,1	49,5
1979	1751,4	887,7	50,7	863,7	49,3
1989	1842,3	906,9	49,2	935,4	50,8
	(в РФ — 1773,0)				
2002	1637,2*	889,3	54,3	747,9	45,7
2010	1435,8*	814,8	56,7	621,0	43,3

* Подсчеты произведены только по данным по РФ.

тель составил 15,0 %. Замедленная динамика роста численности чувашей в республике в период до переписи 1959 г. была обусловлена репрессиями и кампанией по раскулачиванию крестьянства в 1930-х гг., потерями в годы Великой Отечественной войны и миграционным выбытием части населения за пределы республики. Неудивительно, что в 1959 г. численность чувашей в ЧАССР была даже ниже (770,4 тыс. чел.), чем в 1939 г. (777,2 тыс. чел.), хотя по стране в целом их стало больше на 7,3 % (с 1369,6 тыс. чел. в 1939 г. до 1469,8 тыс. чел. в 1959 г.). Вместе с тем мы не склонны сбрасывать со счета также и влияние фактора этноассимиляционных процессов, хотя их роль в самой республике в рассматриваемый период была, возможно, и не так значительна.

При среднем ежегодном приросте численности чувашей в 10,8 тыс. чел., показатели выше этого были характерны только для двух периодов — 1926—1939 гг. и 1959—1970 гг. Значительное снижение прироста численности чувашей в 1970—1980-е гг. происходило в условиях общего падения уровня рождаемости в стране, из-за массового переселения молодежи из села в город, уменьшения детности прежде всего городских семей. Именно с этого времени получают распространение среди городских чувашей национально-смешанные браки, дети от которых в абсолютном большинстве случаев принимают русскую национальность.

Это явление в большей мере характерно для дисперсно расселенных групп. Например, если из числа чувашей Чувашской АССР назвали русский язык в качестве родного языка в 1979 г. 10,0 %, а в 1989 г. — 15 %, то соответствующие показатели по чувашам других регионов РСФСР оказались выше — 24,6 % и 30 %.

Как и в предыдущий период, в XX в. абсолютное большинство чувашей находилось в Поволжье и Приуралье. Между тем, если в 1926 г. здесь было сосредоточено 94 % всего их числа, то к концу столетия — 80 %. Такое изменение было обусловлено начавшимся еще в 1920—1930-х гг. оттоком части поволжско-приуральских чувашей в другие регионы страны. В 1920-е гг. они переселялись в основном в сельскохозяйственные районы, в последующий период — в города. Немалая часть чувашей попала в Сибирь, а также на север страны (например, в Коми АССР) в ходе раскулачивания крестьянства, а также массовых репрессий в 1930-х — начале 1950-х гг. Рассекреченные материалы переписи 1939 г. это полностью подтверждают⁷.

В период послевоенного восстановления экономики, освоения целинных и залежных земель в восточных и юго-восточных регионах вновь усиливается, особенно начиная с 1951 г., миграция чувашей на восток и в Казахстан. Между переписями 1939 и 1959 гг. межрегиональные миграции были исключительно интенсивными. Именно в указанный период чувашаи стали переселяться в Закавказье, Среднюю Азию, Казахстан, Молдавию, Прибалтику, где быстро росла сеть новостроек и требовались рабочие руки.

Новый цикл переселений чувашей приходится на конец 1960-х — 1970-е гг. В это время серьезные миграционные сдвиги начинаются внутри самого Поволжско-Приуральского региона, обусловленные активизацией здесь промышленного и городского строительства, интенсивным развитием топливно-энергетического комплекса. В 1970-е — начале 1980-х гг. значительный поток чувашей направляется в Западную Сибирь в связи с освоением газонефтесодержащих районов Тюменской области.

Характерной особенностью территориального размещения этноса в 1970—1980-х гг. явилось широкое расселение в относительно новых, ранее не «традиционных» для него регионах. Так, в период 1970—1989 гг. численность чувашей в Волго-Уралье увеличилась всего на 6—7 %, но она заметно возросла в областях Цент-

ральной и Южной России (1,2 раза), Северо-Западе России (на 75 %), Западной Сибири (на 25 %), на Дальнем Востоке (на 47 %).

В период 1970—1980-е гг., когда доля горожан среди чувашей СССР увеличилась почти вдвое — с 29,1 % (1970) до 50,8 % (1989), процессы его деэтнизации начали приобретать все более активный и масштабный характер. Городское население, по существу, уже перестало обеспечивать воспроизводство этноса по причине активной вовлеченности в ассимиляционные процессы. В итоге за период между переписями 1989 и 2002 гг. произошло уменьшение численности чувашей в РФ на 7,7 %, причем данная тенденция наблюдалась во всех регионах. Однако это не означает, что произошел их массовый миграционный исход. В таком случае в той или иной мере наблюдалось бы прибавление чувашей в других регионах страны, в том числе в Поволжье и, прежде всего, в самой Чувашии. Таким образом, налицо последствия процесса деэтнизации молодого поколения диаспорных групп народа.

Следовательно, изменения численности чувашей во второй половине XX в. обуславливались не только уровнем их рождаемости (он у них всегда был и остается относительно высоким) и интенсивностью миграционных перемещений, но и сменой этнического самосознания, темпами обрусения городского населения. Именно среди диаспорных групп чувашей процесс деэтнизации протекает весьма активно: за 1989—2002 гг. снижение их общей численности составило 13,7 %, в то время как у чувашей Чувашской Республики — лишь 1,9 %.

В целом за весь период наблюдений за демографическим движением чувашей (XVIII—XX вв.) численность этноса увеличилась в России в 8,5 раза. Поэтому никак нельзя согласиться с расхожим мнением, что в царской России чуваша физически «вырождались». В советский период чуваша имели наиболее высокие темпы прироста своей численности. Особенность этнодемографии чувашей в XX столетии заключается в том, что темпы роста их численности были в разы выше среди диаспорных групп, чем в Чувашии, что однозначно связано прежде всего с постоянным миграционным оттоком за ее пределы.

Усилившиеся в третьей четверти XX в. процессы ассимиляции более интенсивно протекали в диаспоре, чем в автономии. В итоге на рубеже XX—XXI вв. — в период между переписями

1989 и 2002 гг. — впервые произошло не увеличение, а снижение численности чувашей, главным образом, за счет живущих за пределами республики, и этот процесс, скорее всего, имеет необратимый характер, поскольку в значительной мере он связан с глобализацией культур и сменой этнической идентичности урбанизированной части этноса.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. показали, что за время, прошедшее после последней советской переписи 1989 г., когда был отмечен пик наивысшей численности чувашей как в целом по СССР (1 млн 842,3 тыс. чел.) и по РСФСР (1 млн 774 тыс. чел.), так и в Чувашской АССР (906,9 тыс. чел.), этнодемографическое состояние чувашского народа заметно изменилось. Перепись 2010 г. зафиксировала численность чувашей в России на 12,3 % (или на 200 тыс. чел.) меньше, чем при переписи населения 2002 г.

В общей сложности за 1989—2010 гг. численность чувашей в целом по РФ уменьшилась на 337 тыс. чел. (19,0 %). Отдельно по Чувашской Республике — на 92,1 тыс. чел. (10,2 %), отдельно по диаспоре — на 314,4 тыс. чел. (33,6 %). При этом интересно отметить, что в условиях повсеместного сокращения в регионах России численности чувашей к 2010 г. в их территориальном размещении существенных изменений не произошло. Абсолютное большинство расселено, как и прежде, в Поволжье. В Приволжском федеральном округе (ПФО) проживает 88,6 % всех чувашей России, в Уральском ФО — 2,9 %, Центральном ФО — 2,8 %, Сибирском ФО — 2,8 %, Северо-Западном ФО — 1,3 %. Между макрорегионами произошла некоторая перегруппировка показателей доли чувашей, которая по сравнению с 1989 г. повсеместно сократилась, но одновременно повысилась в целом по регионам, входящим в состав ПФО (с 83,6 % до 88,6 %). Заметно уменьшилось чувашское население Дальневосточного федерального округа (с 21,4 тыс. чел. до 7,4 тыс. чел.), Сибирского федерального округа (с 91 тыс. чел. до 40,5 тыс. чел.). Существенное сокращение численности чувашей за период 1989—2010 гг. в отдельных регионах России, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, не связано с массовой миграцией, а скорее всего с процессом деэтнизации части молодого поколения тех хруп чувашей, что проживали в отдалении и отрыве от метрополии, тем более что их этнокультурная

социализация протекала в сложные и противоречивые десятилетия конца XX — начала XXI в.⁸

Таким образом, как в самой Чувашской Республике, так и в диаспоре к концу XX — началу XXI в. наметились и продолжают сохраняться негативные явления, характерные в целом для большинства регионов России: сокращение естественного прироста населения, увеличение смертности, особенно в сельской местности. Если в 1990 г. общий коэффициент рождаемости (чел. на 1 тыс. жителей) составлял 15,8, то в 2012 г. — 14,0, соответственно коэффициент смертности — 10,1 и 13,3, коэффициент естественного прироста — 5,7 и 0,7, коэффициент иммиграционной убыли (на 10 тыс. населения) — 37 и 18⁹. К концу XX в. усилился процесс «старения» и увеличения среднего возраста населения республики. Перепись 2010 г. зафиксировала, что средний возраст населения республики составил 38,7 лет против 37 по переписи 2001 г.¹⁰

Данные как советских переписей, так и двух последних (2002 и 2010 гг.) по республике стабильно показывают высокое число рождений у татарок и чувашек, сравнительно меньшее — у русских и мордовских женщин. Так, доля женщин, родивших 3 и более детей, составила в целом по Чувашии 18,7 %, в том числе среди чувашек — 22,1 %, татарок — 30,3 %, мордвы — 19,9 %, русских — 9,4 %¹¹. При этом число детей в городских семьях у русских, чувашей и мордвы примерно одинаково. Сравнительно высокая рождаемость у татар и чувашей обеспечивается сельским населением.

У основных этнических групп республики наблюдаются близкие соотношения численности мужчин и женщин, но в целом последние преобладают.

В советское время удельный вес горожан среди чувашского населения России вырос существенно (1,8 % — в 1926 г., 7,8 % — 1939 г., 49,8 % — 1989 г.). Данный показатель оставался в целом высоким и в 2002 г. (51,3 %), и в 2010 г. (49,0 %). Горожан среди чувашей диаспоры больше в тех регионах, где они поселились в советское время, точнее, наиболее высокий их процент отмечен там, где они появились в относительно позднее время — в 1960—1980-е гг. — и преимущественно сразу обосновывались в городских поселениях. Еще в 1989 г. был зафиксирован сравнительно высокий удельный вес чувашей-

горожан на Северо-Западе России (83,3 %), Дальнем Востоке (76,4 %), Центральной России (73,8 %), Западной Сибири (67,0 %), чем в Чувашской Республике (45,5 %) и на территориях исторически раннего и массового их расселения (Поволжье — 46,2 % и Южное Приуралье — 51,5 %)¹².

Размещение чувашского городского населения в регионах Среднего Поволжья и Приуралья в основном совпадает с их сельскими ареалами, то есть в большинстве своем они живут в городах, расположенных на территории своего исторически раннего и сравнительно компактного проживания. Например, в Ульяновской области — в городах Ульяновск, Димитровград, Сенгилей, в Самарской области — Похвистнево, Тольятти, Самара, в Татарстане — Набережные Челны, Нижнекамск, Нурлат, Альметьевск, Тетюши и Буинск, в Башкортостане — Стерлитамак, Белебей, Салават и Уфа, в Саратовской области — Балаково и Вольск, в Оренбургской области — Абдулино, Бузулук и Бугуруслан.

Что касается городского населения собственно Чувашии, то здесь в советскую эпоху произошли весьма серьезные изменения. Если в 1926 г. 85,7 % горожан составляли русские, то чувашей среди них было всего 11 %. К 1989 г. доля чувашей среди городских жителей составила 54,7 %, русских — 40 %. Перепись 2010 г. не зафиксировала кардинальных изменений по сравнению с данными 1989 г.: доля чувашей среди горожан составила 52,2 %, русских — 37,3 %. В то же время в общей массе населения республики чувашаи уступают русским по степени урбанизации — только 47,2 % чувашей проживает в городах (русских — 84,9 %), но при этом превосходят татар (35,0 %) и немного отстают от мордвы (49,6 %). В Чебоксарах доля чувашей составляла в 1979 г. 57,7 %, 1989 г. — 61,7 %, 2002 г. — 62,0 %, 2010 г. — 58,5 %; в Новочебоксарске — соответственно, 47,0 %, 52,5 %, 54,3 % и 50,0 %, а в Канаше — 50,0 %, 53,9 %, 56,8 % и 53,0 %¹³.

Как совершенно обоснованно отмечает один из видных участников-руководителей строительства комплекса Чебоксарского тракторного завода Е.А. Тертыйшный, «к середине 1960-х гг. Чебоксары являлись небольшим городом, насчитывавшим чуть более ста пятидесяти тысяч человек. Начало строительства тракторного флагмана, развернувшееся 12 января 1972 года, дало мощный импульс к развитию столицы. Следует честно отметить: если

бы не ЧЗПТ, а также Химкомбинат и Чебоксарская ГЭС, то огромное количество людей разъехалось бы по стране»¹⁴.

Важную роль в урбанизационных процессах в республике играет ее столица — Чебоксары: в 1989 г. здесь проживало 54,5 % всех горожан и 31,4 % всего населения Чувашии. К переписи 2010 г. данные показатели изменились незначительно и составили соответственно 61,7 % и 36,3 %. Тот факт, что чувашаи составляют более половины (58,5 %) населения Чебоксар, являет собой одну из отличительных и важных особенностей региональной этнодемографической ситуации, тем более, если иметь в виду, что в столицах национальных республик Поволжья и Приуралья титульные этносы представлены не столь значимо, как чувашаи в Чебоксарах (для сравнения: башкиры в Уфе составляют 16 %, удмурты в Ижевске — 15 %, мордва в Саранске — 21,8 %, татары в Казани — 47,6 %, марийцы в Йошкар-Оле — 23,3 %).

В довоенный период XX в. Чувашия была аграрным регионом. В 1926 г. доля сельского населения составляла почти 95 %, в 1939 г. — 87,8 %. В 1926 г. сельскими жителями являлись 99,3 % чувашей, 98,6 % татар, 97,7 % мордвы и 78,4 % русских. К 2010 г. в селе проживали лишь 52,8 % всех чувашей республики, 65,0 % татар, 50,4 % мордвы и только 15,1 % всех русских.

На территории республики чувашское сельское население исторически расселено компактными массивами. В 19 из 21 района республики как в советскую эпоху, так и в сегодняшнее время чувашаи составляют абсолютное большинство селян (от 70 % до 98 %).

По данным переписи 2010 г., более 90 % сельского населения составляют чувашаи в Аликовском, Красночетайском, Яльчикском, Моргаушском, Урмарском, Красноармейском, Канашском, Мариинско-Посадском, Цивильском, Вурнарском и Ядринском районах, не менее 80 % — в Чебоксарском, Янтиковском, Козловском, Ибресинском, Шумерлинском и Шемуршинском районах, 70,5 % и 67,3 % соответственно в Батыревском и Комсомольском районах. Незначительно представлены чувашаи в Алатырском (22,0 %) и Порецком (4,6 %) районах. Этнический состав населения сельских районов за последние годы не изменился: если доля чувашей-селян в 1989 г. составляла 85,5 %, то в 2010 г. всего лишь немногим меньше — 83,5 %¹⁵.

Современная Чувашия — регион многонациональный. Население республики насчитывает 1 251 619 чел. (2010). Из них указали свою национальность 1 203 550 чел., то есть 96,2 %. Всего в Чувашии проживают представители 108 народов и 8 этнических групп (в 2002 г. было зафиксировано 97 национальностей и 9 этнических групп). Вместе с тем из числа указавших свою этническую принадлежность только четыре национальности составляют абсолютное большинство (94,6 %) населения республики, а именно 814,8 тыс. чел. насчитывают чуваша (65,1 % от числа указавших свою национальную принадлежность), 323,3 тыс. чел. — русские (25,8 %), 43,2 тыс. — татары (2,7 %) и 13,3 тыс. — мордва (1,0 %). Значима численность еще только у украинцев (4,7 тыс. чел.), марийцев (3,6 тыс. чел.), белорусов (1,4 тыс. чел.) и армян (1,3 тыс. чел.). Остальные 100 национальностей представлены группами не более 1000 чел.

Как было выше отмечено, одним из важных факторов колебаний этнодемографических процессов в республике являются миграционные перемещения, которые к концу советской эпохи приобрели интенсивный характер. Так, в 1990—2013 гг. они характеризовались устойчивой тенденцией убыли (с 37 чел. на 10 тыс. населения в 1990 г. до 21 чел. в 2014 г.). Миграционные процессы были сосредоточены в самой республике и в пределах ПФО. Отток из республики наблюдается и в Центральный (в том числе в Москву и Московскую область — 1,4 и 3,7 тыс. чел.), и в Северо-Западный (в том числе в г. Санкт-Петербург и Ленинградскую область), Уральский федеральный округа. В то же время, несмотря на миграционную убыль населения, в течение XX в. пропорции численности основных национальностей республики и характер их территориального размещения не подвергались большим изменениям: в общем составе населения стабильно преобладали чуваша (от 74,6 % в 1926 г. до 67,7 % в 2010 г.)¹⁶.

Вместе с тем в конце XX — начале XXI в. для многих поволжских этносов во весь рост встала проблема негативных последствий интенсивных этноидентификационных процессов. В ходе переписи 2002 г. и особенно 2010 г. многие народы отметились минусовыми показателями динамики численности, в том числе, как уже было отмечено, к 2010 г. чувашей в России стало меньше на 200 тыс. чел. (см. табл. 2)¹⁷.

**Динамика численности поволжско-приуральских
народов в период 2002—2010 гг.**

Народы	2010 г. (тыс. чел.)	Снижение численности в период 2002— 2010 гг.		Изменение удельного веса в составе населения своих республик (%)	
		тыс. чел.	в %	2002 г.	2010 г.
Чуваши	1435,9	1637,1	12,3	67,7	65,1
Татары (в т.ч. астра- ханские, сибирские, мишари, кряшены)	5310,6	247,4	4,5	52,9	53,1
Башкиры	1584,6	89,2	5,3	29,7	28,8
Мордва	744,3	103,0	11,9	31,9	39,9
Марийцы	547,6	57,2	9,5	42,9	41,8
Удмурты	552,3	84,6	13,3	29,3	27,0

Уже самый общий анализ данных переписей населения начала XXI в., если их рассматривать с точки зрения выявления природы раскрутившихся с конца XX в. негативных этноидентификационных процессов и предположительных тенденций их развития на 20—30-е гг. XXI в., *volens-nolens* указывает на неутешительные прогнозы. Сложившаяся специфика этнонациональных параметров у народов Волго-Уралья в 1950—1960-е гг., в последнее десятилетие XX в. и в начале XXI в. подверглась и продолжает подвергаться сильнейшему комплексному воздействию дотоле непривычных общественно-экономических факторов, обусловленных катастрофическими последствиями ликвидации советского строя и перехода на рыночные отношения, а также внедрением новых паспортов без указания национальной принадлежности их владельцев.

По-видимому, в конце XX в. все народы региона в своем этническом развитии перешли тот условный рубеж, после которого у них начался этап деэтнизации, прежде всего у тех их частей, что расселены за пределами автономий. При этом для всех определенно ясно, что снижение численности того или иного этноса совсем не тождественно депопуляции или физическому исчезновению его представителей, а чаще означает смену ими этнической идентичности, то есть ассимиляцию в пользу другого народа со всеми вытекающими отсюда последствиями¹⁸.

Какие ожидаются перспективы с учетом неуклонного снижения численности чувашей, не идентифицирующих себя таковыми, начиная с 1989 г.? Если исходить из прогрессии ежегодного показателя снижения, которая имеется по периоду 1989—2002 гг. (то есть ежегодно на 10 тыс. чел.) и по 2002—2010 гг. (по 25 тыс. чел.), то к следующей переписи (ориентировочно в 2021 г.) показатель ежегодного снижения может составить порядка 50—60 тыс. чел.

Следовательно, к очередной переписи чувашский народ «потеряет» 500—600 тыс. чел. В итоге численность тех, кто еще будет себя называть чувашами, составит 900 тыс. чел. — 1 млн чел. Есть много оснований полагать, что это еще, возможно, достаточно оптимистический прогноз.

Литература и источники

- ¹ Чуваши. М.: Наука, 2017. С. 124—126.
- ² Ягафова Е.А. Чувашская «диаспора» на постсоветском пространстве. Самара: ПГСГА, 2013. С. 17.
- ³ Иванов В.П. Проблемы этнографии чувашского народа. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2012. С. 101—104.
- ⁴ Иванов В.П. Этническая география чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. С. 152.
- ⁵ Чуваши. С. 110.
- ⁶ Иванов В.П. Проблемы этнографии чувашского народа. С. 118.
- ⁷ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: Наука, 1992. С. 57—68.
- ⁸ Чуваши. С. 123.
- ⁹ Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 39—40.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Чувашская Республика: история и современность. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. С. 41.
- ¹² Иванов В.П., Матвеев Г.Б. Этнокультурный портрет Чувашской Республики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 25.
- ¹³ Национальный состав населения Чувашской Республики по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года: стат. сборник. Чебоксары: Чувашстат, 2012. С. 16—28.
- ¹⁴ См.: Советская Чувашия. 2021. 28 декабря.
- ¹⁵ Социокультурная эволюция регионов России. С. 16—28.
- ¹⁶ Чуваши. С. 109.
- ¹⁷ Национальный состав и владение языками. С. 29—41.
- ¹⁸ Тишков В.А. Этнология и политика. М.: Наука, 2001. С. 152.

РАССЕЛЕНИЕ РУССКИХ В ЧУВАШСКОМ КРАЕ В ДОСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в современной Чувашии проживают представители 108 народов и 8 этнических групп. Из них 4 национальности составляют большинство (95,0 %) населения республики, а именно — 814,8 тыс. чел. насчитывают чуваш^{*} (67,7 %), 323,3 тыс. — русские (26,9 %), 43,2 тыс. — татары (2,8 %) и 13,3 тыс. — мордва (1,1 %)¹.

Абсолютное большинство (84,9 %) русского населения является городскими жителями. Если в досоветское время почти все городское население Чувашии состояло из русских, то в настоящее время русские представляют меньше половины горожан республики (46,0 %). Сравнительно весомо представлены русские в городах Алатырь (составляют 82,8 % жителей), Шумерля (68,2 %), Мариинский Посад (47,3 %), Козловка (45,6 %) и Новочебоксарск (38,7 %).

По состоянию на 2010 г., в сельской местности Чувашии живет лишь 15,1 % всех русских республики (для сравнения: чувашей — 52,8 %). При этом только в 2 из 21 района русские составляют большинство населения (в Алатырском — 57,8 %, Поречком — 77,1 %), в остальных районах процент русских колеблется от 1 до 18. В целом половина русского сельского населения проживает ныне в Алатырском Присурье.

Интересна динамика: в 1926 г. на территории Чувашии насчитывалось 170 русских селений и еще в 25 селениях русские составляли большинство населения. Сегодня в республике насчитывается всего 1725 сельских поселений, из них 133 — русские. Кроме того, в 15 селениях русские живут вместе с чувашами, в 2 — с мордвой, в 1 — с чувашами и татарами.

Для русских Среднего Поволжья характерна историческая закономерность заселения побережий крупных рек (так, в Чувашии они расселены именно на берегах Волги, Суры и Цивилия),

^{*} Общая численность всех чувашей России составляет 1 млн 435,8 тыс. чел. Из них на территории Чувашской Республики проживает 56,7 % от всего их числа.

поблизости от важнейших транспортных путей, а также в крупных городах и рядом с ними. Практически все города Приволжского федерального округа имеют преимущественно русское по этническому составу население. Следует, однако, заметить, что из столиц национальных республик ПФО лишь население г. Чебоксары выделяется сравнительно самой низкой долей русских (33,0 %).

До присоединения Чувашского края к Московскому государству (1551) русские селения располагались лишь вблизи западных границ современной Чувашской Республики. После взятия Казани (1552) они начали появляться непосредственно на ее территории, располагаясь иногда в гуще чувашского населения. Одним из первых русских поселений в приволжской полосе республики является с. Беловолжское (ныне в черте г. Козловка), возникшее вскоре после присоединения Среднего Поволжья к России. Все исследователи едины во мнении, что появление в Чувашии первых русских поселенцев было связано с необходимостью иметь на начальных этапах колонизации надежную охрану присоединенных земель. Первоначально низовье Суры было естественным рубежом между Нижегородским княжеством и Казанским ханством. Заселению русскими территории Чувашии благоприятствовало возникновение городов-крепостей на р. Суре: Курмыш (1372), Васильсурск (1523), Алатырь (1552) и Свияжск (1551) в устье р. Свияги, Чебоксары (1555), Кокшайск (1574), Козьмодемьянск (1583), Цивильск (1589) и Ядрин (1590)².

Большинство русских селений было основано в XVI—XVII вв., но еще до падения Казанского ханства в центральных районах Чувашии появились селения русских полонянников, захваченных татарами при набегах и посаженных ими на свои земли, например, села Русские Тимяши (Ибресинский р-н), Можарки и Русские Норваши (Янтиковский р-н), деревни Кольцовка (Вурнарский р-н), Высоковка Первая (Канашский р-н), Беловолжское (г. Козловка) и др. Согласно Никоновской летописи, из Казанского плена было освобождено около 100 тыс. русских пленников. Кроме того, насчитывалось множество освобожденных из плена, не зашедших в Свияжск (т.е. не зафиксировались) и сразу направившихся к родным местам. Многие русские полоняники, находившиеся у казанских ханов и феода-

лов в рабстве, не стали возвращаться в центральные районы России. Они жили «и с татарок, и с чувашею», вместе пахали свои пашни «ни в разделе с татарскими и чувашскими пашнями, смесь по полосам», сообщается в писцовой книге Свияжского уезда 1565—1567 гг.

Во второй половине XI — XVII в. русские земледельческие поселения возникали вокруг городов, по берегам крупных рек, по большим дорогам, нередко оттесняя коренное население этих важных в стратегическом отношении объектов. Этим объясняется преобладание русских в приволжских городах и селениях Чувашии. На территории Казанской губернии к концу 80-х гг. XIX в. в населенных пунктах, расположенных по побережью Волги, проживало 208 326 чел., из которых 185 924 (89,2 %) были русскими, 14 448 (6,9 %) — татарами, 4393 (2,1 %) — чувашами и 2562 (1,2 %) — марийцами³.

Русские деревни, расположенные вдоль Волги и Суры, а также больших дорог, образовали в Чувашии в целом 3 крупных ареала — Приволжский, Алатырско-Присурский и Центральный. Первыми русскими селениями являются, кроме вышеназванных, Новородионовка и Козловка (на Волге), Новая (на Цивиле), Ичиксы и Порецкое (в Присурье). Приволжские селения возникали компактными гнездами вокруг основанных русскими городов Чебоксары и Цивильск, крупных сел Сундырь (ныне г. Мариинский Посад) и Беловолжское (г. Козловка).

В условиях достаточно интенсивного притока русского населения на этнические территории поволжских народов, особенно в случаях чересполосного расселения его среди последних, нередко местное нерусское население так или иначе вытеснялось с облюбованных русскими властями и помещиками земель. Приведем для иллюстрации несколько опубликованных примеров. Так, согласно историческим преданиям и картографическим сведениям иностранных путешественников конца XIII — начала XVI в., до построения в Чебоксарах русскими властями крепости в 1555 г. здесь уже существовало чувашское поселение. К.С. Милькович писал в конце XVIII в. со ссылкой на рассказы старожилов, что ко времени построения русского города «чувашская деревня Шобаксар» была «выведена и поселена в 12 верстах от оного каковое наименование удержала она и поныне»⁴. Действительно, в XVII—XVIII вв. в 12 км западнее Чебоксар суще-

ствовала чувашская деревня Шебашкар. Со временем она разделилась на выселки, известные теперь как деревни Ойкасы, Варпоси, Онгапоси и Шобашкаркасси на территории нынешнего Вурман-Сюктерского сельского поселения Чебоксарского района. Город Цивильск был также основан на месте бывшего чувашского селения Сюрбеева (чувашское название Цивильска *Сёрпӳ* означает «поселение сотника»), жители которого вынужденно отселились на 14 км на юг и образовали д. Новое Сюрбеево.

Село Русские Норваши, расположенное в нынешнем Янтиковском районе, возникло на захваченной помещиком земле чувашских крестьян. А на месте русского села Иваново (под Цивильском) раньше была чувашская деревня Искеево, жители которой после захвата их земель помещиками основали на другом месте новое селение — Искеево-Яндуши. Установлено также, что русские селения Ураково и Шульгино (Мариинско-Посадский район) были основаны помещиками на захваченной у чувашских крестьян земле⁵.

Аналогична история возникновения и таких русских селений, как Кольцовка и Зеленовка (Вурнарский район). П.Ф. Кольцов, свияжский помещик, в 1745 г. «объявил в двух чувашских деревнях Кошлауш, Рунги тож, входивших в Цивильский и Симбирский уезды, что в 1690 г. ему было пожаловано 258 десятин пашни и много др. угодий (леса, сенокосы и пр.) из земель этих деревень»⁶. Здесь же, уверял он, 186 десятин пашни и другого угодья принадлежали цивильскому помещику В. Амачкину. Свияжская провинциальная канцелярия направила сюда дворянина И. Далякина для отвода земли помещикам. Когда Далякин со «сторонними людьми» выехал в поле для описи земли, крестьяне этих деревень выступили против помещичьего захвата. Вооружившись дубинами и «топорами на долгих топорishaх», они не позволили Далякину составлять опись их земель. Однако в дальнейшем крестьяне не сумели отстоять свою территорию. Помещик П. Кольцов вскоре основал здесь д. Кольцовку, В. Амачкин — д. Зеленовку.

Русские помещики и монастыри захватывали земли местных крестьян в первую очередь вблизи городов и по долинам рек. По сообщениям летописей, сразу после завоевания Казани с 1557 г. началась раздача русским земель ясачных чувашей в Свияжском и Чебоксарском уездах.

Официально крепость Чебоксары была основана в 1555 г., когда казанский воевода князь П. Шуйский отвел под нее участок земли возле устья р. Чебоксарки. Как отмечает историк В.А. Нестеров, земля под крепость была занята по праву победителей. В грамоте царя по этому случаю «ни слова не сказано о каком-либо земельном урегулировании с местным населением по этому делу»⁷.

Так, основанному в 1566 г. в Чебоксарах Троицкому монастырю были отведены значительные участки земель чувашских крестьян. В XVII в. этому монастырю принадлежало 5 деревень в окрестностях Чебоксар (Набережная, Банная, Заовражная, Соляная и Гремячево). При этом алатырский Троицкий монастырь завладел огромной площадью мордовских земель и рыбными угодьями по Суре. Чебоксарский Преображенский монастырь в 1684 г. присвоил луга и рыболовные озера по Волге вплоть до устья Цивилия, а в 1692 г. — земли чувашских селений в Туруновской волости Чебоксарского уезда. Целый ряд селений, возникших вокруг Чебоксар, — Усад, Будайка, Новое Ларионово, Грязево, Кнутиха, Ключица, Пятино — были помещичьими.

О возникновении городов Чувашии и особенностях расселения русских на ее территории уже многое известно. Как характерный пример можно привести историю основания г. Ядрина⁸. На местности, где впоследствии возник город, уже проживали немногочисленные горномарийцы (черемисы), с востока продвигались чуваша. На малонаселенном левом берегу Суры они образовали несколько поселений, одно из которых стало родоначальником Ядрина. Согласно преданию, речь, скорее всего, идет о д. Ядринкасы, жители которой при основании г. Ядрина вынужденно переселились на новое место — на территорию современного Чебоксарского района.

История сохранила имена некоторых чувашей и горных марийцев, обосновавшихся в околотке Ядрина и собиравших в окрестных лесах мед, охотившихся на бобра, а также имевших пашню и сенокосы: это Алдеяр Агичев, Адар (Айдар) Юнин, Побытка Китов, Тотай Чорачиков, Бакай (Бинай) Аксарин со своими людьми («с товарищи») и др. Они эту землю считали своей, но и нижегородский Благовещенский монастырь, который данные земли получил в подарок от нижегородского князя, отстаивал свои права на плодородный район.

Историки свидетельствуют, что русские развязали спорный узел силой. Весной 1590 г. царь Федор Иоаннович приказал связжскому воеводе князю Куракину взять отряд стрельцов и основать сторожевой городок в нижнем течении Суры между Васильсурским и Курмышом. Таким образом, именно для укрепления власти царя в Присурье Куракину предстояло заложить новый город с крепостью. Воевода нашел подходящее место в 12 верстах ниже Курмыша, на пригорке, где размещалось чувашское селение. 31 год тянулась безуспешная тяжба чувашских крестьян за земли на левобережье Суры. С основанием г. Ядрина в 1590 г. все низовое побережье Суры от Курмыша до Васильсурска окончательно утвердилось за русскими поселенцами.

В 1589 г. на месте болгаро-чувашского поселения *Сёрну* на р. Цивиль, известного еще с XII в., русскими был построен г. Цивильск с крепостью, населенной стрельцами. Вокруг Цивильска, как и вокруг Чебоксар, появились русские селения Иваново и Рындино. В прибрежной полосе Волги аналогичную городам роль играли вышеупомянутые крупные русские села Беловолжское и Сундырь, вокруг которых также возникали другие русские поселения.

Впрочем, с. Сундырь может служить типичным примером монастырской колонизации на территории Чувашского края. Это русское село, основанное в 1620 г., было пожаловано в 1624 г. в вотчину крутицкому митрополиту Селивестру. К концу XVIII в. в северной части современного Мариинско-Посадского района насчитывалось уже 17 русских сел и деревень, из которых 8 составляли собственность митрополитов Саарских, Подонских и Крутицких, а 9 принадлежало помещикам.

Приволжские русские селения, возникшие в результате перевода нижегородскими помещиками своих крестьян на новые земли, были повсеместно однонациональными, а в Алатырско-Присурском регионе встречались и русско-мордовские, в центральных районах — русско-чувашские. Причем в ряде местностей это приводило к обрусению чувашей. Например, такие русские селения, как Высоковка Первая (Канашский р-н), Зеленовка (Вурнарский р-н) и Алгаши (Шумерлинский р-н) еще в конце XVIII в. значились как чувашские.

Социальный состав первых русских переселенцев был далеко не однородным. Прежде всего, это служилые люди, стрель-

цы и пушкари, духовенство, крестьяне, а также ремесленники, рабочие заводов, беглые и ссыльные. Например, стрельцы, наделенные землей, рядом с Ядрином образовали особую слободу, которая под названием Стрелецкая Слобода (Стрелецкое) сохранилась до наших дней. По данным исследователей⁹, в Чувашию переселились главным образом выходцы из центральных губерний и районов Верхней Волги: из Новгорода, Рязани, Владимира, Костромы, Москвы и Тулы. Так, дворяне, казаки и стрельцы г. Алатыря были из Рязани, Тулы, Мценска, Черня, Плова, Солова и других мест, а служилые люди — из Рославля и Стародубовки. Как утверждает В.Д. Димитриев, «переселение 172 человек стародубовских детей боярских из Брянска в Алатырь — исторический факт. Произошло оно в 1621 г.»¹⁰ Таким образом, во второй половине XVI — XVII в. в Чувашском крае осели помещики и, соответственно, крестьяне из Нижегородского, Арзамасского, Муромского, Владимирского, Суздальского, Костромского и других уездов Верхневолжья.

Одними из первых русских поселений в Алатырском Присурье, видимо, были с. Ичиксы, д. Лобачевка (ныне часть с. Порецкого — центра одноименного района). Сохранилось предание об основании Ичиксы выходцами из Москвы¹¹. Что же касается Порецкого, то, согласно преданиям, первыми его поселенцами были опальные приближенные и даже родня самого Ивана Грозного¹². Согласно Нижегородской летописи, в 1591 г. в Угличе при зловещих, таинственных обстоятельствах погиб младший сын царя малолетний царевич Дмитрий, что вызвало смуту в народе. Главный претендент на престол Борис Годунов сумел быстро погасить недовольство, круто расправившись с его зачинщиками — жителями Москвы и Углича. Главных же своих врагов, почти 500 бояр, князей и вышедших из повиновения стрельцов, он сослал на окраину Московского государства — на необжитые присурские пустоши. Все ссыльные были наголо острижены, с позорным клеймом на лбу. Независимо от своего происхождения с тех пор они стали государственными преступниками — «лобачами». Оттого-то и называли поначалу их поселение на Суре хлестким словом «Лобачевка».

Что касается современного названия с. Порецкое, то, как установлено, его происхождение связано с расположением одной из старинных его улиц — Лобачевки, со временем вытянувшейся вдоль берега Суры. Улица «спускалась все ниже и ниже

по реке, или, как тогда говорили, “по рече”. Вот это старославянское “по речке” и дало название селу — Порецкое»¹³.

Иногда русские, преимущественно беглые крестьяне, не желавшие снова попадать в зависимость к помещикам и монастырям, а также русские полоняники, освобожденные после взятия Казани, поселялись в селениях инородцев. Общеизвестны слова митрополита Гермогена, написанные в конце XVI в.: «Многие русские полоняники и неполоняники живут у татар и у черемисов и у чуваш и пьют с ними и едят с единого и женятся у них»¹⁴.

В XVIII в. немногочисленные группы русских ясачных крестьян проживали в селах Алманчино (в нынешнем Красноармейском р-не), Оточево и Шатьмапоси (Моргаушский р-н), Большие Кошелеи (ныне с. Комсомольское, райцентр) и др. Например, население с. Кубня (Ибресинский р-н) состояло из 97 чувашей и 76 русских ясачных крестьян: «Пришлые беглые крестьяне жили также в работниках у помещичьих и монастырских крестьян или же устраивались в чувашских деревнях, у чувашских крестьян»¹⁵. Таким образом, при непосредственном бытовом, производственном взаимодействии возникали условия для естественной ассимиляции немногочисленных групп русского населения, последствия которой проявились во внешнем облике жителей некоторых чувашских селений.

К концу XVIII в. (1795) русские составляли 16,5 % населения Чувашского края, чуваше — 80,9, мордва — 0,9, татары — 1,7 %¹⁶. Стабильность национального состава населения края получила подтверждение и по итогам Всеобщей переписи 1897 г.: численность русских составила 142,9 тыс. чел. (20,1 %), чувашей — 527,6 тыс. (74,3 %), татар — 24,1 тыс. (3,4 %), мордвы — 15,9 тыс. (2,2 %)¹⁷. Таким образом, на этнической карте Чувашии и в XVI, и в XVII, и в XVIII, и в конце XIX в. русские по численности не преобладали над чувашами, но неизменно занимали второе место за ними, в пределах не более 1/5 части населения края.

Интересно отметить, что в начале XX в. в Казанской губернии насчитывалось 1500 селений с чувашским населением (в том числе этнически смешанным), в 93 из них (6,2 %) чуваше проживали вместе с русскими. В Симбирской губернии из 332 селений с чувашским (в том числе смешанным) населением в 25 (7,5 %) также жили русские.

Городские поселения Чувашии являются одними из старинных в Средневолжском регионе. Самый древний из них — Чебоксары (впервые упомянут в летописи еще в 1469 г.). Несколько позже были основаны Алатырь (1552), Мариинский Посад (1856), Цивильск (1589) и Ядрин (1590). Города изначально являлись русскими военно-служилыми поселениями. При этом служилый контингент состоял не только из пришлых дворян и стрельцов, но также частично из чувашских, татарских и «иных служилых мурз и тарханов», принявших православие. Возникнув на основных речных путях как военно-феодалные укрепленные пункты на восточной окраине Русского государства, впоследствии эти города существовали как уездные административно-полицейские и торговые центры. Промышленности в них почти не было, количество населения не росло или увеличивалось весьма слабо. Все возложенные властью на эти города военные и административные, торговые и ремесленные функции осуществлялись преимущественно людьми русской национальности. В 1911 г. 96 % городского населения Чувашского края составляли русские. Притоку в города местного чувашского населения препятствовали языковые (а нередко и религиозные) барьеры.

В 1920 г. была образована Чувашская автономная область (ЧАО) на территории 11,6 тыс. км², в населении которой чувашаи составили 82,0 %, а русские — 11,2 %. После ряда сложных дополнительных согласований с «соседями» и центром 21 апреля 1925 г. было решено преобразовать ЧАО в республику с передачей ее части [Алатырского уезда с тремя волостями (Алатырская, Кувакинская, Порецкая) и собственно г. Алатыря, т.е. территории не с чувашским, а исключительно с русским, а также мордовским населением] Ульяновской губернии¹⁸. Таким образом, в состав Чувашии вошло 107 селений и 1 город с общим числом жителей 121,5 тыс. чел. Согласно данным переписи 1926 г., все население Чувашской АССР насчитывало 894,5 тыс. чел., в том числе количество русских составило 179,0 тыс. чел. (20,0 %), чувашей — 668,0 тыс. чел. (74,6 %).

В советское время, особенно в послевоенные годы, переселившиеся в Чувашию русские оседали почти исключительно в городских поселениях. При этом, если значительное их количество было выходцами из приграничных районов Горьковской области, то высококвалифицированные специалисты из вновь

прибывших представляли, по существу, всю географию страны. Практически абсолютно однонациональные в прошлом русские села в советское время становились смешанными, в основном русско-чувашскими, хотя русское население в большей части таких селений преобладало.

Следует отметить, что в настоящее время пополнение численности русского населения Чувашии происходит в немалой степени за счет частых русско-чувашских браков, так как дети от них, как правило, выбирают русскую национальность.

Литература и источники

- ¹ См.: Чуваши. М.: Наука, 2017. С. 100—108.
- ² См.: История Чувашской АССР. В 2 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. Т. 1. С. 71—73.
- ³ См.: *Николаев Г.А.* Сельское народонаселение Казанской и Симбирской губерний в конце XIX — начале XX вв. // Состав и положение населения Чувашии в XVIII — XX вв. Чебоксары: ЧНИИ, 1990. С. 78.
- ⁴ Цит. по: *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. С. 123.
- ⁵ Там же. С. 158.
- ⁶ Энциклопедия Вурнарского района. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 138.
- ⁷ *Нестеров В.А.* Чебоксары — очаг российской колонизации Чувашии? // Чебоксарские новости. 1992. 13 мая.
- ⁸ См.: *Изоркин А.В.* Ядрин: исторический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989.
- ⁹ См.: *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Русское население Поволжья и Приуралья и его роль в этнокультурных процессах Волго-Уральского региона // Этнос и подразделения. М.: Наука, 1992. Ч. 2. С. 35.
- ¹⁰ *Димитриев В.Д.* Указ. соч. С. 127.
- ¹¹ См.: *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Русское население Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. гос. кн. изд-во, 1960. С. 42.
- ¹² См.: *Иванова В.А.* О Порецком и поречанах. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. С. 5.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ История Татарии в документах и материалах. М.: Гос. соц.-экономич. изд-во, 1937. С. 142.
- ¹⁵ *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Русское население Чувашской АССР. С. 41.
- ¹⁶ См.: *Иванов В.П.* Этническая карта Чувашии. Чебоксары: Руссика, 1997. С. 58.
- ¹⁷ См.: *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. С. 154.
- ¹⁸ См.: *Иванов В.П., Клементьев В.Н.* Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, решения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. С. 129—131.

ТАТАРСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЧУВАШИИ **(ИСТОРИКО-ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Чувашия — регион многонациональный и многоконфессиональный. Согласно переписи населения 2010 г., здесь вместе с чувашами, русскими, мордвой и людьми других национальностей живут также 34,2 тыс. татар, составляя 2,7 % населения.

Расселенные в Чувашии татары в большинстве своем относятся к этнографической группе «мишары» и говорят на своем диалекте (так называемый западный диалект татарского языка). Татары Козловского района (с. Янгильдино и д. Альменево) являются казанскими татарами и говорят на среднем диалекте татарского языка.

Больше половины татар Чувашии — 22,3 тыс. чел. (65 %) живет в сельской местности. Городские татары проживают в городах Чебоксары (4,8 тыс. чел.), Канаше (4,0 тыс. чел.), Новочебоксарске (1,6 тыс. чел.), Шумерле (671 чел.), Алатыре (234 чел.), Козловке (585 чел.), Цивильске (263 чел.) Мариинском Посаде (40 чел.), Ядрине (29 чел.). В целом в городских поселениях республики проживают 12 тыс. татар, составляя 1,6 % всего числа горожан, или 35,0 % от общей численности татарского населения Чувашии.

Районами расселения сельских татар являются Батыревский, Ибресинский, Козловский, Комсомольский, Шемуршинский, Яльчикский. Из них основными являются Батыревский (татары здесь составляют 22,0 % населения) и Комсомольский (соответственно 26,9 %). В остальных районах татары проживают в смешанных по национальному составу населенных пунктах. Можно сказать, что так называемых «чисто» татарских селений в Чувашии 22.

В Батыревском районе татарское население проживает в 12 сельских населенных пунктах. Здесь «чисто» татарскими по национальному составу жителей являются 8 селений, а именно: Шыгырданы, Татарские Сугуты, Долгий Остров, Кызыл Чишма, Кызыл Камыш, Татарские Тимяши, Малые Шыгырданы, Новые Чепкасы.

В других трех селениях — в Именево, Батырево и Красно-майском — татары проживают совместно с чувашами, русскими и мордвой.

В Комсомольском районе насчитывается всего 19 селений с татарским населением, из которых 7 можно считать «чисто» татарскими, а именно: Урмаево, Токаево, Чичканы, Татарские Шуруты, Кайнлык, Татарское Ивашкино, Ахметово. Кроме того, еще в 13 селениях татары живут вместе с чувашами и русскими — в Комсомольском, Новом Сундыре, Александровке, Луцком, Новоалександровке, Починок-Инели, Асанове, Тябердино-Эткерове, Новочелны-Сюрбееве, Альбусь-Сюрбееве.

В Козловском районе насчитывается 6 населенных пунктов, где проживают татары. Причем ни один из них по составу жителей не является «чисто» татарским, хотя собственно татарскими селениями следует считать д. Альменево и с. Янгильдино. Жители татарской национальности имеются на станции Тюрлема, в деревнях Сириклы и Воробьевка, с. Старая Тюрлема.

В Шемуршинском районе татары проживают в 6 селениях и только 2 из них — пос. Баскаки и д. Асаново — являются «чисто» татарским по составу жителей. В остальных селениях — Трех-Балтаеве, Байдерякове, Шемурше, Чепкас-Ильметеве — татары живут совместно с чувашами, мордвой и русскими.

В Яльчикском районе 2 татарских селения — Ишмурзино-Суринск и Новые Бикшихи. Кроме того, небольшое число татар проживает в райцентре — с. Яльчики.

В Ибресинском районе татары проживают в пос. Буинск числом 574 человека (1/3 всех жителей).

По мнению специалистов, татарская этническая общность имеет сложную внутреннюю структуру. В научной литературе, издающейся в Казани, эту общность подразделяют, как правило, на 2 этноса — *татарскую* и *крымско-татарскую* нации, а также на этнические группы — *литовских* и *буджакских* татар. Собственно татарский этнос представляют 3 этнотерриториальные группы: *волго-уральские*, *астраханские* и *сибирские* татары. Волго-уральских татар подразделяют на субэтносы: *казанские*, *касимовские*, *татары-мишари* и *кряшены* (крещенные татары). И, в свою очередь, каждый из перечисленных субэтносов состоит из 4—5 этнографических групп.

Язык татар подразделяется на 3 диалекта: западный (мишарский), средний (казанский) и восточный (сибирский). В частности, в западном (мишарском) диалекте выделяют 2 группы говоров — *чокающий* и *цокающий*. Язык чувашских мишарей цокающий и относится к так называемому «дрожжановскому» говору. Вместе с тем современный литературный язык практически всех групп татар России формируется на основе среднего (казанского) диалекта.

Самыми многочисленными являются татары волго-уральские. Как известно, до начала XX в. «татарами» называли не только казанских татар, но и многие другие тюркоязычные народы царской России — астраханских и крымских тюрок, ногайцев, карачаевцев, азербайджанцев, балкарцев, хакассов, шорцев и др.

Этногенез волго-уральских татар большинство ученых связывает с тюркоязычными болгарами, пришедшими в VII—VIII вв. в Волго-Камье из северокавказских и приазовских степей. На Средней Волге болгары при участии финно-угорских племен создали государство Волжская Булгария. В X в. знать и городское население левобережных болгар принимает исламскую религию, а правобережные болгары (предки чувашей) остаются язычниками. После разгрома в XIII в. Волжской Булгарии монголами на левобережье Волги начинают проникать тюркоязычные кыпчаки (половцы), составлявшие основное население Золотой Орды.

В период распада Золотой Орды и образования Казанского ханства (XIV—XV вв.) кыпчаки интенсивно смешиваются с болгарами-мусульманами. Постепенно кыпчакский язык вытесняет болгарский язык, в культуре и быту местного населения левобережья утверждаются традиции мусульманского Среднего Востока. В период существования Казанского ханства в XV—XVI вв. завершается сложный процесс формирования казанских татар в феодальную народность.

Что касается происхождения других этнотерриториальных групп татар страны, то они образовались на основе различных этнических компонентов (кыпчаков, ногайцев и др.) во время существования татарских феодальных ханств — Астраханского, Сибирского, Крымского и др.

Происхождение татар-мишарей, составляющих основное татарское население Чувашии, историки относят к XV—XVI вв.,

когда в ходе завоевания Средневолжского региона Русское государство подчиняет все земли Сурско-Окского междуречья¹. В середине XV в. московские князья переводят из центра распавшейся Золотой Орды (г. Сарая и других мест) служилых татар в район Мешеры для образования подчиненного Москве Касимовского ханства. Сюда же переселяются и группы казанских татар. Часть сарайских и казанских татар смешивается здесь с «мешеряками» — местным финно-угорским племенем, которое постепенно тюркизируется и исламируется. Другая же часть мешеряков обрусевает. Таким образом, образуется группа татар-мишарей (от этнонима «мешера»). По мере колонизации поволжско-приуральских земель мишари широко расселяются и в других регионах (в Башкирии их называют, к примеру, «мешеряками» и «темниковцами» (*темэннэр*)).

Вероятно, в состав татар-мишарей (частично и чувашей) вошли также и буртасы — местные племена, жившие до XI в. в бассейне верхнего течения Суры.

Что касается истории расселения татар на территории собственно Чувашии, то следует отметить, что судя по топонимическим данным, еще во времена Казанского ханства татары жили и в Присурье, и в бассейне р. Цивилия. По наблюдениям В.А. Нестерова, из немногих сохранившихся этнических названий постоянно упоминаются термины «татар» (чуваш. *татар*, лит. *тутар*), «мишар» (чуваш. *мишер*), «мурза» (чуваш. *мърса*), «басурман» (чуваш. *пăсърман*)². Присутствие в географическом названии Чувашии татарского феодального термина *мурза* рядом с этнонимами *мишар* и *татар*, по мнению исследователя, говорит о следах проживания на ее территории служилых мурз из мишарской группы татар (см. Приложения). «Это было еще до присоединения Чувашии к России — в годы Казанского ханства. После взятия Казани правительством Ивана IV они были отсюда перемещены. Вероятно, часть из них, поступив на царскую службу, получила за нее поместья на «диком поле» за р. Кубней»³.

Татарское население на бывшем «диком поле» (юго-восток современной Чувашии) появилось после присоединения к России. На чувашском языке татарские селения этого края отмечены как мишарские: *Тукай Мишер* (Токаево), *Мишер Тимеш* (Татарские Тимяши) и др. До их переселения этот край не был абсолютно необитаемым. Служилым татарам все время отводили

«пустоши на диком поле», то есть участки земли, ранее бывшие заселенными, но потом заброшенные⁴. К примеру, на краю «дикого поля» в Сурском лесу на водоразделе между Булой и Бездной — на правом берегу Булы от речки Тюнсыря до речки Абырши — еще накануне присоединения к России проживали чувашаи. К западу отсюда по сурскому притоку Кармале протянулись старинные земли, лес и бортные ужожаи, состоявшие во владении чувашских крестьянских обществ, расположенных на Цивиле⁵.

В XVII в. в южной и юго-восточной частях Чувашии возникли несколько селений служилых мишарей (мещеряков). Мишари являлись служилыми людьми. Многие из них еще в XVI в. были переведены в район Сергача, Курмышский уезд, затем и в Алатырский уезд. Оттуда они как служилые люди переводились на засечные черты юго-востока и юга Чувашии. Мишарями были образованы селения Токаево и Урмаево (ныне Комсомольского р-на), Большие Шихирданы (ныне с. Чкаловское), Малые Шихирданы, Татарские Сугуты, Татарские Тимяши (ныне Батыревского р-на) Ишмурзино-Суринск (ныне Яльчикского р-на)⁶.

Ряд интересных сведений о возникновении мишарских селений на юге-востоке Чувашии даны в работе В.А. Нестерова. Так, к примеру, выяснено, что отводу 1566 г. за русскими помещиками были закреплены земли по Кубне: д. Киншелеево (Кошелей?) и «чистое дикое поле» между ней и д. Чютеевым (ныне Турминское). Должно быть, около этого же времени образовались служило-татарские поселения — Верхний Урум на Уруме и Чютеево на Кубне, а также основанные переселенцами с Аниша на севере д. Атиково Белая Воложка и д. Малые Полевые Яльчики, то есть на Малой Буле, названной так в память о прежней родине⁷. Служилые татары получили земли на «диком поле» и по рекам Большой Кондурче, Малой Кондурче, Чечканде, Убыти, Ерыкле, а также Буле и Якле. Но последние к середине XVII в. еще не были заселены. Строительство в 1650-х гг. Симбирско-Карсунской укрепленной линии, закрывшей этот край с юга от набегов кочевых феодальных союзов племен, создало благоприятные условия для его заселения. Тогда возникли здесь служило-татарские поселения Токаево, Бисубино, Полевые Бикшихи, Карабаево, Полевое Бай-

бахтино и др. Жителями их были как служилые татары, так и служилые чуваша. Большинство из них было верстано на службу вновь. В источниках более позднего времени «старослужилыми» названы жители только двух селений: д. Янтикова (ныне район-центр) — старослужилые чуваша и д. Шихирдан (ныне Чкаловское) — старослужилые татары⁸.

После строительства упомянутой укрепленной линии была скоро заселена вся территория «дикого поля» по Кубне и Буле и далее к югу. Селились и крестьяне — переселенцы из северных районов Чувашии. Но поскольку в ходе обратного освоения пустошей на «диком поле» на них первыми пришли служилые из татар, здесь образовалась татарская прослойка топонимии. Она обрисована по обычным правилам, то есть по местным признакам: Арыкла (вариант: Ерыкла), Елга (вариант: Илга), Кушелга, Камышелга, Кулларово и др. Входящие в них слова означают по-татарски: *елга* «река», *арык* «протока, канава», *камыш* «тростник», *куллар* «озера», *кош* «птица»⁹.

Следует иметь в виду также и тот факт, что ряд татарских селений бывших Свияжского и Тетюшского уездов были в прошлом чувашскими и, как сообщают предания, татарскими они стали в связи с принятием их жителями ислама. Еще в 70-х гг. XIX в. И.А. Износков писал: «Несколько селений Свияжского уезда, например, Ачасыры, Большое Русаково, Янгильдино, и многие татарские селения, занимающие юго-западную часть Тетюшского уезда, по уцелевшим в них памятникам и народным сказаниям, были первоначально заселены чувашами, из которых многие отатарились»¹⁰. О татарах д. Алькеево в 1900 г. записано: «Есть предание, что предки их были прежде именно чуваша... Доказательством тому служит то, что у некоторых чуваш Байглычевского прихода (ныне в Яльчикском р-не) имеются между алькеевскими отпадшими татарами давнишние близкие и кровные родственники: дядья, тетки и прочие. Из слов стариков чуваш видно, что женщины алькеевских... татар в старину носили чисто чувашские костюмы — сурбаны, хушпу и прочее. Они... прежде варили пиво, звали чуваш в гости и сами ездили к ним по обычаю чувашскому, чего уже ныне между ними не совершается. Таковых... татар вблизи Байглычева найдется немало, напр.: дер. Кукушум в старину была чувашская... что подтверждается преданиями чуваш всех окрестных деревень»¹¹.

Наличие на территории Чувашии значительных следов татарской топонимии, говорит о развитом процессе взаимного общения между чувашским и татарским населением и определенном влиянии на чувашей языка и культуры татарского народа в не только во времена Казанского ханства, но и в последующий исторический период.

По мнению исследователей, внутриэтническая дифференциация средневолжско-приуральских татар на казанских татар и мишарей основывалась именно на реально существовавших культурно-бытовых и языковых различиях, фиксировавшихся на уровне группового самосознания. Но одновременно обращается внимание на другой момент: «в результате консолидационных процессов средневолжская часть мишарей уже в конце XIX — начале XX в. своим родным языком считала татарский язык. А согласно переписи 1926 г., они себя называли по “национальности” татарами»¹².

Приложения

Отражение татаро-мишарских этнических и социальных терминов в названиях чувашских селений

- Акташи (*Акташ*), Красночетайский р-н
- Мишары (*Мишер*), Моргаушский р-н
- Мижеры (*Мишер*), Чебоксарский р-н
- Мижеркасы (*Мишеркасси*), Красночетайский р-н
- Можары (*Мушар*), Козловский р-н
- Нижарово (*Сăхăтпуç*), Янтиковский р-н
- Большие Татаркасы (*Мăн Тутаркас*), Моргаушский р-н
- Малые Татаркасы (*Малтикас, Кĕçĕн Тутаркасси*), Моргаушский р-н
- Татарские Кунаши (*Тутарла Кăнаш*), Цивильский р-н
- Оринино (*Оринин, Чиркÿллĕ Тутарань*), Моргаушский р-н
- Мурзаево (*Мăрсакасси*), Козловский р-н
- Мурзакасы Янымово (*Мăрсакасси Янăш*), Ядринский р-н
- Второе Чебаково или Мурзакасы Чебаково (*Иккĕмĕш Ирçе*), Ядринский р-н
- Мурзаково (*Мăрсакасси*), Моргаушский р-н
- Мурзыванкасы (*Мăрсыванкасси*), Канашский р-н
- Басурманы (*Пăсăрман*), Моргаушский р-н
- Атлашево (*Тутаркасси*), Чебоксарский р-н
- Можарки (*Мучар*), Канашский р-н
- Тошможары (*Тушмашар*), Цивильский р-н
- Ситчараки (*Ситчарак*, в прошлом Акмурза), Цивильский р-н
- Янмурзино (*Янмуршин*), Красноармейский р-н

**Название оврагов и урочищ татарского этнического
и социального происхождения близ чувашских селений**

Мурзавар — около д. Второе Чебаково Ядринского р-на
Яшмарза, Шихмарза, Тухмарза — на р. Выла и ее притоке Хорше-
вашке

Мишар — около д. Янмурзино Красноармейского р-на

Тотарлы — около д. Татарские Кунаши Цивильского р-на

Мишер Сирма — близ д. Акташево Цивильского р-на

*Тотар Лобашки, Коняр Татар Сирма, Паймурзин, Калмурзин, Мурзак
Сирма* — на правых южных истоках р. Аниш (Козловский р-н)

Литература

¹ *Мухамедова Р.Г.* Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. Казань: Татар кн. изд-во, 2008; и др.

² *Нестеров В.А.* Над картой Чувашии. Историко-топонимические заметки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. С. 103.

³ Там же. С. 107.

⁴ Там же. С. 108.

⁵ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. С. 199.

⁶ *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. С. 65.

⁷ *Нестеров В.А.* Указ. соч. С. 109.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 110.

¹⁰ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. С. 200.

¹¹ Там же. С. 201.

¹² *Исхаков Д.М.* К этнической и этнокультурной дифференциации татар Волго-Уральского региона // Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья. Казань: Ин-т ЯЛИ им. Г. Ибрагимова Казан. филиала АН СССР, 1991. С. 22.

МОРДВА В ЧУВАШИИ: ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ И ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., население республики насчитывает 1 251 619 чел. Из них указали свою национальность 1 203 550 чел., т.е. 96,2 %. Наиболее многочисленными являются чуваша (814,8 тыс. чел. — 67,7 % всего населения республики), русские (323,3 тыс. — 26,9 %), татары (43,2 тыс. — 2,8 %) и мордва (13,0 тыс. — 1,1 %). Значима численность еще только у украинцев (4,7 тыс. чел.), марийцев (3,6 тыс. чел.), белорусов (1,4 тыс. чел.) и армян (1,3 тыс. чел.). Остальные 100 национальностей представлены группами не более 1000 человек¹.

До появления на территории Чувашии тюркоязычного населения в лице волжских булгар здесь издревле обитали племена, говорившие на языках угро-финской семьи, а именно предки современных мордвы и марийцев. Можно сказать, что мордва в Чувашии является коренным ее населением. Это подтверждается богатой мордовской топонимией, представленной именно в Присурье — на левобережье р. Суры между Порецким и Алатырем и частично в Засурском лесу вокруг Алтышево и Атрати².

Расселенная в Чувашии мордва относится к одному из двух субэтносов этого народа — эрзя*. В целом же в республике на-

* Как утверждают специалисты, этноним *эрзя* этимологически восходит к иранско-сарматской лексике (*arsan* — «самец, мужчина, герой»); по чувашски означает *арсын* — «мужчина»³.

По всей видимости, субэтносы мордовского народа — мокша и эрзя — действительно имеют стойко выраженное этногрупповое самосознание. Причем, в историко-географическом аспекте их формирование происходило в бассейнах соответственно рек Мокша и Сура. В связи с этим интересно отметить, что в государственных гимнах ни одной национальной республики РФ, кроме как Мордовии и Удмуртии, нет упоминания рек. В гимне же Мордовии поется:

*Ты трудной дорогой, Мордовия, шла, Давали силы вольные Мокша, Сура,
Росши держалась и голову гордо несл. Ты духом была и осталась сильна и добра.*

На субъективный взгляд автора настоящей статьи, получается, что в государственном гимне подспудно декларируется разделенность народа на два субэтноса — мокша с привязкой к р. Мокша, эрзя — к р. Сура.

Что же касается государственного гимна Удмуртии, то в нем соответствующая строка текста по смыслу так же многозначительна, но в другом аспекте: «Кама Волгу питала века...», т.е. надо понимать так, что, мол, благодаря «удмуртской» Каме и живет великая Волга-река.

считывается 10 селений с численно преобладающим мордовским населением. Кроме того, мордва живет еще в 13 смешанных поселениях (вместе с чувашами, русскими или одновременно и с чувашами, и с русскими, и с татарами) (см. табл. 3). Большинство мордовских селений расположено в Алатырском и Поречском районах. Почти половина (49 %) мордовского населения Чувашии живет в городах, главным образом в Алатыре, Чебоксарах и Шумерле.

Как известно, самое раннее достоверное упоминание о мордве (*mordens*) зафиксировано в VI в. в сочинении историка готов Иордана, а в летописном своде «Повести временных лет» Нестор упоминает мордву во 2-м десятилетии XII в.⁴ Мордва и чуваша — самые первые народы, вошедшие в состав Русского государства, тем самым заложившие его фундамент как государства многонационального. Если Чувашский край был присоединен к Русскому государству, что называется, «в один прием» в 1551 г., то мордовские земли с конца XV в. входили в его состав частями. Интересно, что, как утверждают мордовские историки, «завершилось вхождение мордовского народа в состав Российского государства в 1552 г.»⁵

Исторически мордовский народ выделялся сравнительно высокой территориальной мобильностью и, соответственно, дисперсностью своего расселения. Судя по данным археологов, в древности мордовские поселения появились не только в южных районах Чувашского края, но и в самом его центре. Так, к примеру, в 2012 г. близ д. Сендимиркино Вурнарского района чувашскими и мордовскими археологами был выявлен и исследован древнемордовский могильник II—III вв. н.э.⁶

В период Казанского ханства отмечалось проживание мордвы-мокши в междуречье Волги и Свияги, а также расселение мордвы-эрзи по всему течению р. Суры, являвшейся западной границей ханства. В писцовой книге Свияжского уезда (1565—1567) перечисляются более 20 заброшенных мордовских поселений. Отмечено: «Да в тех же селах и деревнях с татары и с чувашею преж жили мордва...»⁷. В одной из самых первых публикаций о расселении мордвы в Чувашском крае В.Ф. Каховский указывает, что «в XV—XVII вв. чуваша, русские, мордва, осваивая пустующие земли “дикого поля”, селились в южной части территории современной Чувашии»⁸.

Касаясь вопроса расселения мордвы в прошлом на территории Чувашии, В.А. Нестеров отмечает, что в северной половине Чувашии не существует ныне ни мордовских, ни марийских селений. «Однако по составу топонимии и некоторым другим источникам можно примерно обрисовать географию их бывшего расселения среди чувашей. Этнонимы мордвы “мокша” и “эрзя” почти всегда встречаются вместе»⁹. Например, не так давно две чувашские деревни в Козловском районе назывались Мокшино (ныне Малое Бишево и Липово), южнее Чебоксар существуют селения Мошкасы (чуваш. *Мошкасси* или *Ирчекасси*), Мокшино (чуваш. *Макишкасси* или *Мокшин*), Микшикасы (чуваш. *Микшикасси*) и др. Названия целого ряда чувашских селений в Присурье имеют сугубо эрзянское происхождение: Верхние Ирзеи (чуваш. *Тури Ирсе*), Средние Ирзеи (чуваш. *Вăтам Ирсе*), Нижние Ирзеи (чуваш. *Анатри Ирсе*) и Чебаково (чуваш. *Ирсе*) в Ядринском районе, Урумово (чуваш. *Кивĕ Ирчемес*), Мочковаша (чуваш. *Џĕн Ирчемес*) и Осиново (чуваш. *Ирчкасси*) в Красночетайском районе¹⁰. Таким образом, можно предположить, что часть глубоко вклинившихся вглубь Чувашии мордовских селений впоследствии очувашилась. Кроме того, по данным И.С. Дубанова, этнонимы «мордва» и «мокша» зафиксировались в названиях рек *Мордва* в Алатырском, *Мордовка* — в Шемуршинском, *Мокиша* — Красночетайском и *Мокиша* — Ядринском районах¹¹.

К коренным поселенцам юга Чувашии принадлежит мордва, и поныне проживающая в отдельных селениях в районах вершин рек Кубни (Малые Кармалы — *Ирсе Ҫармăс*), Булы (бывшее Верхнее Тюнзюрево — *Ирсе Сĕнтĕрĕ*, в 1950-х гг. слилось с с. Сигачи), Карлы (Шамкино, Мордовские Тюки, Трехбалтаево, Шемурша) и компактной группой в Алатырском Присурье (Напольное, Низовка, Студенец, Рындино, Сыреси, Алышево, Атрать и др.).

Возможно, и прав П.П. Седойкин, что из существующих сегодня мордовских поселений на территории Чувашии одним из старинных является с. Напольное Порецкого района, которое, по мнению краеведа, «впервые упоминается в документах, относящихся к 1424 г., т.е. оно возникло на полтора столетия раньше, чем с. Порецкое (зафиксировано в актах в конце XVI в.)»¹², что, в сущности, логично, поскольку мордва в этом регионе появилась задолго до того, как сюда пришли русские.

Юго-западные и южные районы Чувашского края активно заселялись в основном переселенцами из эрзянских селений близлежащих районов современной Мордовии. Так, в Алатырском районе с. Алтышево ведет свою историю с 1612 г., основано выходцами из д. Алово Атяшского района Мордовии. Село Атрадь упоминается впервые в 1624—1626 гг. Пос. Кученяево основан в 1859 г. переселенцами из одноименного селения, расположенного в Ардатовском районе Мордовии. Поселки Борки и Низовка возникли также еще в XIX в. — соответственно в 1860-х и 1884 гг.¹³

В Поречском районе, кроме с. Напольное, большую историю имеют с. Рындино (известно с 1613 г.) и с. Сыреси (упоминается впервые в 1703 г.). Так же в глубь веков уходит история с. Шамкино (Шемуршинский р-н), основанного эрзянами еще во второй половине XVII в. Полагают, что и с. Сигаши (Батыревский р-н) с окрестными мордовскими выселками, позже слившимися с ним, возникло в начале XIX в. как мордовско-чувашское поселение¹⁴.

В Алатырском районе не менее значимая по времени история у пос. Новиковка, основанного в 1760-х гг., а также пос. Баевка — родины всемирно известного скульптора Степана Эрзы (Нефедова), возникшего в 1863 г. Пос. Анютино основали в 1890-е гг. эрзянские переселенцы с территории современного Ардатовского района Мордовии.

Следует отметить, что ряд еще «живых» поселений (жители практически разъехались) мордвы-эрзы в Чувашии образовался уже в XX в., в основном как поселки-выселки. Так, в Алатырском районе пос. Калинино возник в 1910-е гг., пос. Новое Алтышево — 1924 г., Алтышево-Люльский — 1925 г., пос. Березовая Поляна — 1927 г., пос. XI лет Чувашии — 1932 г., пос. Новая Жизнь — в 1934 г.

В истории возникновения ряда мордовских селений Чувашии выявляются факты причудливого переплетения судеб мордовских и чувашских переселенцев. К примеру, интересны в этом смысле предания о д. Большие Кошелеи (ныне с. Комсомольское — *Аслă Каçал*), возникшей еще до 1565 г. В древние времена чуваша поселились на левом берегу р. Кубня, у оврага Кошелейка, а селение свое называли *Кошелей*. В действительности же *Кошелей*, как указывает В.Д. Димитриев, мордовское

название речки. Еще во времена Казанского ханства сюда с Суры были пригнаны мордовские крестьяне для обработки ханских земель. Мордва основала селение и дала название речке. После взятия русскими Казани мордва вернулась на Суру. И когда чувашское селение с мордовским названием «Кошелей» стали грабить татарские феодалы, его жители переселились на правый берег Кубни¹⁵. Затем сюда переехали чувашаи из д. Мокры (ныне в составе Канашского р-на) и русские крестьяне из с. Подберезье (ныне с. Большое Подберезье Кайбицкого р-на Татарстана). Переселенцы из д. Мокры выселились в начале XVII в. на несколько верст вверх по Кубне и основали д. Малые Кошелеи.

Другой примечательный пример, тоже связанный с историей расселения мордвы в Чувашии. Нынешнее с. Малые Кармалы (Ибресинский р-н) — родина выдающегося мордовского ученого-просветителя М.Е. Евсевьева — первоначально было основано в XVIII в. под названием Малые Хормалы (Шорданы) переселенцами из чувашской д. Хормалы (Ибресинский р-н). Впоследствии чувашаи этой деревни переселились на территорию Канашского района, где основали д. Новые Шорданы. В первой половине XIX в. на земли бывшей чувашской деревни переселились мордовские крестьяне из селений Пыреси и Сыреси, а также из русских селений Кобелевка и Козловка. Образовалось мордовское село Малые Кармалы¹⁶. Удивителен тот факт, что чувашское название этого села — *Ирсе Çармăс*, т.е. буквально «Эрзя-Мари», что, конечно же, требует специального изучения. Кстати, чувашская д. Старые Чукалы (Шемуршинский р-н) первоначально тоже была основана мордвой, но в 1672 г. запустела и ожила она после переселения сюда чувашей из Свияжского уезда¹⁷.

В 1680-х гг. на территории современной Чувашии проживало около 200 тыс. чел., из них чувашаи составляли 80—81 %, русские — 16—17 %, татары — 1,5—2 %, мордва — 1 % (т.е. в абсолютном значении приблизительно 2 тыс. чел.). К концу XVIII в. (1795) удельный вес мордвы в 290-тысячном населении края достиг 2,7 %, составив 7 800 чел.¹⁸ Следует отметить, что на протяжении XVII—XVIII вв. происходило увеличение численности и, соответственно, удельного веса мордовского населения Чувашии. Так, если чувашей стало больше в 2,2 раза, русских — в 3, татар — в 5, то мордвы — почти в 6 раз.

Интересно отметить, что численность мордовского населения в Чувашском крае за XIX в. увеличилась почти в 5 раз, составив в 1897 г. 15,9 тыс. чел. Затем, достигнув в 1926 г. своего наивысшего показателя (23 958 чел.), к началу XXI в. (2002) она зафиксировалась на уровне 1897 же года — 15 993 чел.

Таблица 1

**Историческая динамика численности
мордовского населения Чувашии (тыс. чел.)¹⁹**

Годы ревизий и переписей	Численность	Годы переписей	Численность
1795	2,7	1970	21,0
1857	8,0	1979	20,3
1897	15,9	1989	18,7
1926	24,0	2002	16,0
1959	23,9	2010	13,0

В 1920 г. образовалась Чувашская автономная область. Численность мордвы на ее территории составляла на тот момент 3770 чел., или 0,5 % в составе ее населения. В основном это были жители нескольких небольших мордовских селений на территории Ибресинского, Батыревского и Шемуршинского районов. В 1925 г. при преобразовании Чувашской АО в республику в ее состав вошли часть Ульяновской губернии — Алатырский уезд с тремя волостями (Алатырская, Кувакинская, Порецкая) и г. Алатырь, т.е. территории с исключительно русским, а также мордовским населением*. После переписи 1926 г. численность и удельный вес мордовского населения Чувашии неуклонно снижались. Так, если все население республики за 1926—1989 гг. увеличилось на 57,5 %, в том числе аналогичные показатели у чувашей составили 36,8 %, русских — 154,7 % и

* В конце 1920-х гг. ставился вопрос об образовании в составе Алатырского уезда также и Мордовско-Рындинской национальной волости, но проект остался нереализованным в связи с крайне дисперсно-чересполосным расположением 12 мордовских селений. Интересно отметить: при образовании в 1930 г. Мордовской АО в состав ее Ардатовского района были переданы из Алатырского района 3 мордовских селения, из Порецкого — 10 селений. Однако по просьбе жителей ряда мордовских селений Порецкого района (Напольное, Низовка, Рындино, Студенец и Турдаково), недовольных сложившимся экономико-географическим положением, в апреле 1934 г. Президиум ВЦИК перечислил их обратно в состав Чувашской АССР²⁰.

Таблица 2

Динамика численности мордовского населения и наиболее крупных национальностей Чувашии во второй половине XX — начале XXI в.
(по данным переписей населения; тыс. чел.)²¹

Национальности	1959 г.	1989 г.	2010 г.	% от населения ЧР
Все население	1097,9	1338,0	1251,6	100,0
чуваши	770,3	906,9	814,8	67,7
русские	263,7	357,1	323,3	26,9
татары	31,4	35,7	34,2	2,8
мордва	23,9	18,7	13,0	1,1

татар — 60 %, то численность мордвы за указанный период, наоборот, уменьшилась на 20 %. Сокращение мордовского населения Чувашии интенсивно продолжалось и в период между переписями 1989 и 2010 гг.: с 18,7 тыс. чел. его численность сократилась до 13,0 тыс. чел., или на 30,5 % (табл. 1 и 2). И, тем не менее, как отмечают саранские демографы, «здесь [в Чувашии] численность мордвы уменьшается, но не так быстро, как в ряде других регионов»²².

Как известно, сокращение численности мордвы в XX в. было явлением повсеместным. В этом отношении в период между переписями 1989 и 2002 гг. мордва по сравнению с другими народами Среднего Поволжья и Приуралья выделялась весьма рельефно. Так, если численность всех чувашей России сократилась за указанный период на 19,3 %, татар соответственно на 4 %, марийцев — 14,1 %, удмуртов — 22,5 %, то мордвы — на 32,7 % (только у башкир отмечался прирост численности на 18 %). Кроме всего прочего, во второй половине XX в. продолжалось очувашивание мордовских селений Чувашии. Красноречивый пример — старинное эрзянское село Малые Кармалы Ибресинского района, где сегодня из 185 дворов «чисто» мордовскими являются не более 10²³. В период 2002—2010 гг. прослеживалась некоторая стабилизация показателя регрессивной динамики численности мордвы страны. За указанный промежуток времени более всего сократилась численность удмуртов (на 13,3 %) и чувашей (12,3 %), сравнительно незначительно — мордвы (11,9 %) и менее всего — марийцев (9,5 %), башкир (5,3 %) и татар (4,5 %)²⁴.

Интерес представляют данные о степени этногрупповой идентичности эрзян в Чувашии. Так, если в 2002 г. обобщенно «мордвой» себя назвало абсолютное большинство мордовского населения Чувашии — 15 993 чел., а в 2010 г. — 13 014 чел., или 98,1 %, то «мордвой-эрзя» соответственно — 376 и 249 чел., «мордвой-мокшей» — 14 и 4 чел.²⁵

В 2010 г. в городах Чувашии проживало всего 6 510 чел. мордовской национальности. Численность городской мордвы за время после переписи 1989 г. сократилась весьма существенно — на 30,9 %. Основная их часть проживала в Алатыре (3057 чел., или 47 % от всего числа мордвы-горожан республики), Чебоксарах (1630 чел., или соответственно 25 %), Шумерле (838 чел.) и Новочебоксарске (737 чел.). При этом следует отметить, что в период 1989—2010 гг. сокращение численности мордовского городского населения наиболее ощутимо произошло во всех городах республики: в Канаше — на 55 %, Шумерле — 46 %, Чебоксарах — 23,2 %, Алатыре — 19,5 % и Новочебоксарске — 21,6 %²⁶. Значительно уменьшилось мордовское население таких «мордовских» поселков городского типа, как Ибреси и Буинск.

По данным переписи 2010 г., в сельской местности республики насчитывалось 6757 чел. мордовской национальности, в том числе 202 чел. идентифицировали себя как «эрзя». По сравнению с 1989 г. численность сельской мордвы уменьшилась на 27 %. Большинство сельской мордвы (96,3 %) проживает в четырех районах — Поречком (3177 чел.), Алатырском (2301 чел.), Ибресинском (413 чел.) и Шемуршинском (284 чел.). Менее значительно мордва представлена в Батыревском (95 чел.) и Шумерлинском (43 чел.) районах. Ранее, по итогам предыдущих советских переписей населения, численность мордвы-селян фиксировалась на более существенной отметке (например, в 1989 г. в Поречком р-не насчитывалось 4118 чел., Алатырском — 3795 чел.).

Главная демографическая проблема мордовских селений Чувашии не оригинальна — это неуклонное падение рождаемости, обусловленное старением населения, резким снижением численности семей с супругами репродуктивного возраста, интенсивным миграционным выбытием молодежи из сельской местности, а также влиянием на репродуктивное поведение мордвы

Таблица 3

**Сельские населенные пункты с мордовским населением
на территории Чувашской Республики (1979, 2002, 2010 гг.)²⁷**

Район, населенный пункт	Сельское поселение	Число жителей (всего)			Национальный состав населения
		1979	2002	2010	
1	2	3	4	5	6
Алатырский р-н					
с. Алтышево	Алтышевское	1660	1142	861	мордва
пос. Анютино		120	124	98	мордва — 51 %, русские
пос. Баевка	-"	128	34	9	мордва
пос. Борки	-"	—	109	87	мордва — 45 %, русские
пос. Кученяево	-"	131	61	22	мордва, русские
пос. Низовка	-"	166	45	11	мордва — 77 %, русские
пос. Новиковка	-"	130	65	17	мордва, русские
пос. Новое Алтышево	-"	187	74	46	мордва — 34 %, русские
с. Атрадь	Атратское	1586	957	561	мордва — 64 %, русские, чуваш
пос. Алтышево-Люльский	-"	136	41	12	мордва
пос. Калинино	Восходское	186	74	35	мордва — 38 %, русские
пос. Березовая Поляна	Междуреченское	51	15	—	мордва, русские
пос. 11 лет Чувашии	Березовское	114	77	46	мордва — 43 %, русские
пос. Новая Жизнь	-"	—	102	100	мордва, русские, чуваш — 72 %
Порецкий р-н					
с. Напольное	Напольновское	2481	1898	1359	мордва
с. Сыреси	Сыресинское	1068	686	505	мордва — 86 %
с. Рындино	Андинское	833	612	463	мордва — 89 %
пос. Краснобор	Никольское	18	10	10	мордва, чуваш
Шемуршинский р-н					
с. Шамкино	Старочукальское	290	94	17	мордва — 45 %, чуваш

Продолжение табл. 3

1	2	3	4	5	6
д. Мордовские Тюки Батыревский р-н	Шемуршин- ское	175	69	59	мордва — 58%, чуваши
д. Балабаш-Нуру- сово	Бахтигиль- динское	518	398	277	мордва — 18 %, чуваши
д. Сигачи	Сигачинское	—	802	603	чуваши, морд- ва, русские
Ибресинский р-н с. Малые Кармалы	Малокарма- линское	666	551	522	мордва, чува- ши — 52 %, русские

более выраженных, чем у чувашей и татар, традиций малодетности²⁸. Так, к примеру, в с. Рындино Порецкого района с численностью населения 516 чел. в 2008 г. не случилось ни одного рождения. Сходная ситуация отмечалась и в с. Напольном этого же района, где, по состоянию на 2008 г., на 1570 чел. населения насчитывалось всего 13 детей дошкольного возраста²⁹.

Относительно высоким фиксируется в мордовских селениях (по сравнению с чувашскими) удельный вес лиц пенсионного возраста. Даже в сравнительно благополучном мордовском селе Напольное с численностью жителей 1,5 тыс. доля пенсионеров составляла в 2008 г. треть населения, причем половина из их числа находилась в возрасте 70 лет и старше³⁰.

Ясно, что этнические процессы среди мордвы России имеют в зависимости от территории ее расселения различную динамику и этноидентификационные последствия. Основным направлением этих процессов остается неуклонное уменьшение доли лиц с родным мордовским языком. В любом случае следует помнить, что процессы деэтнизации, т.е. потери этносом или его отдельными представителями своих этнических черт, начинаются именно с утраты родного языка, приводя в дальнейшем к национальному обезличиванию. Одним из важных факторов, сказывающихся на этнодемографии современной мордвы, являются этнически смешанные браки. Наши экспедиционные наблюдения подтверждают, что независимо от места жительства практически во всех смешанных мордовско-русских семьях Чу-

вашии принято говорить по-русски и почти всегда дети в таких семьях принимают русскую национальность. Именно поэтому мордовско-инонациональные браки с учетом их учащения будут оставаться существенным сдерживающим фактором воспроизводства идентичности мордовского этноса. При этом для всех определенно ясно, что снижение численности того или иного этноса совсем не тождественно депопуляции или физическому исчезновению его представителей, чаще означая смену ими этнической идентичности, т.е. ассимиляцию в пользу другой культуры.

Литература и источники

¹ *Иванов В.П., Матвеев Г.Б.* Этнокультурный портрет Чувашской Республики: историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 9.

² *Нестеров В.А.* Над картой Чувашии: историко-топонимические заметки. Изд. 2-е. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. С. 113.

³ *Финно-угорские народы России.* Саранск: НИИГН при правительстве Республики Мордовия, 2016. С. 52.

⁴ См.: *Мордва.* Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. С. 14.

⁵ Там же. С. 981.

⁶ Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 1 / авт.-сост.: Е.П. Михайлов, Н.С. Березина и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. С. 144—145.

⁷ *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. С. 224.

⁸ *Каховский В.Ф.* Мордовско-чувашские отношения по данным материальной и духовной культуры // Этногенез мордовского народа. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1965. С. 175.

⁹ *Нестеров В.А.* Указ. соч. С. 113.

¹⁰ *Дубанов И.С.* Географические названия Чувашской Республики: краеведческий словарь. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. С. 91, 245, 253, 291, 351, 414, 438; *Нестеров В.А.* Указ. соч. С. 114.

¹¹ *Дубанов И.С.* Указ. соч. С. 242—244.

¹² *Седойкин П.П.* Повествования о мордовском народе. Село Напольное, 1995. С. 38.

¹³ Сайты сельских поселений Алатырского, Порецкого, Батыревского, Шемуршинского районов Чувашской Республики.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. 3-е, доп. изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. С. 133.

¹⁶ Там же. С. 138.

¹⁷ Сайты сельских поселений Алатырского, Порецкого, Батыревского, Шемуршинского районов Чувашской Республики.

¹⁸ *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. С. 128, 129, 154.

¹⁹ Там же. С. 154; Мордовия. Энциклопедия. Т. 2. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. С. 19.

²⁰ Населенные пункты Чувашской АССР: справочник об административно-территориальном делении. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. С. 51; *Иванов В.П., Матвеев Г.Б.* Указ. соч. С. 102.

²¹ См.: Чуваши. М.: Наука, 2017. С. 102.

²² Мордовия. Энциклопедия. Т. 2. С. 20.

²³ См.: Чуваши: история и культура. Историко-этнографическое исследование. В 2 т. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 198.

²⁴ Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. М.: Росстат, 2012. Т. 4, кн. 1. С. 29—34.

²⁵ Национальный состав и владение языками, гражданство. Стат. сборник по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года по Чувашской Республике. Чебоксары: Чувашстат, 2012. С. 12.

²⁶ См.: Чуваши. М., 2017. С. 101, 102, 105, 106.

²⁷ Уточненная таблица на основе материалов из кн.: *Иванов В.П., Матвеев Г.Б.* Указ. соч. С. 103—104; Сайты сельских поселений Алатырского, Поречского, Батыревского, Шемуршинского районов Чувашской Республики.

²⁸ *Логинова Н.Г.* Демографическая динамика финно-угорских народов России // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 3. С. 7—20.

²⁹ Полевой материал автора. Экспедиция 2009 г. по сбору материалов для составления «Этнокультурного паспорта мордвы ЧР» // Архив Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела ЧР.

³⁰ Там же.

ТАТАРСКАЯ АССИМИЛЯЦИЯ КАК ФАКТОР ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ У ЧУВАШЕЙ В XVIII—XIX ВЕКАХ

Согласно данным ревизий, на протяжении всего XVIII в. миграционные перемещения и этнодемографические процессы у чувашей Казанской губернии носили неравномерный, «пульсирующий» характер, что, по-видимому, отражало также и латентные этноконфессиональные процессы. На территории одних уездов численность чувашей повышалась, на других, наоборот, неожиданно и резко убывала, причем в ряде случаев весьма значительно и в течение короткого времени. В этом отношении интересно выявленное В.М. Кабузаном резкое изменение численности чувашей в Мензелинском уезде буквально за период между двумя последними ревизиями XVIII в. Если по IV ревизии (1782) здесь было зафиксировано 12 656 чувашей, то по данным V ревизии (1795) их осталось всего 2435 чел. «Мензелинский уезд всегда притягивал чувашей. Только в 60—70-х годах сюда официально переселилось более 1 тыс. душ мужского пола. III и IV ревизии зафиксировали здесь соответственно 12 656 и 14 462 человек “новокрещенных чувашей”, однако по пятой ревизии их тут оказалось 2485 человек и даже перепись 1897 г. учла всего 3154 человека. При этом именно с V ревизии резко увеличиваются численность и удельный вес башкир (с 1045 до 1795 человек)»¹.

Сохранившиеся источники не позволяют уточнить, что же произошло в Мензелинском уезде, почему с конца XVIII в. здесь почти исчезает многочисленное чувашское и появляется башкирское население? — задается вопросом ученый. «Трудно представить, что произошло обашкиривание уже крещенных чувашей. Возможно, что имели место какие-то миграционные процессы или повышенная естественная убыль»².

Многие исследователи истории и культуры чувашского этноса (Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров, В.Д. Димитриев и др.) сходятся во мнении, что прирост численности чувашей в XVIII—XIX вв. был бы более значительным, если бы не их частичное

отатаривание. По наблюдениям Н.В. Никольского, «в отношении прироста стоят на первом месте уезды: Ядринский, Цивильский, Чебоксарский, Козьмодемьянский уезды и, главным образом, чисто чувашские селения»³.

Процесс отатаривания чувашей через принятие ислама начался еще во времена Казанского ханства. Однако поскольку ислам в тот период был религией господствующего класса, то «язычествующие» поволжские этносы сопротивлялись его распространению. В России же он стал религией, оппозиционной господствовавшей православной церкви. Для них теперь отпадение в ислам стало формой выражения социального протеста эксплуатации русских светских и духовных феодалов против гнета русского военнофеодального государства.

Татарская ассимиляция чувашей-язычников особенно интенсивно шла до середины XVIII в., то есть до начала христианизации чувашей. Но и в XIX в., даже в начале XX в., масштабы перехода уже «новокрещенных» чувашей в ислам оставались значительными как в Уфимской, Оренбургской и Самарской губерниях, так и в Казанской. Более того, как считает В.М. Кабузан, в Казанской губернии процесс отатаривания имел вообще массовый характер⁴.

Произведем сравнительный анализ соотношения чувашей и татар в населении Казанской губернии за 1763—1897 гг.:

Таблица 1

Численность чувашей и татар Казанской губернии в 1763—1897 гг.⁵

Ревизии и перепись	Чуваши	Татары
III (1763)	26,6%	23,7%
V (1795)	27,0% (224,0 тыс.)	24,5% (214,7 тыс.)
X (1858)	21,6% (333,1 тыс.)	28,8% (444,5 тыс.)
Перепись 1897 г.	23,1% (502 тыс.)	31,1% (675,5 тыс.)
Прирост с 1795 по 1897 г.	224,1%	314,6%

По мнению Р.Г. Фахрутдинова, «высокие темпы роста численности татар нельзя объяснить только естественным приростом. Именно интенсивные процессы татарской ассимиляции привели к тому, что в настоящее время чувашских селений осталось в Закамье небольшое число»⁶. Д.М. Исхаков считает, что только в течение первой половины XIX в. в Буинском, Сим-

бирском, Цивильском и Тетюшском уездах отатарилось несколько тысяч чувашей⁷.

Данный процесс весьма активный характер имел в Свияжском уезде. Еще в 70-х гг. XIX в. И.А. Износков отмечал: «Несколько селений Свияжского уезда, например, Ачасыры, Большое Русаково, Янгильдино и многие татарские селения, занимающие юго-западную часть Тетюшского уезда, по уцелевшим в них памятникам и народным сказаниям, были первоначально заселены чувашами, из которых многие отатарились»⁸. «По метрическим книгам церкви Казанской епархии можно доказать, что к западу от реки Свияга татар не было совсем, а в настоящее время числится значительное количество татар к западу от Свияги в Свияжском, Цивильском, Чебоксарском и Буинском уездах, — писал Г.И. Комиссаров. — Оказывается, все это чувашаи, переименованные в татары по принятии или отступлении их в ислам»⁹.

Итак, если на рубеже XVIII—XIX вв. доля чувашей в Казанской губернии была выше удельного веса татар, то в XIX в. татар становится больше. Только с 1795 по 1858 г. прирост татарского населения здесь составил 107 %, мордвы — 59,4 %, мари — 58,6 %, чувашей — 48,7 % и удмуртов — 40,3 %. Сравнительно более чем высокие темпы увеличения численности татар за относительно короткое время определенно объясняются ассимиляцией татарами башкир, мишарей, чувашей, а также удмуртов, бесермян и марийцев. В.М. Кабузан особо подчеркивает, что имеющиеся материалы подтверждают этот вывод: «Еще в начале XVIII в. в Казанской губернии чувашаи численно превосходили татар, но в середине 30-х гг. XIX в. эти два народа поменялись местами»¹⁰.

Ясно, что переход части чувашей в исламскую религию и отатаривание их представляли исторически длительный процесс. Еще до начала массовой насильственной христианизации чувашей-язычников в XVIII в. часть из них (прежде всего булгаро-чувашское население Приказанья и Заказанья), начиная с обозримых XV—XVII вв., была уже отатарена. В ходе принудительного крещения в середине и во второй половине XVIII в. чувашаи «уходили в татары» весьма большими группами, что свидетельствовало о больших симпатиях к мусульманству, нежели православию, а это, в свою очередь, указывало на очевидные

Таблица 2

**Сравнительная динамика численности чувашей и татар
в Средневолжских губерниях в XIX в. (тыс. чел.)¹¹**

Губерния	1834 г.		1857—1861 гг.		1897 г.	
	чуваш	татары	чуваш	татары	чуваш	татары
Казанская	300,1	363,1	333,1	455,3	502,0	675,4
Симбирская	84,7	67,7	97,8	90,1	159,8	134,0
Самарская	29,9	85,4	80,3	131,6	91,8	159,8
Всего	414,7	616,2	491,2	677,0	753,0	1069,2

успехи проповедников ислама среди них. «По крайней мере, — подчеркивает Е.А. Ягафова, — в христианство чуваш с таким рвением не переходили, и православному духовенству стоило тяжких трудов уговаривать креститься даже 1—2 семьи»¹².

Исламизация чувашей имела продолжение и в XIX в., в особенности в первой половине, хотя и в сравнительно меньших масштабах. Новая вспышка отатаривания чувашей имела место в начале XX в., и связана она была отчасти с изданием известных манифестов 1905 г.

Американский исследователь Франк Аллен приводит выдержки из статьи С. Бобровниковой, опубликованной в Нью-Йорке в 1911 г.: «Если некоторые местные жители из других народов (чуваш, черемисы и т.д.) принимают ислам, то они немедленно начинают называть себя татарами. Я сама пыталась убедить принявших ислам чувашей, что они, как и их отцы, не татары, а чуваш. Но они сердито и упрямо настаивали на своем: “Нет, мы татары, и наши отцы были татарами”. Все представители местных народностей без исключения, когда принимают ислам, разрывают свое отношение со своими народами, забывают свои родные языки и становятся татарами по языку, одежде и обычаям. Такие люди являются более фанатичными, чем те, кто родился в мусульманской семье. Татары убеждены в собственном превосходстве. Они имеют высокое самомнение и такое высокомерное независимое поведение, что представители других местных народов соглашаются, что татары и религия ислама превыше всего существующего. Только те народности, придерживающиеся христианства и обладающие сетью христианских школ, способны сопротивляться этому притяжению со

стороны татар. Но те племена и народности, которые находятся в промежуточном положении между христианством и исламом, подвержены сильному влиянию со стороны татар»¹³.

Среди причин омусульманивания чувашей священник Д. Филимонов, основываясь на примере д. Старое Афонькино, называет, например, следующие: «1. Близость татарских селений. 2. Прекрасное знание чувашами татарского языка. 3. Экономическая зависимость от мусульман. 4. Сравнительно позднее возникновение здесь православной миссии, когда некоторые чуваша успели уже совершенно отатариться. 5. Довольно высокая культурность здешних татар, сравнительно не только с чувашским, но и с коренным русским населением. Среди татар число грамотных значительно больше. 6. Хитрость, проницательность мусульман, которые не стесняются никакими средствами для достижения цели. 7. Гостеприимство, ласковое, приветливое обращение татар с чувашами. 8. Пренебрежительное, высокомерное отношение здешних русских людей к чувашам, которых русские простолюдины нередко называют “орда”, “азиат” и т.п. эпитетами. Со стороны татар этого не наблюдается. 9. Совершенно равнодушное формально-холодное отношение к отатариванию чувашей со стороны местных интеллигентных православных людей. 10. Оказание чувашам в трудные минуты жизни материальной и нравственной поддержки среди мусульман»¹⁴.

При вербовке чувашей в ислам татары часто увлекали их легендами о мусульманском рае. А. Иванов приводит одну из них в пересказе священника Г. Перепелкина: «Недавно появился один фанатик-татарин и в каждом доме рассказывает о мусульманском рае. Рай этот описывает он весьма заманчивыми штрихами и причем в чисто чувашском вкусе; например, он говорит чувашам, что в раю будут именно такие кушанья, какие они любят и употребляют, как-то: кислое молоко, творог с маслом, ширтан (копченое мясо), блины, юсман (лепешки), яйца, мед, пиво, вино и т.д. и затем говорил, что каждому чувашину, исповедующему ислам, будет в раю по несколько красивых жен, будет спать на пышных пуховых перинах с 12 подушками». Вот такими-то беседами и рассказами чуваша постепенно пропитываются и в конце концов делаются совершенно неспособными воспринимать высшие

истины христианства¹⁵. Однако, надо признать тот факт, что «уходу в татары» способствовали (особенно в регионах чересполосного расселения чувашей с татарами) кроме всего прочего и определенное генетическое родство, сходство языков и, в какой-то мере, общность исторических судеб двух народов.

Таким образом, в течение XVIII — начала XX в. определенная часть тех чувашей, что проживали за пределами основной зоны обитания этноса, т.е. условно вне современных границ Чувашии (особенно те его локальные группы, которые продолжали пребывать в язычестве и языческо-православном синкретизме), достаточно значительными группами переходила в исламскую веру. По наблюдениям Н.В. Никольского, «это движение было значительным среди закамских чуваш и чуваш нынешних Свияжского, Тетюшского, Симбирского и Буинского уездов»¹⁶. По-видимому, указывают С.И. Брук и В.М. Кабузан, «неспроста прирост численности чувашей в дореволюционный период по сравнению со всеми другими урало-поволжскими этносами был крайне низким». И вправду, цифры говорят сами за себя. Так, с 1719 по 1917 г. число чувашей в целом увеличилось в 5,2 раза, в то время как у татар — 10,3, мордвы — 11,1, башкир — 10,1, удмуртов — 11,1, марийцев — в 7,4 раз¹⁷. Выводы налицо.

Литература и источники

¹ Кабузан В.М. Народы России в XVIII в.: Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. С. 246.

² Там же.

³ Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань: Третья Тип. Губ. Совета Раб. Кр. Деп-та, 1919. С. 19.

⁴ Кабузан В.М. Изменения в удельном весе и территориальном размещении русского населения России в XVIII — перв. пол. XIX в. // Проблемы исторической демографии. Таллин: АН ЭССР, 1977. С. 189.

⁵ См.: Иванов В.П. Этническая география чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. С. 121—155.

⁶ Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Таткнигоиздат, 1975. С. 83—84.

⁷ Исхаков Д.М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII—XIX вв. // Советская этнография. 1980. № 4. С. 30—38.

⁸ Дмитриев В.Д. О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII — начале XX вв. // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 47. Чебоксары, 1969. С. 245.

⁹ *Комиссаров В.П.* Чуваши Казанского Заволжья // ИОАИЭ. Т. 27. Вып. 5. Казань, 1911. С. 320.

¹⁰ *Кабузан В.М.* Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. С. 33.

¹¹ *Брук С.И., Кабузан В.М.* Этнический состав населения России (1719—1917 гг.) // Советская этнография. 1980. № 6. С. 18—35.

¹² *Ягафова Е.А.* Самарские чуваши (Историко-этнографические очерки). Конец XVII — начало XX вв. Самара: ИЭКА «Поволжье», 1998. С. 298.

¹³ См.: Ватандаш. Уфа, 2002. № 6. С. 146—155.

¹⁴ *Филимонов Д.* Успехи ислама среди чувашей-язычников деревни Старо-Афонькиной Бугульминского уезда // Самарские епархиальные ведомости: часть неофиц. 1908. № 16 (15 августа). С. 623—624.

¹⁵ *Иванов А.* Отступническое движение крещеных и некрещеных чувашей Самарской губернии в магометанство // Самарские епархиальные ведомости: часть неофиц. 1908. № 15 (1 августа). С. 572.

¹⁶ *Никольский Н.В.* Краткий курс этнографии чуваш. Вып. 1. Чебоксары, 1928 (1929). С. 20.

¹⁷ *Брук С.И., Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 24.

**ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ ЧУВАШЕЙ
В ТРУДАХ В.Д. ДИМИТРИЕВА**

Особенности современного территориального размещения этносов страны, темпы и характер изменения этнодемографических параметров являются результатом длительного исторического развития. Поэтому и изучить население страны необходимо не просто в демографическом и географическом отношении, но и с учетом его этнического состава. Также важно анализировать пространственные и количественные характеристики народов страны в исторической динамике, помня, что история многих этносов — это история постоянных переселений, географического и культурного освоения новых территорий.

Проблемами расселения и динамики численности чувашей, формирования их этнотерритории и особенностями их размещения в различных регионах страны, а также вопросами этнических процессов среди различных этнотерриториальных групп народа задавались многие исследователи, путешественники, краеведы, но в большинстве случаев попутно, при рассмотрении других проблем. К настоящему времени накоплен и частично опубликован значительный материал, характеризующий отдельные аспекты истории чувашей, различные стороны их традиционной культуры, хозяйственной деятельности, общественного и семейного быта, особенности говоров-диалектов, народных знаний, художественного творчества, современных этнических процессов. Специальных же работ по вопросам этнодемографии и расселения чувашей немного, главным образом и почти только это труды П.А. Сидорова, В.Д. Димитриева и В.П. Иванова.

Среди работ, в которых прямо или косвенно затрагиваются проблемы расселения и этнодемографии чувашей в дореволюционный период как в Чувашском крае, так и за его пределами, особое место занимают многочисленные исследования В.Д. Димитриева. Они выделяются не только фундаментальностью, но и последовательным комплексным характером. Пожалуй, В.Д. Димитриев был и остается первым из чувашских

историков, кто глубоко осознал, что исследование вопросов расселения и динамики численности чувашей в разные исторические периоды является необходимым условием для понимания и широкого изучения их этнической и гражданской истории, а также особенностей их этногенетического и этнокультурного взаимодействия с другими народами.

В.Д. Дмитриева представлять нет необходимости. Он хорошо известен специалистам по досоветской истории Среднего Поволжья. В частности, ни одна из вышедших в последние десятилетия в Чувашии работ по истории края и чувашского народа ни по богатству фактического материала, ни по глубине исторического анализа не может сравниться с его трудами, будь то монография или статья. Это в полной мере относится и к несомненно ценным работам, специально посвященным исследованию истории этноса, в том числе и этногеографических аспектов. По крайней мере, из нескольких сотен опубликованных трудов В.Д. Дмитриева более 30 работ самым непосредственным образом затрагивают сложные вопросы освоения и заселения чувашами территории Чувашии и новых земель в Волго-Уралье, возникновения их селений и городов, исторической динамики численности этноса и т.д.¹

Не имея возможности детально останавливаться на всех работах В.Д. Дмитриева, касающихся проблем этногеографии, хотел бы обратить внимание на те из них, в которых ему удалось представить фактически новую целостную концепцию взаимосвязанности и взаимообусловленности этноисторических, расселенческих и этнодемографических процессов.

В данном случае я имею в виду прежде всего те труды В.Д. Дмитриева, которые по праву могут быть названы классическими исследованиями и стали не только своеобразными настольными пособиями для многих историков и этнографов, но и кладезем новых материалов и идей практически по всем основным проблемам социальной и этнической истории чувашского края и чувашского народа.

В этом плане хотелось бы выделить в первую очередь одну из ранних работ В.Д. Дмитриева по нашей теме — статью «К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии»², в которой на убедительных примерах, с использованием солидной документальной базы автор рассмотрел никем до

него (а впрочем, и до сих пор) не изученные вопросы истории заселения тех районов Чувашии, которые до ее присоединения к Русскому государству представляли «дикое поле». По мнению В.Д. Дмитриева, то обстоятельство, что обнаруженные в юго-восточных районах Чувашии намогильные камни с надписями, городища и селища хронологически не переходят за XIV в., позволяет считать вторую половину XIV столетия временем почти полного запустения этих районов. Набеги ногайцев, астраханцев, крымцев и разных степных кочевников на Среднее Поволжье продолжались в несколько меньшей степени в XV—первой половине XVI в. Чувашское население не имело возможности вернуться в юго-восточные районы края. Таким образом, в XV — первой половине XVI в. юго-восточная и южная части Чувашии, как и южная и юго-западная части современной Татарской Республики, территории нынешних Ульяновской и Куйбышевской областей превратились в «дикое поле»³.

При этом В.Д. Дмитриев обстоятельно изучает вопрос возведения на юго-востоке Чувашского края засечных черт и укрепительных линий (Кубнинская в третьей четверти XVI в., Симбирская и Корсунская в 1648—1654 гг., Закамская в 1952—1953 гг., Сызранско-Пензенская в 1680-х гг.), их роль как одного из факторов, способствовавших заселению этой территории чувашскими крестьянами из северных районов, их колонизационному движению на новые пространства плодородных земель.

В данной работе В.Д. Дмитриев обратил внимание и на причины переселения чувашских крестьян на юго-восток края⁴. И хотя оно вызывалось переплетением различных причин, тем не менее ученый весьма немаловажным считает факт, что, прежде всего, земли северной половины Чувашии были менее плодородны, чем южной. Расширение обрабатываемой площади, необходимость и возможность которого вызывались ростом численности населения и усовершенствованием орудий производства, на севере требовало затраты большого объема труда на расчистку леса, осушение болотистых мест и т.п., а «дикое поле» юго-восточных и южных районов можно было превратить в культурную площадь в несколько раз легче, чем северные леса. Кроме того, как полагает В.Д. Дмитриев, в северных районах, ввиду притока в них со стороны населения в XIII—XIV вв., создавалась, по-видимому, значительная земельная теснота, ко-

торая к тому же имела тенденцию к росту в связи с переходом пригородных и приречных земель Чувашии в руки русских светских и духовных феодалов.

Благодаря комплексному подходу и обширному кругу привлеченного архивного материала В.Д. Димитриеву удалось рассмотреть в статье все главные вопросы, связанные с окончательным формированием основной конфигурации территориального размещения чувашского населения в пределах Чувашского края. Один из принципиальных для науки выводов работы заключается в следующем: «...в юго-восточные и южные районы в XVI—XVII вв. чувашские крестьяне переселялись главным образом из северо-восточных, центральных и частично северных районов. Формирование быта, культуры и диалекта анатри в южной половине Чувашии обусловлено тем, что большинство переселенцев происходило из северо-восточных и центральных районов и из Казанского уезда»⁵.

Об особенностях расселения чувашей в зоне «дикого поля», прежде всего в юго-восточной части Чувашского края, речь идет также в статье В.Д. Димитриева «К вопросу о сложных общинах в Чувашии»⁶. Здесь весьма детально, на множестве конкретных материалов рассматриваются вопросы образования как материнских селений, так и выселков и околודков (*касси*) в северных и центральных районах Чувашии. Что важно отметить, в работе впервые специально исследуются историко-культурные аспекты процесса образования в XVI—XVIII вв. в южной части Чувашии многочисленных чувашских селений в ходе переселений крестьян из северных и центральных районов края.

В частности, относительно образования форманта «касси»/«кас» В.Д. Димитриев попытался дать свое объяснение. Как известно, в большинстве случаев чувашские названия околудков, в основном передаваемые и по-русски в той же чувашской форме, состоят из двух частей, причем первая часть — коренное слово, вторая часть — «касси» (-касы). В.Д. Димитриев приводит на этот счет слова С.М. Михайлова, который писал в XIX в.: «Большая часть чувашских деревень называется с прибавлением к коренному названию “касси”, например: Иштерек-касси, Байтерек-касси, Хора-касси, Тотар-касси и др. Все эти “касси” происходят от чувашского глагола “касас” — резать, рубить, вырубить, очистить лес для населения». В.Д. Димитриев считает,

что, возможно, более правильным будет другое объяснение: «У чувашей не только выселки (околотки) именуются “касы”, но и отдельные части одного селения. Ниже мы покажем, что до 70-х гг. XIX в. в чувашских селениях улиц не было, дворы размещались кучно, группами, причем группу составляли родственные дворы. Вероятно, группа родственных дворов и составляла “кас”, “каса́”. Такое объяснение имеется в словаре Н.И. Ашмарина. Выселившиеся из материнского селения крестьянские хозяйства (дворы) составляли “кас”, “каса́”»⁷.

В.Д. Дмитриевым были просмотрены и изучены, как он сам пишет, планы сотен чувашских селений, заснятые в ходе генерального межевания и сохранившиеся в Центральном государственном архиве древних актов, и он пришел к выводу, что вплоть до 60—70-х гг. XIX в. дома в чувашских селениях были расположены отдельными группами, кустами, а улиц в них не было, что, конечно же, свидетельствовало о стойком характере пережитков родового, кочевого быта. «Чувашские селения того времени по своей планировке резко отличались от русских сел и деревень, которые имели прямые улицы»⁸.

Фундаментальное исследование В.Д. Дмитриева «История Чувашии XVIII века» (1959) по-своему уникально и представляет собой до сих пор единственную и обстоятельную работу в Среднем Поволжье, в которой как этнографические, так и этногеографические аспекты нашли довольно широкое отражение. В отдельной главе «Территория и население Чувашии с конца XVII века до крестьянской войны 1773—1775 годов», как, впрочем, и в ряде других разделов книги, проанализирован огромный материал архивных и иных сведений о расселении чувашей и представителей других народов на территории Чувашии, о возникновении селений, городов, социальном и национальном составе населения края.

В монографии немалое внимание уделено выяснению движения населения края. При этом ученый, пожалуй, впервые обратился к ценным материалам ландратской переписи 1715—1717 гг., в которых обнаружил сведения переписей 1678, 1704—1705 (ясачной), 1707, 1710 гг. Причем он выявил в ландратских переписях и указания на причины убыли дворов в чувашских селениях в начале столетия (жильцы вымерли, сбежали и т.д.).

В.Д. Дмитриев установил, что застой в росте населения, отмечавшийся в первые два десятилетия XVIII в., в дальнейшем сменился значительным увеличением численности населения, продолжавшимся до 50-х гг., когда рост населения в крае замедляется вследствие переселения чувашских крестьян в Закамье, Приуралье и Самарско-Саратовское Поволжье⁹.

Выход в свет двумя изданиями (в 1966 и 1983 гг.) двухтомной «Истории Чувашской АССР» (особенно последнего, дополненного издания первого тома в 1983 г.) стал крупным событием в чувашской исторической науке. Абсолютное большинство разделов первого тома (по досоветской истории) было написано В.Д. Дмитриевым, чье глубокое знание фактографии, источников, библиографии и сути проблем обеспечило книге уровень классической в своем роде работы. Опираясь на большой круг опубликованных работ и архивных материалов, а также на результаты собственных исследований, В.Д. Дмитриев дал в этом томе более чем достаточную характеристику особенностям исторической динамики народонаселения и территории Чувашии, демографическим и этническим процессам в крае, начиная с первобытнообщинного строя. Большое внимание уделено в книге изменениям в составе населения Чувашского края и его территориальном размещении в болгарскую, золотоордынскую и казанскоханскую эпохи. Весьма содержательные материалы об особенностях расселения чувашских крестьян и основных причинах и факторах этого процесса даны ученым в разделах, посвященных XVII, XVIII и XIX вв.

Касаясь вопросов расселения чувашей за пределы Чувашского края в царское время, В.Д. Дмитриев на основе анализа собственных материалов приходит к заключению, что вторая половина XVIII в. — это время массовых переселений и побегов чувашских крестьян в малозаселенные районы Поволжья и Южного Приуралья из-за насильственной христианизации, прогрессирующего малоземелья, репрессий за участие в крестьянских войнах, резкого усиления социального и национального гнета. Что касается всплеска миграционного оттока из Чувашии в начале XX в., то он связан с развитием в этот период отходничества, переселенческим движением в период столыпинских реформ, войнами, революционными событиями.

Один из принципиальных выводов книги с точки зрения этногеографических аспектов истории Чувашии и чувашского народа досоветской эпохи заключается в том, что во второй половине XIX в. среди чувашей оживляются этноконсолидационные процессы, явственно обозначаются у них и зачатки национального движения. К концу столетия в 7 смежных уездах Казанской и Симбирской губерний (Буинском, Тетюшском, Курмышском, Ядринском, Чебоксарском, Цивильском, Козьмодемьянском) находилось 662 тыс. чувашей, т.е. 78 % от всей численности в Российской империи. Чувашаи проживали здесь более чем компактно, что явилось этнографической предпосылкой к упрочению у них внутриэтнических хозяйственно-экономических и культурно-языковых связей¹⁰. Именно этот территориальный массив чувашей, вступив в конце XIV — начале XX в. в процессы национальной консолидации, и становится ядром этноса, а земли указанных уездов, составив в последующем территориальную основу создаваемой национальной автономии, — «материнской» родиной для большинства чувашей России.

Ряд принципиальных вопросов исторической обусловленности этнодемографического развития чувашского народа проанализирован В.Д. Димитриевым в статье «О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII — начале XX веков»¹¹, в которой на конкретно-историческом материале было подтверждено, что в указанный период немалая часть чувашей подверглась татарской ассимиляции, приводившей к полной утрате ими своей этнической идентичности. При этом В.Д. Димитриев первым заметил и проанализировал суть принципиальных по значимости ошибок, допущенных в свое время Г.И. Комиссаровым при подсчете численности чувашей в Казанской губернии в XIX в. Как известно, Г.И. Комиссаров в своем известном труде «Чуваши Казанского Заволжья» писал, что, по ревизии 1826 (?) г., татар в Казанской губернии было 136 470 чел. обоего пола, чувашей 371 758; по переписи 1897 г. — татар в той же губернии числилось 744 267 чел. обоего пола, а чувашей — 513 044 чел., «в 70 лет татарского населения прибавилось на 607 797 чел., т.е. на 545 %. Это произошло оттого, что за это время значительная часть чуваш отатарилась»¹².

Дело в том, что указанные цифры в последующем нашли повторение в работах целого ряда ведущих исследователей

(Н.А. Спасский, М.П. Петров, В.Ф. Каховский, М.Р. Федотов и др.). Итак, отталкиваясь от цифр Г.И. Комиссарова, Г.Н. Волков пришел к выводу, что «увеличение татарского населения за 70 лет (т.е. с 1826 по 1897 г. — *В.И.*) на 607 797 человек не могло образоваться за счет естественного прироста. Простой арифметический подсчет показывает, что за 70 лет число чувашей увеличилось в 1,4 раза, татар — в 5,5 раза, а общее число татарского и чувашского населения увеличилось в 2,5 раза. При равномерном увеличении было бы татар примерно 341 тыс., чуваш — 929 тыс., а в действительности стало татар 744 тыс., чуваш — 513 тыс., т.е. за 70 лет по самым приблизительным подсчетам около 400 тыс. чуваш только в Казанской губернии стали татарами»¹³. В.Д. Димитриев критично подошел к указанным статистическим сведениям, они ему, как он отмечает, показались сомнительными, что и подтвердилось при проверке. Оказалось, прежде всего, что в 1826 г. ревизии не было: VII ревизия проводилась в 1815—1817 гг., VIII ревизия — в 1833—1835 гг. И главное, сведения Г.И. Комиссарова о численности татар и чувашей в Казанской губернии в 1826 и 1897 гг. не соответствуют действительности, причем «данные 1826 г.» представляют собой грубейшее искажение: к 30-м гг. XIX в. в Казанской губернии проживало не 136 470 татар, а более 400 тыс. В 1897 г. татар в губернии числилось не 744 267 чел., а 675 419, чувашей — не 513 044 чел., а 502 042¹⁴.

Таким образом, подытоживает В.Д. Димитриев, выводы Г.И. Комиссарова и других ученых о многократном росте численности татар в 1826—1897 гг. за счет чувашей требуют пересмотра и основательного уточнения. По его мнению, с 60-х гг. XIX в. татарская ассимиляция не оказывала заметного влияния на динамику численности как самих татар, так и чувашей, мари и других нерусских народов губернии. Еще в первой половине XIX в., подчеркивает он, переход чувашей в состав родственного татарского народа происходил в значительных размерах. А до 1798 г., особенно до христианизации чувашей в середине XVIII в., татарская ассимиляция была более интенсивной¹⁵.

Как уже много раз отмечали, одной из сильных сторон научной деятельности В.Д. Димитриева была опора на огромный массив конкретного материала, извлеченного из фондов различных архивов. Исключительную продуктивность такого под-

хода ученый продемонстрировал в небольшой по объему статье «Чувашия в конце XVIII — начале XIX веков (По материалам генерального межевания)»¹⁶. В ней он практически одним из первых среди чувашских исследователей предпринял попытку изучения описания дач генерального межевания, относящихся к Чувашии, с привлечением поуздных кратких табелей, генеральных планов и геометрических атласов, а также некоторых других материалов.

В.Д. Дмитриев выражает сожаление, что материалы генерального межевания по Казанской и Симбирской губерниям до сих пор остаются неисследованными. Указывает, что лишь небольшая часть их использована С.И. Порфирьевым с целью сбора сведений об археологических памятниках на территории Казанской губернии, П.А. Сидоровым для определения численности и состава населения Чувашии в конце XVIII в. и им самим при исследовании вопроса о происхождении чувашских сложных земельных общин¹⁷.

В своей работе В.Д. Дмитриев сделал весьма содержательный, панорамный обзор характеристик территории, природных условий и ресурсов Чувашского края, проанализировал численность, социальный и национальный состав населения и поселенческие параметры, особое внимание уделил структуре землевладения, вообще сельскому хозяйству и положению различных категорий крестьян. Ученый впервые детально рассмотрел материалы о состоянии промышленности, промыслов, торговле и транспорте, привел совершенно новые сведения об административных и культовых объектах и школах. Кроме всего прочего, В.Д. Дмитриев выявил в материалах генерального межевания ряд неточностей. И, несмотря на отмеченные им недостатки, он подчеркивает, что описания дач представляют собой ценнейший источник для изучения истории России и ее отдельных областей, в частности Чувашии. Они могут быть использованы краоведами при составлении истории городов и селений. В описаниях дач и картографическом материале генерального межевания найдут ценные сведения не только историки, но и геодезисты, географы, экономисты, статистики, биологи, топонимисты и др.¹⁸

Известный дефицит письменных источников по множеству аспектов истории Чувашского края и чувашского народа, осо-

бенно касательно его диаспорных групп, заставляет исследователей обратить свое внимание и на произведения народного устного творчества. Данного рода интересные, а нередко и полностью научно согласуемые материалы, поддержанные архивными источниками, легли в основу книги В.Д. Димитриева «Чувашские исторические предания» (1993), в специальных разделах которой приводятся и анализируются легенды и предания о заселении и хозяйственном освоении чувашскими крестьянами не только южных районов Чувашии, а также новых земель в Среднем Поволжье и Приуралье¹⁹.

Исторические предания, выявленные, собранные и детально проанализированные В.Д. Димитриевым, являются бесценным содержательным источником по истории народа, особенно в аспекте изучения причин и факторов переселенческого движения значительной его части. Предания, включенные в книгу ученого, сообщают о трудных условиях переселения, называют селения или местности, откуда вышли переселенцы и беглые крестьяне, имена отважных предводителей легальных и беглых переселенцев, описывают стычки с отрядами ногайских и калмыцких феодалов, сложные отношения с башкирскими старшинами и органами царской власти, произвол помещиков и заводчиков, захватывавших земли переселенцев.

В.Д. Димитриевым установлено, что заселение Закамья — территории, ныне входящей в Татарстан и Самарскую область, продолжалось вплоть до конца XVIII столетия, а переселение чувашей в Башкирию — и в XIX в. Он выявил, что некоторые чуваша, обосновавшиеся вначале в Закамье, через несколько десятилетий переселились в Башкирию и Оренбуржье. «Туда чувашские крестьяне убегали и от преследований за участие в Крестьянской войне под предводительством С.Т. Разина, и от неимоверного разорения в первой четверти XVIII в., когда степень эксплуатации ясачных людей Чувашии увеличилась в два-три раза, и от принудительного крещения в середине XVIII столетия, и от наказаний за участие в Пугачевском восстании. В диком поле чувашские крестьяне получали земельные участки на ясак и оброк, а в Башкирии и Оренбуржье покупали и арендовали земли у башкирских федералов — волостных старшин»²⁰.

Освоение оседлыми земледельцами средневолжских и приуральских территорий имело большое прогрессивное значение

как для всей России, так и для каждого из народов, в том числе и для чувашей, участвовавших в колонизации свободных земель. По справедливому и точному определению В.Д. Дмитриева, переселенческое движение чувашских крестьян поистине можно считать производственно-трудовой эпопеей²¹.

В.Д. Дмитриевым специально изучена одна из самых запутанных проблем этнической истории чувашского народа, связанная с выяснением причин, факторов и этногенетических последствий перемещения части булгаро-суварского населения с Закамья в северные районы современного Татарстана и на чувашское правобережье во второй половине XIV—XV вв. в связи с тотальным разорением Булгарской земли отрядами золотоордынских эмиров, кочевыми ордами и превращением ее в «дикое поле». Работа В.Д. Дмитриева «Опустошение Болгарской земли в конце XIV — начале XV веков»²², написанная на основе обстоятельного анализа вновь выявленных сведений и работ целого ряда ведущих исследователей (М.Г. Сафаргалеева, Р.Г. Фахрутдинова, А.Л. Смирнова, А.Х. Халикова, Г.А. Федорова-Давыдова, В.Ф. Каховского, Р.Г. Кузеева, В.Г. Егорова и др.), полна новаций и дает ключ к пониманию многих вопросов. Автор убедительно доказал, что в результате массового геноцида в конце XIV — первой трети XV в. булгаро-чувашаи оказались на грани исчезновения как этнос. С фактами на руках он обрисовал панорамную картину того, что произошло и к каким последствиям для чувашей это привело. В.Д. Дмитриев пришел к научно обоснованному выводу, что оставшиеся булгаро-чувашаи перебрались в Нижнее Предкамье, в Ногайскую даругу, Приказанье и Заказанье, где образовалась Чувашская даруга, расположенная от Казани на восток до Камы, в Алатскую, Галицкую и Арскую даруги и даже на р. Чепцу в Северной Удмуртии (сюда — в основном из левобережной части Болгарской земли), а также на территорию Центральной и Северной Чувашии (сюда — с территории современных Пензенской, Ульяновской областей, юго-западной части Татарстана, юго-восточной части Чувашии, с левобережья — с Закамья с района Жукотина, Кременчука, Болгара, с территории Самарской области, позднее и с Приказанья). В.Д. Дмитриев подверг критическому рассмотрению одно из известных предположений, открыто выраженных Р.Г. Фахрутдиновым, что разорение Бул-

гарской земли во второй половине XIV — начале XV в. произошло из-за нападений ушкуйников и русских князей. Он отрицал возможность переселения болгар на территорию Центральной и Северной Чувашии, ссылаясь на то, что «переселенцы-болгары должны были оставить после себя многочисленные ясно выраженные археологические памятники — городища, селища, этнографические памятники и т.п. Однако, как мы видели выше, таких памятников на территории Чувашской АССР крайне немного»²³. Он как археолог должен был знать, подчеркивает В.Д. Дмитриев, что городища и селища остаются после разгрома, уничтожения городов и селений. Переселенцы продолжают жить в новых селениях. Они живут в них и поныне, почему и не могли оставить их. В Заказанье, куда также прибежали и осели болгары, разве есть их городища и селища²⁴?

В данном труде В.Д. Дмитриев внес множество существенных уточнений по целому ряду аспектов истории Волжской Булгарии рассматриваемого периода. К примеру, если Р.Г. Фахрутдинов по данным к 1974 г. определил в Булгарской земле, в основном по памятникам на территории Татарстана, около 140 болгарских городищ и более 950 селищ, то В.Д. Дмитриев резонно заметил, что, однако, в это число не вошли многие болгарские городища и селища, расположенные на территории Самарской, Пензенской, Ульяновской областей, Чувашской и Мордовской республик. «Они изучены до и после 1974 г. С учетом изученных и еще не зафиксированных городищ и селищ указанных территорий число городищ Болгарской земли может дойти до 170, селищ — до 1500»²⁵.

Кроме того, опираясь на данные писцовых переписей и других актов второй половины XVI — XVII в., а также на сведения других исследователей, В.Д. Дмитриев установил, что в тот период в левобережье появилось около 200 чувашских селений, на территории Чувашии — также до 200 материнских селений, что чувашский город Веда-Суар на месте Чебоксар был основан переселенцами из Суvara.

Абсолютно новаторский и превосходно фундированный характер имеет одна из интересных работ В.Д. Дмитриева последнего времени — монография «Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству» (2001). Автор аргументированно доказал, что и исторические, и политические, и этно-

графические последствия данного события, в том числе последующее обращение чувашей в православие, оказались для них событиями эпохального значения. Они определили весь ход новой этносоциальной истории чувашского народа. Совершенно обоснованно сформулирован вывод В.Д. Дмитриева о том, что самым важным результатом мирного вхождения чувашей в состав России было сохранение их как народности. «В Казанском ханстве почти половина левобережных чувашей (“худых болгар”) была отатарена. Если бы продолжались существование Казанского ханства и исламизация чувашей, то они все были бы отатарены и исчезли бы как этнос. Даже в составе России отатаривание левобережных чувашей продолжалось. Но правобережные чуваше и переселившиеся в правобережье и в Закамье приказанские и закамские чуваше Чувашской (позже Зюрейской) и других даруг сохранились как этнос и численно увеличились за 450 лет примерно в 10 раз»²⁶.

Другим важнейшим последствием вхождения чувашского народа в состав России В.Д. Дмитриев считает факт расширения территории его обитания. Как известно, в середине XVI в. одна группа чувашей обитала в центральных и северных районах территории современной Чувашской Республики (южная граница их земель проходила по р. Кубня), другая — в Приказанье и Заказанье. А территория современных Яльчикского, Комсомольского, Батыревского, Шемуршинского районов Чувашии, юго-западных районов и закамской части Татарстана, Ульяновской, Самарской, Пензенской, Саратовской областей представляла собой «дикое поле» — пространство без оседлого населения и поселений, где проводили летовки ногайские и другие кочевые орды, а с 30-х гг. XVII в. — и калмыки, переселившиеся из Ойратии (Джунгарии), расположенной западнее Бурятии.

В.Д. Дмитриев здесь и в ряде других своих трудов особое значение придает фактору реального укрепления правительством России южных территорий региона. Работы эти велись, отмечает он, с привлечением оседлого, в том числе чувашского, населения Среднего Поволжья в XVI—XVII вв., благодаря чему были построены Кубнинская, затем Алатырско-Тетюшская, Симбирско-Карсунская, Закамская, Сызранско-Пензенская, в начале XVIII в. — Вторая Закамская оборонительные линии (засечные черты), что обезопасило от вторжения кочевников боль-

шие пространства плодородных земель. «С последней четверти XVI до начала XVIII вв. чувашские крестьяне возвратились в оставленные ими в XIV — начале XV в. земли юго-восточной и южной частей Чувашии, вплоть до начала XX в. интенсивно осваивали присурские леса нынешних Ибресинского, Шумерлинского и Красночетайского районов»²⁷.

Этногенетические аспекты расселения чувашей и их предков затронуты В.Д. Дмитриевым в увидевшем свет в 2004 г. авторском сборнике статей «Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа», в котором особое внимание уделяется дополнительной разносторонней научной аргументации известной концепции Н.И. Ашмарина о болгарских корнях чувашского этноса.

В статье «О волжско-камском и казанском этапах этногенеза чувашей» на основе самых последних данных ученый обстоятельно рассматривает проблемы происхождения чувашей начиная с самых ранних, первых упоминаний их предков в Центральной и Средней Азии, Закавказье и Предкавказье. При этом исключительное внимание уделяется автором этногеографическим аспектам, основным факторам и главным направлениям расселения булгаро-суварских и чувашских племен.

В.Д. Дмитриев дал развернутую картину образования зоны «дикого поля», его основные географические параметры. При этом на примере возникновения целого ряда конкретных чувашских селений в районах не только в самой Чувашии, но во всем Среднем Поволжье В.Д. Дмитриеву удалось дать научное объяснение причин формирования основной конфигурации расселения булгаро-чувашей в регионе в целом.

Одна из замечательных по своей значимости статей сборника — «Динамика численности чувашей в XVIII—XIX веках в сравнении с соседними народами» — полностью посвящена исследованию особенностей этнодемографических и расселенческих проблем народов Поволжья и Приуралья. Предваряя статью, автор отмечает: «Для нас представляет большой интерес определение динамики численности чувашского населения в сравнении с такими же показателями марийцев, мордвы, татар и русских... Актуальность рассматриваемого вопроса повышается и необходимостью устранения неточностей, допущенных в литературе. Неточностей немало»²⁸.

На основе демографических сведений, содержащихся в двух фундаментальных монографиях («замечательных», как особо отметил В.Д. Дмитриев) В.М. Кабузана, и выявленных самим ученым материалов в статье сделан вывод, что в XVIII—XIX вв. рост численности чувашского населения происходил значительно медленнее увеличения численности соседних народов — марийцев, мордвы и татар. «В.М. Кабузан справедливо подчеркивает, что основной причиной замедленного роста численности чувашей являлась их ассимиляция другим тюркским народом — татарским, главным образом путем исламизации»²⁹.

В.Д. Дмитриев несколько раз цитирует выводы В.М. Кабузана относительно особенностей демографического движения чувашского этноса, подчеркивая вслед за ним, что снижение доли чувашей «прямо связано с тем, что в районе наблюдался процесс ассимиляции (главным образом отатаривания) части чувашского населения. В значительных размерах он развернулся с 30-х гг. XVIII в., в период массового крещения нерусского населения Поволжья. Тогда часть чувашей, уклонившаяся от принятия православия, обратилась в мусульманство и начала постепенно сливаться с татарами. В этом отношении любопытны результаты переписи 1897 г., которая опиралась на показатель родного языка. По ней доля чувашей, принявших магометанство, тем не менее не совсем слилась с татарами и по языку относилась к чувашам, хотя предшествующие ревизии и исчисления давно уже относили их к татарам»³⁰.

Касательно указанного сборника статей В.Д. Дмитриева хочется отметить, что конкретно-исторический материал, щедро представленный в нем по проблематике этногенетических, расселенческих и этногеографических процессов, делает убедительными выводы автора, многие из которых по праву можно признать научными открытиями.

В заключение было бы вполне справедливо обратить внимание еще на один аспект активной исследовательской деятельности В.Д. Дмитриева в вопросах изучения расселения чувашей, на то, что, по сути, именно он явился в свое время первым инициатором и организатором крупных комплексных экспедиций чебоксарских ученых в регионы Среднего Поволжья и Приуралья.

Как известно, в 1930—1950-х гг. чувашеведение было замкнуто главным образом на изучении только той части этноса, что

проживала на территории Чувашской Республики. Начиная с 1960-х гг. появляется интерес к истории, культуре и языку диаспорных групп народа. В усилении внимания к ним большую и значительную роль сыграли организованные под научно-практическим руководством В.Д. Дмитриева несколько комплексных экспедиций в различные районы Поволжья и Приуралья для наблюдений, сбора и фиксации разнообразных данных в расселенном там чувашском народе. В 1961 г. такая экспедиция работала под непосредственным руководством В.Д. Дмитриева в чувашских селениях Татарской АССР, Куйбышевской и Ульяновской областей, в 1962 г. — Башкирской АССР и Оренбургской области, в 1984 и 1987 гг. такие экспедиции были направлены им, директором ЧНИИ, в те же республики и области. По материалам указанных экспедиций было подготовлено и издано несколько сборников статей, касающихся многих сторон материальной и духовной культуры диаспорных групп чувашей, частично также и вопросов расселения³¹.

Работы В.Д. Дмитриева об историческом процессе расселения и динамике численности чувашей цитируются многими исследователями, в их числе и автором этой статьи.

Как отмеченные, так и не упомянутые нами здесь многочисленные труды В.Д. Дмитриева по вопросам этнической географии и исторической этнодемографии чувашского народа по широте охвата материала, по объективности изложения, по научной смелости при постановке слабо разработанных или далеких от окончательного разрешения проблем наглядно отражают новый этап развития исторической науки в Чувашской Республике.

Литература и примечания

¹ См.: Список печатных работ В.Д. Дмитриева // Служение истории: сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. С. 131—196.

² См.: Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы истории и экономики при Совете министров ЧАССР (ЧНИИ). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956. Вып. 14. С. 173—218.

³ Там же. С. 174.

⁴ Там же. С. 180.

⁵ Там же. С. 322.

⁶ См.: Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. Вып. 23. С. 196—228.

⁷ Там же. С. 208.

⁸ Там же. С. 214.

- ⁹ История Чувашии XVIII века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. С. 51.
- ¹⁰ История Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. Т. 1. С. 198.
- ¹¹ См.: Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: ЧНИИ, 1969. Вып. 47. С. 165—185.
- ¹² Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1911. Т. 27. Вып. 5. С. 380.
- ¹³ См.: *Волков Г.Н.* Этнопедагогика чувашского народа. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1966. С. 289.
- ¹⁴ Ученые записки ЧНИИ. Вып. 47. С. 243.
- ¹⁵ Там же. С. 246.
- ¹⁶ Чувашия в конце XVIII — начале XIX веков // *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986.
- ¹⁷ Там же. С. 385.
- ¹⁸ Там же. С. 386.
- ¹⁹ Чувашские исторические предания: очерки истории чувашского народа с древнейших времен до середины XIX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993.
- ²⁰ Там же. С. 234.
- ²¹ Там же. С. 235.
- ²² См.: Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 1996. № 2. С. 45—76.
- ²³ См.: *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. С. 120, 121.
- ²⁴ Известия НАНИ ЧР. С. 49.
- ²⁵ Там же. С. 71.
- ²⁶ Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары: НАНИ ЧР, 2001. С. 103.
- ²⁷ Там же. С. 107.
- ²⁸ См.: Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 171.
- ²⁹ Там же. С. 183.
- ³⁰ См.: *Кабузан В.М.* Народы России в первой половине XIX в.: численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. С. 197.
- ³¹ См., напр.: *Димитриев В.Д.* Изучение быта, фольклора и языка чувашского сельского населения Татарской АССР, Куйбышевской и Ульяновской областей // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 19. Чебоксары, 1969; Культура и быт низовых чувашей. Чебоксары: ЧНИИ, 1986; Чувашаи Приураля: культурно-бытовые процессы. Чебоксары: ЧНИИ, 1989.

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ПАНТЕОН БОГОВ В ЧУВАШСКОЙ МИФОЛОГИИ

(К ВОПРОСУ РАНЖИРОВАНИЯ ИЕРАРХИИ)

Тема пантеона богов в чувашской мифологии не проста хотя бы потому, что имеет ряд вопросов методологического характера. Продолжают оставаться актуальными, во-первых, проблема типологизации персонажей пантеона по установившейся в науке разрядной классификации «боги — божества — духи»; во-вторых, выделение из общего перечня добрых и злых богов, божеств и духов; в-третьих, определение их обиталищ, т.е. распределение местопребывания персонажей пантеона в трех измерениях — в верхнем, среднем и нижнем мирах, или выделение в нем небесных и земных богов, божеств и духов; в-четвертых, недостаточно изучен вопрос о мере влияния на верования чувашей ислама и православия; в-пятых, следует определиться и в том, в какой мере те или иные боги, божества и духи были невидимы и лишены конкретной портретности или, наоборот, были антропоморфны в обыденном сознании чувашей.

Особую научную сложность имеет вопрос о политеизме или монотеизме верований чувашей дохристианской эпохи. Не меньший интерес представляет исследование семантики и этимологии названий богов, божеств и духов, которые позволяют раскрыть многие аспекты этнической истории, эволюции традиционной культуры чувашей, характер и последствия межкультурного и межэтнического взаимодействия их с другими этническими общностями и культурами в разные периоды своей истории.

Подводя итоги многолетних и неустанных исследований чувашской народной религии, А.К. Салмин заключает, что, несмотря на влияние мировых религий, исконное мировоззрение чувашей не достигло монотеизма, что чувашским верованиям присущ дуализм — вера в борьбу доброго и злого начал, что понятие «традиционная религия» («фольк-религия») справедливо синонимизировать чувашскими терминами *ыр-хаяр тейне* или *ыр-усал тейне* (букв.: добра-зла религия)¹.

Недостаточно изучены также параллели между пантеоном богов чувашской мифологии и пантеонами соседних народов — мари, мордвы, удмуртов, а также восточных славян. Здесь необозримое поле для новых интересных дискурсов и открытий.

Спор о политеистичности и монотеистичности чувашской народной религии идет со времен К.С. Мильковича, В.А. Сбоева и В.К. Магницкого. Так, В.П. Никитин (Станьял), сторонник монотеистичности, ссылается на утверждение Д. Месароша: «Отчетливо вырисовывается понятие о единственном Боге, что ни в коем случае не похоже на язычество. Русские исследователи В. Сбоев, В. Магницкий без особых знаний языка и предмета не могли выделить это настолько характерное свойство чувашской мифологии. Они исходили из того, что если речь идет о язычестве, о черной вере, то каждый дух и фигура воображения — это есть бог. И под это понятие подгоняли из текстов жертвенных молитв каждое, уже не имеющее значения слово, называя богом, а также названия определенных болезней — без какой-либо систематизации и знания»².

В целом же проблематика пантеона богов, божеств и духов весьма широка, как космос, ибо это сфера иррационального, и ее изучение требует комплексного подхода.

В настоящей работе автор предпринял попытку остановиться на одном аспекте затронутой глобальной для культуры этноса темы — вопросе о составе и ранжире пантеона чувашских богов, что тоже представляет немалый научный интерес. Конечно, всем, кто так или иначе интересовался системой верований чувашей, известно, что в данном случае необходимо прежде всего разобраться в том, какой персонаж пантеона в мифологическом сознании чувашей являлся богом, какой — божеством, какой — духом.

В данном вопросе до сих пор наблюдается разноречие мнений, и кажется, что он, как атом, неисчерпаем. По мнению А.К. Салмина, духи у чувашей в основном невидимы и лишены конкретной портретности, а божества как высшие существа наделены антропоморфной символикой. История изучения темы показывает, что исследователи (К.С. Милькович, В.А. Сбоев, Н.И. Ашмарин и др.) практически не различали термины «божество» и «дух». В работах этих авторов наблюдается спонтанность и бессистемность употребления этих понятий. А.К. Салмин

прямо указывает, что Н.И. Ашмарин часто допускал вольности в дефинициях «божеств»³. (Это прослеживается у него не только в «Словаре», но и в специальных публикациях⁴.)

Богов (именно богов!) в чувашском пантеоне множество. В.П. Никитин (Станьял) отмечает, что в печати сохранилось около 200 имен, приводятся при этом и данные Н.Е. Наумова, согласно которым на больших молениях чуваша упоминали 77 или 99 богов⁵. По мнению М.В. Шевле, сакрально насчитывается 81 персонаж (в т.ч. и божества, и духи)⁶. В пантеоне чувашей многие персонажи определяются единым термином *турӑсем* «божества». *Турӑ*, как указывает А.К. Салмин, это конкретное божество, а нарицательное имя во множественном лице объединяет персонажи, в единственном числе присоединяется к имени конкретного божества. Например, *Хӗвел турӑ* «божество *Хӗвел*»; *Хӗрт-сурт турӑ* «божество *Хӗрт-сурт*» и т.д. А самое главное божество *Турӑ* исходно было одним из множества божеств *турӑ* и ничем не выделялось, только впоследствии постепенно вобрало в себя функции многих других божеств, возшло на пирамиду иерархии и стало управлять⁷. Вопреки сложившемуся априори мнению, А.К. Салмин утверждает, что «ошибочным следует считать восприятие *Киремет* как духа». По его мнению, «*Киремет* — содержательное и значимое божество в религиозно-обрядовой жизни чувашского народа»⁸.

К.С. Милькович первым однозначно указал, что для язычества чувашей характерен дуализм: добрые боги и божества во главе с Сюльди — Всевышним — и злые божества и духи во главе с *Шуйттан* — дьяволом⁹. Сюльди-тора, по представлению чувашей, имеющий свое семейство, стоит во главе богов и божков, расставленных по иерархической лестнице¹⁰.

К.С. Милькович, вслед за ним и В.А. Сбоев указывают, что Сюльди-тора управлял людьми через помощника — бога Кебе, ведавшего судьбами человеческого рода, и его служителей: Пюлехся, назначавшего людям судьбу, счастливые и несчастливые жребии, и Пихамбара, раздававшего людям душевные качества и сообщавшего юмзям пророческие видения. В услужении у Сюльди-торы находились божества, названия которых воспроизводили прислуживавших и сопровождавших золотоордынских и казанских ханов чиновников: *Тӑвӑм-ырӑ* — добрый дух, заседающий в диване (палате), *Тӑвӑм-сюредеген* — дух, ведающий

делами дивана, далее: страж, вратарь, кравчий и т.п. Конечно, все это напоминает административную систему во главе с ханами, царями, чиновниками и т.п.¹¹

Как известно, по сложившимся в чувашеведении представлениям, к группе малых богов относятся производители и хранители людей, жилищ, хлебов, скота, имущества и т.д., причем многие из них «обитают» не на небесах, а на земле. Чувашки почитали также божков, олицетворяющих солнце, землю, гром и молнию, свет, огонь и т.п. Малые боги и божества — наиболее древние элементы языческой религии, восходящие к первобытнообщинному строю. Злые божества и духи были независимы от Сюльди-торы, других добрых богов и божеств и враждовали с ними. Бог зла и мрака *Шуйттан* пребывал в бездне, хаосе. Самыми вредными и злыми божествами считались киремети, которые «обитали» при каждом селении и приносили людям бесчисленное множество несчастий¹².

О ранжировании по иерархичности, таксономии богов в чувашской мифологии. Следует иметь в виду, что все, кто писал о чувашском пантеоне богов, пытались таксономизировать их, во-первых, на небесных и земных, во-вторых, на благотворных (добрых) и злотворных (злых). Выстроить систему божеств — дело весьма сложное и почти невыполнимое, как заявляет А.К. Салмин, и в этом он прав. «Схема усложняется и тем, что многочисленные эпитеты божеств со временем стали претендовать на самостоятельное существование. Особенно это прослеживается, как увидим, на примере *Турă*. Кроме того, к имени почти каждого божества может прибавляться нарицательный термин *турă* “божество”; *Уйăх турă* “божество Луна”, *Карта турри* “божество Прясла”, *Сёр турри* “божество Земли” и т.д. В то же время имена многих божеств в настоящее время практически необъяснимы»¹³.

В чувашской религии, как уже отметили, много второстепенных, производных и других божеств. Например, целый ряд божеств, чьи имена получены от глаголов, выражающих их функции и действия. Например: *Тăхтăçчи* «Поджидающий», *Хăнăçчи* «Отстающий», *Юсав* «Поправляющий», *Илен* «Берущий», *Упраçчи* «Берегущий», *Вуртан* «Лежащий» и т.д. Конечно, прав А.К. Салмин, когда отмечает, что эта категория божеств вовсе не исследована¹⁴.

Сведения о языческом пантеоне чувашей мы находим в ряде источников XVIII столетия; в татищевской анкете 1737 г. по Симбирскому уезду, в сочинениях Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, Т. Кенигсфельда, И.И. Лепехина, П.С. Палласа и И.Г. Георги. Однако содержащиеся в перечисленных источниках сведения большей частью отрывочны, не лишены ошибок и путаницы. По мнению В.Д. Дмитриева, наиболее обстоятельное и достоверное описание чувашской языческой религии XVIII в. оставил К. Милькович. И это описание настолько точно, что когда в середине XIX в. этнограф В.А. Сбоев читал его старикам-чувашам, последние единогласно подтверждали совершенную справедливость слов автора, но никак не могли поверить, чтобы это писал русский, а не чуваш и притом не юмзя¹⁵.

В XIX — начале XX в. сбором материала о языческих верованиях чувашей и анализом его с точки зрения христианства занималось несколько лиц, главным образом духовного звания. Из этнографов ценные материалы о чувашской языческой религии собрали В.А. Сбоев и В.К. Магницкий, краткие очерки этих верований написали Н.В. Никольский и Г.И. Комиссаров. Однако указанные авторы не всегда согласны друг с другом не только в трактовке языческих верований в целом, но и в освещении фактических данных о них¹⁶.

Поразительно, но факт, что даже в такой сводной монографии, как «Чуваши» (часть вторая), изданной в 1970 г., приведен в качестве основного посписочного перечня чувашских богов и божеств материал (конечно, слегка препарированный), записанный в 1906 г. юным поэтом К.В. Ивановым¹⁷ от жителей д. Кайраклы (родина его матери), что находится в 7 км от Слакбаша (см. Приложение 1). Немудрено, что в публикациях на эту тему всегда присутствовала разноголосица касательно ранжира чувашских богов и божеств. Но все исследователи дохристианских религиозных верований чувашей единодушны в одном — в том, что чувашские боги и божества разделялись на добрых и злых. Особых, разительных противоречий не обнаруживается и в вопросе, кого из богов и божеств включить в разряд небесных — живущих на небе, и кого земных — живущих на земле.

Что интересно отметить, «с легкой руки» П.В. Денисова термин *Турă-тала* вошел в энциклопедию «Мифы народов мира»,

где в статье, написанной В.Н. Басиловым на основе книги П.В. Денисова «Религиозные верования чуваш», утверждается, что чувашский *Џӹлти Турӑ* — есть *Турӑ-тала*, в мифологии чувашей небесный Бог-творец, высшее божество. «Считалось, — указывается в энциклопедии, — что при нем находились **боги (!)** (выделено нами. — В.И.) — создатели душ (*Чун суратакан турӑ*), детей (*Ывӑл-хӗр суратакан турӑ*), домашних животных (*Вильӑх-чӗрлӗх суратакан турӑ*), жилищ (*Сурт суратакан турӑ*), богатств (*Мул суратакан турӑ*), пчел (*Хурт суратакан турӑ*), цветов (*Чечек суратакан турӑ*), производитель хлебов (*Тыр-пул суратакан турӑ*), ниспосылающий силу и крепость (*Хурас ан-таракан*) и др., а также божества-служители. С *Џӹлти Турӑ* часто отождествлялось божество судьбы *Џӹлти Кене*»¹⁸.

В действительности здесь приведены так называемые месарошские «эпитеты» *Џӹлти Турӑ*¹⁹, хотя все эти персонажи являлись лишь перечислением функций верховного Бога, которому дело было до всего и до всех. Д. Месарош пишет, что часть эпитетов он взял у В.К. Магницкого, так как они в большинстве своем ко времени наблюдений Д. Месароша уже не употреблялись. «В эпитетах можно увидеть, какие свойства приписывает воображение народа этому единственному Богу. Он сотворил душу, а также детей. Он выращивает урожай, размножает скотину. Сотворяет дом, семью, он и их хранитель. Он дает имущество, богатство, сотворяет пчел, он является богом свадеб и веселья. На лугу сотворяет цветы, под навесом ухаживает за ласточками, которые, впрочем, милые его сердцу птицы. Он хранитель таинственного, суеверного дятла, мелких птиц, живущих под кустами крапивы, так же как и издающего трели соловья»²⁰.

Одни из самых ранних и широких перечней богов, божеств и духов в иерархическом порядке представлены в трудах К.С. Мильковича и В.К. Магницкого²¹.

Ранжир персонажей пантеона по К.С. Мильковичу выстроен из 33 «благих» (добрых) богов, божеств и духов.

- 1) *Џӹлти Турӑ* — Творец, или небесный Бог;
- 2) *Турӑ ашӗшӗ* — богов отец;
- 3) *Турӑ амӑшӗ* — богова мать;
- 4) *Џӗрти патша* — земной царь;
- 5) *Сут тӗнче* — бог света;

- 6) *Кене* — бог судьбы;
- 7) *Чун суратакан турă* — бог — датель душ;
- 8) *Хёвел* — солнце;
- 9) *Хёвел амăшĕ* — мать солнца;
- 10) *Этем турă* — бог грома и молнии;
- 11) *Ырă турри* — бог благодеяния;
- 12) *Перекет турри* — бог изобилия;
- 13) *Перекет амăшĕ* — мать бога *Перекет*;
- 14) *Сўрен Ир* — странствующий по воздуху бог;
- 15) *Сёр атте* — отец земли;
- 16) *Сёр амăшĕ* — мать земли;
- 17) *Суратан турă* — северное сияние;
- 18) *Пўлĕхсĕ* — предписатель земнородных частей;
- 19) *Пўлĕхсĕ амăшĕ* — мать *Пўлĕхсĕ*;
- 20) *Пихампар* — вестник судьбы;
- 21) *Сергаже* — оберегатель стад и паствы;
- 22) *Пёр тёрли* — бог однородного;
- 23) *Сюлрань* — воздушное явление, летучий змей;
- 24) *Истора* — спутник бога;
- 25) *Киргань (Кирекен) турă* — домовый;
- 26) *Карта турри* — бог скотного двора;
- 27) *Шыв турри* — вуташ;
- 28) *Върман турри* — лесовой, бог леса;
- 29) *Хир турри* — полевой, бог поля;
- 30) *Сил* — бог ветра;
- 31) *Сил амăшĕ* — мать бога ветра;
- 32) *Вут чун* — душа (бог) огня;
- 33) *Сил суначĕ* — крылья ветра.

Под именем же злых, как пишет К.С. Милькович, чувашки «разумеют духов, живущих близ их деревень, в лесах, наносящих им разные болезни и несчастья, коих они на своем языке называют *Киремет* (или *Ирзам*, оные разделяются на главные — *Аслы*, средние — *Водасерде* и малые — *Ксинь*), и из них главным разумеют они *Выляры Ирзам*, коего почитают отцом всех киреметей, и сказывают об нем, что имеет он четырех сыновей, из которых первый называется *Серде Кебе*, или земная судьба» и т.д. По заключению К.С. Мильковича, «о божестве и мире понятие имеют они [чувашки] весьма темное и из почитаемых ими божеств благотворным пребывание определяют

в небесах, в воздухе, в воде и в центре земли; вообще же как о благих, так и о злых думают, что они существа, ими владеющие, бессмертные, премудрые, невидимые и непостижимые»; «злых своих божеств и киреметей разумеют они [чуваши] живущими на земле и в лесах...»²².

В.А. Сбоев также подразделяет чувашских богов на добрых и злых, но, в отличие от К.С. Мильковича, делит их четко на два разряда: «а) на *небесных*, или живущих на небе, и б) на *земных*, имеющих местопребывание на земле»²³. Ранжир богов по В.А. Сбоеву несколько отличается от К.С. Мильковича. Так, по его мнению, небесных *добрых* богов у чувашей насчитывалось 19:

1) *Џўлти Турă* — высочайший бог. У него жена *Џўлти Турă амăшĕ* и дети *Џўлти Турă ывăлĕсем*. Это самое верховное божественное семейство. *Џўлти Турă*, по Сбоеву, «есть властитель и распорядитель всего надзвездного, духовного мира; с земными же он общается не иначе, как через посредство других небесных богов».

2) *Џут тĕнче турă* — творец света;

3) *Чун суратакан турă* — бог, дающий младенцам души;

4) *Аслати турă* — бог грома и молнии;

5) *Кене* — бог судьбы;

6) *Пўлĕхсĕ* — бог, «который по назначению *Кене* раздает людям счастливые или несчастливые жребии, богатство или скудность земными благами»;

7) *Пихампар* — бог, по определению *Кене* раздающий людям душевные качества. Первоначально — бог огня. В последующем — покровитель скота;

8) *Ырă турă* — бог благоденствий, покровитель супружеской, семейной жизни;

9) *Перекет турă*, его жена и дети — боги изобилия, размножения земных плодов;

10) *Хёвел турă* — бог Солнце (*Хёвел амăшĕ* — его жена, *Хёвел ывăлĕсем* — его дети);

11) *Уйăх турă* — бог Месяц (его жена и дети);

12) *Пёр тёрли* — бог одновидный, делающий употребляемую пищу безвредной;

13) *Џёлен* — бог-змей, летающий в воздухе и сообщающий женщинам дар плодородия;

- 14) *Ѕёр ашиё* — бог, создавший Землю (его жена и дети);
- 15) *Ѕил турри* — бог ветра (его жена и дети);
- 16) *Ѕўрен турй* — бог, покровитель странствующих, подающий помощь утопающим;
- 17) *Хёрлё ѕёр турй* — бог плодородной земли;
- 18) *Хйрпан турй* — бог жертвоприношений;
- 19) *Алйк усакан турй* — бог, отворяющий двери небесного жилища богов, охранитель небесных врат.

Перечень земных добрых богов у В.А. Сбоева насчитывает 6 персонажей, а именно:

- 1) *Ѕёрти патша (Ѕёрти патша амйшё, Ѕёрти патша ывйлёсем)* — земной царь (земная царица и сыновья их);
- 2) *Ѕул турри* — бог-покровитель дорог и путешествующих по ним;
- 3) *Килрен турй* — домовый;
- 4) *Карта турри* — бог-покровитель домашних животных;
- 5) *Вйрман турри* — бог-хранитель лесов;
- 6) *Хир турри* — бог-блюститель пашен и полей.

В.А. Сбоев подчеркивает, что число добрых богов у чувашей немалое, «но злым богам уж и счета нет»²⁴. Интересно его замечание, что если добрые боги были одни и те же у всех чувашей, то злые не везде одинаковые. «Каждая чувашская деревня, кроме общих злых духов, признавала еще свои местные злые божества, которым преимущественно и поклонялась. Составить полный перечень их нет никакой возможности, тем более что число их у некрещеных, а отчасти и у некоторых крещеных чуваш и теперь постоянно продолжает увеличиваться»²⁵.

Во главу злых богов К.С. Милькович ставит *Киремет*. В отличие от него злым началом у чувашей В.А. Сбоев называет шайтана. У К.С. Мильковича понятие «шайтан» отсутствует вовсе. Вероятно, оно вошло в религию некрещеных чувашей позднее, скорее всего в конце XVIII — начале XIX в. под влиянием мусульман-татар.

Прочие злые боги (*эсрел, арсури, йёрёх, ийе*), по В.А. Сбоеву, «происходят по прямой линии уже от шайтана».

Небезынтересно отметить, что по теме чувашского пантеона имеются, кроме хорошо известных для чувашеведов трудов, также публикации сравнительно редко цитируемых авторов. В данном случае обращаем внимание на работу П.В. Малькова,

в которой приведен список богов и божеств, основанный на материалах по симбирским чувашам²⁶. Конечно, можно предполагать (можем ошибиться), что он составлен на основе работ К.С. Мильковича и даже, возможно, В.А. Сбоева. Тем не менее раскладка П.М. Малькова представляет определенный интерес, тем более в отличие от многих других авторов он всех персонажей своего пантеона квалифицирует именно как «богов».

Добрые небесные боги, по П.М. Малькову:

Сюльди Турă — верховный бог, доброе начало, от него произошли следующие добрые существа:

Ѕут тĕнче Турă — бог Вселенной;

Мăн Турă умĕнче ĳĕрекен;

Кене — судьба, рок;

Пуĕлĕхĕи — вестник;

Пихампар — бог, сообщающий видения пророческие юмзям (потом заменился на св. Георгия Победоносца или на Илью-пророка);

Тур-ырă — гений-хранитель;

Ѕĕр, шыв ашĕ — отец земли и воды;

Хĕвел турă, Уйăх турă — бог Солнце, бог Луна;

Аслати — бог грома и молнии;

Ѕил турă — бог Ветер;

Ѕĕлен (сюлин) — бог, обитающий в воздухе и сообщающий женщинам дар рождения;

Чун ĳуратакан турă — бог, вмещающий душу младенцам;

Хĕрлĕ ĳыр турă — бог, оплодотворяющий землю;

Перекет — бог изобилия;

Ѕĕрен турă — бог странствующий;

Пĕр тĕрли — бог одноглазый, покровитель мануфактурных изделий;

Хурпан — ходатай;

Айк уĳакан — придверник, стражник богов и божественных духов.

Добрые земные боги (*анатра ыртакансем* «на земле-низу почивающие»):

Ѕул турă — бог-хранитель путешественников;

Кил турă — бог домов;

Карта турă — бог дворов, покровитель домашних животных;

Вăрман турă — бог лесов;

Хир турă — бог нив (полей);

Ѕёрти патша — земной царь.

Злое начало — *Шуйттан*. От него произошли *эсрел*, *ирих*, *хйтăм*, *арсури*, *хёрт-сурт*, *вупăр*.

Пожалуй, один из самых, так сказать, «монументальных» перечней чувашских богов, божеств и духов представлен в работе В.К. Магницкого «Материалы к объяснению старой чувашской веры»²⁷. Он привел 87 имен персонажей, выявленных им в д. Масловка (ныне в Козловском р-не ЧР). Ссылаясь на Н.И. Золотницкого, он отмечает, что, по всей вероятности, некогда полный список состоял из 99 имен. В Бишевском приходе (Бишево ныне также в составе Козловского р-на ЧР) В.К. Магницкий зафиксировал более 150 названий богов, божеств и всевозможных духов и киреметей. Какие же персонажи пантеона богов вынесены и последовательно расположены В.К. Магницким в первых строках списка по д. Масловка, можно судить по следующей его раскладке:

- 1) *Турă*;
- 2) *Пу́лĕхси*;
- 3) *Тур амăшĕ* (мать Бога);
- 4) *Пихампар*;
- 5) *Хёрлĕ Ѕыр*;
- 6) *Ѕёр йиш* (семейство земли);
- 7) *Ѕёр ашĕшĕ* (отец земли);
- 8) *Ѕёр амăшĕ* (мать земли);
- 9) *Ѕёр-шыв кўтекен*;
- 10) *Ѕурт суратакан турă* (бог, рождающий-созидающий дом);
- 11) *Ами* (самая старшая мать);
- 12) *Тăваçси* (работающий);
- 13) *Тăхтаçси* (удерживающий);
- 14) *Кўтнеçси* (стерегуший);
- 15) *Никĕçси* (заведующий фундаментом);
- 16) *Сыхчă* (страж);
- 17) *Чечек суратакан* (производящий цветы);
- 18) *Чечек ашĕшĕ-амăшĕ* (отец-мать цветов);
- 19) *Ывăл-хёр суратакан* (податель детей);
- 20) *Тыр-пул суратакан* (податель всякого хлеба);
- 21) *Вылăх-чёрлĕх суратакан* (податель всех домашних животных);

- 22) *Мул суратакан* (податель богатства);
- 23) *Хурт суратакан* (податель пчел);
- 24) *Хурс антаран турă* (ниспосылающий силу, крепость);
- 25) *Сут тѣнче [турă]* (бог здешнего мира).

Как уже отметили, в своей книге «Памятники старой чувашской веры» (1909) Д. Месарош религию чувашей считал монотеистичной, подчеркивал, что они признавали лишь единого Бога. Пантеон богов и божеств у чувашей, по Д. Месарошу, начинается с *Турă*. Указывается, что «различались у них главный Бог (*Турă*) и множество богов нижнего чина... Кроме того, они верят в добрых и злых духов (остатки древнего шаманизма), однако их никогда не называют *пѣр Турă* “единственный Бог”»²⁸. Кроме этого, у него имеется множество эпитетов, которых Месарош приводит 17, вплоть до таких, как *Чѣкеç турри* (бог ласточек), *Туй турри* (бог свадеб), *Шăпчăк турри* (бог соловьев) и т.п.

Ранжир основного состава чувашского пантеона богов, по Д. Месарошу, раскладывается следующим образом:

- 1) *Турă* — главный, единственный Бог;
- 2) *Хăрпан* — отец Бога (*Тор ашшĕ, Ват Торă*);
- 3) *Пўлĕхсĕ* — и дух, и божество (*Турă Пўлĕх*);
- 4) *Кене* — глава *пирĕшти*, ангелов чувашской мифологии;
- 5) *Пирĕшти* — ангелы чувашской мифологии, «ходящие перед Богом»;
- 6) *Хёрлĕ Сыр* — добрый дух, живущий на небесах;
- 7) *Хёрт-сурт* — хранитель дома;
- 8) *Кил хуҫи* — хозяин дома;
- 9) *Пихампар* — хозяин волков;
- 10) *Хытăм* — дух-хранитель овец;
- 11) *Йёрĕх* — добрый дух.

Интересно отметить, что Д. Месарош некоторые из приведенных им персонажей квалифицировал не как богов, а как «добрых духов» (*Пўлĕхсĕ, Пирĕшти, Хёрлĕ Сыр, Хёрт-сурт, Хытăм, Йёрĕх* и т.п.). Но это, как говорится, другая история.

В целом состав и иерархия чувашских богов и божеств у Д. Месароша определенно отличается от представленных в трудах К.С. Мильковича, В.А. Сбоева, В.К. Магницкого и Н.В. Никольского. Как известно, материал он собирал среди низовых чувашей, в уездах Симбирской губернии, в то время как на-

блюдения вышеназванных авторов фиксировались в основном в северных районах Чувашского края, главным образом среди верховых чувашей.

Что примечательно, пожалуй, древнейший, первородный пласт пантеона чувашских богов и божеств был зафиксирован, как уже отмечено, в 1906 г. в Башкирии, в чувашской деревне Кайраклы, юным поэтом К.В. Ивановым. В нем нашло отражение обожествление прежде всего материальных явлений природы (солнца, земли, воды, огня, ветра и т.п.)²⁹. По всей видимости, чуваша, переселившиеся в Приуралье в конце XVII — первой половине XVIII в., не успевшие подпасть под кампанию насильственной христианизации в Чувашском крае, сохранили вплоть до начала XX в. некие базисные перечни своих, исконно этнических («языческих») богов, божеств и духов. По К.В. Иванову, чувашский пантеон состоит из следующих главных персонажей: *Турă* (Бог), *Хёвел* (Солнце), *Пульхсё*, *Кепе*, *Пихампар*, *Хярпан*, *Сил* (Ветер), *Сёр* (Земля), *Шыв* (Вода) и усопшие предки (см. Приложение 1).

Теперь о Н.И. Ашмарине. Многие задаются вопросом, от чего он отталкивался, «сортируя» чувашских богов, божеств и духов по «разрядам». Дело в том, что в томах его уникального 17-томного «Словаря чувашского языка» названия божеств в целом ряде случаев приводятся с припиской, к какому разряду они относятся. И вправду, на первый взгляд не так-то легко понять логику ранжира тюрколога. К примеру, *Хёвел амйш* (мать Солнца) у него 2-го разряда, а *Хёвел ашшё* (отец Солнца) — 5-го (т. 17, с. 9—10). В другом же подобном случае и *Сёр амйшё* (мать Земли) и *Сёр ашшё* (отец Земли) — божества 1-го же разряда (т. 13, с. 89). И еще: *Сёр-шыв кётен* — божество 1-го разряда, а *Сёр-шу кётен* — уже 6-го (т. 13, с. 100). А *Пульхсё* и вовсе божество 3-го разряда (т. 10, с. 83) и т.д., и т.п.

Судя по всему, Н.И. Ашмарин специально эту проблему не изучал. В основу своих пометок по поводу отнесения божеств к тому или иному разряду он положил раскладку М.В. Шевле (см. Приложения 2 и 3), которую и привел в томе третьем своего «Словаря»³⁰.

По утверждению М.В. Шевле, дохристианский пантеон чувашских богов, божеств и духов имеет 9 групп (Н.И. Ашмарин их назвал «разрядами»), которые в свою очередь делятся на

9 персонажей. Таким образом, число богов, божеств и духов достигало 81 (см. Приложение 2). В данном случае ограничимся перечислением списка первой группы (разряда) М.В. Шевле: 1) *Турă* («самый старший, единый Бог»); 2) *Пӱлӗхсӗ*; 3) *Турă амăшӗ*; 4) *Пихампар*; 5) *Хӗрлӗ Сыр*; 6) *Сӗр йыш*; 7) *Сӗр ашшӗ*; 8) *Сӗр амăшӗ*; 9) *Сӗр Сулу*.

В работе (я бы сказал, в эпическом для чувашей научном труде) «Чуваши Казанского Заволжья» Г.И. Комиссаров представил свой ранжир чувашского пантеона богов, божеств и духов³¹. По его мнению, чуваше не могли объяснить самобытное бытие верховного Бога, поэтому приписали ему Мать. Для заведования стихиями и разными явлениями, по представлению чувашей, имеются второстепенные боги, которые, как полагает Г.И. Комиссаров, считаются детьми верховного Бога, т.к. последнему они приписывают жену. К второстепенным божествам относятся: 1) *Сӱлти Кене* — судьба; 2) *Перекет турри* — бог изобилия; 3) *Чун суратакан турă* — творец душ; 4) *Пӱлӗх* — бог участвий; 5) *Сӗр ашшӗ* — отец земли; 6) *Сӗр амăшӗ* — мать земли; 7) *Хӗвел* — солнце; 8) *Уйăх* — луна.

Третьестепенные божества — служители перечисленных богов: 1) *Пихампар* — вестник благополучия, охранитель стад и покровитель огня; 2) *Кил турри* — покровитель дома; 3) *Картари турă* — охранитель хлебов и скотины; 4) *Шыври турă* — водяной бог; 5) *Пирӗшти* — ангел; 6) *Хӗрт-сорт* — домовый и др. Все перечисленные духи — в числе добрых, только изредка проявляющих свой гнев.

Есть царство злого духа — *Шуйттан*. По Г.И. Комиссарову, в царстве *Шуйттан* состоят: 1) *Есрел*; 2) *Ййе*; 3) *Арсури*; 4) *Унӑте*; 5) *Шыври*; 6) *Вӗри сӗлен*; 7) *Сив чир*; 8) *Вупӑр*; 9) *Киремет*; 10) *Йӗрӗх*; 11) *Шатӑн* и 12) *Вупкӑн*. «Добрые божества не имеют в воображении чувашенина определенного образа. Только верховный Бог представляется им в образе седоволосого старика с бородой и с палкой в руке. Злым же духам чуваше приписывают те или другие образы»³².

Определенное своеобразие формированию ранжира богов, божеств и духов чувашского пантеона придал Н.В. Никольский³³. Следует отметить, что вначале всех перечисленных им персонажей он маркирует общим понятием «божества», хотя в самом списке добрых персонажей пантеона подразделяет их на богов и

божеств, а злых квалифицирует как духов. У Н.В. Никольского есть и очевидные противоречия. Так, *Эсрел, Ийе, Арсури, Киремет, Чепен, Йёрёх* у него называются также и божествами, и духами, но злыми³⁴.

И еще. Н.В. Никольский выстраивает пантеон не по месту обитания персонажей, а только по разряду добрых и злых. При этом в обыденном состоянии язычествующих чувашей многие добрые боги и божества обитают не только на небесах, как обычно утверждают другие авторы, но и в воздухе, и на земле, и в центре земли, и в воде.

По Н.В. Никольскому, к числу добрых относятся боги и божества:

1. *Ѕўлти Турă* — Творец, небесный Бог. У него есть жена и дети. При нем имеются божества: 1) предстоящий; 2) предшествующий; 3) отворяющий двери; 4) затворяющий двери; 5) божие дуновение; 6) милость; 7) могущественный; 8) производящий силу; 9) посылающий силу; 10) гнев божий; 11) божие наказание. *Ѕўлти Турă* подает хлеб, одождает поля, посылает вечное счастье. У него есть отец и мать, дети.

2. *Ѕёрти патша* — земной царь.

3. *Ѕутă тѣнче* — бог света.

4. *Ѕўлти Кепе* — судьба. Он обитает в небесах, имеет своих вестников или служителей: *Пулѣх* и *Пихампар*.

5. *Чун суратан турă* — творец душ.

6. *Хѣвел* — солнце; у него есть жена, дети. Есть божества: уши солнца, ноги солнца.

7. *Уйăх турă* — бог Луна; у него жена и дети.

8. *Этем турă* — бог грома и молнии.

9. *Ырă турă* — бог благодеяний. Живет в небесах.

10. *Перекет турă* — бог изобилия; у него есть жена и дети. Свойства этого бога чуваша представляют в виде особых богов: 1) *Итем перекечѣ* — прибыль тока; 2) *Кăшăл перекечѣ* — прибыль вороха и т.д.

11. *Ѕўрен ырă* — странствует по воздуху, избавляет утопающих.

12. *Ѕѣр ашшѣ* — отец земли; его жена *Ѕѣр амăшѣ* — мать земли.

13. *Хѣрлѣ сѣр тырă* — бог красной плодородной земли.

14. *Суратан турă* — северное сияние. Его чуваша называют рождающимся сыном божьим.

15. *Пу́лех* — предписатель участков; у него есть жена *Пу́лех амáйшэ* и дети.

16. *Пихампар* — вестник судьбы.

17. *Сурáх аишэ* — оберегатель стад и паствы. Он живет в земле и в центре ее.

18. *Пёр тёрли* — однородный. Помогает в труде и в рукоделии.

19. *Сёлен* — летучий змей. Живет в воздухе.

20. *Ёс турá* — «спутный» бог.

21. *Килти турá* — домовый.

22. *Картари турá* — бог дворового скота.

23. *Шыври турá*, иначе *Вутáш*. — Живет в воде. Оздоровляет последнюю.

24. *Вáрман турри* — лесовой.

25. *Хирти турá* — божество, находящееся в поле.

26. *Сил* — ветер, у него жена *Сил амáйшэ*. У него крылья *Сил суначэ*.

27. *Вутá* — огонь.

28. *Ёмёре упрáн* — охраняющий жизнь.

29. *Хáрпан* — возносит к богу жертву.

30. *Юларан-паларан* — собирает остатки жертвы. У него жена и дети.

31. *Пáхат-пáхан* — видящий, озирающий.

32. *Пирёити* — ангел.

По А.К. Салмину, пантеон небесных божеств насчитывает 11 персонажей, и этот ряд возглавляется *Турá* — творцом всего и держателем Вселенной³⁵.

1) *Пу́лех (Пу́лехсэ турá)* — самое приближенное лицо *Турá*, подчиняющееся и помогающее ему;

2) *Хáрпан (Хáрпан турри)* — божество, возносящее принесенную жертву к *Турá*;

3) *Хáрпан амáйшэ* — мать божества *Хáрпан* и дочь божества *Хáт*;

4) *Хáт* — божество, хозяин красоты и порядка в доме и обществе;

5) *Кепе* — божество (проще, по А.К. Салмину, *Чáваш турри* «чувашское божество»), посланник *Турá*, и от его имени определяет судьбу людей;

6) *Хёвел* (Солнце) — божество, *Хёвел турá*;

7) *Уйáх* (Луна) — божество, к которому обращаются в качестве строгого судьи при клятвах;

8) *Уйӑх-Хӗвел* — божества, упоминаемые часто вместе, важные персонажи пантеона, особо почитаемые земледельцами;

9) *Кӑвак хуппи* («голубой покров (веко)») — божество, дарующее счастье;

10) *Ўӑлтӑр* — божество звезда, оно появляется на небе в момент рождения и гаснет или падает со смертью человека.

Как уже отметили, А.К. Салмин склонен считать божествами и земных персонажей типа *киремет*, которых, конечно, насчитывается множество. В этом ряду им перечислены следующие важные, на его взгляд, персонажи:

Киремет — божество, собирательное название разных типов и видов *киреметей* — старших, средних и младших;

Йӑрӑх — божество типа *Киремет*, термин имеет три значения: 1) божество, 2) предмет-символ божества, 3) место обитания божества;

Валем хуҫа — божество, культ которого связан с культом Киремет;

Хӑрлӑ Ҫыр (красный яр) — персонаж типа *Киремет*, божество земледелия;

Кӗлӗ — божество типа *Киремет*, сам термин имеет три значения: 1) моление-текст, 2) название божества и 3) название местности, где обитает это божество.

А.К. Салмин выделяет еще один разряд — «другие божества», куда он отнес нижеследующие³⁶:

Шилӗк — по А.К. Салмину, это божество счастья индивида, семьи, рода и деревни в целом. Правда, ни в одном перечне предыдущих авторов — К.С. Мильковича, В.К. Сбоева, В.К. Магницкого, Н.В. Никольского, П.В. Денисова и др. — он не упоминается в таком качестве. Разве что как название обряда;

Кӑвар (огненный уголь) — божество очага и домашне-семейного благополучия;

Хӑрт-сурт — божество, хранитель домашнего очага;

Вут (огонь) — божество огня, символ дома;

Вут ама (мать огня) — мать божества *Вут*;

Ҫӗр (земля) — божество земли;

Ҫӗр ашшӗ — отец божества земли;

Ҫӗр амӑшӗ — мать божества земли;

Ҫӗр тавраш — божество типа *Ҫӗр* (земля);

Карта турри — хозяин прясла;

Пихампар — хозяин скота и зверей. По замечанию А.К. Салмина, этот «персонаж из ряда *Турă*, хотя по отношению к нему можно встретить термины «дух», «ырă», «пророк», «ангел», «хранитель»;

Пирёшти — персональное божество, оберегающее человека, ангел;

Патиша (Патиша турă) — правитель, царь, стоит во главе земных добрых божеств;

Валь (Валь-турă) — божество-распределитель блага;

Мур — божества, распространяющие повальную смерть на людей и скот;

Сил — божество ветра;

Сил амăшĕ — мать божества *Сил*;

Шыв (Шыв турри) — божество воды;

Сут тĕнче (светлый мир, свет, мир) — божество этого мира;

Пёр тёрли — «бог одновидный» (по В.А. Сбоеву)³⁷;

Пир — злое божество типа *Вунăр (Усал турă)*, парализующее человека;

Перекет — божество бережливости и изобилия;

Върман турри — хозяин леса.

Кроме перечисления в приведенном порядке небесных и земных богов и божеств, А.К. Салмин выстроил свой список духов. Все они в той или иной степени человекоподобны. В разряд духов типа *Усал* (нечистый дух) вошли собственно *Усал*, *Ийе* (поражает и людей, и скот), *Вёре сĕлен* (заколдованный змей), *Вунăр*, *Хаяр*, *Алпас (Алпастă)*.

В разряд духов типа *Шуйттан* вошли, кроме самого *Шуйттан*, также *Арсури*, *Чун или (Эсрел)*, *Савра сил*.

Отдельно выделены А.К. Салминым так называемые «другие духи» — *Ваттисем* (духи предков) и *Хытăм* (вредный дух типа *Вунăр*)³⁸.

Как уже отметили выше, по мнению В.Д. Димитриева, наиболее полное представление о чувашской народной религии можно получить из очерка К. Мильковича³⁹. Пожалуй, В.Д. Димитриев прав, ибо К.С. Милькович, как говорится, «схватил» в XVIII в. еще не успевшую кардинально трансформироваться под влиянием ислама и христианства некую системоподобную народную религию чувашей. Можно сказать, что труд К.С. Милькови-

ча до сих пор остается первым содержательным трудом по данной проблематике. Как известно, последующие исследователи — В.К. Сбоев, В.К. Магницкий, Г.И. Комиссаров, Н.В. Никольский, П.В. Денисов, А.К. Салмин — так или иначе отталкивались от очерка К.С. Мильковича, но при этом каждый вносил что-то свое, у каждого свой ранжир списка богов, божеств и духов.

Причин тому немало. В связи с массовым насильственным крещением чувашей в течение XVIII — начала XX в. происходило разрушение структуры формировавшейся в течение столетий народной религии. Далее под влиянием ислама и православия основы народных верований, особенно пантеон богов, божеств и духов и представления о них, подверглись реформатизации. Выпускники духовных семинарий и академий В.А. Сбоев, Г.И. Комиссаров, Н.В. Никольский, а также В.К. Магницкий (сын священника) и А.Ф. Риттих⁴⁰ (воинствующий панславист), будучи ревнителями православия, конечно же, не только производили корректировку архитектоники народной религии чувашей, но и привносили свое в интерпретацию целого ряда ее основ, в том числе в характеристику персонажей пантеона богов, божеств и духов и их иерархичности.

Каковы же особенности в выстраивании иерархии богов, божеств и добрых духов у рассмотренных исследователей? Обратимся к прилагаемой таблице 1.

1. Если у К.С. Мильковича за *Сўлти Турă* следуют *Турă аишĕ*, *Турă амăшĕ* и *Сĕрти патша*, то у других авторов, за исключением К.В. Магницкого и М.В. Шевле, отец и мать *Сўлти Турă* не упоминаются.

2. У К.С. Мильковича *Сĕрти патша* (земной бог) на 4-м месте, у А.К. Салмина — на 23-м, больше не упоминается никем, кроме Н.В. Никольского, который поставил его на 2-е место.

3. *Кене*. В списке К.С. Мильковича этот важный персонаж на 6-м месте, у В.А. Сбоева — на 5-м, у К.В. Иванова — 7-м, у Д. Месароша — 4-м, у Г.И. Комиссарова — 2-м, у А.К. Салмина — на 5-м месте, между тем как в перечнях В.К. Магницкого и Н.В. Никольского он вовсе отсутствует.

4. *Пихампар* в списке К.С. Мильковича указан на 19-м месте, В.А. Сбоева — на 7-м, В.К. Магницкого — 4-м, К.В. Иванова — 8-м, Д. Месароша — 9-м, Г.И. Комиссарова — 10-м, Н.В. Никольского — 15-м, у А.К. Салмина — на 21-м.

5. *Хърпан* присутствует только в списках В.А. Сбоева, К.В. Иванова, Д. Месароша и А.К. Салмина, причем если у последних этот персонаж указан вторым после *Џўлти Турă*, то у В.А. Сбоева и К.В. Иванова — соответственно 18-м и 9-м.

6. Еще один важный персонаж пантеона — *Пу́лѣхсѣ* (*Пу́лѣх*). У К.С. Мильковича он стоит на 18-м месте, у В.А. Сбоева и К.В. Иванова — на 6-м, у В.К. Магницкого — на 2-м, Д. Месароша — 3-м, ГИ. Комиссарова — 5-м, Н.В. Никольского — 14-м, А.К. Салмина — на 2-м.

7. Интересно заметить, что такие персонажи, как *Хытăм* у Д. Месароша и *Хăт* у А.К. Салмина, никем больше не упоминаются.

Кроме всего прочего, сравнительно-сопоставительный анализ первых персонажей пантеона, ранжированных различными авторами в разное время, показывает, что сложившееся обыденное мнение, будто каждый из них опирался на предыдущего автора, не совсем верно.

Анализ иерархии персонажей в пантеонах, выстроенных каждым из указанных авторов, а также частота их упоминаний позволяют смоделировать следующий условный список:

- 1) *Џўлти Турă, Пёр Турă, Турă*;
- 2) *Пу́лѣхсѣ*;
- 3) *Тур амăшѣ*;
- 4) *Кепе*;
- 5) *Хѣвел*;
- 6) *Џут тѣнче*;
- 7) *Чун суратакан турă*;
- 8) *Пихампар*;
- 9) *Хёрлѣ Ыр*;
- 10) *Џѣр аишѣ*;
- 11) *Џѣр амăшѣ*;
- 12) *Перекет турри*;
- 13) *Хърпан*.

Сравнительное сопоставление ранжиров богов и божеств чувашского пантеона в трудах ведущих исследователей народной религии чувашей К.С. Мильковича, В.А. Сбоева, В.К. Магницкого, Г.И. Комиссарова, Н.В. Никольского и А.К. Салмина подтверждает, что иерархия персонажей каждому из них представлялась по-своему. Это говорит о том, что вряд ли можно одно-

Таблица 1

**Иерархия богов, божеств и духов в чувашской мифологии,
представленная в трудах исследователей**

К.С. Милькович (1783)	В.А. Сбоев (1856)	В.К. Магницкий (1881)	К.В. Иванов (1906)	Д. Месарош (1909)	Г.И. Комиссаров (1911)	Н.В. Никольский (1928)	М.В. Шевле (1929)	А.К. Салмин (2007)
Ўлти Турă	Ўлти Турă	Ўлти Турă	Турă	Турă	Ўлти Турă	Ўлти Турă	Пёр Турă	Турă
Турă аишĕ	Ўт тĕн- че турă	Пулĕхси	Хевел	Харпан	Кепе	Ўрти патша	Пулĕхсĕ	Пулĕхсĕ
Турă амăшĕ	Чун сурата- кан турă	Тур амăшĕ	Ўил	Пулĕхсĕ	Перекет турри	Ўрти патша	Турă амăшĕ	Харпан
Ўрти патша	Аслати турă	Пихам- пар	Ўр	Кепе	Чун сурата- кан турă	Ўт тĕнче	Пихам- пар	Харпан амăшĕ
Ўт тĕнче	Кепе	Хёрлĕ	Шыв	Пирĕш- ти	Пулĕх	Чун сурата- кан турă	Хёрлĕ сър	Хат
Кепе	Пулĕхсĕ	Ўр аишĕ	Кепе	Хёрлĕ Ўыр	Ўр аишĕ	Чун сурата- кан турă	Чун йыш	Кепе
Чун сурата- кан турă	Пихам- пар	Ўр амăшĕ	Пихам- пар	Хёрт- сурт	Ўр амăшĕ	Уйăх турă	Ўр аишĕ	Хевел
Хевел	Ырă турă	Ўр-шыв кĕтен	Харпан	Кил хуши	Хевел	Ўр аишĕ	Ўр аишĕ	Уйăх- хевел
Хевел амăшĕ	Перекет турă	Ўрт		Пихам- пар	Уйăх	Этем турă	Ўр амăшĕ	Кавак хуппи
Этем турă	Хевел турă	Сурт суратакан турă		Хытăм	Пихам- пар	Перекет турă	Ўр Сулу	Ўлтăр
Ырă турри	Уйăх турă	Ами		Йĕрĕх	Кил турри	Ўрен ырă		Шилĕк
Перекет турри	Пёр тёрли	Таващси			Картари турă	Ўр аишĕ		Кавар
Перекет амăшĕ	Ўлен	Тăхтащси			Шыври турă	Хёрлĕ сър турă		Хёрт-сурт
Ўрен Ир	Ўр аишĕ	Кĕтнещси			Пирĕш- ти	Сурата- кан турă		Вут («огонь»)
Ўр атте	Ўрен турă	Никĕсси			Хёрт- сурт	Пулĕх		Вут ама
Ўр амăшĕ	Хёрлĕ	Сыхчă				Пихам- пар		Ўр («земля»)
Сурата- кан турă	Ўыр турă	Чечек суратакан				Сурăх аишĕ		Ўр аишĕ
Пулĕхсĕ	Харпан турă	Чечек аишĕ				Пёр тёрли		Ўр амăшĕ
Пулĕхсĕ амăшĕ	Алăк усакан турă	Ывăл-хёр суратакан				Ўлен		Ўр тавраш
Пихам- пар		Тыр-пул суратакан				Ўс турри		Карта турри
		Выйăх- чёрлĕх су- ратакан				Килти турă		Пихам- пар
						Картари турă		Пирĕшти
								Патша (Патша турă)

значно утверждать о сформировавшейся полноценной системе народной религии чувашей, хотя этого и желает логика исследований. По мнению Г.И. Комиссарова, с чем нельзя не согласиться, «ислам и христианство застали эту религию в том состоянии, которое можно назвать переходным, а потому и неопределенным. Жречество не успело получить в ней развития и настоящей организации, а потому не могла создаться и система этой религии»⁴¹. По всей видимости, народная религия чувашей в соответствующих условиях каждого отдельного исторического периода постоянно подвергалась реформатированию в соответствии с требованиями объективных историко-культурных обстоятельств. Отсюда и разногласия, нестыковка в ранжире персонажей пантеона, что и получило отражение в публикациях тех или иных авторов.

Приложение 1

**Перечень чувашских богов, божеств и духов,
составленный поэтом К.В. Ивановым в 1906 г.
в д. Кайраклы (родина матери) ныне Белебеевского
района Республики Башкортостан**

Семантическое разъяснение дано по кн:
«Чуваши: этнографическое исследование. Часть вторая»
(Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1970. С. 148—156)

1. *Турă* — главный Бог.
2. *Пу́лĕхсĕ* — раздающий по назначению Кебе счастливые и несчастливые жеребья.
3. *Пу́лĕхсĕ амăшĕ* — мать *Пу́лĕхсĕ*.
4. *Турă умĕнче сўрекен Турă сулайвĕ* — насыл Торы, шествующий перед Торой.
5. *Турă хаярĕ* — гнев Бога.
6. *Турă инкекĕ* — божьи бедствия.
7. *Турă сехмечĕ* — божьи недуги.
8. *Турă синкерĕ* — божье несчастье.
9. *Кепе* — бог судьбы.
10. *Хёрлĕ Сыр* — добрый дух.
11. *Пихамтар* — владыка волков.
12. *Сўрекен ырă* — божество.
13. *Хăрпан* — божество.
14. *Вулăра выртакан* — почивающий в Вуле.
15. *Кăвак хуппи* — зарница.
16. *Сут тĕнче* — Вселенная.
17. *Хёвел амăшĕ* — мать солнца.
18. *Хёвел суначĕ* — крылья солнца.

19. *Хёвел хаярё* — гнев солнца.
20. *Хёвел инкекё* — солнечное бедствие.
21. *Хёвел сехмечё* — солнечный недуг.
22. *Хёвел синкерё* — солнечное несчастье.
23. *Џил амйшё* — мать ветра.
24. *Џил суначё* — крылья ветра.
25. *Џил хаярё* — гнев ветра.
26. *Џил инкекё* — ветряное бедствие.
27. *Џил сехмечё* — ветряной недуг.
28. *Џил синкерё* — ветряное несчастье (наваждение).
29. *Џавраҫил амйшё* — мать вихря.
30. *Џавраҫил суначё* — крылья вихря.
31. *Џавраҫил хаярё* — гнев вихря.
32. *Џавраҫил сехмечё* — вихревой недуг.
33. *Џавраҫил синкерё* — вихревое несчастье (наваждение).
34. *Џёр йышё* — обитатели земли.
35. *Џёр амйшё* — мать земли.
36. *Џёр пёвё* — тулово земли.
37. *Џёр хунё* — хан земли.
38. *Џёр хуҫи умёнче сўрекен юсман* — юсман, идущий перед владителем земли.
39. *Џёр хаярё* — гнев земли
40. *Џёр инкекё* — земляное бедствие.
41. *Џёр сехмечё* — земляной недуг.
42. *Џёр синкерё* — земляное несчастье.
43. *Џёр сулӑвё* — насыл земли.
44. *Шыв сулӑвё* — насыл воды.
45. *Кёл сулӑвё* — насыл святилища.
46. *Вилё сулӑвё* — насыл мертвеца.
47. *Масар пуҫё* — хозяин кладбища.

Приложение 2

Разрядная группировка чувашских богов, божеств и духов, составленная М.В. Шевле и изложенная в его незавершенной рукописи

Отрывок из нее приведен в томе 3 «Словаря чувашского языка»
Н.И. Ашмарина (Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1929. С. 66—68)

Пёрремёш ушкӑн: 1) Таса Пёр Турӑ, пуринчен асли; 2) Пулӑхсё, Пёр Турӑран кёсённи; 3) Тур амӑш; 4) Пихампар, пётём сынсене пёлсе тараканни; 5) Сыр пёртак пурнарахпа св. Николая пёлтернё, ёлӑк тем тавакан пулӑнӑ, паллӑ мар; 6) Џёр йыш; 7) Џёр ашпӑш; 8) Џёр амӑш; 9) Џёр Сулу, сёре сулса парсан илекенни.

Иккёмёш ушкӑн: 1) Ывӑл-хёр суратакан Турӑ; 2) Ывӑл-хёр суратакан амӑш; 3) Ывӑл-хёр суратаканӑн Пулӑхси, пёлсе тараканни; 4) Хунхасси (так и в черновике рукописи), ўсен япаласене хунатараканни пулӑнӑ пулмалла; 5) Хумхасси, хумхантарса лартаканни;

6) Вёри хёвелтен сыхлаканни; 7) Ыл ашшё; 8) Ыл амаш; 9) Тавал ыл суретекенни.

Вишсёмёш ушкан: 1) Тыр-пул суратакан турă; 2) Тыр-пул суратакан амаш; 3) Тыр-пул суратакан Пулехси; 4) Выхах-чёрлех суратакан турă; 5) Выхах-чёрлех суратакан амаш; 6) Выхах-чёрлех суратакан Пулехси; 7) Велле хурт суратакан турă; 8) Велле хурт суратакан амаш; 9) Пулехси.

Таваттёмёш ушкан: 1) Хамла хăпартакан турă; 2) Хусанта асла алăкра ыртакан ыра; 3) Сёвере ыртакан ыра; 4) Шупашкарта ыртакан ыра; 5) Асла (илё кив) киремет; 8) Асла киремет хаярё; 9) Тур келли.

Пилёкмёш ушкан: 1) Сёне киремет; 2) Сёне киремет ашшё; 3) Сёне киремет амашё; 4) Сёне киремет хаярё; 5) Ыл сунат; 6) Ыл хаярё; 7) Хёвел ашшё; 8) Хёвел амашё; 9) Хёвел суначё.

Улттёмёш ушкан: 1) Сёр-шу кётен; 2) Уй пăхакан; 3) Шыв вăтăш; 4) Итем сыхчи; 5) Хёрт-сурт; 6) Турă умёнке сурекен; 7) Хёрлё сыр ыри; 8) Келё алăкё умёнке тăракан; 9) Келё алăкне усакан.

Сичёмёш ушкан: 1) Хысалти асла ыра; 2) Юпсарти ыра; 3) Шултари ыра; 4) Уй пусёнчи ыра; 5) Кив масар; 6) Арсури; 7) Йахăх (йахăх?); 9) Турă сулу.

Саккăрмёш ушкан: 1) Чёлпёр тытакан; 2) Итем перекечё; 3) Уй перекечё; 4) Перекет амашё; 5) Перекет ашшё; 6) Перекет паракан; 7) Шултра алапа шыв асса килекен; 8) Тавасси; 9) Тăхтасси. (Ку кайранхи ик ыра мён тăваканнисем пулнине юмăс карчăксем пёлмессё.)

Тăххăрмёш ушкан: Ку ушканти турăсем мён-мён ятлисене, вёсем мён япаласене пăхса тăнисене пёлекен сынна эп ку таранчен тёл пулман-ха, саванпа вёсем синчен нимех те калама пултараймастăп. Хам шухăшпа, ку ушканта тёрлё лăп-лапсене, кăста килчё унта, пахчасенче-мёнте пулна йёрёхсене, киреметсене, арсурисене, ячёсене каласа панă пул, теп.

Приложение 3

Перечень ряда чувашских богов и божеств, включенных в тома «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина

Турă — бог, божество (Т. 14. С. 149; С. 155).

Турă амăшё — «Божья мать» (Там же. С. 157).

Тор — *ашиё* — божество (Там же. С. 150).

Турă алăкне усаканё — «открывающий ворота».

Тур ачи — «Божий сын» (Там же. С. 158).

Тур умёнке сурекен — божество 6-го разряда (Там же).

Турă вăкăрё — божество (Там же).

Пулехси — божество 3-го разряда (Т. 10. С. 81).

Хăрпан — божество (Т. 16. С. 362).

Хăрпан торри — божество (Там же. С. 362).

Пурен — «божество предопределяющее» (Там же. С. 83).

Чун пурен турă — божество, находящее душу для новорожденного (Т. 15. С. 236).

Хёвел аишĕ — божество 5-го разряда (Т. 17. С. 9).
Хёвел амăш — божество 2-го разряда (Там же. С. 10).
Хёвел çулăмĕ — божество 2-го разряда (Там же. С. 12).
Çĕр амăшĕ — божество 1-го разряда (Т. 13. С. 89).
Çĕр аишĕ — божество 1-го разряда (Там же).
Çĕр йышĕ — дух «Властелин земли» (Там же. С. 91).
Çĕр йыш амăшĕ — мать властителя земли (Т. 13. С. 91).
Çĕр пӳлĕхси — божество (Там же. С. 95).
Çĕр пӳлĕхси амăшĕ — божество (Там же).
Çĕр сехмечĕ — божество (Там же).
Çĕр сыхчи — божество (Там же. С. 96).
Çĕр тивлечĕ — божество (Там же. С. 98).
Çĕрти турă — божество (Там же).
Çĕр-шыв кĕтен — божество 1-го разряда (Там же. С. 100).
Çĕр-шу кĕтен — божество 6-го разряда (Там же).
Çĕр-шу тытакан торă — божество (Там же).
Хĕрлĕ Çыр амăшĕ — божество (Т. 17. С. 52).
Хĕрлĕ Çыр аишĕ — божество (Там же).
Хĕрлĕ Çыр ырри — божество (Там же).
Хĕрлĕ Çыр киремет амăшĕ — божество (Там же).
Хĕрлĕ Çыр турри — божество (Там же).
Çут тĕнче тытакан — божество (Т. 12. С. 282).
Çут амăшĕ — божество (Там же. С. 280).
Хаяр амăш, Хаяр аишĕ — божества (Т. 16. С. 9—10).
Хаяр сирен — божество (Там же. С. 11).
Аçа-çиçĕм — «божества, держащие в своих руках гром и молнию» (Т. 2. С. 123).
Çут кӳл ами — божество (Т. 12. С. 280).

Литература и примечания

- ¹ Салмин А.К. Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. С. 382.
- ² Никитин В.П. Табуированный пантеон чувашской религии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. С. 254.
- ³ Салмин А.К. Указ. соч. С. 383.
- ⁴ См., например: Ашмарин Н.И. Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в гор. Казани. Т. 2. Казань: [б.и.], 1921.
- ⁵ Никитин В.П. Указ. соч. С. 248.
- ⁶ См.: Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Т. 3. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1929. С. 66—68.
- ⁷ Салмин А.К. Указ. соч. С. 395.
- ⁸ Там же. С. 404.
- ⁹ Милькович К. Быт и верования чуваш Симбирской губернии (Из записок уездного землемера Мильковича 1783 г.) // ИОАИЭ. Казань, 1906. Т. 22. Вып. 1. С. 50—55.

¹⁰ *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века (до Крестьянской войны 1773—1775 гг.). Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. С. 456.

¹¹ Там же. С. 456.

¹² См.: История Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. Т. 1. С. 160.

¹³ *Салмин А.К.* Указ. соч. С. 395.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Димитриев В.Д.* Указ. соч. С. 455.

¹⁶ Там же. С. 456.

¹⁷ Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 2. Духовная культура. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1970. С.154.

¹⁸ Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Наука, 1998. Т. 2. С. 475; *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959.

¹⁹ *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры / перев. с венг. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 21—22.

²⁰ Там же. С. 22.

²¹ *Милюков К.С.* Указ. соч.; *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881.

²² *Милюков К.С.* Указ. соч. С. 51—54.

²³ *Сбоев В.А.* Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношении. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания. М.: Тип. С. Орлова, 1856. С. 102—103.

²⁴ Там же. С. 109.

²⁵ Там же.

²⁶ *Мальков П.М.* Симбирские чуваш и поэзия их. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1877.

²⁷ *Магницкий В.К.* Указ. соч. С. 62—83.

²⁸ *Месарош Д.* Указ. соч. С. 21.

²⁹ См.: Константин Иванов. Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. С. 288.

³⁰ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1929. Т. 3. С. 66—67.

³¹ *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья // ИОАИЭ. Казань, 1911. Т. 27. Вып. 5. С. 379.

³² Там же.

³³ *Никольский Н.В.* Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1928 (1929). С. 94—96.

³⁴ Там же. С. 96.

³⁵ *Салмин А.К.* Указ. соч. С. 386—430.

³⁶ Там же. С. 430—466.

³⁷ *Сбоев В.К.* Указ. соч. С. 105.

³⁸ *Салмин А.К.* Указ. соч. С. 476.

³⁹ *Димитриев В.Д.* Указ. соч. С. 456.

⁴⁰ *Риттих А.Ф.* Материалы для этнографии России: Казанская губерния. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1870. Т. 14. Ч. 2.

⁴¹ *Комиссаров Г.И.* Указ. соч. С. 378.

ЭТНОКУЛЬТУРА ТАТАР И ЧУВАШЕЙ: ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Этнокультуры казанских татар и чувашей к настоящему времени изучены в достаточной мере, и можно констатировать, что они представлены в научной литературе довольно развернуто. В сконцентрированном виде аналитические материалы нашли отражение в томах «Татары» и «Чуваши»¹, изданных в 2017 г. в рамках академической серии «Народы и культуры» Института этнологии РАН. По их содержанию вполне можно составить общее представление о специфике этнокультур двух народов, а также, что очень важно, в ходе сравнительно-сопоставительного анализа выявить константы общности. У чувашей и татар, живущих в течение столетий бок о бок, по большому счету, одна историческая судьба, в основе которой неразрывная общетюркская этногенетическая и этноязыковая связь.

Хотелось бы высказаться намеренно в полемическом ключе. И вот почему: чувашским и татарским ученым все десятилетия остро недоставало нормальных дискуссий. Думаю, что отчасти это связано и с тем, что проблематика татарско-чувашских культурных параллелей, в особенности — в этногенетическом аспекте, не являлась для татарских коллег актуальной и интересной научной повесткой дня. Поэтому нынешняя совместная научно-практическая конференция мне представляется долгожданным и важным мероприятием. Как же долго к нему мы шли!

Устоявшейся традицией стало, что вся научная литература (как татарская, так и чувашская) полна, причем совершенно справедливо, суждениями о мощном влиянии казанских татар на все стороны жизни и бытия соседних народов, в особенности чувашей. Но при этом и то правда, что роль чувашского фактора в истории и культуре поволжских татар не рассматривается в должной мере с учетом того объективно исторического факта, что во все прежние обозримые столетия и татары, и чуваша состояли в одних и тех же государственных и административных образованиях — в Волжской Булгарии, Булгарском Улусе (Джучи) Золотой Орды, Казанском ханстве, Казанской

губернии Российской империи. И потому никак не могло быть иначе, что формирование и развитие специфического облика этнокультур обоих народов происходили в процессе глубокого и многостороннего взаимодействия и взаимовлияния.

В свете сказанного весьма примечателен тот факт, что в томе «Татары» чуваши в той или иной форме отмечены 11 раз, в то время как в томе «Чуваши» татары упоминаются 123 раза. Кроме того, укажем дополнительно, что в библиографии тома «Татары» приведены всего 4 публикации чувашских авторов (В.Д. Димитриева, В.Г. Родионова и В.Ф. Каховского), в то время как в библиографию тома «Чуваши» включены 29 работ татарских коллег. Примечательно, что данное «явление» имело свою историю и в чувашской историографии. К примеру, в известной монографии В.Ф. Каховского «Происхождение чувашского народа» на 40 страницах обсуждаются вопросы о болгаро-суварских корнях этнокультуры чувашей, и при этом татары оказались упомянутыми лишь 4 раза².

Как мне представляется, приведенные цифры по-своему красноречиво свидетельствуют, во-первых, о степени взаимного интереса исследователей к истории и культуре соседей и, во-вторых, о внутренней убежденности казанских коллег, что татар и чувашей, мягко говоря, мало что связывает. В конечном же итоге искусственно сужается и поле исследований по проблематике историко-культурного взаимодействия народов региона.

В то же время верно и то, что не все казанские коллеги разделяют такой упрощенный подход к изучению вопросов этногенетического и этнокультурного взаимодействия казанских татар и чувашей, резонно утверждая, что исследования в данном направлении могут иметь плодотворный характер, к примеру, «при условии комплексного привлечения дополнительных, зачастую и косвенных этнографических и фольклорных материалов по потомкам болгар — казанских татар и чувашей»³. Считаю, что в ракурсе поставленной нами проблемы знакомым явлением последнего времени следует признать работу Р.Р. Исхакова «Параллели в религиозно-мифологических картинах мира и обрядовости татар и чувашей»⁴. Оценивая сохранившиеся основы этнических верований у татар и чувашей, он счел возможным выделить несколько основных культурных пла-

стов, стадияльно формировавшихся на различных этапах истории их предков. Наиболее древними и значимыми из них он предлагает считать религиозно-мифологические и обрядовые элементы, появившиеся у их предков в эпоху формирования древнетюркской языковой общности и существования Волжской Булгарии. Как особо подчеркивает исследователь, эти элементы у чувашей и татар наиболее близки и имеют общую основу. Наряду с тюркскими, здесь можно обнаружить элементы индоиранской культурной традиции, а также финно-угорской мифологии и обрядовости. По мнению Р.Р. Исакова, другой значимый комплекс сформировался в эпоху существования Улуса Джучи и средневековых тюрко-татарских государств. Для него характерно включение огузо-кыпчакских (отчасти монгольских) и финно-угорских элементов, вошедших в состав культуры предков татар и чувашей вследствие интенсивного проникновения в Средневолжский регион тюрков-номадов, а также массовой миграции болгарского населения на правобережье Волги, где они вступили в тесное этнокультурное взаимодействие с местным финно-угорским населением. Относительно поздний пласт (XVII—XIX вв.) связан с непосредственными культурными и этническими контактами татарского и чувашского населения, а также влиянием русской народной культуры⁵.

Наличие в культуре чувашей и казанских татар общего базового болгарского компонента, а также сходные естественно-географические условия проживания способствовали выработке у обоих народов общих черт в хозяйстве и быту, культуре и обычаях. Естественно, различий тоже немало. Они исторически обусловлены, с одной стороны, ведущей ролью кыпчаков в формировании языка и культуры казанских татар, многовековой историей ислама в регионе, а через это — мощным воздействием культур этнических общностей Средней Азии и, с другой стороны, большим, чем татары, смешением части болгаро-чувашей с финно-угорским, главным образом, горномарийским населением, в результате которого сложилась одна из этнографических групп чувашей — *вирьял* (верховые).

В целом, горизонт параллелей, выявляемых в этнокультурах татар и чувашей, весьма обширен. Общее, что уходит своими корнями в болгарско-казанско-ханское время, прослеживается отчетливо практически во всех областях традиционной жизни

обоих этносов, разве что в сравнительно меньшей степени в сфере семейно-бытовых отношений и, конечно, религии.

Даже самый беглый обзор имеющегося на сегодня большого круга сравнительно-сопоставительного научно верифицированного материала свидетельствует о том, что уже в силу особенностей природно-климатических условий Среднего Поволжья у татар и чувашей наиболее выраженной общностью и однотипностью характеризуется традиционная материальная культура (впрочем, это относится и к другим этносам региона). Обоим народам было присуще доминирование земледельческих занятий и подсобный характер животноводства. Общими являются у чувашей и татар термины оседлого земледелия. Земледельческая культура обоих народов до мелочей совпадает с таковой у волжских булгар. Подтверждений тому множество. Для примера обозначим только некоторые из них. Так, А.П. Смирнов утверждает, что прототип татарского плуга *сабан* подобного орудия был «обычен в болгарской культуре, а до недавнего прошлого бытовал и у чувашей» (*ака пуç*). Металлические части чувашского *ака пуç* — лемех *тёррен* и резец *шёрт* — «совершенно аналогичны болгарским»⁶; и, кстати, эти термины впоследствии были заимствованы из чувашского в татарский язык. Между прочим, болгарский тяжелый плуг, идентичный с чувашским *ака пуç*, назывался древними венграми *ака*, а слово *сабан*, обозначающее по-татарски такой же плуг, известно как кыпчакское слово.

Сходные черты характерны для планировок татарских и чувашских поселений. «Главным из них являлись теснота застройки основной площади поселения и круговое расположение усадёб»⁷. В целом, как отмечал Н.В. Никольский, «самобытные виды чувашского расселения таят в себе элементы былого кочевого устройства становищ. К элементам кочевья относятся круговое заселение, стремление селиться по замкнутой кривой, включающей в себя отдельное гнездо селения»⁸. Важно отметить, что кучевая, гнездовая форма застройки селений преобладала в XVIII—XIX вв. среди народов Среднего Поволжья только у татар и чувашей. Болгарские традиции с явными пережитками былого кочевого быта явственно проглядывают и в планировке чувашской усадьбы, ограждении ее со всех сторон забором,

постановке дома внутри, в центре усадьбы, глухой стеной на улицу, что было характерно и для казанских татар.

Общие конструктивные характеристики имеют также и жилища татар и чувашей. У чувашей, как и у татар, дом, жилище называется юртой (тат. *йурт*, чуваш. *сұрт*). Внутренняя планировка старинного чувашского дома соответствует планировке тюрко-монгольских юрт, не говоря уже о такой архаичной детали, как ориентация домов дверями на восток. Чувашские «курные избы» устойчиво сохраняли одну особенность юрты кочевников — отверстие для выхода дыма (волоковое окно) *тёнь*, вырубаемое по левую сторону от входной двери. Рудимент древнего жилища, кочевнической юрты *тендек* — окно для выпуска дыма — имела и татарская курная изба⁹. В целом же в лексике чувашей и татар сохранился целый ряд общих терминов, связанных так или иначе с древним юртообразным жилищем кочевников.

У жилища предков чувашей *юрты* не было стен в обычном понимании. Не случайно в лексике чувашей вообще отсутствует слово, обозначающее стену дома; чувашское слово «стена» заимствовано из русского, как, например, и *пёрене* (бревно для сруба). Впрочем, так же обстоит с этими терминами и в татарском языке (*стена*, *бурене*); кстати, у марийцев стена — *пырзыж*.

Существенным своеобразием отличается у казанских татар устройство печи, которая имеет пристроенный сбоку очаг со вмазанным в него котлом. Между тем у чувашей котел всегда подвешивался с одной стороны шестка печи на прикрепленный к ней крючок. Однако, что примечательно, в языке современных казанских татар устойчиво бытует чувашское выражение «подвесь котел» (тат. *казан ас*, чуваш. *хуран сак*), когда дают распоряжение приготовить пищу. Это вовсе не случайно: открытые очаги с подвешенным котлом были характерны для юрт кочевников. По мнению Р.Г. Ахметьянова, в татарском языке исконно тюркским является название только маленькой печи, костра (*учак*), а название хлебопекарной печи (*мич*) заимствовано из русского. В чувашском соответствующие слова — исконно древнетюркские: *вучах*, *кймака*. Причем слово *комага* (печь) проникло из чувашского и в некоторые татарские говоры¹⁰.

По сравнению с чувашами, казанские татары проявляли себя как сравнительно более инициативная этническая общность в сфере промыслов. Касается это и такой отличительной черты татар, как их более активное, по сравнению с чувашами и другими нерусскими народами региона, участие в торгово-посреднической сфере, мелкооптовой торговле.

Ремесла и подсобные занятия чувашей и татар были в целом схожи. Вместе с тем, если чувашаи больше занимались обработкой древесины, традиции которой ими были переняты у марийцев¹¹, то татары первенствовали в обработке кожи и ювелирном ремесле, что в значительной степени обуславливалось тесными культурными и торговыми связями их с народами Средней Азии и широким расселением татар в городских поселениях. У чувашей-язычников по совершенно объяснимым причинам не могло быть художественной и материальной подпитки ювелирного дела из мусульманской Средней Азии. И еще. Не было у ясачных чувашей высокой сословной знати, богатых людей и состоятельных горожан, для которых и работают мастера ювелирных и прочих изящных изделий.

Как известно, бесспорно общую основу имеет традиционная кухня татар и чувашей. А термины мясной и особенно молочной кухни у обоих народов идентичны тюркским и монгольским. Особенно характерно для обоих народов приготовление мясных продуктов впрок в виде колбас (тат. *тутырма*, чуваш. *шăрттан*, *тултармăш*). «Слабое использование сметаны, изготовление сырков и употребление сквашенного молока в качестве напитка, а также наличие уйрана, — отмечал Н.И. Воробьев, — все это говорит о пережитках методов использования молока кочевыми предками чуваш и сближает их со всеми народами Средней Азии и Сибири. Все эти кочевнические навыки, конечно, значительно переломились через быт древнего земледельца, но следы их имеются и заметно отличают чуваш от соседних народностей»¹². Кстати говоря, тот факт, что чувашаи в абсолютном большинстве представляли из себя, в отличие от татар, практически односословную (крестьянскую) общность, иллюстрируется уже тем, что национальная кухня в целом небогата и довольно проста, ибо не было у этноса элитного («барского») сословия, которое могло бы на протяжении ве-

ков, как у русских или у тех же казанских татар, довести до изысканности народные кушанья.

Предки современных чувашей прошли длительный и весьма сложный исторический путь формирования особенностей своей этноконфессиональной специфики. У R-язычных огуров в Центральной Азии народной религией являлся шаманизм, на территории нынешнего Казахстана на их религию оказывает влияние зороастризм, а в Северном Причерноморье на Кубрата и его Великую Болгарию, в Суварском царстве Алп-Илитвера в VII в. — христианство, в Хазарском каганате на болгар и сувар — частично ислам, частично иудаизм. После принятия булгарами ислама (922 г.), религия становится этноконфессиональным и этноразделительным признаком населения Волжской Булгарии — знать и большинство горожан стали мусульманами, сельские жители остались язычниками. Да и принявшие ислам жители Булгарии сохранили многое из прежних культов. Д. Месарош, В.Д. Димитриев и другие авторы полагают, что сохранению язычества способствовала «неблагоприятная политическая ситуация» в период опустошения Булгарской земли в конце XIV — XV в., когда масса «худых (бедных) болгар» отпала от ислама, сохранив традиционную веру¹³.

Следует особо подчеркнуть, что у татар-кряшен, не только молькеевских, но и других их групп, в культуре которых общепризнанно проявляется «чувашский нюанс», относительно лучше сохранилось то общее, что было характерно для волжских болгар. Это же относится и к языческому пласту религиозных воззрений и обрядов обоих народов. «Нельзя сказать, что у чувашей и татар никогда не было общих религиозных воззрений, — указывает Р.Г. Ахметьянов. — Наоборот, есть много обрядов и культов, общих для чувашей и татар, а также, частично, для других народов Среднего Поволжья и Южного Приуралья, обозначаемых одними и теми же словами, что свидетельствует о существовании в прошлом какого-то религиозного единства в ареале влияния древней Булгарии»¹⁴.

Отголоски бытовых и общественных отношений общих предков чувашей и татар особенно хорошо видны в сохранившихся традиционных народных праздниках и обрядах (*сабантуй* — *акатуй*, *оме* — *ниме*, *аулак ой* — *улах* и др.). Очевидны черты общности и сходства и в народном поэтическом и музыкаль-

ном творчестве поволжских татар и чувашей, в котором находят проявления как элементы тюркско-булгарской культуры, так и традиции местных финно-угров. Однако все то общее, что было присуще чувашам и казанским татарам, у последних за ряд веков было вытравлено мусульманскими ритуалами и предписаниями, а в процессе христианизации чувашей также были задавлены их этнокультурные константы языческого времени.

Не подлежит сомнению огромная роль социально-исторического фактора в формировании общего и особенного в этнокультурах татар и чувашей. Эту очевидную истину по-своему и в целом верно трактует и А. Каппелер: «Татары-мусульмане не только составляли господствующий слой Золотой Орды и Казанского ханства, татарские дворяне играли определенную роль и в Московском государстве, в то время как чувашаи, а также говорящие на финских языках мордва, марийцы и удмурты были налогооблагаемыми крестьянами. Только татары-мусульмане владели с XV в. письменной культурой. Хотя в XVIII в. татары-мусульмане оказались под сильным давлением, сохранилась элита из купцов, дворян и новой интеллигенции, которая нашла поддержку в мире ислама»¹⁵.

Вне всякого сомнения (да уже и споров нет), что огромное, если не сказать определяющее цивилизационное влияние на формирование особенностей этнокультур и менталитета не только собственно казанских татар, но и чувашей и финно-угров региона оказало Казанское ханство, просуществовавшее (в той или иной форме) с 1438 по 1552 г., то есть 114 лет. Срок большой. За это время произошло определенное переформатирование традиционных культур и коренная ломка ментальных основ всех местных этнических общностей региона, вплоть до потери некоторыми из них своей идентичности. Между тем татары в Казанском ханстве чувствовали себя (как, собственно, и русские в Московском государстве) имперским этносом¹⁶. Д.М. Исхаков совершенно прав в том, что казанские татары сравнительно гораздо раньше, чем все другие народы региона, осознали себя именно как нация¹⁷.

Между тем часть тех булгар, что смешалась на правобережье Волги с горными марийцами и продолжала оставаться в язычестве, в иерархической структуре населения Казанского ханства официально была стратифицирована не просто как «немусуль-

мане», а как народ подчиненный, податной, ясачный. Отсюда и проистекает исторически у чувашей характерные для них сравнительно низкий уровень конкурентоспособности, надежда только на этноконфессиональный коллективизм. В условиях Казанского ханства формирование этнической идентичности, специфики менталитета и этнокультуры чувашей, в отличие от татар шло, образно говоря, «по другим законам».

В последние годы известность приобрела новая концептуальная трактовка происхождения чувашей как следствие булгаризации уже не горных марийцев, как это ранее привычно утверждалось, а от гуннских акациров. А отсюда вырисовывается установка на то, что нет смысла заниматься изучением общего и особенного в этнокультурах татар и чувашей в этногенетическом аспекте, кроме как обращать внимание лишь на наличие у них очевидных фрагментарных общетюркских элементов. В частности, в томе «Татары» на этот счет совершенно однозначно утверждается: «Держава европейских гуннов, возникшая в Паннонии, включала, видимо, европейские степи вплоть до Волги. Конгломерат разноразличных народов был непрочен. Вскоре после гибели их вождя Атиллы (452 г.) держава распалась, а восставшие народы нанесли поражение гуннам в битве при Недао (454 г.), заставив гуннское племя *акацир* отступить в Поволжье, где их поглотила новая сила — *болгары*. Возможно, именно в это время или несколько ранее одна из групп огуро-тюркских племен, разбитая в степи, отступила в леса Окско-Свияжского междуречья, дав начало формированию современных чувашей»¹⁸. Впрочем, данная концепция впервые была озвучена еще в 2006 г.¹⁹ Я бы даже тут согласился (с отдельными оговорками) с утверждением А. Каппелера, что «есть достаточно оснований усомниться в научном смысле дискуссий об этногенезе. С точки зрения гуманитарных наук, сомнительно понимать происхождение народа как прямую линию от античности или Средних веков до настоящего времени. Это относится и к происхождению чувашей от булгар VII в. или тем более от тюркских племен I тысячелетия до н.э. За тринадцать веков со времени появления булгар-сувар в Поволжье постоянно шли процессы перегруппировки, наслаивания, гибридизации и аккультурации, изменений в языке, религии и культуре»²⁰.

И еще. Хотел бы обратить внимание на один пока в должной мере не оцененный аспект, связанный с фактом прямого участия собственно чувашского компонента в формировании этнокультурного облика казанских татар. Дело в том, что значительная часть так называемых «ясачных чувашей», характеризующихся рядом казанских исследователей не этническими чувашами, а социальной группой собственно татар²¹, расселенная в Приказанье и Заказанье в XVI—XVII вв., приняв ислам отатарилась, что не могло не оставить глубокий след в комплексе традиционной культуры татарского этноса. Примечательно, что в том же томе «Татары» (2017) этот, казалось бы остро дискутируемый казанскими коллегами вопрос оказался совершенно проигнорированным, ибо, в противном случае, он потребовал бы, как минимум, краткого комментария.

О том, что «ясачные чуваше» Казанского уезда во второй половине XVI в. (разумеется, и до этого времени) были этническими чувашами, свидетельствуют источники о переселении некоторых из них из Казанского уезда на территорию нынешней Чувашии и в Закамье. В документах XVII в. и в переписных книгах XVIII в. чувашские селения правобережья Волги, основанные переселенцами из Приказанья, продолжали вплоть до 1781 г. числиться в Казанском же уезде²². В XV — начале XVII в. из казанских татар не было «ясачных людей», они составляли элиту из «служилых татар», и только в XVII в. отатаренные чуваше становятся «ясачными татарами».

На мой субъективный взгляд, принципиальное различие в методологических подходах татарских и чувашских ученых в изучении историко-культурного взаимодействия своих этносов заключается в разнице исследовательских парадигм. Так, чувашские исследователи всегда были настроены на выявление в своей этнокультуре базисных болгарских корней, и отсюда выстраивалась концепция влияния чувашей — уже как прямых потомков болгар — на другие соседние народы, но ни в коем случае не отрицая при этом фактора тесного взаимодействия и взаимовлияния с ними. Татарские же коллеги резонно утверждают о формировании этнокультуры своего народа на основе общетюркских начал и, безусловно, на фундаменте болгарской цивилизации, переформатированной в по-

следующем в Казанское ханство, и отсюда формулируется аксиоматическая трактовка о бесспорно внушительном по масштабу одностороннем влиянии татар на этнокультуру соседних народов.

Огромный массив накопленных на сегодняшний день научных данных и результаты большого количества фундаментальных исследований подтверждают наличие в базовых индикаторных компонентах этнокультуры чувашей и казанских татар многочисленных параллелей, аналогичных элементов и явлений, обусловленных достаточно близкой в своей основе общей этногенетической историей обоих народов.

Литература

¹ Татары / отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова, В.В. Трепавлов, Р.К. Уразманова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2-е изд. доп., перераб. М.: Наука, 2017. 799 с.; Чуваши / отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, М.: Наука, 2017. 654 с.

² *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. 3-е изд., перераб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. С. 331—373.

³ *Мухаммадеев А.Р.* Право Волжской Болгарии. Ч. 1. Преступления и наказания, правосудие. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 143 с.

⁴ *Исхаков Р.Р.* Параллели в религиозно-мифологических картинах мира и обрядовости татар и чувашей. Опыт историко-этнографической реконструкции / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2013. 60 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 11).

⁵ Там же. С. 51.

⁶ *Смирнов А.П.* Волжские булгары. М.: Труды ГИМ, 1951. Вып. 19. С. 84.

⁷ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1967. С. 87.

⁸ *Никольский Н.В.* Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928. Вып. 1. 226 с.

⁹ См.: Татары. М.: Наука, 2017. С. 361.

¹⁰ *Ахметьянов Р.Г.* Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М.: Наука, 1978. 248 с.

¹¹ Чуваши. Этнографическое исследование. Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1956. С. 248.

¹² Там же. С. 356.

¹³ *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 145; *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры / перев. с венг. Ю. Дмитриевой. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 20.

¹⁴ *Ахметьянов Р.Г.* Указ. соч. С. 143—144.

¹⁵ *Каппелер А.* Чуваш. Народ в тени истории / перев. с нем. Е.В. Толстовой; науч. ред. Л.А. Таймасов. Чебоксары: Чуваш. кооператив. ин-т, 2019. С. 36.

¹⁶ *Иванов В.П.* Об этногенетических корнях различий в этнокультурах чувашей и татар // Чувашский гуманитарный вестник. 2013. № 8. С. 37.

¹⁷ *Исхаков Р.Р.* Указ. соч. С. 67—85.

¹⁸ Татары. М.: Наука, 2017. С. 72.

¹⁹ История татар с древнейших времен. В 7 т. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: Рухил, 2006. С. 622.

²⁰ *Каппелер А.* Указ. соч. С. 37.

²¹ *Охотникова С.В.* «Ясачные чуваш»: некоторые итоги и задачи изучения / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2014. 36 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 16).

²² *Иванов Л.И.* К вопросу об основании чувашских селений на правом берегу Волги переселенцами из Казанского уезда // Вопросы истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары: ЧНИИ, 1984. С. 32.

РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ МЕНТАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧУВАШЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Опыт современной России показывает, что этнический (национальный) аспект приобретает значимость в эпоху социальных преобразований, приводящих к нестабильности. При изменении социально-экономической среды резко обостряется поиск стабильных оснований для своего бытия, потребность вновь ощутить себя частью некой достаточно структурированной социальной общности. Этнос здесь выступает в роли консолидирующей силы, способной защитить членов своей общности. Как утверждает известный русский философ Н.А. Бердяев, «национальное единство глубже единства классов, партий и всех других переходящих исторических образований в жизни народов»¹.

Вместе с тем осознание людьми своей этнической принадлежности и, соответственно, их этнически окрашенная ментальность значительно варьируются в зависимости от того, в какой среде они живут: полиэтнической или моноэтнической. Этносоциальная история чувашей сложилась так, что они во все века жили в многонациональной среде. При этом очевидно, что для чувашей всех возрастов независимо от современных глобализационных процессов этническая принадлежность выглядит в целом достаточно востребованным конструктом и служит им весомой психологической опорой.

Что касается этнического менталитета, то мы, скорее, согласны с мнением Н.И. Егорова, что это — категория социокультурная и формируется исторически под воздействием социально-политических, хозяйственно-экономических, культурологических и даже природно-климатических факторов. «Этнический менталитет — понятие абстрактное. Внутри любого этноса можно обнаружить локальные, субэтнические “менталитеты”. Например, менталитет верховых чувашей значительно отличается от менталитета низовых, не говоря уже о приуральских»². У финно-угорских народов Среднего Поволжья и основной

массы чувашей отмечается в целом сходный тип этнической ментальности, которому соответствует система ценностей и психологических установок: с одной стороны, это миролюбие, согласие, склонность к компромиссу, с другой стороны, сохраняющаяся скрытность, обидчивость, ранимость, высокая психологическая и эмоциональная чувствительность. В ментальности указанных народов происходит сочетание этих вроде бы взаимоисключающих, но структурообразующих черт³. Поэтому традиционную ментальность чувашей можно рассматривать как взаимосвязь гармонии и рефлексии как во внутринациональном, так и в инонациональном окружении.

«[Чуваши] не признают за собой никаких исключительных достоинств (хотя и обладают ими), добровольно подчиняют себя требованиям общей дисциплины, — указывает Э.В. Никитина. — Чувашских детей учат ограничивать свои собственные потребности соответственно существующим материальным условиям жизни, относиться ко всем людям с уважением, проявлять необходимую терпимость к мелким недостаткам других, одновременно критически относиться к своим собственным заслугам и недостаткам. С детства в чувашах целенаправленно воспитывается тактичность — способность, переросшая в привычку, соблюдать меру в общении, не допуская действий и слов, которые могут быть неприятными собеседнику или окружающим людям, особенно старшим по возрасту»⁴.

Одним из устойчивых психологических стереотипов этносоциального поведения чувашей, которые отмечаются этнографами с конца XIX в., как пишет А.П. Хузангай, является недоверие ко всякого рода чиновникам, неприязнь к власти, стремление остаться незамеченным⁵. По замечанию В.И. Немировича-Данченко, «чуваши старались подальше уйти от судоходной речки и большой дороги»⁶.

В ходе весьма сложных и в целом еще до конца не проявленных историко-этногенетических процессов, происходивших в течение ряда столетий, социально-культурные параметры чувашского народа и в особенности его этнопсихологические характеристики пережили кардинальные изменения и значительную деформацию, приведшие в конечном итоге к формированию у чувашей колониальной психологии, комплекса культурной неполноценности. Данные показатели, имея историческую

инерцию, достаточно прочно сохранились у чувашей и в советскую эпоху, в XX в. Они продолжают проявляться и в начале XXI в., прежде всего в отсутствие у чувашей установок на вертикальную социальную мобильность, в слабой выраженности карьерных устремлений, в нежелании участвовать в конкурентной борьбе. По мнению известного чувашского историка В.Д. Димитриева, за почти 700 лет «пребывания под гнетом монголо-татар, казанских феодалов и царских властей у чувашского народа сложилась своеобразная психология и национальный характер... чувашаи считали, что управлять ими, господствовать над ними должны обязательно представители других наций (татары, русские и др.), что из чувашей же не должны быть представители властей и должностных лиц, образованных, “ученых” людей. Выдвижение кого-то из чувашей для них было совершенно непривычно, неестественно»⁷.

Обсуждая скандальные итоги выборов Президента Российской Федерации 1996 г., когда в Чувашии электорат не поддержал Б.Н. Ельцина, московский чуваш В. Бурмистров отмечает: «Как мы можем настаивать на том, что мы “просвещенный” и “не наивный” народ, который нельзя обмануть? Заблуждаться по данному поводу — значит просто не любить себя, пренебрегать собственным народом. Но хочу порекомендовать главе республики, чтобы он в дальнейшем учитывал особенности нашего чувашского менталитета. И, в частности, то, что мы не любим, когда “наверх” выбиваются свои... Начальник любой другой национальности не вызывает у нас такого рода раздражения, как свой. К своему мы очень придирчивы и ничего ему не прощаем... Интеллектуальные потери, которые мы несем по этой причине, столь велики, что сопоставимы с национальным бедствием»⁸. Таким образом, сравнительно невысокое (относительно своей доли в населении республики) представительство чувашей в управленческой сфере, особенно в случаях, когда «выдвижение на руководящую должность» требует конкурентной борьбы и личной инициативы претендента, следует объяснить именно инерционным влиянием традиционной базовой ментальности, сложившейся еще в глубине веков.

И хотя исследователи все еще привычно называют одной из главных причин обострения напряженности в современных межнациональных отношениях неравный доступ представителей

этнических групп во властные структуры, управление экономикой, однако не менее важное значение приобретает фактор «встроенности» специфических для каждого этноса ментальных ценностей в ткань современных социально-культурных и общественно-политических процессов. Это тем более актуально, ибо механизм действий «вертикальных лифтов» в советскую эпоху привел к изменению статусов этнических групп, прежде всего титульных народов национальных республик, и в этом процессе рельефно начали проявляться трудности перехода их на современные нормы и модели образа жизни. Виды деятельности, ранее считавшиеся престижными и прибыльными, перестали быть таковыми, и наоборот. Происходит ускоренная модернизация чувашского общества. Сложилась ситуация нового экономического расслоения общества, при которой непрестижность отдельных видов деятельности переносится на ее носителей, как правило, принадлежащих к одной этнической группе. Крестьянский в сущности этнос переживает сложные процессы внутренней социальной стратификации. Появляются и открыто заявляют о себе чувашские миллионеры, группы «крутых» рыночных торговцев. Достаточно представительно выглядит уже и национальная властно-чиновничья элита, депутатский корпус всех уровней. Немало чувашей занимают достаточно престижные социальные ниши также и в городских условиях. Однако менталитет чувашей не позволяет им в полной мере встроиться в структуры новых отношений не только с другими этническими группами, но даже внутри самого этноса. Дело в том, что в традиционном чувашском обществе однозначно считалось, что богатым человеком или чиновником можно стать только несправедливым путем (воровством, мздоимством, подкупом, а то и разбоем). В условиях ускоренного экономического расслоения и учащения межэтнических контактов подобного рода ментальные установки (по сути, крестьянские) приобретают актуальность, создавая тем самым зоны напряженности также и внутри самого этноса, расширяют пропасть между социальными стратами, проще говоря, с одной стороны, между простыми людьми, с другой — чиновничеством и предпринимателями.

И еще. На нынешнюю ситуацию негативно влияет неспособность национальной и государственно-политической элит

выработать и реализовать механизмы самосохранения этноса. При этом именно такие стойкие ментальные черты чувашей, как тактичность, избегание конфликтных ситуаций, нежелание с кем-либо обострять отношения, даже если этого требует жизненная необходимость, находят свое проявление в целом в пассивной политике сегодняшних руководителей в решении тех или иных задач социально-экономической жизни республики. Касается это в том числе и реализации государственной национальной политики, Закона о языках и др. (с трудом решаются вопросы повсеместного введения вывесок на чувашском языке, использования чувашского языка при проведении различных массовых мероприятий, создания этнопарка в Чебоксарах, открытия Дома национальностей и др.). Отсюда постоянные сетования: «Почему мы такие, ни на что не способные?», «Почему наши чуваша-начальники такие инертные?» и т.д., и т.п.

В этих условиях в чувашском обществе нарастают дискуссии, в ходе которых идет сравнение ментальности чувашей уже не только с русскими, татарами, но также и с башкирами, мордвой и другими «малыми» народами. Причем сравниваются и сопоставляются не только народы, но и республики, и обязательно интеллектуальные и управленческие способности и степень пассионарности их руководителей.

Действительно, в тех случаях, когда нужен креатив, у собственно чувашских политиков и крупных чиновников получается «не очень». Для них настоящая пытка — выступить инициативно перед массовой аудиторией — в парламенте, на митинге и т.д., ибо чуваша с детства приучены не выделяться из толпы, и это накладывает определенный отпечаток на их поведение. Это подтверждает и первый президент Чувашской Республики Н.В. Федоров: «Чуваша не любят высовываться, все оригинальное не укладывается в рамки привычного, вызывает у них настороженность»⁹. При этом нередко именно со ссылкой на указанные специфические черты ментальности чувашей чиновники оправдывают и свою кадровую политику. Назначая министрами «варягов»-москвичей, Н.В. Федоров не раз публично сетовал, что вот, мол, нет из чувашей достойных, энергичных людей, что вызовы нового времени требуют людей с другим менталитетом, амбициозных, раскованных, с новым рыночным мышлением.

Вместе с тем национальная духовная элита продолжает вести непрекращающуюся дискуссию по вопросу «вечного» дефицита лидеров нации, отсутствия устойчиво сложившихся национальных групп элитного типа. Выступая на одном из заседаний Большого совета Чувашского национального конгресса в 2006 г., его президент Г.Н. Архипов обратился к поэзии М. Сеспеля:

Поведай мне, страна родная,
Когда народу явишь ты
Того, кто твой язык прославит
И былью сделает мечты?

«Эти слова Сеспеля Мишши как будто обращены к нашему президенту Н.В. Федорову, — воскликнул Г.Н. Архипов. — Что бы сказал ему Сеспель сегодня, если бы был жив? Может быть, Сеспель произнес бы следующее: “Ты поднял чувашей на мировой уровень, развил экономику, сельчан вытащил из грязи — премного тебе благодарны. А теперь пора бы уже подумать о душе чуваша и засучив рукава начать работать в этом направлении”»¹⁰. Но, как утверждают некоторые представители национальной интеллигенции, «вся беда чувашского народа заключается в том, что у нас на данный момент нет национальной элиты — “головы”. Она, может, и есть, но оторвана от живого тела основной массы чувашского народа и живет своими мелкими корыстными интересами»¹¹.

Традиционные элиты восточного типа — а чувашей мы относим к данной группе — действовали на основе авторитета и не имели материальных преференций, а современные правящие группы, в том числе вышедшие из чувашской среды, отличаются уже персонализацией власти, кланово-корпоративная солидарность, номенклатурный способ воспроизводства, извлечение из власти выгоды и т.д. Конечно, правящая элита Чувашии ведет в целом патерналистскую по отношению к титульному этносу политику, но ее конечная цель — отнюдь не стремление стимулировать его этнополитическую активность, как это наблюдается, к примеру, в Башкортостане и Татарстане, а наоборот, успокоить активную часть электората путем очень осторожно-го, зачастую публично не ангажированного предоставления подачек, которые, к сожалению, не могут ничего кардинально изменить.

Следует отметить, что руководители республики начиная со времени правления Н.В. Федорова (середина 1990-х гг.) взяли за привычку использовать в публичных выступлениях этнически акцентированные идеологемы — чувашские поговорки и пословицы, чтобы затронуть самые глубинные национальные ментальные корни. Увлеченно используется народная мудрость и при составлении текстов ежегодных «Посланий» президента (главы) Госсовету Чувашской Республики. При этом в доклад вставляются именно национально-специфические поговорки и пословицы. Например, в тексте ежегодных «Посланий» президента Н.В. Федорова Госсовету Чувашской Республики за 2000 и 2003 гг. фигурирует по 5—6 чувашских пословиц и поговорок¹². «Послание» президента М.В. Игнатьева Госсовету Чувашской Республики от 2011 г. начинается с обращения к мнению народа: «Благо народа — это высший закон. Вся деятельность органов власти должна быть подчинена этой единственной цели, и должностные лица, сотрудники органов власти всех уровней ни на минуту не должны забывать о том, что наша миссия — служение человеку. *Сынна мёнле виçене виçен, хăвна та çавăнпах виçеç* “Какой меркой людей меришь, такой же и тебе отмерится” — так гласит народная мудрость»¹³. На первый взгляд, может даже показаться, что так своеобразно происходит духовное единение власти и народа на основе консенсуса планов государственных органов и ментальных ожиданий этноса. При этом совершенно очевидно, что власть вынуждена «подстраиваться» под особенности менталитета именно чувашского этноса, более того, она пытается в ряде случаев опереться на них. Выражается это прежде всего вниманием к таким аспектам крестьянской психологии, как коллективизм, крепкие семейные, родственные узы, земляческий патриотизм, трудолюбие и, конечно, терпение.

Пожалуй, наиболее часто эксплуатируемая властями национальная ментальная ценность — это традиция *нине*. Вспоминая свои годы работы президентом республики, Н.В. Федоров отмечает: «Есть у чувашского народа и уникальная традиция — *нине*. Это когда на бескорыстную помощь в строительстве дома собираются соседи со всей улицы, всего села. Хозяевам остается только на угощение не скупиться. За два дня добровольная артель и фундамент зальет, и стены поднимет. При такой нацио-

нальной идее от власти требуется, главным образом, не мешать с различными бюрократическими препонами. А если еще и содействие какое-то застройщику будет оказано, то только успевай справлять новоселья»¹⁴. Действительно, традиция *нине* такова, что спланирует людей вокруг важной, общественно значимой идеи, задачи. И здесь, как правило, интересы органов власти и народа как бы совпадают. Обращаясь к сельчанам, председатель Совета старейшин ЧНК А.И. Кибеч призывает: «...участвуйте в нине, в Агатуе, в свадебных ритуалах, в похоронах, в молении с жертвоприношением — *чу́к*, покажите молодежи личный пример, учите их проводить эти обряды и праздники»¹⁵. Таким образом, традиции коллективного труда, взаимопомощи, межпоколенной преемственности традиций и сегодня имеют реальное общественное звучание, они значимы и востребованны.

Особенно часто прибегают политики и чиновники к «Духовному завещанию чувашскому народу» просветителя И.Я. Яковлева, которое приобрело характер некоего канонического памятника, ибо оно основывается на обращении патриарха к базовым ментальным ценностям чувашей. Весьма характерно было это для публичных выступлений первого президента Чувашской Республики Н.В. Федорова, который, пожалуй, практически во всех своих ежегодных «Посланиях» Госсовету Чувашской Республики пространно цитировал слова просветителя о стратегической важности для чувашей крепить дружбу с русским народом и необходимости укрепления семьи как опоры народа и государства¹⁶.

Впрочем, следует отметить, что в положениях «Завещания» просветителя по-своему нашли отражение уровень и характерные особенности мышления и национального самосознания чувашей его времени — чуваша, мол, не могут быть самостоятельными, не нужно им самим выбирать свою судьбу, а надо идти за русским народом. Примечательно, что эта философия жива в чувашах и сегодня, более того, реализуется в той или иной форме даже на официальном уровне. Но это уже отдельная тема.

Базовые ментальные ценности чувашей оказываются особенно востребованными в ходе предвыборных агитационных кампаний, которые проходят, как правило, на эмоциональной волне

и всегда полны дешевого популизма, а то и откровенного вранья. «Целью многих конкурирующих сил, соперничающих кандидатов, — говорит в своем «Послании» М.В. Игнатьев, — является политическая дестабилизация, запугивание избирателя. А также активная дезориентация тех, кто не понимает, не до конца разбирается в экономической статистике, кто излишне доверчив или, может быть, даже искренне заблуждается и поэтому легко верит в любые обвинения действующей власти... Но, как у нас говорят в народе, *Турнас тавакана мар, пурт лартакана платник тессё* — “Не тот плотник, у которого щепки летят, а тот, который дом срубил”»¹⁷.

Обобщая указанные наблюдения, можно утверждать, что проблема заключается в «ментальном» недоверии чувашей к власти вообще. Не верят они в искренность депутатов, чиновников. Поэтому последним приходится заниматься укреплением доверия людей к себе. А это уже в конечном итоге позитивно влияет на деятельность самих властных структур, то есть в том или ином виде фактор обратной связи имеет место быть.

В Положении о Совете старейшин ЧНК (2006) отмечается: «...сегодня чувствуется, что везде идет борьба за души чувашей. Запутанные и лживые политические течения, всевозможные разногласия, уродливое и греховное искусство, игнорирование электронными и печатными СМИ норм морали — все это пагубно влияет на подрастающее поколение. Чувашской душе нужна защита. Человеку, пожелавшему стать истинным чувашом, придут на помощь родной язык, родное искусство, дошедшие до нас старинные обряды, обычаи и нравы»¹⁸. Все правильно. Этносоциологические исследования последнего времени со всей ясностью подтверждают, что, действительно, самыми важными консолидирующими признаками для чувашей и их поволжских соседей остаются язык, культура, религия и лишь потом — общность происхождения. Реальная языковая ситуация оказывает сильное воздействие на самочувствие народа, на уровень этнической идентичности его представителей и, соответственно, задевает ментальные основы самосознания. В любом случае, процессы деэтнизации начинаются именно с потери родного языка, а затем национального самосознания и этнической идентичности. Если для одного поколения «родной» — это язык этнической группы, для следующего поколения — это язык не

главный, а символический. В третьем поколении возможна утрата родного языка. Положение чувашского языка в республике стало одной из главных референтных тем национальной проблематики. Чувашский язык, утратив функцию одного из ведущих этнических идентификаторов, в современных условиях в большинстве случаев выполняет роль скорее этнонационального символа, чем средства живой коммуникации и языковой деятельности. Складывающаяся ситуация тяжело переживается национальной интеллигенцией, особенно в свете сравнительных данных всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., согласно которым численность записавших себя чувашами граждан Российской Федерации сократилась на 200 тыс. чел. Как-то в одном из своих интервью известный этнопедагог Г.Н. Волков привел примечательное высказывание поэта: *Петёр Хусанкай калатчĕ: «Эпир чĕлхене сұхатсан пиртен мĕн юлĕ? Негр-сен, чĕлхесĕр пулсан та, хура ўчĕ пур, тутарсен ячĕ пур, пирĕн нимĕн те сұк, ним те тăрса юлмасть»*. (Петр Хузангай говорил: «Если мы свой язык потеряем, то что от нас останется? У негров, к примеру, пусть и языка нет своего, но у них кожа черная, у татар есть свое имя, а у нас ничего нет и ничего не останется»)¹⁹.

Вместе с тем приходится с сожалением констатировать, что редко кто из представителей властных структур в полной мере осознает значимость фактора общения с людьми на родном для них языке. Наблюдения подтверждают, что общение чиновников с людьми на местах, особенно в сельской местности, на чувашском языке создает атмосферу доверия к власти, убирает психологические барьеры, вызывает со стороны аудитории — простых работников — желание высказаться, предложить свои решения по проблемным темам. Некоторые опытные чиновники эту сторону менталитета чувашей используют умело, и это правильно. Например, глава республики М.В. Игнатьев, сам выходец из села, много лет проработавший в сельском хозяйстве, обращаясь к министрам своего правительства и вообще ко всем должностным лицам, совершенно недвусмысленно призвал говорить на встречах с людьми по-чувашски: «Призываю всех коллег, кто владеет чувашским языком, общаться с народом, выступать перед населением на чувашском языке. Следуя вашему примеру, подтянутся и другие. Хорошо помню свои студен-

ческие годы, когда в городе, на троллейбусе чуваши стеснялись говорить на родном языке. Сейчас другая обстановка, а значит, эту тенденцию и нам надо поддержать»²⁰. И тут никак нельзя не согласиться с профессором Н.И. Егоровым в том, что существует такая непреложная истина: «...есть язык — есть народ, есть народ — есть государство, есть государство — есть правительство. Это значит, если не будет языка — не будет и правительства. Поэтому высшей целью любого уважающего себя правительства является сохранение языка и народа, что равнозначно сохранению государства»²¹.

Таким образом, наши наблюдения показывают, что специфические ментальные ценности чувашей, которые как раз и выделяют их (скромность, совестливость, коллективизм, преданность и т.п.), в Новейшее время оказываются практически невостребованными, что, конечно же, вызывает усиление внутренних психологических переживаний и заставляет их постоянно по-новому осмысливать свое положение, свои действия в системе как социальных, так и национальных отношений. Что касается социально-политического аспекта, то следует отметить, что, как и в прошлом, менталитет современных чувашей продолжает оставаться в целом весьма удобным для властных органов, ибо он для них создает комфортные условия. Не ропшет чуваш, на митинги не выходит, не совершает никаких политических обструкционистских действий. А поскольку властно-управленческая сфера всех уровней в республике представлена в основном выходцами из чувашского же этноса, то, значит, ментальные особенности последнего так или иначе находят свое проявление в деятельности политических и государственных органов. Но, как ни горько это констатировать, большинство представителей современной национальной государственно-политической элиты предпочитают работать, следуя одному из основополагающих ментальных принципов чувашей — «не спешить», то есть строго согласно пословице: *Мала та ан кай, хысала та ан юл — мала кайсан пуца касаççё, кая юлсан — таптаççё* (И вперед не суйся, и не отставай — впереди голову потеряешь, а отстанешь — затопчут)²². Остается вопрос: насколько продуктивен такой подход для будущего чувашского этноса, Чувашской Республики?

Литература и источники

- ¹ Бердяев Н. Судьба России // Литературная газета. 1990. 28 августа.
- ² Леонтьев А.П., Егоров Н.И. Откуда мы? Куда идем? Чебоксары: Изд. Дом «Хыпар», 2012. С. 318.
- ³ Петров А.Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности // III конгресс этнографов и антропологов России, 8—11 июня 1999 г.: тезисы докладов. М.: Наука, 1999. С. 357.
- ⁴ Никитина Э.В. Чувашский этноменталитет. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. С. 155.
- ⁵ Чăваш Ен. 1992. 2 мая.
- ⁶ Русские писатели о чувашах. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 173.
- ⁷ Димитриев В.Д. История и национальные проблемы чувашского народа // Чăваш Ен. 1992. 14 ноября.
- ⁸ Федоров Н.В. В ответе навсегда. М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2012. С. 85.
- ⁹ Там же. С. 217.
- ¹⁰ Чувашский национальный конгресс. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. С. 63.
- ¹¹ Леонтьев А.П., Егоров Н.И. Указ. соч. С. 330.
- ¹² Послание Президента Чувашской Республики Н.В. Федорова Государственному Совету Чувашской Республики. Чебоксары, 2000; Послание Президента Чувашской Республики Н.В. Федорова Государственному Совету Чувашской Республики. Чебоксары, 2003.
- ¹³ Послание Президента Чувашской Республики М.В. Игнатьева Государственному Совету Чувашской Республики. Чебоксары, 2011. С. 3.
- ¹⁴ Федоров Н.В. Указ. соч. С. 85, 139.
- ¹⁵ Чувашский национальный конгресс. С. 111.
- ¹⁶ Послание Президента Чувашской Республики Н.В. Федорова Государственному Совету Чувашской Республики. Чебоксары, 2004; Послание Президента Чувашской Республики Н.В. Федорова Государственному Совету Чувашской Республики. Чебоксары, 2005. С. 49.
- ¹⁷ Послание Президента Чувашской Республики М.В. Игнатьева Государственному Совету Чувашской Республики. Чебоксары, 2011. С. 4.
- ¹⁸ Чувашский национальный конгресс. С. 53, 111.
- ¹⁹ Волков Г. Пирĕн тăван сĕршыв та çук... // Хыпар. 1992. Кăрлач, 10.
- ²⁰ Хыпар. 2012. 13 сентября.
- ²¹ Леонтьев А.П., Егоров Н.И. Указ. соч. С. 332.
- ²² Желтов М.П. Проблемы этничности. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. С. 131.

ЗАМЕТКИ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО МОРДОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ*

Мордовское население Чувашии немногочисленно — 13,0 тыс. чел. Чуть больше половины его численности (6757 чел.) проживает в сельской местности. В основной массе (96,3 %) мордва расселена в Порецком (3177 чел.), Алатырском (2301), Ибресинском (607) и Шемуршинском (284 чел.) районах. В целом в республике насчитывается 15 селений с численно преобладающим мордовским населением. Кроме того, мордва живет еще в 10 смешанных селениях (вместе с чувашами, русскими и татарами).

Основная часть мордвы-горожан представлена в Алатыре (3057 чел.), Чебоксарах (1630), Шумерле (838) и Новочебоксарске (737 чел.). Следует отметить, что за время после переписи 1989 г. к 2010 г. произошло резкое — на 30,9 % — снижение городской мордвы, что, вероятнее всего, связано в немалой степени также и с ассимиляционными процессами.

В сентябре 1992 г. благодаря активной деятельности П.П. Седойкина был создан Мордовский культурный центр (МКЦ), которым ныне руководит его брат — В.П. Седойкин. Филиалы МКЦ имеются в г. Чебоксары и пос. Ибреси. Штаб-квартира МКЦ находится в одном из старинных и крупных мордовских селений — в с. Напольное Порецкого района, которое, соответственно, является центром сохранения и развития этнокультуры мордвы-эрзи Чувашии.

По уровню обеспеченности учреждениями культуры (ДК, клубы, библиотеки, музеи) мордовские селения республики ничем не отличаются от чувашских, русских и татарских селений. Дома культуры и клубы имеются во всех сколько-нибудь крупных селениях с мордовским населением.

Библиотечные учреждения функционируют в Алатырском районе в с. Алтышево, Атрать, Юность, Анютино, в Ибресинском — в с. Малые Кармалы, в Батыревском — в с. Сигаچی, в Порецком — в с. Напольное, Сыреси и Рындино, в Шемуршин-

* Написана в соавторстве с Г.Б. Матвеевым.

ском — в с. Шамкино. Однако литература и периодика на мордовском языке имеется лишь в Напольновской (Порецкий р-н), Малокармалинской (Ибресинский р-н) и Алтышевской (Алатырский р-н) библиотеках. В Напольновской библиотеке имеется более 13 тыс. книг, из них более 1 тыс. поступило из Мордовии, в том числе около 600 книг на эрзянском языке.

Создана электронная версия материалов и сведений о с. Напольном, о народных умельцах, писателях и видных уроженцах. Районная газета «Порецкие ведомости» готовит выпуски на мордовском языке. Библиотека выписывает журнал «Сятко», еженедельник «Финно-угорская газета» на русском языке, которая издается в Саранске. Другая периодика поступает нерегулярно.

В Напольновском ДК традиционно проводится праздник мордовского языка «Звучи, мордовский язык». Ежегодно организуется фестиваль «День мордовской книги» (поочередно в разных мордовских селах).

Мордовское население Алатырского и Порецкого районов имеет внутреннюю потенцию и сравнительно выраженный настрой поддерживать этнокультурную составляющую социальной жизни частыми поездками в Ардатов, Саранск, Атяшево и другие мордовские города и поселки. В Порецком районе регулярно проводятся республиканские национально-культурные смотры, фестивали («Арта» и др.), где поддерживаются традиции движения по сохранению и возрождению этнокультуры мордвы-эрзи.

В мордовских селах уделяется внимание распространению историко-краеведческих знаний среди взрослого и детского населения, приобщению к традициям чувашской и мордовской народной культуры, научному и литературному наследию известных земляков — мордовских ученых и литераторов. Например, в Малых Кармалах созданы слайды «Макар Евсеев — просветитель мордовского народа», «Алексей Рогожин», «Известные люди земли Малокармалинской». С 2002 г. в библиотеке работает клуб «Краевед» для учащихся старших классов, подготовлены альбомы «В краю эрзянском», «Обычаи и традиции народов мордвы» и др.

В некоторых селениях действуют клубы по интересам: «Сударушка» (Малые Кармалы) организует мероприятия, выставки, занятия по кулинарии, рукоделию, воспитанию, домоводству, участвует в проведении календарных праздников; женский клуб «Эрзянь Ава» (Алтышево) имеет культурную про-

грамму, наряду с чтением эрзянских газет члены клуба изучают обряды, фольклорные жанры, в частности свадебные песни, плач невесты. Среди хранителей эрзянских обрядов и обычаев особенно известна А.В. Кипкаева.

Демонстрация старинных обычаев и обрядов для детей организуется Алтышевской библиотекой с участием фольклорного ансамбля и знатоков старины — женщин. Для детей они поют старинные песни разных жанров. Например, посиделочные — что пели участницы посиделок за прялкой, а на мероприятии «На смотрины девушек» инсценируют, как дочь (девушка), оставленная на две-три недели в другом селе у родственников, овладевает навыками рукоделия — она должна уметь прясть, вышивать, изготавливать украшения и т.д., чтобы к ней пригляделись женихи. Обычай смотрин девушек бытовал до 1920-х гг. Воспроизводимые традиции помогают формировать этническую идентичность у молодого поколения.

В 1984 г. в с. Малые Кармалы Ибресинского района были открыты музей и памятник выдающемуся мордовскому просветителю и ученому М.Е. Евсевьеву. В Малокармалинской школе вошло в традицию проведение научно-практических конференций, посвященных ученому.

В школьных музеях в Малых Кармалах, Напольном, Атрать и Алтышеве собраны этнографические экспонаты — предметы одежды, утвари, орудия труда и т.д. Демонстрируются материалы по истории селений, местных школ, созданы уголки известных уроженцев.

Интересный музей боевой и трудовой славы был создан в 1975 г. в Алтышевской школе. В этнографическом уголке представлено много предметов материальной культуры, в том числе предметы интерьера крестьянской избы, одежда, обувь, орудия труда, посуда и утварь, изделия из керамики и металла. Оформлены стенды и уголки, посвященные истории села и школы, Великой Отечественной войне, земляку — Герою Советского Союза Я. Сульдину, а также выдающемуся скульптору С. Эрзе.

Дни мордовской культуры в Алатырском районе поочередно проводятся в с. Атрать, пос. Алтышево и Анютино. Приезжают фольклорные группы «Лейле» из с. Алтышево и «Умарины» из с. Атрать. Организаторы готовят блюда мордовской кухни (ряженка и другие молочные продукты; многосоставное блюдо куслят

Мордовские фольклорные коллективы в Чувашской Республике

Коллектив	Местонахождение	Год создания
Напольновский мордовский народный хор «Эрзянка»	Порецкий район, с. Напольное	1990
Напольновский мордовский фольклорный коллектив	Там же	1989
Детский мордовский фольклорный коллектив «Эрзяночка»	Там же	1992
Сыресинский мордовский фольклорный коллектив	Порецкий район, с. Сыреси	1989
Мордовский фольклорный коллектив «Лейне»	Порецкий район, с. Рындино	1990
Семейный мордовский фольклорный ансамбль Шулаевых	Батыревский район, с. Сигачи	1987
Малокармалинский мордовский фольклорный коллектив «Горнипов»	Ибресинский район, с. Малые Кармалы	1948
Семейный мордовский фольклорный ансамбль Долговых	Шемуршинский район, с. Трехбалтаево	1990
Атратский ансамбль эрзянской песни «Умарина»	Алатырский район, с. Атрадь	1974

из калины, сушеных яблок и ржаной муки; квас из свеклы; калина вареная; тыквенная каша; пироги; каймаки — ватрушки; кисель из овсянки; вареники и др.), которыми угощают посетителей бесплатно. Зал в клубе оформляется предметами эрзянского костюма (лапти, сарафаны, кофты и рубахи) и декоративно-прикладного искусства (полотенца, вышивка, головные платки и др.).

Эрзянские коллективы художественной самодеятельности имеются при большинстве клубно-досуговых учреждений. Звание «народный» носят Напольновский хор «Эрзянка» и Малокармалинский ансамбль эрзянской песни «Горнипов».

В Напольном начиная с 1992 г. ежегодно организуется большой национальный праздник «Арта» — фестиваль эрзянской культуры, межрегиональный праздник мордовского народного творчества. И если в 1992 г. здесь выступал лишь один художественный коллектив (из с. Напольное), то теперь сюда приезжают группы и ансамбли почти из всех селений, в которых проживает мордва. Участвуют в фестивале и профессиональные артисты из Саранска, фольклорные ансамбли Атяшевского, Ардатовского и других районов Мордовии и Нижегородской обла-

сти. Место проведения «Арты» — «Святая поляна». Праздник служит сохранению песенного фольклора и языка, традиций, обычаев и обрядов, народных промыслов и ремесел, самодельного художественного творчества мордовского народа, установлению и укреплению межрегиональных культурных связей. В программе праздника — выступления мордовских коллективов художественной самодельности, выставки произведений мастеров декоративно-прикладного искусства и изделий народных промыслов, предметов быта и народного костюма, блюд национальной кухни, спортивно-развлекательные мероприятия.

Накануне «Арты» организуется детский фольклорный праздник «Чипайне» (Солнышко). Он традиционно проводится в с. Рындино Порецкого района с 2003 г. В нем участвуют фольклорные ансамбли из школ и детских садов с. Порецкое, Напольное, Рындино и Сыреси. Самый старший по возрасту — ансамбль «Умарина» (создан в 1990 г.), самый молодой — «Валдоня» (организован в 2008 г.), остальные коллективы возникли в конце 1990-х гг. — начале 2000-х гг. Дети выступают в национальных костюмах, поют на эрзянском языке народные и авторские песни (преимущественно местного фольклорного наследия — частушки и запевки), показывают сценки мордовских обрядов и праздников. Язык всего праздника — мордовско-эрзянский. По признанию организаторов, раньше знали только одну песню «Умарина» (Яблоко), теперь репертуар увеличился до нескольких десятков. Участвуют в «Чипайне» 70—80 детей. Праздник организуется Мордовским культурным центром совместно с Порецкой районной и местной Напольновской сельской администрациями.

Напольновский ансамбль «Эрзянка» регулярно участвует в съездах Конгресса финно-угорских народов. Выступает он и в мордовских селах Чувашии — в Малых Кармалах Ибресинского, Атрати и деревнях алтышевского куста Алатырского районов, Чебоксарах (например, на фестивале «Венок дружбы» и на празднике День республики и т.д.). Предшественником ансамбля является Напольновский народный хор «Эрзянка», созданный еще в 1950-е гг. Репертуар ансамбля включает старинные народные песни разных жанров — семейных и календарных обрядов и праздников, а также авторские песни. «Эрзянка» часто исполняет и современные эстрадные песни.

В Напольновском ДК вошла в традицию организация театральных представлений по мотивам традиционного быта и культуры — сценки свадеб или посиделок, проводы весны и т.д., а также праздники улиц. Концерты и театральные представления собирают множество зрителей. Молодые таланты (солисты) учатся в Чебоксарах и Саранске, участвуют в международных фестивалях, являются их призерами.

Мордовский хоровой коллектив с. Малые Кармалы (Ибресинский р-н) сформировался еще в 1948 г. С 1990-х гг. здесь работает ансамбль «Горнипов» (название означает цветок купальницы или колокольчика): поют эрзянские гостевые, лирические, хороводные, рекрутские, трудовые, свадебные песни, причитания, масленичные и рождественские колядки («коляда поют»). Однако на реальных свадьбах уже перестали петь «чисто» мордовские свадебные песни, ибо свадьбы справляются «порусски» или «по-чувашки». Между тем на встречах и проводах весны еще вплоть до 1990-х гг. звучали эрзянские песни в качестве всеобщего бытующего жанра. Сейчас их исполняют исключительно коллективы ансамблей.

Руководители фольклорных коллективов и инициативные работники местных учреждений культуры ежегодно организуют эрзянские праздники — «Коляда» (на Новый год), «Килей» («Березка»; встреча весны, Троица), хороводы, Петров день, посиделки, устраивают сценические варианты традиционной свадьбы. В программах фольклорных выступлений используется материал, собранный от старожил, знатоков — участниц самих ансамблей и извлеченный из книг М.Е. Евсеева (методическим пособием служит его книга «Мордовская свадьба», посвященная традиционной свадьбе эрзян с. Малые Кармалы). Руководители самостоятельных фольклорных коллективов, активисты-краеведы записали десятки местных обрядовых песен — рождественские, новогодние, масленичные, пасхальные, троичные, хороводные, трудовые, свадебные, рекрутские, гостевые, похоронные (причитания), а также лирические и шуточные.

Например, малокармалинский ансамбль «Горнипов» исполняет более 30 эрзянских песен. Ансамбль ежегодно выступает на республиканских фестивалях и смотрах фольклорных коллективов в Чебоксарах (на празднике День республики, на всероссийском фестивале «Родники Поволжья» и т.д.), обязательно в

с. Напольное (на празднике «Арта»), в г. Канате, пос. Буинск и Ибреси, в Шемуршинском, Батыревском и Алатырском районах. Поют под баян, но чаще — акапелла. Причем без сопровождения исполняется большинство песен.

В с. Малые Кармалы функционирует и детский фольклорный ансамбль «Килейне», который участвует в фестивалях и смотрах как в Чувашии, так и в Мордовии.

Атратьский фольклорный ансамбль «Умари́на» (Алатырский р-н) организован в 1974 г. с большим числом участников. «Умари́на» имеет в репертуаре и местные, атратские, и эрзянские песни из других мордовских селений — около 40—50 песен разных жанров: свадебные, хороводные, гостевые, лирические, частушки, песни со сценарием. Действуют учительский и детский фольклорные коллективы, а также танцевальные взрослый и детский ансамбли. Есть в школе фольклорная группа, в репертуаре которой не только русские и эрзянские, но и чувашские песни. Из мордовских песен, исполняемых фольклорной группой, особенно популярны «Авкай молян вирев», «Корморавт пупить», «Ой, мазынька Маша, Баягат чольнить» и др. В с. Атрать знатоками народных песен самого разного жанра слывут М.Ф. Расейкина и В.Н. Головина.

При библиотеке с. Алтышева (Алатырский р-н) функционирует фольклорный ансамбль «Лейне» (Речушка). Одна из известных исполнительниц народных песен — знаток-хранитель Т.П. Сетямина. В репертуаре местного детского фольклорного ансамбля «Горнипов» — народные и современные песни, инсценировки, стихи поэтов. В инсценировках, в частности, высмеиваются те, кто забывает эрзянские язык и культуру. Ансамбль активно участвует в концертах, праздниках школы, с. Алтышево и пос. Алтышево.

В заключение следует особо отметить, что инициатором новых интересных проектов по сохранению, развитию и популяризации этнокультуры и языка мордвы-эрзи является Мордовский культурный центр. Его руководство и актив большое внимание уделяют не только практическому решению вопросов по удовлетворению этнокультурных запросов мордовского населения Чувашии, но и, в не меньшей степени, популяризации истории и культуры мордвы-эрзи, а также укреплению связей с учреждениями культуры, науки и образования Мордовии, с мордовскими деятелями культуры и учеными.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ*

В данной статье на конкретном «живом» материале небольшого экспертного исследования предпринята попытка рассмотреть некоторые актуальные проблемы адаптации «новых этнических групп» в условиях Чувашской Республики. Содействие адаптации мигрантов в среде местного населения должно стать важной частью общереспубликанской стратегии предупреждения социальных, религиозных и этнических конфликтов. Следует исходить из того, что этнокультурная среда в Чувашии с каждым годом все больше усложняется, и надо ожидать, что этому процессу будут сопутствовать неожиданные для социальной атмосферы республики общественные и политические реакции. В последние годы интенсивность и объем миграционных потоков в целом возрастали за счет трудовой миграции. По крайней мере, в заявлениях ответственных лиц уже слышны тревожные нотки. «Такого массового нашествия к нам нелегалов в прошлые годы не было, — утверждают сотрудники Управления Федеральной миграционной службы (УФМС) России по Чувашской Республике. — И то, что счет таких безвизовых гастарбайтеров с единичных случаев перешел на десятки и сотни, настораживает даже правоохранителей»¹.

По данным миграционной службы, в 2011 г. в Чувашской Республике в различных отраслях было занято порядка 800 иностранных рабочих, из которых почти две трети составляли граждане Узбекистана (51 %) и Таджикистана (14 %). Доля граждан Азербайджана и Армении в составе иностранных рабочих равнялась 14 %². По состоянию на 1 августа 2014 г. имели разрешение на временное проживание в Чувашии 1186 иностранных граждан и лиц без гражданства, а по видам на жительство проживает 1913 иностранцев и лиц без гражданства. «А это ни много ни мало более трех тысяч человек, — подчеркивают сотрудники УФМС, — и основное количество мигрантов составляют граж-

дане стран СНГ»³. Все же надо признать, что указанные цифры весьма скромные, и можно согласиться с социологами, что сегодня «ситуация с трудовыми мигрантами в Чувашии далека от напряженности: их доля в составе трудоспособного населения республики составляет около 0,2 %, поэтому возможности для каких-либо контактов старожильческого населения с вновь прибывающими бывшими соотечественниками минимальны. Исключение составляют “колхозные” рынки — традиционные места трудоустройства выходцев из стран Закавказья, Средней Азии, а также российских северокавказских республик»⁴. И в то же время на основе результатов опроса, проведенного в 2014 г. среди молодежи разных категорий, выяснилось, что в обществе по отношению к «временно пребывающим» все-таки присутствуют негативные настроения. Словом, есть над чем задуматься.

В соответствии с соглашением с Министерством культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики в сентябре 2013 г. группой сотрудников Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) в составе четырех человек (В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, И.Е. Ильин, Е.В. Сергеева) было осуществлено малоформатное экспертное исследование на тему «Социокультурная адаптация мигрантов в полиэтническом пространстве Чувашской Республики». Было интервьюировано 90 чел. Экспертный опрос был задуман с целью выявления мнений представителей ряда национальностей, проживающих на постоянной или временной основе в Чувашской Республике. Было опрошено 27 узбеков, 15 таджиков, 15 чеченцев, 14 армян, 14 азербайджанцев и 5 туркмен. В наше поле зрения попали люди разных специальностей, уровня образования, возраста. В их числе и индивидуальные предприниматели, и строители, и работники рынков, и студенты. Согласно нашей анкете, эксперты должны были высказать свое мнение о проблемах адаптации соплеменников в условиях современной Чувашии.

Понятие «мигрант» объединяет разные категории лиц. Часть из них прибывает из бывших советских республик (ныне независимых государств), часть — из республик и областей, являющихся субъектами Российской Федерации. Разумеется, местное старожильческое население воспринимает их не раздельно, а как нечто целое, лишь разбивая на группы по географическому признаку — «среднеазиаты» и «кавказцы». Происходит обыден-

ная типизация по принципу «свой — чужой». Между тем, конечно же, мигрантов из Средней Азии, Казахстана и Кавказа необходимо рассматривать не как однослойные общности. Относительно времени их появления в Чувашии они делятся на старых и новых переселенцев, то есть на приехавших в республику в советский период и на прибывших в постсоветское время, в 1990 — начале 2000-х гг. Миграции из регионов Средней Азии и Кавказа в постсоветский период обусловлены экономическим кризисом, приведшим к росту безработицы среди избыточного трудового населения.

Прежде чем приступить к анализу результатов указанного исследования, считаем важным рассмотреть динамику изменения численности и характер расселения представителей среднеазиатских и кавказских народов в Чувашской Республике.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., население Чувашской Республики насчитывает 1 251 619 чел. (из них указали свою национальность 1 203 550 чел., то есть 96,2 %). Согласно полученным данным, в ней проживают представители 110 народов. Из числа тех, кто указал свою этническую принадлежность, только четыре национальности в совокупности составляют абсолютное большинство (98,5 %) населения республики, а именно: 814,8 тыс. чел. насчитывают чуваша (67,7 % от общего числа указавших национальную принадлежность), 323,3 тыс. чел. — русские (26,9 %), 34,2 тыс. — татары (2,8 %) и 13,3 тыс. — мордва (1,1 %). Значительна численность украинцев (4,7 тыс.), марийцев (3,6 тыс.), белорусов (1,4 тыс.) и армян (1,3 тыс.). Остальные 100 национальностей представлены группами в 1000 и менее человек. Что касается численности представителей народов Кавказа, то она составляет 3021 чел. Выходцы из Средней Азии и Казахстана представлены в еще меньшем количестве — 1540 чел.⁵

Из народов Кавказа в Чувашии зафиксированы представители 27 этносов (табл. 1). Из них сравнительно большими группами в республике проживают армяне (1290 чел.), азербайджанцы (891 чел.), грузины (240 чел.), чеченцы (127 чел.), аварцы (85 чел.) и осетины (64 чел.), численность остальных выходцев из Кавказа составляет 50 и менее человек. Так, табасаранов в республике — 16 чел., абхазов — 17, балкарцев — 9, карачаевцев — 6, ногайцев — 5, абазин — 4, рутульцев — 4, адыгейцев — 3,

Таблица 1

**Численность выходцев из республик Кавказа
в Чувашской Республике в 2010 г.**

Национальности	Городские и сельские жители			Горожане			Сельчане		
	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины
Аварцы	85	58	27	73	49	24	12	9	3
Азербайджанцы	891	605	286	806	537	269	85	68	17
Армяне	1290	751	539	1129	643	486	161	108	53
Грузины	240	143	97	208	116	92	32	27	5
Даргинцы	51	33	18	47	30	17	4	3	1
Езиды	31	17	14	22	11	11	9	6	3
Ингуши	49	28	21	46	27	19	3	1	2
Кабардинцы	26	16	10	22	14	8	4	2	2
Кумыки	23	13	10	20	12	8	3	1	2
Лакцы (лаки)	23	16	7	20	14	6	3	2	1
Лезгины	50	31	19	46	28	18	4	3	1
Осетины	64	40	24	55	31	24	9	9	—
Чеченцы	127	81	46	108	67	41	19	14	5
Остальные этносы	71	44	27	65	37	28	6	5	1
Итого	3021	1876	1145	2667	1616	1051	354	260	96

кумандийцев — 3, талышей — 2, черкесов — 1 чел., удинов — 1 чел., цахуров — 1 чел. Они в абсолютном большинстве представлены мужчинами и являются городскими жителями.

Народы Средней Азии и Казахстана в Чувашии представлены 7 этносами, из которых относительно большую численность имеют таджики (644 чел.), узбеки (565 чел.) и казахи (190 чел.), в то время как туркмен насчитывается 69 чел., киргизов — 47 чел., персов (иранцев) — 13 чел., каракалпалков — 7 чел. (табл. 2).

Вопреки расхожему общественному мнению, китайцы в Чувашии представлены малочисленной группой (6 чел.). Столь же малочисленны группы индийцев (6 чел.), ассирийцев и пакистанцев (по 8 чел.), уйгуров (4 чел.). Несколько опережают их по численности корейцы (81 чел.) и курды (24 чел.). Не исключено, что они имеют советское и российское гражданство уже не в одном поколении.

Таблица 2

**Численность выходцев из бывших советских республик
Средней Азии в Чувашской Республике в 2010 г.**

Национальности	Городские и сельские жители			Горожане			Сельчане		
	всего	муж-чины	жен-щины	всего	муж-чины	жен-щины	всего	муж-чины	жен-щины
Казахи	190	116	74	129	75	54	61	41	20
Киргизы	47	33	14	32	21	11	15	12	3
Таджики	644	484	160	475	359	116	169	125	44
Туркмены	69	38	31	53	29	24	16	9	7
Узбеки	565	367	198	395	239	156	170	128	42

Данные переписи 2010 г. отражают лишь те сведения, которые были получены переписчиками. В их поле зрения априори могли не попасть многие представители народов Кавказа и Средней Азии уже в силу того факта, что они имели проблемные статусы (временные мигранты, отсутствие регистрации, нежелание иметь дело с людьми из госорганов и т.п.). Поэтому не приходится удивляться тому, что руководители национально-культурных объединений данные переписи 2010 г. о численности выходцев с Кавказа и из Средней Азии подвергают сомнению. Они полагают, что их фактическая численность в республике заметно выше.

Для понимания ситуации, сложившейся в настоящее время в республике в связи с постоянным притоком трудовых и иных мигрантов из регионов Средней Азии и Кавказа, интересно проследить за тем, как в последние четыре десятилетия менялась численность указанных этнических групп (табл. 3).

Приток кавказцев и среднеазиатов в Чувашию происходил и в советское время. Приезжали в основном по распределению после окончания учебных заведений, а также как трудовые мигранты. Но больше всего приезжих было в республике в 1980—1990-х гг. Это прежде всего армяне, азербайджанцы, таджики и узбеки.

Прежде всего необходимо заметить, что с каждой переписью населения этническая палитра республики заметно усложнялась, в списке зафиксированных появлялись все новые и

Таблица 3

**Изменение численности выходцев с Кавказа и из
Средней Азии в Чувашской Республике в 1970—2010 гг.⁶**

Национальности	1970 г., чел.	1989 г., чел.	2010 г., чел.	Прирост за 1970—2010 гг. (во сколько раз)
Армяне	69	313	1290	18,7
Азербайджанцы	66	422	891	13,5
Грузины	75	151	240	3,2
Аварцы	15	73	85	5,7
Лезгины	30	44	50	1,7
Осетины	42	44	64	1,5
Чеченцы	94	154	127	1,3
Ингуши	12	32	49	4
<i>Всего приезжих с Кавказа</i>	403	1233	2796	6,9
Узбеки	60	210	565	9,4
Таджики	8	135	644	80,5
Туркмены	5	59	69	14
Киргизы	4	64	47	11,7
Казахи	48	194	190	4
<i>Всего приезжих из Средней Азии</i>	125	662	1515	12,1

новые национальности. К примеру, еще в недавнем прошлом в ходе Всесоюзных переписей населения 1970, 1979, 1989 гг. в списках национальностей значилось всего 35—50 названий народов, а ныне, как уже было отмечено, их более ста.

В межпереписные периоды (1970—1989—2010 гг.) значительно выросла численность выходцев с Кавказа и из Средней Азии всех национальностей. В таблице 3 приведены данные о ее динамике за период 1970—2010 гг. Судя по ним, наиболее сильно увеличилось число таджиков (в 80,5 раза), армян (в 18,7 раза), азербайджанцев (в 13,5 раза), туркмен (в 14 раз), киргизов (в 11,7 раза) и узбеков (в 9,4 раза). Правда, при этом численность целого ряда национальностей Кавказа в республике повысилась несущественно.

Судя по официальным данным, основная, а то и абсолютная масса выходцев с Кавказа и из Средней Азии проживает в городских поселениях (табл. 4). Для сравнения: удельный вес горожан в целом по республике составляет 58,8 % (среди

чувашей — 47,2 %, русских — 84,9%). Причем, что интересно, данное явление имеет стабильный характер, как в 1989 г., так и через 20 лет, в 2010 г., соотношение горожан и сельчан внутри указанных этнических групп не меняется. Единственным исключением являются данные по таджикам, которые в 1989 г. в большинстве своем зафиксированы как сельчане. Дело в том, что действительно в те годы в Чувашию в целевом порядке приезжали на временную работу группы таджиков по линии действовавшей тогда в Чувашии известной строительной организации «Таджикводстрой». Ее база размещалась в с. Атлашево Чебоксарского района, соответственно, прибывшие на заработки таджики не только прописывались, но и жили там же.

Интересную картину дает анализ состава выходцев с Кавказа и из Средней Азии в гендерном разрезе. Дело в том, что у всех этнических групп доля женщин существенно меньше доли мужчин (табл. 4). Причем, как и в случае с данными о соотношении горожан и сельчан, с 1989 г. наблюдается стабильность в цифрах. Для сравнения: доля женщин в составе населения республики в целом составляет 53,5 %; чувашского в частности — 53,3 %. Понятно, что трудовые мигранты прибывают на заработки на временной основе, как правило, без жен, без семей. Существенный перевес удельного веса мужчин особенно характерен для таджиков, азербайджанцев и узбеков.

Таблица 4

Динамика удельного веса горожан и женщин среди них в составе ряда этнических групп Чувашской Республики в 1989—2010 гг.⁷

Национальности	Доля горожан, %		Доля женщин, %	
	1989 г.	2010 г.	1989 г.	2010 г.
Армяне	95,5	87,5	36,5	41,8
Азербайджанцы	78	90,5	30	32,1
Таджики	16,3	73,8	17	24,8
Узбеки	74,8	69,9	34,3	35
Молдаване	81,2	63,1	38,8	42,7
Грузины	74,8	86,7	46,3	40,4
Казахи	69,6	68	37,6	38,9
Чеченцы	47,4	85	37	36,2
Туркмены	78	76,8	20,3	44,9

Таблица 5

**Распределение выходцев с Кавказа и из Средней Азии
по месту жительства в городах Чувашской Республики в 2010 г.**

Национальность	Всего горожан, чел.	Проживают в городах, %					Итого, %
		Чебоксары	Новочебоксарск	Канаш	Алатырь	Шумерля	
Армяне	1129	69,1	14,5	9,6	2,3	2	97,5
Азербайджанцы	806	58,8	13,8	15	4,3	1	92,9
Грузины	208	66,3	16,8	4,3	9,1	—	96,5
Чеченцы	108	86,1	4,6	—	5,5	—	96,2
Узбеки	395	59,5	11,4	6,6	11,6	5,3	94,4
Туркмены	53	75,5	5,7	3,8	—	7,5	92,5
Таджики	475	70,5	8,2	8	2,5	2,9	92,1
Казахи	129	55,8	16,2	6,2	6,2	2,3	86,7

Разумеется, в Чебоксарах, крупном городе, проживает абсолютное большинство горожан-мигрантов (табл. 5). Небольшая их часть расселена в Новочебоксарске, Канаше, Алатыре и Шумерле. Таким образом, в перечисленных городах проживают более 90 % горожан-мигрантов.

Что касается сельских жителей, то анализ характера их расселения в порайонном разрезе указывает на то, что в своем большинстве они проживают в пяти районах республики — Чебоксарском, Цивильском, Козловском, Канашском и Мариинско-Посадском (табл. 6), главным образом в тех районах, по территории которых проходят автомагистрали федерального значения, связывающие Москву, Нижний Новгород, Казань и Ульяновск. Данное обстоятельство позволяет заключить, что основная часть проживающих здесь сельчан-мигрантов занята в сфере придорожного сервиса.

В Цивильском и Чебоксарском районах проживают 58,8 % от общего числа расселенных в сельской местности республики азербайджанцев, 63,3 % армян, 24,6 % казахов, 54,4 % таджиков, 35,3 % узбеков, 79 % чеченцев.

В настоящей статье мы рассматриваем те группы мигрантов, которые прибыли в Чувашию на исходе периода «перестройки» и в первое десятилетие 2000-х гг. Классификация мигрантов из Средней Азии и с Кавказа в науке в целом уже разработана. Общину мигрантского этнического сообщества специалисты пред-

Таблица 6

**Распределение выходцев с Кавказа и из Средней Азии
по месту жительства в сельских районах Чувашской Республики в 2010 г.**

Националь- ность	Числен- ность сельчан, чел.	Проживают в районах, %					Итого, %
		Чебоксарский	Цивильский	Козловский	Канашский	Марпосадский	
Армяне	161	45,3	3,1	—	7,3	1,9	—
Азербайджанцы	85	22,3	36,5	22,3	3,5	8,2	92,8
Грузины	32	25	15,6	15,6	6,2	3,1	65,5
Чеченцы	19	15,8	63,1	10,5	—	—	89,4
Узбеки	170	20	15,3	5,3	3,5	4,7	48,8
Туркмены	16	33,3	—	18,7	—	—	52
Таджики	169	14,2	40,2	7,1	3	8,9	73,4
Казахи	61	13,1	11,5	16,4	9,8	8,2	59

ставляют как некую структуру, состоящую, как правило, из следующих условных частей, по-разному взаимодействующих между собой и внешним окружением⁸.

Старожилы общины. Это, как правило, те, кто прожил на данной территории более 7—10 лет и успешно адаптировался к внешним условиям общины. Старожилы представляют собой ядро общины диаспоры, являются хранителями традиций общины, основными производителями диаспорной идентичности.

Недавние мигранты. Это члены общины, прибывшие из территории (страны) исхода недавно, имеющие четкие целевые установки на интеграцию в местное сообщество, стремящиеся перенять нормы поведения местного сообщества и активно перенимающие диаспорную идентичность.

Трудовые мигранты. Члены этнической группы общины, не включенные в сеть взаимопомощи общины, не имеющие целевых установок на интеграцию в местное сообщество. Трудовые мигранты являются носителями прагматической культуры. Они образуют собственные дискретные сети по образцу традиционных, предпочитают по возможности селиться среди своих соотечественников, в том числе и первых двух групп, а также (по традиционному образцу) претендуют на их поддержку и на поддержку функционеров национально-культурных объединений в решении своих проблем, часто безуспешно. Не ориенти-

рованы на интеграцию в местное сообщество, хотя часто живут на постоянной основе или периодически выезжают в страну исхода, другие регионы России и возвращаются (приспособительный сценарий).

Соглашаясь в целом с такой типологизацией, мы считаем возможным с учетом конкретных реалий Чувашии подразделять выходцев из регионов Кавказа и Средней Азии на четыре группы:

- 1) «старожильческие» группы, то есть прибывшие еще в советское время;
- 2) временные трудовые мигранты, легально находящиеся на заработках в России;
- 3) нелегальные мигранты;
- 4) молодые люди, прибывшие для учебы в вузах республики.

В нашем экспертном исследовании, напомним, приняли участие 90 чел. Опрошены были в основном мужчины, только в группе 27 узбекских и 15 чеченских экспертов приняли участие соответственно 10 и 5 девушек.

В состав экспертов в большинстве своем вошли респонденты наиболее активных возрастных групп: 54 чел. в возрасте от 18 до 29 лет, 12 — от 30 до 39 лет, 15 — от 40 до 49 лет, 8 — от 50 до 59 лет и 1 чел. старше 60 лет. Причем в данных группах наиболее равномерно представлены азербайджанцы, армяне, таджики и узбеки, в то время как туркмены и чеченцы — люди в основном молодые, не старше 49 лет. Опрошенные являются выходцами из сельской местности и небольших городов (поселков городского типа), только 25 из них жили в крупных или средних городах.

Уровень образования опрошенных в целом достаточно высокий. В отношении тех, кто приехал из Средней Азии, надо отметить, что они, в особенности узбеки, плохо владеют русским языком, некоторые из них не могут писать по-русски без посторонней помощи. К примеру, на вопрос, кем они работают, узбеки часто пишут «стройтка», «абробчик» (то есть обрубщик), а таджики — «безнецен» (то есть бизнесмен) и т.п. Из 90 экспертов один (таджик) имеет начальное образование, 10 — незаконченное среднее (характерно для таджиков, азербайджанцев, армян, узбеков), 46 — среднее общее (в их числе 17 узбеков, 10 чеченцев, 6 таджиков, 6 армян), 13 чел. получивших среднее специальное образование (в их числе 5 узбеков,

4 азербайджанца), 16 — незаконченное высшее и высшее образование (в их числе 6 азербайджанцев, 5 армян и 5 чеченцев).

Что касается сферы занятости мигрантов, то у каждой этнической группы имеются свои особенности. Это можно проиллюстрировать на примере экспертов. Так, в рыночно-базарно-торговой сфере заняты 12 азербайджанцев из 14, 8 армян из 14 (остальные в строительстве), 13 таджиков из 15, 8 узбеков из 27 (остальные заняты в промышленности и строительстве, а также учатся в вузах). Туркмены и чеченцы в основной своей массе студенты. Таким образом, в целом в состав экспертной группы вошли люди, занятые в самых разных сферах экономики: 13 чел. работают в строительстве, 18 чел. — в торговле, на рынке, 5 чел. — на заводе, 11 чел. называют себя предпринимателями и менеджерами, 28 чел. являются студентами чебоксарских вузов.

По данным УФМС по Чувашской Республике, в 2013 г. квота на привлечение иностранной рабочей силы выполнена только наполовину. В основном привлекаются неквалифицированные работники. В наукоемких отраслях трудятся 13 иностранных работников (их зарплата превышает 150 тыс. руб.). По данным ведомства, в Чувашию ежегодно приезжают на тех или иных условиях пребывания порядка 12—13 тыс. иностранцев. С начала 2013 г. из других государств сюда прибыли 11 тыс. чел., сняты с миграционного учета 1650 иностранцев. Более 90 % въезжающих в нашу республику — выходцы из республик СНГ. Активно прибывают граждане Узбекистана, Таджикистана, Армении, Азербайджана, Украины, Белоруссии⁹. Еще в 2011 г. было установлено, что от общей численности иностранных работников 44 % составляют граждане Узбекистана, в республике использовался также труд граждан Таджикистана (14 %), Украины (8 %), Азербайджана (7 %), Армении (4 %), Молдовы (2 %) и других государств¹⁰. При этом подчеркивается, что в Чувашии более строго, чем в других регионах страны, регламентируются правила привлечения трудовых мигрантов, что вызвано особенностями развития трудовых ресурсов республики. Понятно, что часть жителей из названных государств стала российскими гражданами, часть проживает нелегально, но доля таких лиц невелика.

Абсолютное большинство опрошенных экспертов (86 чел.) проживает в г. Чебоксары, остальные — в пос. Кутеси, в горо-

дах Новочебоксарск и Цивильск. Интересно отметить, что некоторые узбеки, в отличие от других экспертов, название г. Чебоксары в анкетах написали на манер, близкий к чувашскому произношению («горт Чувашкар», «горд Чувашкар»).

Семейное положение экспертов таково: состоят в браке — 39 чел., не состоят — 48 чел., разведенных нет, 2 узбека являются вдовцами. У 4 экспертов, состоящих в браке (азербайджанец, армянин, таджик и чеченец), жены чувашки.

Что касается материального положения опрошенных, то 22 из них «себе ни в чем не отказывают» (характерно для чеченцев и туркмен — студенческой молодежи), у 18 экспертов «почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры», у 30 — «в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг», у 16 — «на повседневные затраты уходит вся зарплата».

Приезд в Чувашию в большинстве случаев экспертами был «запланирован заранее» (26 чел.) или «рассматривался как один из вариантов» (28 чел.). Именно в Чувашии 21 чел. оказались «случайно, под влиянием обстоятельств». В анкетах многие эксперты добавляли: «приехал к родне», «друзья пригласили (позвали)», «приехал в гости к другу (родственнику)» и т.п. Если азербайджанцы однозначно указывают на то, что «приехали к родне», «по приглашению родственника», то узбеки все как один подчеркивают, что «приехали к другу», «по приглашению друзей». Подтверждается это тем, что все опрошенные нами азербайджанцы имеют в Чувашии родственников, в то время как таковых среди 27 узбеков оказалось только 3.

На вопрос, по какой причине главным образом приезжают в Чувашию их соотечественники, наши эксперты ответили: «в поисках лучших условий для зарабатывания средств» (25 %), «на учебу» (25 %), «здесь имеются возможности трудоустройства» (12 %), «у многих здесь живут родственники» (11 %). Некоторые таджики-эксперты, не указывая конкретную причину приезда соотечественников в Чувашию, просто и ясно написали: «жить и работать». Только 1,5 % экспертов назвали среди причин переезда «семейные обстоятельства». Азербайджанцы и армяне в большинстве своем отметили, что «у многих здесь живут родственники». Приезд «на учебу» обозначили туркмены и чеченцы, соплеменники которых действительно учатся в ву-

зах Чебоксар. В целом подтверждаются наблюдения, сделанные и в других регионах страны: люди приезжают к родственникам и землякам «по цепочке», практически не имея никаких иных связей, полагаясь лишь на свой интеллектуальный и предпринимательский потенциал¹¹.

Следует отметить, что абсолютное большинство мигрантов в случае выезда из Чувашии настроено вернуться на историческую родину. 13 экспертов намереваются уехать в другой регион Российской Федерации или за границу. Настроения в этом вопросе продиктованы тем положением, в каком пребывают мигранты, а оно чаще всего не всем видится благоприятным (азербайджанец: «уехал бы, да некуда», таджик: «некуда мне» и т.п.).

В ответе на вопрос «Если Вы собираетесь уехать из Чувашии, то в чем причина Вашего намерения?» половина экспертов, в основном узбеки, указали на семейные обстоятельства, другая значительная часть — на необходимость поисков лучших условий зарабатывания средств. При этом ряд экспертов счел необходимым на полях анкеты дополнительно отметить свои соображения на этот счет (азербайджанец: «не хочу уезжать никуда отсюда»; армяне: «все здесь устраивает», «пока не собираюсь», «съезжу на родину только по делам»; таджики: «но дома лучше», «здесь чисто, не собираюсь уезжать отсюда», «уеду ненадолго, только к родителям»; узбеки: «не хочу уезжать отсюда», «не уехал бы, но придется после учебы»; чеченцы: «хочу на родину», «хочу в Чечню», «хочу к семье», «надо вернуться к родне»).

По мнению $\frac{1}{3}$ экспертов, их соплеменники, проживающие в Чувашии, в первую очередь ощущают себя гражданами России, треть из них — «просто людьми своей национальности», остальные поровну поделились на тех, кто ощущает себя «гражданами своей национальной родины» или «жителями Чувашии». При этом только азербайджанские и армянские эксперты все как один отметили, что их соплеменники ощущают себя прежде всего как «граждане России» и «жители Чувашии», и ни один из них не выбрал варианты: «просто людьми своей национальности», «гражданами национальной родины, где родились и выросли». Между тем эти варианты выбрало большинство узбеков, чеченцев и таджиков.

На вопрос «Какое чувство Вы испытываете по отношению к Чувашии?» 63 эксперта из 90 ответили, что рады жить здесь, 19 заявили, что в целом довольны, но многое их не устраивает. Эксперты-таджики добавляют: «В гостях хорошо, но дома лучше», «Хочу остаться в Чебоксарах». Чеченец добавляет: «Мне без разницы, главное то, что я здесь учусь».

По мнению 54 экспертов из 90 опрошенных, после приезда их соотечественников в Чувашию их социальный статус, как правило, повышается, 33 указали, что он остается прежним, и только 3 (таджики) отметили, что понижается. Характерно следующее: о том, что статус соплеменников повышается, подтверждение сделало примерно одинаковое число экспертов из всех этнических групп.

Нас интересовало прежде всего, что главным образом помогает мигрантам приспособиться (адаптироваться) к местным условиям по приезде в Чувашию. Данный вопрос мы адресовали экспертам, которые отметили среди наиболее важных для них обстоятельств в первую очередь то, что они с местными жителями жили и живут в одной стране — СССР, России (28 % от общего числа ответов), на втором месте вариант ответа: «Приехали к знакомым, родным, они мне (нам) помогли обустроиться, найти работу» (20 %), далее назывались «отсутствие напряженности в межнациональных отношениях» (11 %), «востребованная специальность» (7 %), «стабильность жизни в Чувашии, наличие возможностей найти работу и зарабатывать на жизнь» (6 %).

Что же в основном мешает прижиться (адаптироваться) мигрантам в условиях Чувашии? 36 экспертов указали, что мешает «бюрократия, косность чиновников низших уровней, затрудняющих своевременное оформление документов, видов на жительство и т.п.», 15 из них отметили: «кардинально тот тип взаимоотношений в семье и между полами, который неприемлем для нашей национальной культуры», 14 сослались на «непривычный климат», «иной набор продуктов питания» (чаще всего такой ответ характерен для чеченцев). 10 экспертов указали на «холодность, разобщенность людей» (более всего это ощущают узбеки).

На то, что адаптацию затрудняет «недоброжелательное отношение коренного населения», указали всего 6 экспертов, только

2 отметили такой, казалось бы, значимый для мигрантов фактор, как «иная вера местных жителей».

На бюрократию, на местных чиновников чаще всего жалуются таджики и узбеки: «часто правеко микрат служба», «много проверка мигрант полици» и т.д. Чеченский эксперт данную проблему рассматривает в философском разрезе и указывает, что «все зависит от конкретного человека, от того, как он себя ведет». Что же, и то верно.

Одна из главных проблем, с которой сталкиваются мигранты с Кавказа и особенно из Средней Азии по прибытии в российские регионы, — это плохое знание русского языка. На родине мигрантов качество преподавания русского языка, как правило, низкое. Без удовлетворительного владения русским языком мигранты обречены на низкостатусную и низкооплачиваемую работу, а также на замкнутость в рамках переселенческих групп. Кроме прочего, плохое владение русским языком резко ограничивает их контакты с местным населением и существенно усложняет взаимоотношения с коллегами других национальностей в процессе трудовой деятельности. В ходе нашего исследования мы пытались выяснить у экспертов, как они оценивают знание русского и чувашского языков своими соплеменниками, проживающими в Чувашии. Азербайджанцы указали, что русским языком их соплеменники владеют «практически все», «каждый второй — точно», чувашским — 3—4 чел. Армяне отметили, что русским владеют «100 % наших», а чувашским — 2 чел. Таджикские, узбекские и туркменские эксперты лишь заметили, что русским языком владеют «многие» их современники, а вот чувашским — единицы. Чеченский эксперт заявил, что «все чеченцы знают русский». Наверное, положение дел с языком у среднеазиатских мигрантов образно, но точно выразил узбекский эксперт: «Каждый из нас владеет русским как-нибудь». Судя по тому, как оформляли эксперты свои анкеты, грамотность таджиков и особенно узбеков имеет весьма низкий уровень.

Социально-психологическое самочувствие трудовых мигрантов на новом месте проживания, где они пребывают в инонациональном окружении, напрямую зависит от состояния межэтнических отношений. Их состояние в Чувашии большинство экспертов оценивает как «очень хорошие» (32 чел.), «хорошие»

(46 чел.) и «удовлетворительные, терпимые» (11 чел.). Интересно отметить, что никто из них не оценил их как «неважные», «плохие, враждебные». Социологи, интересовавшиеся рассматриваемыми нами аспектами в ходе изучения современных межэтнических отношений в Чувашии, отмечают: «Сами мигранты в беседе с нами не раз заявляли, что в Чувашии чувствуют себя гораздо комфортнее, чем их друзья, знакомые, родственники в соседних регионах. Таким же “спокойным” регионом называли Республику Марий Эл. Впрочем, бытовое неприятие, особенно на рынках, вымогание взяток — все это имеет место. Бывают случаи и откровенного проявления ксенофобии. <...> В целом обстановка в республике мигрантов вполне устраивает. Как говорят сами мигранты, на самом производстве, в частности на промышленных предприятиях, отношения с местными рабочими нормальные. О проблеме конкуренции практически никто не говорит, поскольку в республике на предлагаемые мигрантам места спроса практически нет. Это неквалифицированные профессии тяжелого ручного труда»¹².

На вопрос «С какими негативными явлениями в межнациональных отношениях вам приходилось сталкиваться в своей повседневной жизни в Чувашии?» 38 экспертов заявили, что не сталкивались. Вместе с тем 19 чел. отмечают, что были «неприятные высказывания о людях другой национальности» (главным образом это азербайджанцы, армяне и чеченцы), а 15 чел. — что случалось видеть «недружелюбное отношение к людям других национальностей, приезжающих в Чувашию» (опять-таки это характерно для азербайджанцев, армян, чеченцев). При этом азербайджанские и чеченские эксперты в числе негативных явлений указали «групповые хулиганские действия на национальной почве».

Эксперты поделились своими впечатлениями о том, как у мигрантов складываются отношения с коренным населением. Большинство экспертов считает, что они «в целом нормальные, но случаются недоразумения» (73 чел.). То, что эти отношения неровные и «нередко возникают напряжения», бывают ситуации, когда «вызывают милицию», отметили всего 4 эксперта. Некоторые из них уклонились от прямого ответа, объяснив, что затрудняются судить о ситуации в этом вопросе в целом.

Как показывают исследования, проведенные в различных регионах Центральной России, появление большого числа мигрантов вызывает среди значительной части старожилов настороженность и недовольство изменением привычной бытовой картины. Характерно это и для Чувашии¹³. Соединяясь с другими фобиями и фрустрациями, в глазах старожилов сам факт проживания кавказцев на «их земле» воспринимается как угроза. Основная претензия старожильского населения к переселенцам с Кавказа — «пусть они себя ведут здесь как гости»¹⁴.

Как правило, самую сильную эмоциональную реакцию у мигрантов, особенно с Кавказа, вызывает неуважительные высказывания местных жителей о представителях их национальности, об их традициях, обычаях и языке. На вопрос о том, приходилось ли экспертам лично слышать такого рода высказывания в Чувашии, 10 ответили, что «да, часто», 24 — «приходилось, но редко», 25 — «были отдельные случаи», 30 — «не приходилось». Таким образом, 2/3 экспертов так или иначе лично слышали неуважительные высказывания относительно своей национальности. Причем чаще всего доводилось слышать негативные оценки о своей национальности армянам, таджикам, узбекам и чеченцам. И в то же время, что интересно отметить, по сравнению с представителями других этносов, и азербайджанские, и армянские эксперты дают высокую оценку отношению старожильского населения к другим национальностям.

Как уже отметили, для любого мигранта большим испытанием является столкновение со случаями унижения, оскорбления на религиозной или этнической почве. Мы спросили у экспертов, как следует вести себя мигранту в такой ситуации. 33 эксперта заявили, что следует ее «разрешить в словесной форме» (такая позиция характерна прежде всего для азербайджанцев и армян); 32 указали на необходимость «обратиться за помощью в правоохранительные органы» (характерно для таджиков и узбеков); по мнению 19 экспертов, следует «просто проигнорировать» — так полагают 3 армянина (из 14 опрошенных), 3 таджика (из 15), 9 узбеков (из 27) и 4 чеченца (из 15). Некоторые эксперты добавили, что «решать надо культурно» (азербайджанец), «решать тихо, мирно» (узбек). При этом в вопросе, как себя вести в указанной ситуации, азербайджанцы и чеченцы подчеркивают, что «все зависит от конкретной ситуации».

О степени социокультурной адаптированности мигрантов к условиям жизни в российских городах, об их настрое и желании «быть принятым» в обществе местного населения свидетельствует и то, общаются ли они со своими соседями — представителями иных национальностей. Однозначно все эксперты указали, что общаются. При этом азербайджанец отметил, что для них «нет разницы, кто из соседей какой национальности», чеченец подтвердил это мнение теми же словами. У 12 азербайджанцев из 14 соседи — чуваша, то же самое у армян, у 11 таджиков из 15 и 13 узбеков из 27 также соседи — чуваша.

Не все мигранты переезжают в регионы России со своей семьей, в большинстве случаев семьи у них остаются на родине. Среди мигрантов много молодых холостых мужчин, некоторые из них заводят семью по приезду в Чувашию. И не факт, что при этом женятся они непременно на соплеменницах. Некоторые мужчины из трудовых мигрантов, будучи женатыми и имея семью на своей родине, здесь, на новом месте, заводят новую семью. Чаще всего это гражданские браки: сводят их с женщинами из числа местных жителей. Но поскольку отношение выходцев с Кавказа и из Средней Азии к браку с представителем иной веры или национальности, как правило, негативное, нас не мог не интересовать вопрос, каково отношение наших экспертов к фактам заключения брака лицами их национальности с местными жителями. Как выяснилось, 56 из них «ничего не имеют против», 30 однозначно против таких браков. Примечательно выразился узбек: «Лучше узбечки меня никто не поймет». Что тут имеется в виду — язык или что-то из области этнопсихологии, остается неясным. Позитивное отношение к такого рода бракам характерно прежде всего для армян, азербайджанцев и туркмен, у чеченцев и узбеков позиция в этом вопросе более принципиальная. Интересно отметить, что считают допустимым брак с чувашами лишь таджики (3 чел.), туркмены (1 чел.) и узбеки (1 чел.), а с русскими — только 1 чел. (армянин). Азербайджанец-эксперт записал в анкете: «У меня жена — чувашка, я очень этим горд и рад этому!» Армянин полагает: «В принципе, надо бы жениться на своей национальности, но ведь не факт». Узбечки-студентки определенно за одноплеменные браки: «только за узбека, если, конечно, таковой найдется», «выйду именно за свою национальность» и т.п.

Как бы то ни было, в глобальной интернациональной среде, какая присуща крупным российским городам, в том числе и Чебоксарам, большинству трудовых мигрантов так или иначе приходится работать в национально смешанных трудовых коллективах. По мнению 62 экспертов, находясь в таких коллективах, их соотечественники не сталкиваются с конфликтами на почве межнациональных отношений, в то время как 22 респондента указывают, что конфликты возникают, но редко, и только 4 отметили, что часто.

В российских регионах становится привычным жаловаться на то, что прибывающие из Средней Азии и с Кавказа трудовые мигранты более выгодны местным работодателям из-за относительной дешевизны рабочих рук, и потому они отнимают у местных жителей рабочие места, порождая на местах безработицу. В частности, по данным упомянутого выше социологического исследования, в 2014 г. так полагали от 35 до 42 % опрошенного старожильского населения Чувашии¹⁵. Интересно, однако, отметить, что на этот счет мнения наших экспертов разделились: 13 из них, в основном азербайджанцы и армяне, согласны с этим, 34 эксперта считают, что мигранты занимают незначительную часть рабочих мест, а 13 полагают, что мигранты вообще не занимают те рабочие места, на которые могут претендовать местные жители, при этом 30 экспертов затруднились сказать что-либо конкретное по данному вопросу.

Есть расхожее мнение, что мигранты, прибывающие в Чувашию, как, собственно говоря, в любой другой регион России, при обращении по тем или иным вопросам в местные государственные органы непременно сталкиваются с тем, что их принадлежность к какой-либо конкретной национальности играет негативную роль. Так вот, одна часть экспертов (38 чел.) полагает, что данный фактор не играет какой-либо роли, а другая (41 чел.) — что играет, «но в целом вопросы все равно решаются». Остальные 11 экспертов (из 90) все же склонны считать, что «играет однозначно», вопросы из-за этого «не решаются». Следовательно, проблема все-таки существует, и это надо иметь в виду.

В российском обществе мнение о мигрантах из Средней Азии и с Кавказа в немалой степени формируется под влиянием средств массовой информации. В них преобладают негативные

стереотипы, основанные зачастую на искаженном общественном сознании, мифах и слухах. Тем более и реальных поводов для этого более чем достаточно. Каждый день приносит в информационное пространство все новые и новые, далеко не позитивные сообщения о жизни мигрантов, об их делах, проступках, а то и преступлениях, не говоря уже о незаконности их пребывания в регионах России. В частных разговорах на эту тему наши эксперты в большинстве своем склонны считать, что местные (республиканские) СМИ Чувашии чаще всего дают о них негативную информацию, в лучшем случае, как отметил один таджик-эксперт, «о нас никакой информации нет, вот и все». Тем не менее 34 эксперта затруднились что-либо сказать на эту тему, 26 сказали, что в сообщениях СМИ больше негатива, 19 — наоборот, позитива, 8 — что в основном информация о них нейтральная.

Процесс социокультурной адаптации мигрантов во многом зависит и от того, как они сами настроены, заинтересованы ли в восприятии особенностей культуры, быта и традиций местного населения. Мы спросили у экспертов, посещали ли они за последние 2 года какой-либо местный театр, концерт чувашских артистов, чувашский национальный праздник (Акатуй и т.п.). Выяснилось, что в этом отношении мигранты не так уж активны. Узбек-эксперт так и заявил: «Приехали не по театрам и праздникам шататься». По сравнению с экспертами других этнических групп, наиболее активными в смысле посещения чувашских мероприятий оказались азербайджанцы и узбеки. Акатуй посетили 7 азербайджанцев, 1 армянин, 2 узбека, 3 таджика и 1 чеченец; чувашский театр — 5 азербайджанцев, 1 таджик, 2 узбека и 4 чеченца. И все. Концерт чувашской эстрады имели случай посетить 1 таджик и 2 узбека. Один из чеченских экспертов указал в анкете, что «побывал во всех чувашских театрах, было интересно». Узбекский эксперт, присутствовавший на празднике Масленицы, отметил: «Было интересно, такого я в жизни не видел». Несколько странно выглядит ответ одного из таджиков: «Нам по нашей вере концерты чужих посещать нежелательно».

Чтобы выяснить, насколько настроен мигрант обустроиться на новом месте, прижиться, не оставаться в стороне от той жизни, в которой живут местные жители, имеет ли он желание

понять и принять какие-то необходимые условности, которые желательно соблюдать, находясь «на чужой стороне», мы задали им следующий вопрос: «Представьте себе: к Вам в Чувашию в гости приехал земляк (родственник, друг). Что Вы подарили бы ему на память?» Расклад ответов экспертов сложился интересный: 31 из них заявили, что «национальный сувенир», 11 — конфеты чебоксарской кондитерской фабрики «Акконд». В разрезе национальностей выглядит это так: 7 азербайджанцев подарили бы «просто национальный сувенир», 2 — конфеты «Акконд», 5 — чувашский бальзам «Парне», 1 — пиво чувашского производства; армяне: 2 — «национальный сувенир», 2 — конфеты «Акконд», 1 — книгу о культуре чувашей, 2 — картину «Вечерние Чебоксары», 1 — пивную кружку с орнаментом; таджики: 4 — конфеты «Акконд»; узбеки: 16 — «национальный сувенир», 2 — конфеты «Акконд», 1 — книгу о культуре Чувашии, 1 — чувашский костюм. Интересны дополнительные пометки в анкете, сделанные узбеками-экспертами: «теплые перчатки», «чувашская тюбетейка», «лапти», «шоколад», и т.д. В целом, как видно, продукция кондитерской фабрики «Акконд» начала играть роль чувашского национального символа.

Трудовые мигранты уже в силу своего социального статуса, желания лучше трудоустроиться на новом месте и стремления больше заработать средств не могут являться сторонниками усиления напряженности межнациональных отношений в местах своего пребывания. Такая однозначная позиция нашла отражение и в ответах наших экспертов на вопрос «Если в Чувашии произойдет усиление напряженности в межнациональных отношениях, то какой будет Ваша позиция?». 57 экспертов указали, что будут всеми силами способствовать тому, чтобы конфликты не обострились, а проблемы решались спокойно. В то же время $\frac{1}{3}$ экспертов (30 чел.) вовсе не хотели бы вмешиваться в эти споры и конфликты. Только один эксперт — узбек — заявил, что будет активно участвовать в подобных конфликтах.

Трудовые мигранты, приезжающие в незнакомый регион, изначально настроены на нелегкие условия жизни и трудовой деятельности, для них характерна внутренняя мобилизованность на непременно достижение запланированных целей и задач. В отличие от местных жителей, им, образно выражаясь, расслаб-

ляться не приходится. Тем не менее, что для нас было неожиданно, большинство экспертов (57 чел.) заявило, что в будущее они смотрят «с надеждой и оптимизмом», а 29 — «спокойно, без надежд и иллюзий», и только один эксперт ответил, что «со страхом и тревогой». Таким образом, у мигрантов, проживающих в Чувашии, потенциал позитивных настроений достаточно высок. Но при этом и то правда, что большинство опрошенных нами экспертов ясно осознает, что расхожие и зачастую мнимые представления местного старожильского населения о мигрантах «с юга» имеют достаточно устойчивый характер, и каждому проступку выходцев из Средней Азии и с Кавказа придается этническая окраска. Поэтому в современных условиях основной стратегией адаптации мигрантов, находящихся в Чувашии, является включение в принимающее сообщество прежде всего с опорой на собственные сетевые ресурсы этничности, на родственные связи. Однако процессы в таком направлении не представляются оптимальными, ибо, оказываясь погруженным в «свою» среду, мигрант не чувствует необходимости менять свое поведение и восприятие мира. Как показало наше исследование, он оказывается «не выключенным» из прошлой жизни, основной и часто единственной системы мировосприятия.

В этом смысле результаты нашего исследования вопросов адаптации в целом не расходятся с наблюдениями, сделанными в других городах и регионах страны: для мигрантов, обычно изначально не обладающих достаточным социальным капиталом, по сравнению с местным населением, с интегрированными «старожилами» на начальном этапе включения наиболее значимыми являются групповые ресурсы (этничности, землячества). Тщательный анализ сетевых взаимодействий (трансфертов) в анклав, проведенный в Москве, в целом подтвердил, что основу взаимодействия в этническом анклав составляют следующие представления: а) информация о трудоустройстве на новом месте; б) помощь советами и рекомендациями по решению конкретных проблем; в) помощь деньгами; г) помощь в организации семейных или религиозных праздников, похорон, свадеб и т.д., в гораздо меньшей степени — помощь конкретными делами (ухаживание за больными, личная помощь в оформлении документов и т.д.)¹⁶.

Подытоживая материалы нашего небольшого исследования, можно утвердительно отметить, что мигранты из стран Закавказья, прежде всего армяне и азербайджанцы, сегодня ощущают себя в Чувашии (по крайней мере, в Чебоксарах) уже достаточно укорененными и более адаптированными, чем мигранты из Средней Азии, главным образом узбеки и таджики. Последние вовсе не мотивированы на погружение в местную среду, причем не столько из-за контрастных различий в социально-культурном и религиозном отношении, сколько в связи с тем, что изначально настроены на временное пребывание на новом месте по причине, как правило, сезонного характера их трудовой деятельности. Выяснилось, что, как и в других регионах страны, большинство мигрантов с Кавказа удачно интегрировались в местную социально-культурную и экономическую среду, имеют более выраженную заинтересованность в том, чтобы пригласить родственников или близких друзей и земляков из исторической родины, с тем чтобы таким образом обеспечить себе привычную этнопсихологическую атмосферу, позволяющую компенсаторно культивировать на новом месте привычные традиции и обычаи жизнедеятельности. Этого не могут позволить себе выходцы из Средней Азии, так как в большинстве своем являются временными мигрантами. А отсюда сравнительно большая сугубо этнокультурная замкнутость и закрытость и соответственно изолированность от местной среды.

Литература и источники

- ¹ Аргументы и факты — Чувашия. 2013. 30 октября — 5 ноября.
- ² Бойко И.И., Харитонова В.Г. Жители Чувашии о «кавказцах» и трудовых мигрантах // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2011. С. 150.
- ³ См.: Аргументы и факты — Чувашия. 2014. 13—19 августа. С. 12.
- ⁴ Этнокультурное развитие и межэтнические отношения в Чувашской Республике: научный отчет по материалам социологического обследования 2011 г. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 26.
- ⁵ Здесь и далее итоги переписи 2010 г. по Чувашской Республике извлечены из материалов, помещенных на сайте Чувашстата (chuvash.gks.ru).
- ⁶ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 818, 913, 1303—1305, 1307. Материалы Всесоюзных переписей населения по Чувашской АССР 1926, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.; Основные итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. респ. упр. статистики, 1990.
- ⁷ Там же.

⁸ См., например: *Мокин К.С.* Адаптация мигрантов: варианты стратегий // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2009. С. 105.

⁹ См.: Московский комсомолец — Чувашия. 2013. 11—18 декабря.

¹⁰ Этнокультурное развитие и межнациональные отношения... С. 16.

¹¹ *Мокин К.С.* Указ. соч. С. 101.

¹² *Бойко И.И., Харитонова В.Г.* Общины выходцев из Средней Азии и с Кавказа в Чувашии // Новые этнические группы в России: пути гражданской интеграции. С. 298—299.

¹³ Общегражданская идентичность, этнокультурные и конфессиональные предпочтения студенческой и учащейся молодежи Чувашии: научный отчет по материалам социологического исследования 2014 г. / сост. И.И. Бойко, В.Г. Харитонова. Чебоксары, 2014. С. 26—32 // НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1959. Л. 85.

¹⁴ *Ярлыканов А.А.* Кавказцы в центральных регионах России // Новые этнические группы в России: пути гражданской интеграции. М.: Росинформ-агротех, 2009. С. 93.

¹⁵ Там же. С. 31.

¹⁶ Анализ сетевых связей и адаптационных потребностей этнокультурного анклава Московского мегаполиса: аналитический отчет / РАН. М., 2004. С. 223.

ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ ЧУВАШЕЙ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Истоки этнографического изучения чувашского народа уходят в глубины истории. Быт и культуру древних предков чувашей (болгар/булгар и гунно-сувар) описывали Моисей Хоренский и Приск (V в.), Иоанн Малала (VI в.), Симокатта (VII в.), Ибн Фадлан (X в.), В.Н. Татищев (XVIII в.) и др. В русских письменных источниках чуваша упоминаются с начала XVI в., но и в XVII в. их именуют «горными черемисами», не отделяя от горных марийцев¹. В 1730 г. пленный шведский подполковник Ф.И. Страленберг, направленный по указу Петра I для составления карты Сибири, проездом через Казанскую губернию описал быт народов Поволжья².

Сбор сведений о чувашах начался с проведения Северной (1733—1743) и Физической (1768—1774) экспедиций Санкт-Петербургской академии наук. Представляют интерес путевые заметки И.И. Лепехина о чувашах Причеремшанья (Самарское Заволжье)³ и академика П.С. Палласа о жизни и быте чувашей бассейна р. Черемшан (территория современного Татарстана)⁴. И.Г. Георги составил в 1776 г. первый сводный труд о народах России, в котором содержится раздел о чувашах, где дано и первое статистическое сведение о них: «Они и теперь составляют многолюдный народ, который больше, нежели с 200 000 душ, платит подать»⁵. Однако следует отметить, что путешественники являлись естествоиспытателями, их предварительные знания о народах России были крайне фрагментарными. При описании народов Поволжья ряд явлений культуры и быта они привели как бы в обобщенном виде, не всегда выделяя, что присуще тому или иному народу. К тому же, например, сведения в работе академика Г.Ф. Миллера о марийцах, чувашах и удмуртах заимствованы из рассказов толмачей, так как сам он «ни в одной чувашской деревне не был»⁶.

К XVIII в. относятся и первые работы о чувашах, вышедшие из под пера «местных авторов». Землемер Симбирской межевой

конторы К.С. Милькович, по роду своей деятельности общавшийся с чувашами и неоднократно посещавший их селения, по программе Вольного экономического общества написал очерк, подробно изложив сведения о разных сторонах материальной культуры, религиозных верованиях, обрядах, общественном и семейном быте. Очерк впервые увидел свет в 1827 г.⁷, в конце XIX — XX в. его не раз переиздавали. Однако еще ранее с рукописью ознакомился Т.Г. Масленицкий, который по заданию правительства составил в 1780-х гг. «топографическое» описание Симбирского наместничества⁸, где приведены этнографические сведения о чувашах, в основном извлеченные из рукописи К.С. Мильковича.

В целом следует согласиться с П.П. Фокиным в том, что XVIII в. характеризуется как первый этап целенаправленного сбора материалов о чувашах (как, впрочем, и о других народах Поволжья) и ознакомления с ними образованной аудиторией России и Западной Европы. Содержащиеся в изданных трудах сведения в основном получены «из первых рук». Накопление этнографической информации имело как познавательное значение, так и прикладной аспект (управление народами империи, распространение православия)⁹. При этом следует иметь в виду, что некоторые труды вышли на иностранных языках¹⁰.

С открытием Казанского университета в 1804 г. исследовательская и собирательская деятельность в регионе стала для некоторых любителей истории не только увлечением, но и призванием. В общем русле развития общественной мысли страны стали выходить периодические издания со статьями этнографического характера. С 1811 г. начали публиковаться «Казанские известия», с 1820 г. — «Казанский вестник», с 1834 г. — «Ученые записки», с 1842 г. — «Казанские губернские ведомости», в 1832—1835 гг. — «Заволжский муравей», на страницах которых печатались очерки и статьи И.С. Протопопова, Д.П. Ознобишина, В.П. Вишневецкого, А.И. Артемьева, П.А. Анорова, Н.Д. Леонтьева, В.И. Лебедева, В.А. Сбоева, А.Ф. Риттиха, Б. Ляковского, С.М. Михайлова, В.К. Магницкого, В.А. Мошкова и других авторов. Детальный обзор этнографического изучения чувашского народа в первой половине XIX в. представлен в статье Г.Б. Матвеева¹¹. В этот период в разных изданиях (как региональных, так и центральных) появилось более 50 работ, в той или иной степени освещающих этнографию чувашского народа.

Видный вклад в этнографическое описание чувашей внесла казанская поэтесса А.А. Фукс (урожденная Апехтина, ее предки еще в XVI в. получили поместье в окружении чувашских деревень Свияжского, впоследствии Чебоксарского, уезда). Ее муж, профессор медицины К.Ф. Фукс был энтузиастом изучения местного края, в это дело вовлек и свою жену. Она совершила несколько поездок к чувашам. Впечатления изложила в виде переписки с мужем. В итоге получилось объемное отражение многих сторон культуры и быта чувашей. Отдельные письма являются путевыми заметками, другие — результатом поездок в соседние с имением брата селения для получения сведений о религиозных представлениях, свадьбе, поминальном обряде семик и др. Сочинение опубликовано в казанском журнале «Заволжский муравей», затем отдельной книгой¹², на него появились рецензии в местной и столичной печати. Этой работой был сделан шаг к монографическому изложению этнографии чувашей.

Государственная и общественно-политическая необходимость в этнографическом изучении народов империи наиболее ярко выразилась в факте основания в 1845 г. Русского географического общества (РГО). Программы этнографического отделения РГО, разосланные по стране, способствовали повышению интереса к собирательской работе. Активными корреспондентами общества стали С.М. Михайлов и другие энтузиасты. Некоторые представленные материалы хранятся в архиве общества, другие тогда же были опубликованы¹³. В трудах официальных статистиков (А.И. Артемьев, А. Глинский, В.И. Арнольдов, М. Лаптев, А. Липинский и др.) в соответствующих разделах отразились сведения о чувашах¹⁴. С образованием в 1878 г. Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) на основе отдела антропологии и этнографии при Казанском университете изучение культуры и быта народов региона поднялось на более высокий уровень. К исследованиям приобщились лица, получившие высшее светское или духовное образование. Их работы публиковались в «Известиях» Общества. Корреспондентами являлись также юристы, учителя, священнослужители из разных мест. Общество выступало и как научно-методический центр. На страницах «Известий» появились программы для сбора этнографических сведений, составленные учеными университета или Казанской духовной академии. Этнографические сведения о чувашах

получили отражение и в многочисленных корреспонденциях и статьях, опубликованных в газетах и журналах, в беллетристической литературе. Данный материал не является научным, но представляет источниковедческий интерес.

Одним из лучших сочинений по этнографии чувашей во второй половине XIX в. является книга А.Ф. Риттиха «Материалы для этнографии России. Казанская губерния» (1870). Сведения в ней представлены по главам, приведены статистические таблицы и этнографическая карта. В книге Н.А. Фирсова с примечательным названием «Инородческое население прежнего Казанского ханства Новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время» впервые были сформулированы основные причины массового переселения чувашей в Закамье, заключавшиеся не только в резком ухудшении социально-экономического положения инородческого крестьянства и росте помещичьего землевладения на их землях, но и в нежелании нерусских народностей принимать насильственно насаждаемую властями новую религию — православие¹⁵.

Значительный вклад в исследование чувашского языка внес лингвист Н.И. Золотницкий, его «Корневой чувашско-русский словарь» создал предпосылку разработки тюркской теории происхождения чувашей. В приложении в виде кратких очерков освещены многие стороны семейных отношений, религиозных верований, праздники и обряды¹⁶. Взаимовлияние чувашей и марийцев в материальной культуре, в частности в одежде, осветил в своих работах о финно-угорских народах Поволжья И.Н. Смирнов¹⁷. Несколько десятков сочинений разного объема об обычном праве чувашей, семье и браке, общественном и семейном быте, религиозных верованиях написал В.К. Магницкий, юрист по образованию и практической деятельности¹⁸. Он был убежден, что культуру народа невозможно изучить изолированно от соседей, поэтому во всех работах пользовался сравнительным методом, например, сопоставляя сведения о религиозных воззрениях чувашей и марийцев. Чаще всего он придерживался принципа сочетания материалов по этнографии и фольклору¹⁹.

Существенную роль в научном изучении истории, культуры и быта чувашей Поволжья и Южного Приуралья сыграли труды В.М. Черемшанского²⁰ и Г.И. Перетятковича²¹. Общее представление об участии чувашских переселенцев в освоении Са-

марского края содержится в работе Б. Ляковского, который ведет историю колонизации самарских земель со второй половины XVII в. и отмечает, что в том процессе последовательно участвовали татары, чувашаи, мордва и только в последнюю очередь — русские²². По мнению Е.А. Ягафовой, несмотря на определенную тенденциозность, работы указанных авторов представляют существенный интерес для изучения особенностей расселения, культуры и быта чувашей, так как содержат значительный фактический материал²³.

Следует отметить, что во второй половине XIX в. (до 1890-х гг.) господствовала полуофициальная, почти «казенная» этнография. Основное количество материалов собиралось людьми, принадлежавшими к гражданской или военной администрации. В конце XIX в. их заменили уже профессионалы-этнографы, языковеды, а также многочисленные местные корреспонденты из числа учителей, студентов, крестьян, священников и др. Например, сельский учитель Г.Т. Тимофеев в 1896—1901 гг. собирал материал о повседневной жизни крестьян культурно-исторической округи, известной под названием «Тăхăрьял» (Девять деревень). Его работа увидела свет лишь в 1972 г. и повторно была переиздана в 2002 г. К этнографическому сбору примкнула немалая часть сельской чувашской интеллигенции и грамотных крестьян. Содержательные этнографические очерки о народном воспитании, культуре и быте чувашей («Записки чувашина о своем воспитании») принадлежат перу Н.М. Охотникова. Работа, написанная в 1888 г., увидела свет лишь в 1920 г.²⁴

В программу Симбирской чувашской школы (1868—1917) входил сбор учениками в каникулярное время сведений этнографического характера. Под руководством преподавателей фольклорно-этнографический материал в том числе записывали казанские семинаристы и слушатели миссионерских курсов.

Для развития этнографической науки важное значение имела организация выставок, например, Всероссийской выставки в 1867 г., научно-промышленной выставки в Казани в 1890 г., где экспонировались коллекции народной, в том числе чувашской, одежды и др. В пореформенное время увеличилось число корреспонденций и статей в газетах и журналах, в которых содержались сведения о положении чувашского населения, его экономике, быте, мировоззрении и т.п.²⁵

В этнографическом изучении чувашей несомненны заслуги Н.И. Ашмарина, выпускника Лазаревского института восточных языков, в последующем члена-корреспондента АН СССР. Он всю жизнь посвятил изучению чувашского языка и культуры. Наиболее значимым в этнографическом аспекте является его труд «Болгары и чуваш» (1902), в котором на данных языка с привлечением материалов по истории и этнографии обоснована болгарская теория происхождения чувашей. Непреходящее значение имеет его 17-томный «Словарь чувашского языка» (1928—1950). Богатый лексический материал для него Н.И. Ашмарин собрал еще в досоветское время с участием большой группы работавших по его программе корреспондентов. Словарь остается бесценным источником фактического материала по этнографии чувашей. Некоторые словарные статьи — это своеобразные краткие очерки о тех или иных явлениях культуры и быта. Фольклорно-этнографические сведения, собранные при подготовке словаря, хранятся в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук и составляют более 30 томов.

Вопрос о разделении чувашей на этнографические группы поднял Н.И. Ашмарин в своем словаре при рассмотрении слова «анатри», а с научных позиций его впервые поставил и довольно удачно осветил только этнограф Г.И. Комиссаров. Разделение чувашей на три субэтнические группы он обосновал на значительном фактическом материале в исследовании «Чуваши Казанского Заволжья», выполненном по заданию ОАИЭ еще в период обучения в Казанской духовной академии. Основными критериями ученый считал диалектные особенности языка и одежды²⁶.

Яркой страницей в истории этнографии чувашского народа является деятельность Н.В. Никольского, составившего несколько программ сбора материала. Корреспонденты из числа учителей, священников, просто грамотных крестьян, а также учащиеся и студенты предоставляли ему свои записи. Н.В. Никольский является автором первого систематического курса этнографии чувашского народа «Краткий конспект по этнографии чуваш»²⁷ (переиздана отдельной книгой в 1919 г.). В указанном труде он выделил четыре этапа развития этнографических знаний о чувашах. До него вопрос о периодизации этнической истории чувашей почти не рассматривался. Эта тема получила развитие и в

других его работах: «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI—XVIII веках», «Прошлое чувашского народа», «Известия иностранцев и путешественников по России о чувашском народе с древнейших времен до XIX в.», «К вопросу о происхождении чуваш»²⁸. От научных изысканий других исследователей (М.П. Петров-Тинехпи, Г.И. Комиссаров, Д.П. Петров-Юман и др.) работы Н.В. Никольского отличаются более строгим подходом к проблеме этногенеза чувашского народа и стремлением делать аргументированные выводы.

В трудах Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского и Г.И. Комиссарова, а также некоторых других авторов рассматриваемого времени отчетливо проявляется сугубо научное направление — изучение быта и культуры, языка конкретного этноса. К ним примыкают работы их учеников и последователей — статьи, опубликованные в научных журналах, газетах. Нередко они имеют описательный характер и относятся, как правило, к отдельным селениям.

В своем историографическом обзоре в монографии «Чуваши» (1956) Н.И. Воробьев указал, что в досоветский период многие авторы уделяли внимание технике традиционного хозяйства чувашей, описанию земледельческих орудий, способов посева, уборки и обработки хлебов, особенно способов их сушки. Освещение получили также занятия чувашей (ткачество, окрашивание тканей, выделка кожи)²⁹. В свое время довольно подробно описал способы обработки кожи и технику окрашивания тканей академик И.Н. Лепехин. Следует отметить, что при описании хозяйства чувашей авторы досоветского времени основное внимание обращали на обряды, сопровождавшие те или иные занятия, а не на технику и организацию их.

Значительно больше материалов было опубликовано по другим разделам быта и культуры чувашей: по общественному и, особенно, семейному быту, духовной культуре, преимущественно по религиозным верованиям и обрядам, а также по народному творчеству. Общественные и семейные отношения у чувашей освещались в дореволюционной литературе многими авторами, начиная с первых академиков. По мнению Н.И. Воробьева, «более глубоко коснулись общественных отношений В.А. Сбоев, а затем В.К. Магницкий, которые довольно подробно описали старинную чувашскую общину и патриархальные отношения в семье. Их описания богаты фактами, но изложены они тоном

беспристрастных наблюдателей. Совершенно по-другому к вопросу об общественных отношениях подошел С.М. Михайлов. В своих художественных, публицистических и научных очерках он подверг серьезной критике и обличению произвол царских чиновников и гнет патриархально-феодалной верхушки и нарождавшегося кулачества над трудовыми массами чувашской деревни»³⁰.

В досоветское время значительное внимание обращалось на традиционные религиозные верования, праздники и обряды. В большинстве своем эти описания выполнены священнослужителями из чувашей (К.П. Прокопьев, А.С. Иванов, Д.Ф. Филимонов и др.) или учителями. В их публикациях на первый план выступает миссионерское направление³¹. Как отмечал И.Н. Смирнов, в Поволжском регионе чувашей называли оракулами природы за точность прогнозов³². А.В. Смоленский по разработанной им программе через широкую сеть корреспондентов, прежде всего учащихся Симбирской школы, где он преподавал, собрал и опубликовал большое количество народных примет³³.

Интерес к народам Поволжья, в том числе к чувашам, проявили и зарубежные ученые. В обобщающем труде венгерского ученого А. Вамбери содержатся сведения о культуре, быте, обычаях и обрядах, устном народном творчестве чувашей³⁴. В 1900 г. в чувашских селениях Симбирской губернии этнографический и фольклорный материал собирал финский ученый Х. Паасонен. Его работа об обычаях и обрядах, народной поэзии чувашей издана через 30 лет после его смерти³⁵. С целью изучения чувашского языка, этнографии и фольклора по командировке Венгерского комитета Международного общества Средней и Восточной Азии в чувашских селениях Казанской и Симбирской губерний с осени 1906 по февраль 1908 г. собирал материал венгерский исследователь Д. Месарош. Его труд «Памятники старой чувашской веры» является первым научным исследованием по чувашским верованиям и мифологии³⁶.

Всего более 200 работ было опубликовано в досоветское время по вопросам этнографии чувашей. Н.И. Воробьев подразделяет их на две основные группы: работы оригинальные, опирающиеся на собственные наблюдения авторов, и работы компилятивные, в которых более или менее умело использованы данные оригинальных работ, представляющие в лучшем случае сводки, а в худшем — простое описание³⁷. К оригинальным работам

Н.И. Воробьев отнес исследования И.Г. Гмелина, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, И.И. Лепехина, П.И. Рычкова, К. Мильковича, А.А. Фукс, В.А. Сбоева, В.И. Лебедева, Г.И. Комиссарова, Н.В. Никольского, а также С.М. Михайлова, В.К. Магницкого, А.В. Рекеева, К.П. Прокопьева, А.В. Смоленского, И.Д. Никитина (Юрки) и некоторых других. В эту же группу он включил ценные этнографические данные, изложенные в словарях и других работах Н.И. Золотницкого и Н.И. Ашмарина. Компилятивными, по мнению Н.И. Воробьева, являются работы И.Г. Георги, К.В. Миллера, А.Ф. Риттиха (наиболее удачная сводка, послужившая сама источником для многих компиляций), М. Лаптева, В.Н. Майнова, И.Н. Сырнева, А.Н. Спасского, весьма известные широкому кругу читателей-неспециалистов.

Подытоживая, следует отметить, что своеобразным «золотым» периодом чувашской этнографии является конец XIX — начало XX в. Благодаря неумолимой деятельности Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского и их учеников было собрано значительное количество материала почти обо всех сторонах культуры и быта чувашей. Разным являлся уровень подготовки корреспондентов, неравновеликой научная ценность сообщений. Тем не менее в целом они представляют тот корпус источников по этнографическому изучению чувашей, равный которому в более поздние времена уже не собирался. Эти сведения относятся к тому периоду, когда разрушающие традиционную (т.е. «патриархальную») культуру веяния индустриального капиталистического (или товарно-денежного) общества в народный быт еще не проникли. Огромные социально-экономические потрясения последующего времени основательно изменили этнокультуру народа.

Литература

¹ См.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. 1517—1526 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 128, 134; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: А.А. Суворин, 1906. С. 364, 369.

² См.: *Филиппов А.Г.* Изучение поселений и жилищ чувашей: (историография вопроса) // Современные этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары, 1979. С. 100 (Труды / ЧНИИ; вып. 94).

³ См.: *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб.: Тип. Императ. академии наук, 1771.

⁴ См.: *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Тип. Императ. академии наук, 1773. Ч. 1.

⁵ *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Императ. акад. наук, 1799. Ч. 1. С. 35.

⁶ *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. СПб.: Изд-во Б.И., 1791. С. 9.

⁷ См.: *Милькович К.С.* О чувашах // Северный архив. 1827. 4.27, № 9. С. 47—67; № 10. С. 120—139; № 11. С. 210—232.

⁸ См.: *Масленицкий Т.Г.* Краткое топографическое описание Симбирской губернии // Древняя российская Вивлиофика. Изд. 2-е М.: [б.и.], 1791.

⁹ См.: *Фокин П.П.* Этнологическое изучение чувашей // Чуваши: актуальные аспекты антропологии. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. С. 36.

¹⁰ См., например: *Gmelin L.-G.* ReisedurchSibiren. Gottingen, 1751. Bd. 1.

¹¹ См.: *Матвеев Г.Б.* Изучение этнографии чувашского народа в первой половине XIX века // Вопросы историографии историко-этнографического изучения Чувашии. Чебоксары: ЧНИИ, 1981. С. 3—33.

¹² *Фукс А.А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Тип. Императ. Казан. ун-та, 1840.

¹³ См.: *Денисова (Вовина) О.П.* Русское географическое общество и его вклад в этнографическое изучение чувашского народа // Вопросы истории Чувашии периода капитализма. Чебоксары: ЧНИИ, 1986. С. 30—47.

¹⁴ См.: *Артемьев А.И.* Общие сведения о [Казанской] губернии // Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. XIV: Казан. губерния: Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб.: Центр. стат. ком. МВД, 1866. С. 1—26; *Глинский А.* Чуваша Бутурусланского уезда Самарской губернии: (Материальный и нравств. быт их) // Записки Казанского экономич. о-ва. 1859. Ч. 3. № 9. Отд. 2. С. 19 34; *Арнольдов В.И.* Из путевых заметок по Буинскому уезду // Симбирские губернские ведомости. 1866. № 6. Ч. неофиц.; *Липтев М.* Казанская губерния: Материалы для географии и статистики России. СПб.: Военная тип., 1861; *Липинский А.* Симбирская губерния: (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба): в 2 ч. СПб.: Военная тип., 1868.

¹⁵ См.: *Фирсов Н.А.* Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань: [б.и.], 1869.

¹⁶ См.: *Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1875.

¹⁷ См.: *Смирнов И.Н.* Черемисы. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1869.

¹⁸ См.: *Магницкий В.К.* Материалы для этнографии костюма пригородных чебоксарских крестьян в прошлом столетии // Казанские губернские ведомости. 1873. № 45. Ч. неофиц.; *Его же.* Материалы к объяснению старой чувашской веры: (Ирихи. Киремети. Браки). Казань: Комис. миссионерск. противомусульманск. сборника при Казан. духовной академии, 1881; *Его же.* Из быта чуваш Казанской губернии // Этнографическое обозрение.

1893. № 3. Кн. 18. С. 131—138; Магницкий В.К. — исследователь быта и культуры чувашей: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1989.

¹⁹ См.: *Филиппов А.Г.* Указ. соч. С. 108.

²⁰ См.: *Черемшанский В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: Изд-во Мин-ва гос. имущества, 1859.

²¹ См.: *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV и XVI вв.: Очерки истории края и его колонизации. М.: Тип. Грачева и К°, 1877; *Его же.* Поволжье в XVII и начале XVIII вв. Одесса: Тип. Грачева и К°, 1882.

²² См.: *Ляковский Б.* Материалы для статистического описания Самарской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1860. Ч. 43. Отд. 3. С. 1—95.

²³ См.: *Ягафова Е.А.* Чуваша Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII — начало XX в.). Чебоксары: ЧГИГН, 2007. С. 21.

²⁴ *Охотников Н.М.* Записки чувашина о своем воспитании (1888 г.) // ИОАИЭ. Т. 31. Вып. 1. Казань, 1920.

²⁵ См.: *Матвеев Г.Б.* Историография изучения материальной культуры чувашского народа: Дореволюц. период // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии. Чебоксары: ЧНИИ, 1983. С. 92.

²⁶ См.: *Комиссаров Г.И.* Чуваша Казанского Заволжья // ИОАИЭ. Т. 27. Вып. 5. Казань, 1911. С. 331—432.

²⁷ См.: *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш // ИОАИЭ. Т. 26. Вып. 6. Казань, 1911.

²⁸ См.: *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. В 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. Т. 1; 2007. Т. 2; 2008. Т. 3; 2009. Т. 4.

²⁹ См.: Чуваша: Этнографическое исследование. Ч. 1: Материальная культура. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1956. С. 19—20.

³⁰ Там же. С. 20.

³¹ См.: *Иванов А.С.* К характеристике культуры чуваш: Краткий исторический очерк о с. Ибрайкино Бугурусланского уезда и о его жителях // Самарский вестник. 1984. № 24; *Прокопьев К.П.* Похороны и поминки у чуваш // ИОАИЭ. Т. 19. Вып. 5—6. Казань, 1903. С. 215—250; *Филимонов Д.Ф.* Приход Христорождественской церкви села Таурма Бутульминского уезда Самарской епархии // *Чичерина С.В.* У приволжских инородцев: Путевые заметки. СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1905.

³² См.: *Смирнов И.Н.* Чуваша // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Семеновская типолит. И.А. Ефрона, 1903. Т. 38а. С. 933—938.

³³ См.: *Смоленский А.В.* Чувашские приметы о погоде и влиянии ее на сельское хозяйство // ИОАИЭ. Т. 13. Вып. 3. Казань, 1895. С. 147—221.

³⁴ См.: *Vambery H.* Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1985. Т. 3.

³⁵ См.: *Paasonen H.* Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwassen Herausgedeben von E. Karakha und M. Räsänen: Memoires de la Societe Finno-ougrienne. Helsinki, 1949. XCIV.

³⁶ См.: *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры. Чебоксары: ЧГИГН, 1997.

³⁷ См.: Чуваша. С. 16.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ДИАСПОРНЫХ ГРУПП ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Современные чуваши — один из крупных российских народов. Согласно переписи 2010 г., в Российской Федерации насчитывается 1435,8 тыс. чувашей. Более половины чувашей (56,7 %) проживают в Чувашской Республике, где составляют 67 % ее населения. В то же время исторически значительная часть народа (43,3 %) территориально рассредоточена вне Чувашской Республики, в других регионах России, прежде всего в Поволжье (23,0 %), Приуралье (10,0 %) и Западной Сибири (3,7 %). Наиболее многочисленные группы чувашей проживают в республиках Татарстан (116,3 тыс.) и Башкортостан (107,5 тыс.); в Ульяновской (95,0 тыс.), Самарской (84,1 тыс.) и Оренбургской (12,5 тыс.) областях. Кроме того, чувашская диаспора представлена и в ближнем зарубежье: в Украине, Узбекистане и Казахстане¹.

Вопросами расселения и динамики численности чувашей, особенностями их размещения в различных регионах страны, а также спецификой культуры, быта и языка различных территориальных групп народа задавались многие исследователи, путешественники и краеведы, но в большинстве случаев попутно, при рассмотрении других проблем. К настоящему времени накоплен и частично опубликован значительный материал, характеризующий отдельные аспекты истории расселения чувашей на территории Волго-Уралья, различные стороны их традиционной культуры, хозяйственной деятельности, общественного и семейного быта, особенности говоров-диалектов, народных знаний, художественного творчества и современных этнических процессов.

Пожалуй, одним из первых, кто не только обозначил, но и назвал историко-этническую территорию чувашей, был австрийский дипломат С. Герберштейн, побывавший в России в 1517 и 1526 гг.: «...беличьи шкуры доставляются тоже из разных мест, наиболее широкие из Сибири, а те, что благороднее всех прочих, — из Чувашии, недалеко от Казани <...> Черемисы же

живут за Волгой на север; для различения от них живущие около Новгорода называются черемисами верхними или горными...»².

О территории расселения чувашей говорится и в книге Адама Олеария (1636): «Здесь появляются другого рода татары, а именно черемисы. Они тянутся далеко за Казань, живут по обе стороны Волги <...> Те из них, что живут направо от Волги, именуются “нагорными”»³.

А.Л. Шлецер — немецкий историк, живший в 1761—1767 гг. в России, — писал: «Чуваши, как они сами себя называют, живут, главным образом, по правому берегу Волги в Казанской губернии. Но многие переселились в Оренбургскую губернию, где русские называют их “горные татары”»⁴. Кстати, данный факт подтверждает, что русские и другие народы воспринимали чувашей как «татарское племя», как выходцев с правого («нагорного») берега Волги.

Сведения о различных территориальных группах чувашей начинают появляться в основном с середины XVIII в. в результате осуществления Российской академией наук целого ряда экспедиций. В печатных трудах их участников — академиков И.Г. Гмелина, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, И.И. Лепехина, И.П. Фалька, Н.П. Рычкова и И.Г. Георги, посвященных описанию быта обследованных ими народов, в том числе и чувашей, сведений об особенностях географии расселения последних совсем немного⁵. Г.Ф. Миллер в 1743 г. отмечал: «Черемисы, чувашы и вотяки, суть особые три языческие народа в Казанской губернии, которые жилищами своими простираются до 200 верст и выше и ниже города Казани, по обе стороны реки Волги <...> Чуваши живут почти везде большими деревнями так, что в оных по 20, по 80, и по 100 дворов бывает...»⁶.

Значительным источником для изучения различных территориальных групп культуры чувашей Волго-Уральского региона конца XVIII в. является очерк К.С. Мильковича «О чувашах»⁷. В нем говорится о поселениях и жилищах чувашей современных Ульяновской, северной части Саратовской областей и междуречья Волги и Свияги, то есть в целом бывшей Симбирской губернии. Основное внимание К.С. Милькович уделил костюму чувашей, дал ряд новых сведений о холщовой рубашке с вышивкой и нашивками из кумача, описал свадебное женское платье, называемое «*сыткля кёне*». В очерке подмечены особен-

ности остроконечной тухьи и хушпу этнографической группы анатри.

В книге Н.А. Фирсова впервые были рассмотрены вопросы переселения чувашей, татар и мордвы в Закамье⁸. Следует отметить, что историки Среднего Поволжья часто ссылаются на статистические сведения, приведенные в данной работе, однако следует иметь в виду, что не все они точны, тем более что автором отдельные народности и вовсе не выделены.

Об особенностях территориального размещения народов Средневожского региона, в том числе и чувашей, ряд важных сведений имеется в работах П.И. Кеппена, позволяющих сделать интересные выводы о сравнительной динамике численности чувашей и поволжских татар⁹. Приходится признать правомерность критики В.М. Кабузана, что «наша историческая наука даже не освоила большое наследие 40—70-х гг. XIX в. (материалы П.И. Кеппена, обзоры и описания офицеров Генерального штаба, центрального статистического комитета МИД и пр.). Во всяком случае результаты этих ценнейших дореволюционных исследований не только не используются в должной мере, но нередко исследователи утверждают, что не существует вообще никаких материалов о XIX в., кроме данных переписи 1897 г. Особенно это касается “историй” и “очерков” союзных и автономных республик. Складывается представление, что историки на местах вообще не интересуются, сколько насчитывали те или иные народности в прошлом, каковы были группы формирования их этнической общности»¹⁰.

Немалую ценность для изучения переселенческого движения чувашского крестьянства в Поволжье и Приуралье имеют работы Г.И. Рычкова, В.М. Черемшанского и Г.И. Перетятковича¹¹. Об участии чувашских переселенцев в освоении Самарского края общее представление можно получить из работ Б. Ляковского, который историю колонизации самарских земель ведет со второй половины XVII в. и отмечает, что в этом процессе последовательно участвовали татары, чуваша, мордва и только в последнюю очередь — русские¹². Несмотря на определенную тенденциозность, эти работы представляют огромный интерес для изучения переселенческого движения, так как содержат анализ большого фактического материала — государственных актов и

архивных документов, характеризующих официально-исторический ход колонизации.

В отдельных разделах работ П.И. Рычкова освещается ход правительственного заселения территорий нынешней Оренбургской области и Башкирии в середине XVIII в., содержатся краткие описания осевших здесь чувашей, татар, марийцев и др.¹³ Интересные сведения о жилище, одежде и пище приуральских чувашей имеются в статье И.И. Меньшова¹⁴.

Содержательные материалы о приволжских чувашах даны Н.М. Охотниковым, который обратил внимание на особо предпочитаемые предметы костюма и украшения, на праздничные блюда и способы угощения у чувашей¹⁵.

В литературе, как известно, вопрос о разделении чувашей на этнографические группы был поднят Н.И. Ашмариным, но впервые подробно географически локализовал все три группы Г.И. Комиссаров: «1) Чуваши-вирьялы занимают западную часть Казанского Заволжья и в то же время главной Чувашландии, а именно: уезды Ядринский, Козьмодемьянский, западную окраину Чебоксарского уезда Казанской губернии и уезд Курмышский Симбирской губернии <...>; 2) Чуваши-анат енчи живут, главным образом, в Чебоксарском уезде <...> в небольшом количестве живут в Цивильском и Ядринском уездах <...>; 3) Третья группа называется анатри, населяет юго-восточную половину Казанского Заволжья и занимает уезды: Тетюшский, Свияжский, Буинский, большую часть Цивильского, небольшую — Чебоксарского и очень малую часть Ядринского уездов»¹⁶.

В советскую эпоху, после образования в 1921 г. в Чебоксарах «Общества изучения местного края», работа по исследованию этнокультуры чувашского народа определенно оживилась, но касалась она лишь той его части, что была в пределах автономии. В 1920-е гг. выходят в свет работы методического характера, в частности книга Н.В. Никольского «Краткий курс этнографии чуваш» (1928), в которой впервые были опубликованы сведения о расселении чувашей в различных губерниях Российской империи в начале XX в. Некоторые вопросы исторической демографии чувашей получили отражение в другой ранее опубликованной работе Н.В. Никольского — «Кратком конспекте по этнографии чуваш» (1911), в котором особое вни-

мание он обратил на негативные последствия ассимиляционных процессов, имевших место среди чувашей в эпоху доминирования мусульман в Поволжье, а затем и в период «христианизации» инородцев региона¹⁷.

Заслуживают внимания сравнительные данные, основанные на итогах Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., о численности и географии расселения ряда нерусских народов, в том числе и чувашей, содержащиеся в подготовленном Н.В. Никольским специальным сборнике, изданном в 1912 г.¹⁸

Попытка краткого обобщения сведений и материалов, характеризующих особенности расселения чувашей, была сделана в коллективном труде «Чуваши», где один из авторов, Н.Р. Романов, основываясь на материалах Г.И. Комиссарова, уделил большое внимание описанию территориального размещения этнографических групп и подгрупп чувашей¹⁹.

Ряд важных причин и факторов миграции чувашского населения за пределы Чувашского края в XVII — начале XX в. анализируется в работах И.Д. Кузнецова²⁰. Хотя автор и не задавался целью специально рассмотреть данные вопросы, тем не менее в его книгах приводятся весьма интересные статистические сведения, характеризующие миграционную подвижность чувашей на территории наиболее компактного их расселения в западной части Казанской и северо-западных уездах Симбирской губерний.

Среди работ, в которых прямо или косвенно затрагиваются проблемы расселения чувашей в дореволюционный период как в Чувашском крае, так и за его пределами, особое место занимают исследования В.Д. Димитриева. Интересна его работа, специально посвященная детальному рассмотрению истории заселения юго-восточной и южной частей Чувашского края, представляющих собой до его присоединения к Русскому государству «дикое поле»²¹. Согласно его выводам, в юго-восточные и южные районы в XVI—XVII вв. чувашские крестьяне переселялись главным образом из северо-восточных, центральных и частично северных районов.

Ряд принципиальных вопросов исторической обусловленности этнодемографического развития чувашского народа проанализирован В.Д. Димитриевым в статье «О динамике численности

татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII — начале XX веков», в которой было подтверждено, что в указанный период немалая часть чувашей подверглась татарской ассимиляции, которая привела к полной утрате ими своей этнической идентичности²².

Весомый вклад в изучение вопросов расселения и демографии чувашского народа внес П.А. Сидоров. Проанализированный им большой круг статистических данных представлен в статьях «Численность, состав и динамика населения Чувашии в конце XVIII — первой половине XIX в.» и «Численность, состав и динамика населения Чувашии в капиталистический период», опубликованных в 1962 и 1963 гг. в сборниках Чувашского НИИЯЛИЭ, а также в брошюре «Население Чувашии за сорок лет социалистической автономии» (1960)²³. По мнению В.М. Кабузана, «несмотря на то, что П.А. Сидоров использовал далеко не полный круг источников, его труд является своего рода примером», но одновременно он высказывает сожаление, что П.А. Сидоров «оставил без внимания территории, не вошедшие в состав Чувашской АССР. Как показывают данные V—X ревизий, в I половине XIX в. весьма большие группы чувашей компактно проживали за пределами той территории, которая ныне вошла в состав этой республики»²⁴. Относительно данного замечания В.М. Кабузана удивляться не приходится, так как «узкореспубликанский» подход П.А. Сидорова к вопросам расселения чувашей, как, впрочем, и у исследователей других аспектов чувашеведения, как раз и отражает имевшее место в советскую эпоху невнимание и науки, и направляющих ее деятельность партийно-государственных органов к проблематике диаспорных групп чувашского народа.

Новые и интересные материалы о динамике численности и территориальном размещении чувашей в дореволюционную эпоху приводятся в двух монографических работах В.М. Кабузана, посвященных рассмотрению движения народов России XVIII — первой половины XIX в.²⁵ Хотя анализируемые им данные о чувашах имеют общий характер и представлены в относительных показателях, однако в целом они публикуются впервые и представляют для чувашеведов исключительный интерес. Особенно важны выводы В.М. Кабузана по вопросу «отатаривания» чувашей в XVIII — начале XIX в. На этот счет исследователь

доказательно утверждает, что данный процесс начался в 50-х гг. XVIII в. и затронул именно некрещеных чувашей, причем «получил распространение в тех уездах Казанской и Оренбургской губерний, где чувашаи проживали среди численно преобладавшего татарского населения... В то же время в уездах, где татар было мало или совсем не было, удельный вес чувашей почти не менялся»²⁶.

Следует отметить, что в изданиях, вышедших в свет в Москве и Санкт-Петербурге как в досоветское время, так и в XX в., данные о численности и территориальном размещении чувашей в России опубликованы только в общем виде. Можно сказать, что единственным исключением являются труды В.М. Кабузана. В советское время во всех центральных этнодемографических публикациях речь шла только о «крупнейших» титульных народах союзных республик. Если и случались исключения из этого «правила», то они касались практически лишь татар.

Весомый вклад в изучение вопросов происхождения и формирования народов Волго-Уралья внесла монография Р.Г. Кузеева²⁷. Особое внимание автором уделено вопросам колонизации региона, особенностям расселения и роли миграции этнических групп, в том числе и чувашей, в хозяйственно-культурном освоении и межэтническом взаимодействии в Волго-Уралье.

Дефицит письменных источников по многим аспектам истории Чувашского края и чувашского народа, особенно касающимся его диаспорных групп, заставляет исследователей обратить внимание и на произведения устного народного творчества. Подобного рода интересные, а нередко полностью научно согласуемые материалы, поддержанные архивными источниками, легли в основу книги В.Д. Димитриева, в специальных разделах которой приводятся и анализируются легенды и предания о заселении и хозяйственном освоении чувашскими переселенцами южной части Уральского края и новых земель в Среднем Поволжье и Приуралье²⁸.

Начиная со второй половины 1980-х гг. по вопросам расселения чувашей от древности до современности появились работы В.П. Иванова, в которых особое внимание обращено на проблематику формирования диаспорных групп этноса. Кроме того, исследователем были сделаны попытки изучения особенностей происходящих в диаспоре этнических и демографических процессов²⁹.

Особую группу работ по проблематике расселения чувашей составляют публикации, специально посвященные чувашскому населению отдельных регионов страны. Следует признать, что таких исследований немного, интерес к теме актуализировался лишь в 1990-е гг. Одной из первых работ такого плана стала брошюра Д.Г. Коровушкина «Чуваши Западной Сибири»³⁰. В ней содержится ряд интересных материалов, в том числе и статистических, о расселении чувашских первопоселенцев на территории современных Омской, Томской, Тюменской и других областей. Немало внимания уделено правительственной переселенческой политике начала XX в. и современному этническому состоянию сибирских чувашей. Проблематика диаспорных групп чувашей Западной Сибири нашла отражение в докторской диссертации Д.Г. Коровушкина «Диаспоры в Западной Сибири: особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX — начале XXI в.» (2010). В исследовании рассмотрено чувашское население наряду с латышами, немцами и эстонцами, расселенными на территории современного Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областей в рамках массивов, сформировавшихся до первой трети XX в. В работе большой интерес представляют материалы, характеризующие особенности этнокультурной адаптации чувашских переселенцев в Сибири.

Попытка реконструкции основных этапов истории формирования группы приуральских чувашей в период до начала XX в. прослеживается в работе И.Г. Петрова. Конечно, предлагаемая им периодизация носит весьма условный характер, однако она представляется в основном верной. Автор выделяет три этапа: *первый* (середина XVII — 30—40-е гг. XVIII в.) связан с широкомасштабным строительством оборонительных линий русским правительством; *второй* (30—40-е гг. XVIII — начало XIX в.) обусловлен переходом от военной колонизации к вольной (крестьянской) и началом развития в крае горнозаводской промышленности; *третий* (XIX—XX вв.) когда власти предпринимают меры по регулированию миграции путем предоставления ряда льгот и пособий³¹.

Из работ, имеющих отношение к зоне основного расселения чувашей — Среднему Поволжью, следует выделить основа-

тельное научное исследование Е.А. Ягафовой, в котором на основе различных источников рассмотрены история и факторы расселения чувашей в Самарском Заволжье XVII—XVIII вв., некоторые особенности этнокультурного облика данной этнотерриториальной группы³². В частности, автором дано обоснование причин переселения их из северной территории края в южные, а также из Саратовской и Пензенской губерний. По ее мнению, крестьянская колонизация края проходила в рамках общегосударственной политики освоения заволжских и приуральских земель, а также в русле русификации и христианизации нерусских народов Поволжья, что именно в этом смысле следует рассматривать причины переселения большого количества чувашей в Самарское Поволжье. Политика же царского правительства определила, в итоге, социально-конфессиональные характеристики переселенцев — участие преимущественно служилых и некрещеных чувашей.

Следующее исследование Е.А. Ягафовой стало первой работой по изучению этнотерриториальных групп чувашей в Урало-Поволжье с точки зрения культурной диалектологии³³. Здесь представлена история их формирования в XVII—XIX вв., языковые и этнокультурные особенности на примере говоров, традиционного женского костюма, брачной и календарной обрядности. Работа вносит существенный вклад в изучение структуры чувашского этноса. Согласно выводам автора, формирование этнотерриториальных групп (ЭТГ) происходило в XVII—XIX вв. в четырех природно-географических зонах Волго-Уралья: Приволжье, Закамье, Заволжье и Приуралье. Е.А. Ягафова насчитывает всего шесть ЭТГ: приволжская (на правом берегу Волги), закамская, заволжская (левобережье Волги, сокско-кинельское междуречье), бузулукская, прибельская (бассейн р. Белой) и приикская (бассейн р. Ик).

В 1998 г. в Ульяновске вышла в свет книга группы авторов «Чуваши Симбирского Поволжья», в которой приводятся некоторые общие статистические данные по этнографии чувашского населения региона. Впрочем, для такого рода изданий были бы более полезными конкретные, «дробные» материалы о сельских населенных пунктах, о численности чувашского населения в них, об истории возникновения селений и связанных с этим преданиях и легендах.

Отдельную группу работ по этнографической тематике составляют небольшие по объему и, как правило, конкретные по содержанию публикации об истории возникновения в том или ином регионе и в разные периоды чувашских населенных пунктов. В книге «Хрестоматия по чувашской диалектологии» (1970) А.С. Канюковой приведен ряд данных о возникновении чувашских селений в Аургазинском и Бижбулякском районах Башкортостана. Немало сведений о чувашских селениях в Ульяновской и Самарской областях содержится в собранных Ст. Мельниковым «Актах исторических, юридических и древних царских грамотах Казанской и соседних губерний» (1859. Т. 1. С. 344)³⁴. История появления многих чувашских селений в междуречье Волги и Свияги (территория Татарстана), в частности по реке Карле, основательно затронуты В.Д. Димитриевым³⁵.

О возникновении чувашских селений в Бугурусланском уезде, а также в Исаюгинском и Сергиевском районах Самарской губернии говорится в записках А. Глинского. Ряд данных о чувашских селениях в Самарском крае и Башкортостане приведен в трудах Т.А. Земляницкого, Ф.Н. Никифорова, М. Гребнева³⁶.

Следует подчеркнуть, что множество сведений об истории возникновения чувашских населенных пунктов на территории областей и республик Волго-Уралья находится в рукописном фонде К.В. Элле в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, и они ждут своего исследователя.

Отметим, что ряд конкретных этнографических сведений о бытовой культуре, обрядах, традициях, праздниках, мировоззрении и психологии чувашских крестьян содержится в небольших публикациях дореволюционных авторов, преимущественно священнослужителей. Они, во-первых, представляли наиболее грамотную часть населения; во-вторых, по служебной необходимости интересовались повседневной религиозно-обрядовой жизнью местного населения, языческо-православная синкретическая специфика которой особенно рельефно проступала в похоронно-поминальной обрядности. В ходе ее освещения авторы публикаций попутно касались самых разных сторон этнокультуры чувашей. На этот счет весьма подробные описания имеются по чувашам Симбирской губернии конца XVIII и XIX в., в частности у К.П. Прокопьева и К.С. Мильковича. Поминальные обряды чувашей Буинского уезда Симбирской

губернии получили освещение в работе Н.И. Ильминского, а похоронные обряды чувашей этого же края описал в своих этнографических очерках К.П. Макарецв. Комплекс похоронно-поминальных обрядов буинских чувашей нашел отражение в 1894 г. в публикации Ф. Добромыслова. В отличие от других авторов, последний сделал попытку сравнения языческих обрядов с христианскими. А. Вышеславцев в 1884 г. опубликовал работу о чувашских языческих похоронах и поминальных обычаях, бытовавших в Симбирской губернии во второй половине XVIII в. Традиции чистопольских чувашей-язычников описал С.Н. Тимрясов (1876)³⁷.

Похороны и поминки поволжских чувашей конца XIX в. рассмотрены в публикациях Н.Т. Каменского (Никонор) (1870), В.И. Михайлова (1881), саратовских чувашей — М.Н. Минха (1890), самарских — В.Н. Никифорова (1904). И. Дерюжев, описывая поминальные обряды чувашей Бутурусланского уезда Самарской губернии, обращает внимание и на чувашей, проживающих в западной части Башкирии (1874). Похоронно-поминальные обряды стерлитамакских чувашей Уфимской губернии нашли отражение в публикации П. Сухарева (1881)³⁸. Много ценных сведений по данному вопросу поступило в свое время из Башкирии Н.В. Никольскому³⁹.

В первые десятилетия (1920—1950-е гг.) советской автономии чувашские этнографы были сосредоточены на изучении только той части народа, что проживала на территории Чувашской АССР, что не способствовало глубокому исследованию всех сторон жизни этноса. Кстати, еще в 1928 г. на это обратил внимание Н.В. Никольский: «В ряде новейших работ наблюдается полумеханическое слияние этнографии с элементами социально-экономических наук... В результате получаются краеведческие работы вроде “Чувашского края”»⁴⁰. Пусть и не открыто, но он не был удовлетворен тем, что «исследователи замыкаются только границами республики», чего сам не мог допустить. Действительно, только начиная с 1960-х гг. появляется интерес к истории, культуре и языку диаспорных групп народа. Состоялись несколько экспедиций Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне — ЧГИГН) в регионы Поволжья и Приуралья. В 1961—1987 гг. были обследованы

чувашские селения Татарской АССР, Куйбышевской, Ульяновской, Саратовской, Оренбургской областей и Башкирской АССР.

Первая комплексная научная экспедиция по изучению диаспорных групп чувашей состоялась в 1929 г. Снаряженная чувашской секцией при Обществе по изучению Башкирии экспедиция в составе членов секции, а также антропологов АН СССР и студентов Уфимского чувашского педтехникума, в течение полутора месяцев обследовала селения Слакбаш, Кош-Елга, Кистенли-Богданово, Базлык, Бижбуляк, Елбулак и Зириклы Белебеевского кантона.

Комплексная экспедиция ученых Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР в Татарскую АССР, Ульяновскую и Куйбышевскую области была снаряжена в 1961 г. 11 сотрудников института в течение 30 дней вели сбор материала в 20 чувашских селениях указанных регионов. Экспедиция в 1962 г. посетила четыре района Башкирской АССР и один район Оренбургской области. Экспедиции 1961 и 1962 гг. подтвердили, что те научные знания, которые имелись относительно диаспоры, являются крайне неинформативными и скудными.

Учитывая недостаточную изученность различных этнотерриториальных групп чувашей, летом 1984 г. институт снарядил новую комплексную экспедицию в Татарскую АССР, Куйбышевскую и Ульяновскую области в составе 15 сотрудников. Обследованием удалось охватить 22 чувашских селения 11 районов указанных территорий⁴¹. Собранный материал включает в себя многие сотни текстов песен, исторических преданий и мифов, поговорок и пословиц, описаний языка местных чувашей, их поселений, жилищ, построек, костюмов, магнитофонных записей народных мелодий, рисунков языческих памятников и фотографий. Весь материал хранится в архиве института и находится в научном обороте.

Очередная комплексная экспедиция к приуральским чувашам состоялась в 1987 г. (т.е. по прошествии 25 лет после первой). Члены экспедиции в 7 районах Башкирии в общей сложности посетили 26 чувашских селений, а в Оренбургской области — 4 селения в Абдулинском районе⁴².

Собранные в ходе двух указанных крупных комплексных экспедиций 1984 и 1987 гг. материалы оказались весьма содержательными и многообразными. Выяснилось, что язык и тра-

диционная культура чувашей обследованных регионов Поволжья и Приуралья в целом аналогичны языку и культуре низовых чувашей, проживающих в южных и юго-восточных районах Чувашии. Полученные накануне периода либерализации («перестройки») советского общества «живые» наблюдения и конкретные данные оказались весьма кстати тем, что они заставили научную интеллигенцию, представителей органов власти Чувашии и регионов не просто говорить об истинном положении дел и о негативных явлениях, но и предлагать конструктивные решения по оптимизации проблем, накопившихся в национально-культурной жизнедеятельности различных этнотерриториальных групп чувашского народа.

Следует отметить, что всегда большой проблемой было и остается изучение этнических процессов в чувашской диаспоре статистическими, этносоциологическими методами. Если в 1981—1982 гг. на территории Чувашской АССР подобное масштабное исследование удалось осуществить под руководством ученых Института этнографии АН СССР во главе с В.В. Пименовым, более того, опубликовать его результаты отдельной монографией в Москве⁴³, то касательно диаспоры такого рода попытки не увенчались успехом. Единственно лишь в ходе проведения исследования по аналогичной же программе в Башкирии в 1985 г. местное чувашское население было охвачено опросом, однако его итоги появились лишь в единичных публикациях. Впрочем, на их основе И.Г. Петровым в 1990 г. была защищена кандидатская диссертация на тему «Современные этнические процессы среди сельского чувашского населения в Башкирской АССР»⁴⁴.

Многообещающий характер в плане получения конкретных данных, позволяющих осуществить сравнительный анализ происходящих в диаспоре процессов и составить определенное представление об их особенностях и направленности, имело начатое в 1994 г. совместное исследование Министерства культуры и по делам национальностей Чувашской Республики и кафедры этнологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Однако в связи с недостатком средств были получены неполные и предварительные данные, в частности был собран материал лишь по чувашам Пензенской области.

Комплексная экспедиция ученых ЧГИГН, состоявшаяся в 2000 г., изучила этнокультуру нескольких смежных районов

Ульяновской и Саратовской областей. Собранный полевой материал в последующем лег в основу книги «Симбирско-саратовские чуваша»⁴⁵. Очередная экспедиция была организована в 2002 г. в рамках грантового проекта «Чуваши Приволжского федерального округа» в 15 крупных селениях Буинского, Тетюшского и Дрожжановского районов Татарстана и Цильнинского района Ульяновской области. В последующем на материалах данной экспедиции и дополнительно привлеченного широкого круга сведений коллективом авторов (В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, А.П. Долгова, М.Г. Кондратьев, Е.А. Ягафова и др.) была подготовлена и издана в 2014 г. монография «Чуваши Присвияжья»⁴⁶.

В целом, в конце XX в. отмечалось усиление внимания чебоксарских ученых к диаспоре. Примечательно, что данная проблематика заинтересовала и московских этнологов. Так, в ежегоднике Института этнологии и антропологии РАН «Расы и народы...» в 2003 г. были опубликованы статьи по вопросам диаспорных групп этноса сразу четырех чувашских авторов — В.П. Иванова, Е.А. Ягафовой, М.Г. Кондратьева и Г.Б. Матвеева⁴⁷.

С начала 1990-х гг. национально-культурная жизнь в чувашской диаспоре приобрела достаточно организованный характер, активно заработали различные общества, центры и объединения. Вместе с тем становится все очевиднее, что в настоящее время не хватает сведений о состоянии и характере этнических и социально-демографических процессов, переживаемых на протяжении последних десятилетий отдельными региональными группами чувашей.

К сожалению, статистические материалы о чувашской диаспоре вплоть до середины 1990-х гг. оставались известными лишь довольно узкому кругу исследователей, хотя некоторые фрагментные сведения и появлялись в печати. Исходя из острой необходимости восполнения дефицита такой информации, В.П. Ивановым в 1999 г. был издан справочник «Чувашская диаспора»⁴⁸. В него вошли статистические материалы, характеризующие в общем плане динамику численности и географию расселения чувашей во всех регионах России, где они были учтены переписями населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. При этом сведения о динамике чувашского населения даны в разрезе городских и сельских поселений, а также административных

районов. Следует отметить, что после выхода в свет указанного справочника в стране состоялись уже две переписи населения — в 2002 и 2010 гг. В связи с этим существует острая необходимость более широкого вовлечения их материалов в научный оборот.

Обстоятельное освещение получили статистические материалы по проблеме диаспорных групп чувашей в монографии В.П. Иванова, в которой рассматриваются вопросы исторической динамики численности и расселения чувашского народа, формирования этнической территории, образования диаспорных групп этноса в различных регионах России, региональные особенности этнических процессов⁴⁹. Большим шагом в научном освещении значимых и важных сторон этнографии чувашского народа, в том числе и его этнотерриториальных групп, явился выход в свет в 2017 г. крупной академической монографии «Чуваши» (отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова), написанной коллективом ученых ЧГИГН, Института этнологии и антропологии РАН и вузов Чебоксар и Самары⁵⁰. В данный труд вошли результаты новейших исследований по вопросам происхождения чувашей, их этнической и социально-политической истории, традиционной культуры, современных этнических и демографических процессов. Значительное внимание уделено чувашам, живущим за пределами Чувашской Республики. В издание вошли сюжеты, которые ранее не включались в обобщающие монографии по этнографии чувашей, расселенных в других регионах России, а ряд тем изложен по-новому. В целом, монография отражает достигнутый на данном этапе уровень научно-исторического знания обо всех территориальных группах чувашского народа.

Литература

¹ См.: Чуваши. М.: Наука, 2017. С. 109—126. (Народы и культура).

² *Герберштейн* С. Записки о Московии 1517—1526 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 128, 134.

³ *Олеарий* А. Описания путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: А.А. Суворин, 1906. С. 364.

⁴ Цит. по: История родного края: хрестоматия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. С. 176.

⁵ См.: Археология и этнография Чувашской АССР: библиогр. указатель. Чебоксары: ЧНИИ, 1986.

⁶ *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. СПб.: [б.и.], 1791. С. 1, 7, 10.

⁷ См.: *Милькович К.С.* О чувашах // Северный архив. 1827. Ч. 27. № 9. С. 47—67; № 10. С. 120—139; № 11. С. 210—232.

⁸ См.: *Фирсов Н.А.* Инородческое население прежнего Казанского ханства новой России до 1762 года и колонизации закамских земель. Казань: [б.и.], 1869. 448 с.

⁹ См.: *Кеппен П.И.* Об этнографической карте Европейской России по уездам губерний и областей. СПб.: Императ. географ. о-во, 1853.

¹⁰ *Кабузан В.М.* Народы России в первой половине XIX века. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. С. 48.

¹¹ См.: *Черемшанский В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: Изд-во Мин-ва гос. имущества, 1859; *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV и XVI вв. (Очерки истории края и его колонизации). М.: Тип. Грачева и К°, 1877; *Его же.* Поволжье конца XVII и начала XVIII вв. Одесса: Тип. Грачева и К°, 1882; *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Оренбург. губ. стат. ком., 1895; *Его же.* История Оренбурга (1730—1750). Оренбург: Оренбург. губ. стат. ком., 1896.

¹² См.: *Лисковский Б.* Материалы для статистического описания Самарской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1860. Ч. 43. Отд. 3.

¹³ *Рычков П.И.* Указ. соч.

¹⁴ См.: *Меньшов И.И.* Этнографический очерк быта и обычаев чувашей Уфимской губернии Златоустского уезда // Записки Оренбургского отдела Русского географического общества. 1875. Вып. 3.

¹⁵ См.: *Охотников Н.М.* Приволжские Чуваши: этногр. очерк // Симбирские губернские ведомости. 1893. № 21, 31, 52.

¹⁶ *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья // ИОАИЭ. Казань, 1911. Т. 27. Вып. 5. С. 334.

¹⁷ См.: *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. В 4 т. Чебоксары, 2004. Т. 1.

¹⁸ Там же. 2008. Т. III. С. 316—544.

¹⁹ См.: Чуваши: этнографическое исследование. Материальная культура. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1956. Ч. 1.

²⁰ См.: *Кузнецов И.Д.* Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957; *Его же.* Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963.

²¹ См.: *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары, 1986.

²² См.: *Димитриев В.Д.* О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII — начале XIX вв. // УЗ ЧНИИ. Чебоксары: ЧНИИ, 1969. Вып. 47.

²³ См.: *Сидоров П.А.* Численность, состав и динамика населения Чувашии в конце XVIII — перв. пол. XIX вв. // УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1962. Вып. 21; Численность, состав и динамика населения Чувашии в капиталистический период // УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. XXIII; Население Чувашии за 40 лет социалистической автономии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960.

²⁴ См.: *Кабузан В.М.* Народы России в первой половине XIX века... С. 39.

²⁵ См.: *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990; *Его же.* Народы России в первой половине XIX века...

²⁶ *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке... С. 245.

²⁷ См.: *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992. 347 с.

²⁸ См.: *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017.

²⁹ См.: *Иванов В.П.* Проблемы этнографии чувашского народа: избранные труды. Чебоксары: Фонд историко-культурологич. исслед. им. К.В. Иванова, 2012.

³⁰ См.: *Коровушкин Д.Г.* Чувашаи Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 1997.

³¹ См.: *Петров И.Г.* Этапы формирования этнической группы приуральских чувашей // Чувашаи Приуралья. Чебоксары: ЧНИИ, 1989.

³² См.: *Ягафова Е.А.* Самарские чувашаи: (Историко-этнографические очерки). Конец XVII — начало XX вв. Самара: ИЭКА «Поволжье», 1998.

³³ См.: *Ягафова Е.А.* Чувашаи Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотер-риториальных групп (XVII — нач. XX в.). Чебоксары: ЧГИГН, 2007.

³⁴ См.: Археология и этнография Чувашской АССР: библиогр. указатель. Чебоксары: ЧНИИ, 1986.

³⁵ См.: *Димитриев В.Д.* Чувашаи в эпоху феодализма. С. 294—325.

³⁶ См.: Археология и этнография Чувашской АССР...

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ НА ЧГИГН. Фонд Н.В. Никольского. Т. 187, 207, 358.

⁴⁰ См.: *Никольский Н.В.* Указ. соч. С. 17.

⁴¹ См.: Культура и быт низовых чувашей. Чебоксары: ЧНИИ, 1984.

⁴² См.: Чувашаи Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары: ЧНИИ, 1989.

⁴³ См.: Чувашаи: современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988.

⁴⁴ *Петров И.Г.* Современные этнические процессы среди чувашского сельского населения Башкирской АССР: дисс. ... канд. наук. Л., 1993.

⁴⁵ См.: Симбирско-саратовские чувашаи. Чебоксары: ЧГИГН, 2004.

⁴⁶ См.: Чувашаи Присвияжья. Чебоксары, 2014.

⁴⁷ См.: Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. М.: Наука, 2003. Вып. 29.

⁴⁸ См.: *Иванов В.П.* Чувашская диаспора: этногеографический справочник. Чебоксары: ЧГИГН, 1999.

⁴⁹ См.: *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа: Ист. динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005.

⁵⁰ См.: Чувашаи. М.: Наука, 2017.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЧУВАШИИ

Этносоциология, возникшая на стыке этнологии и социологии, получила свое активное развитие в последней трети XX в. Историографический обзор того, что уже сделано в Чувашии в области этносоциологических исследований, необходим, прежде всего, для оценки их научной значимости и практической результативности. Но не менее важен он и для выявления «узких мест» и обозначения актуальных направлений научных поисков в нынешних условиях жизни общества.

Этносоциологические исследования в Чувашской Республике имеют давнюю историю. В данном случае под термином «этносоциологические исследования» условно подразумеваем массовые опросно-анкетные обследования, осуществленные в разные годы с целью изучения актуальных вопросов в области социально-этнических и культурно-бытовых процессов, исследования этнических аспектов общественного мнения населения республики и межнационального взаимодействия чувашей с другими этносами.

Уровень этнографической изученности чувашского народа специалисты по организации и проведению этносоциологических исследований признавали как довольно высокий, так как уже во второй половине XIX — начале XX в. многие стороны культуры и быта этноса основательно были изучены. В советскую эпоху исследование этнографии чувашского народа получило дальнейшее развитие. Поэтому можно считать закономерным этапом тот факт, что уже в 1930-е гг. ученые обратили внимание на необходимость проведения массовых исследований этносоциологического характера.

В 1930 г. создается Чувашский научно-исследовательский институт (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук — ЧГИГН). Крупным научным проектом, реализованным им в первые же годы своего функционирования, стала комплексная экспедиция по изучению социально-культурного состояния деревень республики (проводилась в ноябре—декабре

1933 г. по заданию областного комитета партии и правительства Чувашской АССР методом анкетного опроса). Кроме научных работников (фольклористов, лингвистов, этнографов) в составе экспедиции были врачи, фотографы, художники, композиторы, писатели, журналисты, партийные и советские работники¹. В 18 районах была обследована 21 деревня: 18 чувашских, 1 русская, 1 татарская и 1 мордовская — с населением 23 032 чел. (2785 хозяйств колхозников и 2100 хозяйств единоличников). Учитывалась отдаленность селений от городов и райцентров, железнодорожных, речных путей; брались во внимание численность населения сел и деревень, занятия сельским хозяйством, кустарными промыслами. Обследованием были охвачены все три этнографические группы чувашей. Исследователи фиксировали в анкетных бланках состояние крестьянских хозяйств, бытовые условия (дома, постройки, пищу, одежду и т.д.). Художники написали свыше 100 портретов колхозников-ударников, зарисовки и этюды из сельской жизни и быта. Был собран богатейший фольклорный песенный материал. Экспедиция привезла свыше 1200 фотоснимков о культуре и быте села, был заснят киножурнал «Красная Чувашия».

Работа комплексной экспедиции 1933 г. одновременно прошла и как важная политическая и хозяйственная кампания. Ее участники повсеместно проводили агитационно-пропагандистские мероприятия, направленные на повышение культуры села. Кампания проходила под лозунгом «Сделать колхозы большевистскими, колхозников — зажиточными и культурными». Предварительные итоги обследования были обобщены в отдельной брошюре С.С. Кутяшова и И.Д. Кузнецова².

Материалы массового обследования 1933 г. по сей день имеют научную ценность. Они послужили впоследствии основой для новых исследований сельского населения республики в 1960, 1970 и 1980 гг., также осуществленных НИИ. Всеми четырьмя экспедициями (1933, 1960, 1970 и 1980 гг.) руководил известный чувашский историк доктор исторических наук, профессор И.Д. Кузнецов, причем последнее массовое обследование 1980 г. из этой серии было организовано для продолжения изучения культуры и быта сельского населения Чувашии именно в тех же населенных пунктах, что и в 1933, 1960, 1970 гг. Приступая к обследованию 1980 г., И.Д. Кузнецов и П.П. Фокин осуществ-

вили критический разбор методик, инструментариев предшествовавших обследований. П.П. Фокин составил новый вопросник, который позволял получить сквозные сопоставимые данные. В него также были включены дополнительные блоки вопросов, одновременно исключены вопросы, утратившие актуальность. Было опрошено около 4 тыс. семей. Статистический материал этих экспедиций послужил основным источником для написания ряда научных работ. В институте вышли сборники статей о динамике количественных показателей по жилищу, постройкам, интерьеру, одежде, кухонным и столовым принадлежностям крестьянской семьи и т.д. К сожалению, систематизированные и обобщенные материалы всех четырех экспедиций в виде единой работы до сих пор не опубликованы.

Событием большой научной и практической значимости стало для Чувашии массовое статистико-этнографическое исследование, организованное и осуществленное в республике в 1981—1982 гг. Институтом этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР и НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР по теме «Современные этнические и культурно-бытовые процессы в Чувашской АССР». Исследование было организовано и осуществлено главным образом по инициативе и под руководством доктора исторических наук В.В. Пименова, заведующего сектором народов Поволжья, Прибалтики, Европейского Севера Института этнографии, имеющего большой опыт организации подобных массовых обследований, осуществленных, в частности, в Удмуртской (1968), Мордовской (1973) и Башкирской (1985) автономных республиках. В исследовании приняли участие специалисты названного сектора, сотрудники Чувашского НИИ, были привлечены студенты и преподаватели Чувашского государственного университета. Серия данных исследований была направлена на системное изучение этноса и функциональный анализ его основных компонентов: языка, фольклора, профессиональной духовной культуры, обрядов и обычаев, традиционной материальной культуры и т.п., на исследование механизма их взаимодействия. Таким образом, была поставлена задача выяснить, как изменяются этнос и его компоненты, каковы факторы и условия, вызывающие эти изменения, и каковы тенденции этого процесса. При этом особое внимание было уделено изучению процессов этнической инте-

грации, консолидации и межэтнического взаимодействия и разработке на его основе ряда прикладных задач.

В 1980 г. Институтом этнографии АН СССР и Чувашским НИИ была достигнута договоренность по вопросам финансирования, материально-технического снабжения полевого обследования и обеспечения его сотрудниками. В основной коллектив сотрудников исследования вошли: из Чувашского НИИ — В.П. Иванов (начальник экспедиции), Г.Б. Матвеев, П.П. Фокин, В.Г. Родионов, Б.В. Каховский; из Института этнографии — А.Е. Пахутов, Р.А. Григорьева, Т.С. Гузенкова, А.Д. Коростелев, В.С. Кондратьев. Исследованию предшествовала основательная подготовительная работа. Осенью 1980 г. группа участников исследования под руководством В.В. Пименова совершила разведочную поездку по ряду сельских районов. Участники исследования консультировались также с рядом руководителей республиканских органов власти и ведущих ученых республики. Все это помогло при разработке в период с 1980 по апрель 1981 г. программы и инструментария исследования. Так, по сравнению с удмуртской и мордовской анкетами в чувашскую были внесены новые вопросы, а некоторые из них были сформулированы в несколько иной редакции. Программа, вопросник и инструкция исследования прошли серьезное и детальное обсуждение как в Институте этнографии АН СССР, так и в Чувашском НИИ.

Особое внимание было уделено проекту выборки респондентов. Он был рассчитан известным специалистом в этой области доктором экономических наук, профессором Ленинградского финансово-экономического института Э.К. Васильевой. Согласно проекту выборки было запланировано опросить (и опрошено) методом стандартизированного интервью 4200 чел. в возрасте от 16 лет и старше. Списки лиц, подлежащих обследованию (с резервом), составлялись в селах по хозяйственным книгам местных Советов, а в городах — по картотекам паспортных столов. Однако следует отметить, что принятая в исследовании районированная механическая выборка, обеспечивая высокую репрезентативность полученных данных, вместе с тем поставила перед экспедицией весьма сложные проблемы практического плана. Необходимо было проинтервьюировать жителей 58 сельских населенных пунктов, разбросанных по всему 21 району республики и 7 городам — Чебоксарам, Новочебокс-

сарску, Канашу, Алатырю, Шумерле, Козловке, Ядрину и поселку городского типа — Ибресям. Экспедиционное обследование проводилось в три этапа: в июле 1981 г. опрашивалось сельское население, в ноябре—декабре 1981 г. — городское и в январе—феврале 1982 г. — национальная творческая интеллигенция.

Летняя экспедиция состояла из 4 отрядов. По договоренности с Чувашским государственным университетом им. И.И. Ульянова они комплектовались студентами старших курсов исторического факультета по 15—17 чел. в каждом. Отрядами руководили сотрудники Чувашского НИИ, в качестве консультантов-методистов в них находились сотрудники и аспиранты Института этнографии АН СССР. Для каждого отряда были разработаны оптимальные маршруты движения из села в село, из района в район.

Большое внимание было уделено обучению студентов методике и технике заполнения вопросников. В течение двух недель до выезда в экспедицию консультанты-методисты информировали их о целях и задачах исследования, учили вести беседу и проверяли контрольные опросы. Интервьюерам вручалась специальная «Инструкция по заполнению вопросника».

Обследование сельского населения заняло в целом 25 дней. Все 4 отряда сумели опросить за это время запланированное количество респондентов — 1200 чувашей и 800 русских. Успех летней экспедиции во многом был обусловлен благожелательным отношением самого населения к опросу. Судя по полученным данным, большинство опрошенных — 63 % среди чувашей и 65 % среди русских — отнеслись к беседе по вопроснику очень серьезно, с полным вниманием и пониманием. С наибольшим интересом и особенно охотно отвечали как чувашки, так и русские на вопросы об обрядах и обычаях (соответственно, 54 и 49 %), о языке (34 и 31 %).

На втором этапе исследования — опросе 1200 чувашских и 800 русских городских жителей — в качестве интервьюеров работали 18 сотрудников Чувашского НИИ. В Канаше были привлечены к обследованию около 60 учащихся последнего курса педучилища. В опросе населения Чебоксар участвовали также 40 студентов-историков университета.

В январе—феврале 1982 г. усилиями сотрудников отдела этнографии был осуществлен опрос представителей чувашской

творческой интеллигенции. Необходимо заметить, что эта группа информаторов оказалась наиболее сложной для интервьюирования.

Технический и логический анализ заполненных вопросников, кодировка (шифровка) содержащейся в них информации осуществлялись в основном чувашскими участниками исследования. Сотрудники Института этнографии АН СССР занимались вторичной, более детальной проверкой вопросников и особенно качества кодировки (шифровки), а также переработкой информации на ЭВМ.

Таким образом, менее чем за два года удалось осуществить экспедиционное обследование сельского и городского населения, проверить и закодировать 4200 вопросников, переработать информацию на ЭВМ и получить в виде одномерных (безусловных), двухмерных и многомерных таблиц распределений значений признаков по всем массивам.

В результате данного исследования в Чувашии впервые был получен богатый и многогранный этносоциологический материал. Он позволил в последующем воссоздать этнические и социальные процессы в Чувашии во всем их многообразии накануне «перестройки» советского общества, предоставил возможность для многоплановой разработки применительно к республике разнообразных тем, в том числе таких, как современные социально-демографические процессы; этнические процессы и образ жизни; современные этноязыковые процессы; тенденции изменений в современной материальной и духовной культуре; этнические процессы и семья; религия и обрядность; межэтнические контакты; этнопсихология и др.

Полученные материалы по наиболее актуальным и прикладным проблемам в течение 1982—1984 гг. доводились в виде докладных записок и справок до сведения директивных органов Чувашской АССР. Успешно реализованный проект стал прекрасной школой сочетания теории и практики конкретного этносоциологического исследования и одновременно весьма удачным примером продуктивного сотрудничества центрального академического института и профильного регионального научного учреждения. Следует особо отметить, что инструментарии (программа, вопросники, инструкции, принципы репрезентативной выборки) были опубликованы в виде методических указаний³.

Результаты статистико-этнографического исследования 1981—1982 гг. впервые широко и развернуто были освещены и обобщены на научно-практической конференции «Культурно-бытовые процессы в современном селе Чувашской АССР», состоявшейся 22 ноября 1983 г. в Чувашском НИИ. В последующие годы результаты данного исследования были изложены в ряде публикаций, тематических сборниках, диссертациях⁴. Своеобразным итогом стала коллективная монография «Чуваши: современные этнокультурные процессы», вышедшая в 1988 г. в издательстве АН СССР «Наука»⁵. Следует отметить, что такая книга — первая, выпущенная ведущим научным издательством страны, в авторский коллектив которой вошли чувашские ученые. Исследование опирается на весьма репрезентативные количественные характеристики, которые отражают особенности социальной структуры и материальной культуры чувашей, их контактов с другими народами региона, этноязыковые процессы в республике, функционирования фольклора и профессиональной духовной культуры.

Рассматривая социальную структуру населения республики, исследователи выявили значительное различие среди русского и чувашского населения по занятости, представительству, сферам применения труда, общественной активности, в сфере социальных перемещений, половом разделении труда и т.д. На этом основании они делают вывод о том, что социальные характеристики обеих этнических групп — чувашей и русских — нуждаются в существенном улучшении, в частности, о необходимости способствовать все большему включению чувашского населения в ведущие отрасли народного хозяйства.

Необходимо также отметить, что материалы аналогичных статистико-этнографических исследований, осуществленных в ряде автономных республик под руководством В.В. Пименова, нашли широкое отражение в коллективной монографии «Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье», написанной с участием исследователей из Института этнографии АН СССР, из Башкирии, Марийской, Удмуртской, Чувашской Республик и выпущенной Чувашским НИИ в 1991 г.⁶ В ней рассматриваются общие закономерности и местные специфические особенности в этнокультуре народов указанного обширного региона.

Кроме этих двух крупных этносоциологических исследований Чувашский НИИ по поручению директивных органов республики провел несколько массовых обследований с охватом меньшего количества опрошенных. Так, в 1988 г. для изучения межнациональных отношений в республике было проведено анкетирование лиц нетитульных национальностей (русских, татар, мордвы). По этим материалам были представлены в органы власти конкретные рекомендации по оптимизации уже нескольких обострившихся межнациональных отношений.

Серия массовых обследований этносоциологического характера была осуществлена в сельских районах Чувашии в период 1982—1983 и 1987—1989 гг. кандидатом философских наук, доцентом ЧГУ им. И.Н. Ульянова В.П. Фоминых. Цель его исследования — анализ национальных проявлений общественной психологии, выявление объективных факторов и субъективных причин, формирующих духовно-нравственную сферу селян чувашской, русской, мордовской и татарской национальностей. Основные итоги исследования изложены в монографии автора⁷.

Довольно масштабным и в научном плане добротным организованным было «лингвосоциологическое» исследование 1966—1967 гг., осуществленное сотрудниками Чувашского НИИ под руководством И.А. Андреева. Обследованием в форме анкетирования было охвачено 3669 жителей 18 населенных пунктов разных районов республики. По его материалам был подготовлен весьма обширный и подробный перечень рекомендаций по коренной оптимизации этноязыковой ситуации в республике. Следует отметить, что часть из них легла в основу ряда директивных документов. В 1970—1980-е гг. массовые социолингвистические исследования не проводились, однако перманентно изучалось «точечными», адресными мини-опросами одно из важных направлений социологии языка — двуязычие. Экспедиция сотрудников ЧГИГН лингвистического характера состоялась в июле 1996 г. в пяти чувашских деревнях Татарстана и в селениях Самарской и Ульяновской областей под руководством А.П. Хузангая. В ходе экспедиции было осуществлено анкетное обследование селян, материалы которого, к сожалению, до сих пор не опубликованы.

В Чувашии в 1994 г. была предпринята попытка сбора сравнительного этносоциологического материала не только среди титульной части чувашского этноса, но и в регионах расселе-

ния его диаспорных групп. Это был совместный проект Министерства культуры и по делам национальностей ЧР и кафедры этнографии МГУ им. М.В. Ломоносова. Запланировано было охватить обследованием чувашей Татарстана, Ульяновской и Пензенской областей. Однако в связи с нехваткой средств исследованием были получены только неполные и предварительные данные лишь по чувашам Пензенской области.

Большой по объему, но интересный этносоциологический материал был получен комплексной экспедицией ученых ЧГИГН в 2002 г. Состоялась она в рамках грантового проекта «Чуваши Приволжского федерального округа». Содержательные ответы 185 опрошенных сельских чувашей Татарстана и Ульяновской области нашли отражение в опубликованном в 2002 г. научном отчете и других публикациях⁸.

Ряд социологических материалов о характере этнических процессов и межнационального взаимодействия в современной Чувашии получил отражение в работах социолога И.Е. Ильина, написанных по результатам собственных обследований сельского населения последних лет. Следует отметить, прежде всего, его этносоциологические обследования 1995 и 2002 гг. Первым было охвачено 1107, вторым — 528 селян чувашской, русской, татарской и мордовской национальностей. Их материалы получили соответствующую интерпретацию в публикациях автора, в которых рассматриваются, в частности, и этнокультурные аспекты динамики образа жизни сельского социума в ходе реформ последних лет⁹.

Подытоживая, следует отметить, что из всех осуществленных в Чувашии в XX в. немногих этносоциологических исследований наиболее результативными, содержательными и полезными в научно-практическом плане были материалы статистико-этнографического исследования 1981—1982 гг. Многогранный и богатый массив данных, полученный накануне «перестройки», позволил демократично мыслящей части республиканских управленцев выработать конструктивные решения по оптимизации проблем, накопившихся в сфере национально-культурной жизни населения республики.

В начале XXI в. этнические процессы в регионах России оказались в центре внимания не только этнологов, но и весьма широкого круга специалистов. В Чувашии благодаря активности, про-

явленной историками ЧГИГН И.И. Бойко и В.Г. Харитоновой, удалось наладить этнологический мониторинг. На основе данных переписей 2002 и 2010 гг., а также материалов ряда социологических опросов ими были подготовлены работы по проблемам межнациональных отношений и этнической идентичности¹⁰.

Таким образом, как научная дисциплина этносоциология Чувашии XX столетия являлась одной из динамично развивающихся отраслей гуманитарных знаний. В указанный период ей был присущ достаточно высокий уровень научной результативности. Вместе с тем ряд отдельных проблем до сих пор остается вне внимания этносоциологов. Прежде всего это касается изучения этнического самосознания чувашей, этнической специфики их менталитета, а также особенностей межнациональных отношений в Чувашии. Для активизации этносоциологических исследований необходимы существенные ресурсы — как материальные, так и интеллектуальные.

Литература

¹ Кузнецов И.Д., Фокин П.П. Первая комплексная экспедиция по изучению сельского населения Советской Чувашии // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИ, 1982. С. 26—48.

² Кутяшов С.С., Кузнецов И.Д. Чувашская колхозная деревня на пути культурного подъема: очерки по материалам культурно-бытовой экспедиции 1933 г. Чебоксары: ЧНИИ, 1934. 64 с.

³ Современные этнические процессы в Чувашской АССР: методические указания и рекомендации по программированию, технике и организации статистико-этнографического исследования / под ред. В.В. Пименова и В.П. Иванова. Чебоксары: ЧНИИ, 1984. 160 с.

⁴ Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1984. 163 с.; и др.

⁵ Чуваши: современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988. 240 с.

⁶ Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье в советскую эпоху / под. ред. В.В. Пименова и В.П. Иванова. Чебоксары: ЧНИИ, 1991. 236 с.

⁷ Фоминых В.П. Общественная психология сельских читателей Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 176 с.

⁸ Чуваши Присвияжья: история и культура / под ред. В.П. Иванова, Г.Б. Матвеева; ЧГИГН. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 303 с.

⁹ Вопросы этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 88 с.

¹⁰ Бойко И.И., Харитонова В.Г. Общегражданская и этническая идентичности населения Чувашии. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. 44 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 14).

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ОПЫТ, ИТОГИ

О национальном и интернациональном, о народах и культурах написано и сказано в общем и целом много, тем не менее каждый раз сталкиваешься с тем, что еще немало остается «белых пятен» в этой сложной и тонкой теме, когда вопрос касается конкретно отдельных регионов. Следует признать, что до сих пор недостаточно изучены вопросы истории появления и расселения в Чувашии нечувашского населения, особенности формирования и динамики национального состава населения республики, межэтнического и межкультурного взаимодействия различных национальностей. Между тем научное, практическое и идеологическое значение исследований по данной проблематике исключительно велико, тем более что Чувашия — регион многонациональный и многоконфессиональный.

В количественных параметрах это выражается в следующем. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., население Чувашской Республики насчитывает 1 251 619 чел. Из них указали национальность 1 203 550 чел., то есть 96,2 %¹. Всего в Чувашии проживают представители 108 народов и 8 этнических групп (в 2002 г. были зафиксированы 97 национальностей и 9 этнических групп). Вместе с тем из числа указавших свою этническую принадлежность только четыре национальности составляют абсолютное большинство (95 %) населения республики, а именно 814,8 тыс. чел. насчитывают чуваша (67,7 % от числа указавших свою национальную принадлежность), 323,3 тыс. — русские (26,9), 43,2 тыс. — татары (2,8) и 13,3 тыс. чел. — мордва (1,1 %). Значима численность еще только у украинцев (4,7 тыс. чел.), марийцев (3,6 тыс.), белорусов (1,4 тыс.) и армян (1,3 тыс. чел.). Сравнительно весома численность азербайджанцев (891 чел.), таджиков (644), цыган (602) и узбеков (565 чел.). Остальные 96 национальностей представлены группами не более 500 чел., причем 59 национальностей насчитывают всего лишь по 1—10 чел.²

Следует отметить, что буквально за последнее десятилетие в составе населения республики появились представители не только практически всех этносов бывшего Советского Союза, но и весьма широкого круга народов мира: ангольцы, афганцы, бангладешцы, гвинейцы, кенийцы, конголезцы, непальцы, пакистанцы, афророссияне, словенцы и др., которые в 2002 г. еще не были зафиксированы в материалах переписи. Выросла численность азербайджанцев, армян, даргинцев, ингушей, кабардинцев, киргизов, коми, лакцев, молдаван, тувинцев, туркмен, узбеков, чеченцев и др.

Из числа народов Кавказа в Чувашии отмечены представители 25 народов, в общей сложности они составляют чуть более 3 тыс. чел. Народы Средней Азии и Казахстана представлены в республике 7 этносами, в общей сложности численностью более 1,5 тыс. чел.

Вопреки расхожему мнению, в Чувашии совсем малочисленно представлены китайцы (6 чел.), единицами насчитываются индийцы (6 чел.), ассирийцы и пакистанцы (по 8 чел.), уйгуры (4 чел.). В то же время сравнительно значимо число корейцев (81 чел.) и курдов (24 чел.), которые, скорее всего, имеют советское и российское гражданство уже не в одном поколении.

Конечно, надо иметь в виду, что данные переписи 2010 г. отражают лишь те сведения, что были получены переписчиками, в поле зрения которых априори не могли попасть, в частности, многие представители народов Кавказа и Средней Азии уже в силу того факта, что имели проблемные статусы (временные мигранты, отсутствие регистрации, нежелание иметь дело с людьми из госорганов и т.п.). Поэтому не приходится удивляться тому, что в разговорах на эту тему с руководителями соответствующих национально-культурных объединений официальные данные переписи о численности выходцев с Кавказа и Средней Азии однозначно подвергаются сомнению, ибо, по их мнению, фактически численность таковых заметно выше.

С точки зрения формального подхода все проживающие в Чувашии нетитульные этнические группы, включая русских, являются национальными меньшинствами, так как они численно значительно уступают чувашам, составляющим абсолютное большинство населения республики. Однако, как известно,

этому термину иногда придается оттенок национального неравноправия, и в тех случаях, когда этого хотят избежать, употребляется термин «национальная (этническая) группа». Нам же представляется научно более корректным использование для обозначения национальных групп в структуре населения таких республик, как Чувашия, понятия именно «национальность». В этот термин вкладывается содержание более узкое, чем то, которое обычно придается словам «нация», «этнос», «народ», то есть когда «национальность» понимается как совокупность лиц одной национальной принадлежности независимо от их территориального размещения.

Как видим, в Чувашии — в небольшой части крупнейшего в мире многонационального государства — как в капле воды, находит отражение необычайное разнообразие национальных языков и культур. Но что мы знаем друг о друге? Скажем прямо: знаем мало. А между тем у каждого народа — своя судьба, своя история, свой язык и этнокультурный облик. У тех их представителей, что волею судеб живут в полиэтнической среде в других республиках, краях и областях России, этнокультурная жизнь объективно не может не иметь определенного своеобразия. И она должна быть интересна не только для той или иной соответствующей национальности, но и для всего полиэтнического общества региона.

Конечно, было бы не совсем справедливо утверждать, что история и этнокультура нечувашского населения никак не изучались. Но и то правда, что редки, единичны были исследования, специально посвященные конкретно той или иной национальности. В этом ряду в первую очередь следует отметить книгу казанских этнографов Е.П. Бусыгина и Н.В. Зорина «Русское население Чувашской АССР»³. В ней впервые были представлены материалы о возникновении русских селений и городов и об особенностях территориального размещения русских в крае. Ими же, уже через 20 лет, было опубликовано историко-этнографическое исследование «Русская сельская семья в Чувашской АССР»⁴.

Что касается изученности этнокультуры татар-мишарей, расселенных в ряде южных районов Чувашии, то впервые материалы о ее особенностях получили отражение в книге казанского этнографа Р.Г. Мухамедовой «Татары-мишари»⁵.

Мордву-эрзю, испокон веков живущих на территории Чувашии, с особым вниманием изучают саранские исследователи, главным образом методом экспедиционного сбора материалов. Их интерес к эрзянскому населению Чувашии тем более велик, если иметь в виду, что богатейший корпус материалов по этнографии и фольклору данной группы мордвы в свое время был собран (а затем опубликован) известным мордовским ученым и просветителем М.Е. Евсеевым — уроженцем эрзянской деревни Малые Кармалы (ныне в составе современного Ибресинского р-на Чувашии)⁶.

Безусловно, ученые, занимающиеся исследованием проблем истории и культуры чувашского народа и края, объективно «обречены» затрагивать и вопросы истории нечувашского населения, главным образом русского. Это неудивительно. Ведь, по существу, история чувашей и чувашского края последних столетий — это есть история чувашско-русского, чувашско-татарского, чувашско-мордовского межэтнического взаимодействия по всем направлениям, включая такие тончайшие этнокультурные сферы, как семья, языковые процессы, религия. В связи с этим хотел бы обратить особое внимание на исследования видного чувашского историка В.Д. Димитриева, в которых содержится большой объем ценных и научно выверенных сведений о появлении и расселении на чувашской земле русского населения, о светлых и печальных страницах в истории чувашско-русских взаимоотношений⁷. В трудах ученого историческая правда, которая, как бы ни была она горька, служит в конечном счете добру, укреплению искренности во взаимоотношениях народов.

В 1980 г. увидела свет книга чувашского историка-архивиста В.А. Нестерова «Над картой Чувашии», в 2017 г. состоялось второе издание⁸. В ней подробно рассматриваются не только чувашская топонимия, но и названия русского, татарского, мордовского происхождения.

Немалый интерес специалистов вызывают также работы историка Г.А. Николаева, в которых приводится ряд важных статистических и этнографических сведений о русском, татарском и мордовском населении Чувашии в XIX — начале XX в.⁹

В 1990-е гг. появились работы В.П. Иванова, специально посвященные нечувашскому населению республики, где впервые была сделана попытка дать общую характеристику многонацио-

нального населения республики¹⁰. В них на основе данных переписей, исторических сведений и опубликованных архивных материалов, а также результатов массовых этносоциологических исследований последних лет рассматриваются особенности расселения, динамика численности и характер современного межэтнического взаимодействия чувашей, русских, татар, мордвы и других этнических групп, проживающих на территории республики.

Отметим, в деле популяризации знаний об истории появления русских в чувашском крае, их роли в возникновении городов, взаимоотношений с местным чувашским населением и участии в экономическом и культурном развитии новой Чувашии немалую роль играют очерковые книги о городах и поселках республики¹¹. В эту же серию изданий органично вплетается книга В. Ивановой о старинном русском селе Порецкое¹².

Особым духом патриотизма и любви к малой родине, к людям, живущим здесь, отличаются краеведческие публикации, часто появляющиеся на страницах периодической печати, главным образом районной. Некоторые, хотя пока немногие, энтузиасты выпустили в свет свои книги. В этом ряду в числе первых были опубликованы небольшие по объему брошюры активного подвижника мордовской диаспоры в Чувашии П.П. Седойкина, в которых автор рассказал не только о родном селе Напольное в Порецком районе, но и обрисовал главные вехи этнической истории своего народа¹³. Несомненно, такие публикации очень нужны.

Ряд социологических материалов о характере межэтнического взаимодействия в современной Чувашии получил отражение в работах социолога И.Е. Ильина. Следует отметить, прежде всего, его этносоциологические обследования 1995 и 2002 гг., которыми были охвачены селяне чувашской, русской, татарской и мордовской национальностей. Их материалы получили соответствующую интерпретацию в публикациях автора, где рассматриваются, в частности, и национально-культурные аспекты динамики образа жизни многонационального сельского социума в ходе реформ последних лет¹⁴.

Из всех осуществленных в Чувашии XX в. немногих этносоциологических исследований наиболее результативными, содержательными и полезными в научно-практическом плане были

материалы статистико-этнографического исследования 1981—1982 гг., осуществленного сотрудниками Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики совместно с учеными Института этнографии АН СССР¹⁵. Многогранный и богатый массив данных, полученный путем опроса чувашей и русских накануне «перестройки», позволил демократично мыслящей части республиканских управленцев выработать конструктивные решения по оптимизации проблем, накопившихся в сфере национально-культурной жизни населения республики.

В начале XXI в. этнические процессы в регионах России оказались в центре внимания весьма широкого круга специалистов, не обязательно только этнологов. В Чувашии, благодаря активности, проявленной историками ЧГИГН И.И. Бойко и В.Г. Харитоновой, удалось наладить этнологический мониторинг. На основе данных переписей 2002 и 2010 гг., а также материалов ряда социологических опросов, проведенных среди чувашей, русских и татар, ими были подготовлены работы по проблемам межнациональных отношений и этнической идентичности¹⁶.

Научно обоснованная региональная политика предполагает, прежде всего, учет реалий и особенностей социальной и этнокультурной жизни населения конкретной территории и проживающих на ней отдельных национальностей. Исходя из этого Министерством культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела Чувашской Республики в 2006 г. был сделан заказ ЧГИГН подготовить этнокультурные паспорта русского, татарского, мордовского и чувашского населения с целью получения представления о социально-культурном состоянии и этническом самочувствии основных национальностей республики, характере и особенностях происходящих в их среде этнически окрашенных процессов, выявления как позитивных, так и негативных явлений в их межэтническом взаимодействии. Безусловно, такой рабочий документ необходим для ведения текущей практической работы по реализации основных направлений государственной национальной политики на территории республики.

Этнокультурные паспорта были составлены на основе экспедиционных и иных дополнительных материалов, собранных в 2007—2011 гг. сотрудниками отдела этнологии института

(В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев и П.П. Фокин). Содержание паспортов охватывало разные темы: история заселения территории Чувашии, численность, расселение и социально-демографические процессы, традиционные занятия и промыслы, религия, образование и воспитание, современная инфраструктура этнокультурной деятельности в городах и районах, культурно-просветительская работа, народное художественное творчество, библиотечное обслуживание, музейное дело, бытование традиционных праздников, обрядов, обычаев и фольклора. Особое внимание было уделено вопросам места и роли указанных национальностей в структуре межэтнических отношений в республике, их этнопсихологическому самочувствию. В паспортах впервые приводились полные и уточненные списки сельских населенных пунктов республики с численно преобладающим русским, татарским и мордовским населением с указанием числа жителей, исторические сведения о некоторых старинных селениях, краткие биографические сведения ряда именитых уроженцев из числа указанных национальностей.

Экспедиционное обследование этнологов института показало, что общее этнокультурное состояние русского, татарского и мордовского населения в районах и городах Чувашской Республики в целом удовлетворительное. Ни в одном районе и сельском населенном пункте, которые были обследованы, не было зафиксировано каких-либо жалоб на отсутствие внимания местных и республиканских органов власти к специфическим этнокультурным проблемам. Вместе с тем отсутствие прямых жалоб (факт сам по себе достаточно примечательный и, безусловно, свидетельствующий о позитивных сдвигах), адресованных в органы власти по поводу негативных моментов в сфере национально-культурной жизни населения республики, еще не говорит о решенности соответствующих проблем.

Своеобразным итогом многолетних исследований истории и этнокультуры национальностей республики, проводившихся этнографами ЧГИГН, стал выход в свет книги В.П. Иванова и Г.Б. Матвеева «Этнокультурный портрет Чувашской Республики», состоящей из историко-этнографических очерков о тех национальностях Чувашии, численность которых, по данным переписи 2010 г., составляет не менее 100 чел. (чуваши, рус-

ские, татары, мордва, марийцы, удмурты, башкиры, украинцы, белорусы, армяне, азербайджанцы, грузины, чеченцы, таджики, узбеки, казахи, евреи, немцы, цыгане и молдаване)¹⁷. В издании в сжатой и емкой форме приведены основные сведения о происхождении, истории, характере территориального расселения и динамике численности в республике соответствующих народов, освещены особенности их языков, религий, традиционных жилищ, одежды, пищи и занятий, охарактеризованы специфические черты духовной культуры, праздников и обрядов, национального быта и социального устройства.

При этом необходимо заметить, что в книге специально сравнительно большее внимание уделено описанию национального культурного облика исконно проживающих в Чувашском крае русских, татар и мордвы-эрзи, ибо он, в отличие от этнокультуры чувашей, до сих пор оставалась недостаточно освещенной в научных изданиях республики.

Итак, как подтверждают имеющиеся по данной теме научные публикации (хотя и немногочисленные), межэтнические отношения в Чувашии отличаются достаточной стабильностью и предсказуемостью. Обеспечивается это не только взвешенной и довольно осторожной политикой республиканского руководства и муниципальных властей, но и историческими традициями и культурой межнационального общения чувашей с представителями других народов.

В заключение хотел бы обратить внимание руководства Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашии на необходимость создания специального журнала, в котором можно было бы освещать текущую деятельность национально-культурных организаций республики, публиковать статьи и информационные материалы о тех или иных народах, об их культуре, языке и традициях. Как известно, в ряде регионов Поволжья и Приуралья подобные периодические издания заведены уже давно, и они эффективно служат оптимизации межэтнического диалога на местах.

Национально-культурные объединения республики большие надежды возлагают на открывшийся в 2017 г. в Чебоксарах Дом дружбы народов Чувашии.

Литература

- ¹ См.: *Иванов В.П., Матвеев Г.Б.* Этнокультурный портрет Чувашской Республики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 11.
- ² См.: Чуваши. М.: Наука, 2017.
- ³ См.: *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Русское население Чувашской АССР. Материальная культура. Чебоксары: Чуваш. гос. кн. изд-во, 1960.
- ⁴ См.: *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Русская сельская семья в Чувашской АССР. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980.
- ⁵ См.: *Мухамедова Р.Г.* Татары-мишари. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008.
- ⁶ См.: *Евсеев М.Е.* Избранные труды. В 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961—1966.
- ⁷ См.: *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957; *Его же.* Чувашские исторические предания: очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. 3-е изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017.
- ⁸ См.: *Нестеров В.А.* Над картой Чувашии: историко-топонимические заметки. 2-е изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017.
- ⁹ См.: *Николаев Г.А.* Волжское крестьянство во второй половине XIX — начале XX века: этюды по истории и этнологии. Чебоксары: ЧГИГН, 2016; и др.
- ¹⁰ См.: *Иванов В.П.* Национальности Чувашии // ЛИК Чувашии. 1994. № 3. С. 155—160; *Его же.* Этническая карта Чувашии. Расселение, численность и межэтническое взаимодействие титульной нации и этнических групп на территории республики. Чебоксары: Руссика, 1997; и др.
- ¹¹ См.: *Дмитриев С.К.* Марининский Посад. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990; *Кочетков В.Д.* Алатырь. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1979; *Изоркин А.В.* Ядрин. Чебоксары, 1989; *Кочетков В.Д., Николаев Г.А.* Цивильск. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987; *Матвеев Г.Б.* Край Ибресинский. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994; *Зайцев Я.Н.* Лета и лица Урмарской земли. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994; *Димитриев В.Д.* Чебоксары: очерки истории города конца XIII — XVII веков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003; *Харитонов В.Г.* Канаш: ист. очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013; и др.
- ¹² См.: О Поречком и поречанах. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991.
- ¹³ См.: *Седойкин П.П.* Возрождение. Напольное, 1992; *Его же.* Повествование о мордовском народе. Напольное, 1995; *Его же.* Мордва в Чувашской Республике. Шумерля: [б.и.], 1998.
- ¹⁴ См.: Вопросы этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике / ЧГИГН. Чебоксары, 2012 и др.
- ¹⁵ См.: Чуваши: современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988. С. 103.
- ¹⁶ См.: *Бойко И.И., Харитонов В.Г.* Общегражданская и этническая идентичности населения Чувашии. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. 44 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 14).
- ¹⁷ См.: *Иванов В.П., Матвеев Г.Б.* Указ. соч.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИВАНОВ ВИТАЛИЙ ПЕТРОВИЧ

Родился 3 июня 1952 г. в пос. Вишневка Бижбулякского района Башкирской АССР. После окончания средней школы работал воспитателем и учителем в Кош-Елгинской средней и Седяк-Башской восьмилетней школах своего района. В 1971—1976 гг. учился на историческом отделении историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, окончил его с отличием.

В 1976—1977 гг. работал младшим научным сотрудником отдела археологии и этнографии НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. В 1978—1980 гг. учился в очной аспирантуре Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (г. Москва) под научным руководством доктора исторических наук, профессора В.В. Пименова; в 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Современная чувашская городская семья». В 1985 г. решением ВАК присвоено ученое звание доцента. В 2005 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Расселение и численность чувашей в России: историческая динамика и региональные особенности расселения».

В 1981—1992 гг. работал в НИИ при Совете министров Чувашской АССР ученым секретарем, заведующим отделом, заместителем директора по научной работе.

В 1993—1996 гг. В.П. Иванов находился на государственной службе — работал министром культуры и по делам национальностей Чувашской Республики. С января 1997 г. трудится в Чувашском государственном институте гуманитарных наук, с 2006 г. — в должности главного научного сотрудника.

Круг научных интересов ученого составляют актуальные проблемы истории, культуры и этнопсихологии чувашского народа, этнические и этнодемографические процессы, межнациональные отношения в Чувашской Республике, а также вопросы национально-культурной жизни диаспорных групп чувашей в регионах Российской Федерации. В его трудах, выполненных на стыке наук, плодотворно используются методы истории, этнографии, социологии, географии, демографии, политологии.

В.П. Иванов — автор более 190 научных трудов, в том числе 27 монографий, брошюр и учебных пособий, а также статей о чувашском народе, опубликованных в академических энциклопедиях «Народы мира» (1988), «Народы России» (1994) и «Народы и религии мира»

(1999); научный и ответственный редактор 39 монографий, сборников статей и трех выпусков «Чувашского гуманитарного вестника» (2019, 2020, 2021).

В.П. Иванов внес значительный вклад в развитие отечественной фундаментальной и прикладной этнологии разработкой нового и приоритетного для российской науки направления — «этнодемографической истории народов». Он является одним из зачинателей исследования внутрироссийских диаспор, что отмечено и в публикациях ученых ряда научных центров страны. В монографии «Этническая география чувашского народа» (2005) впервые выполнено комплексное исследование исторической динамики численности и особенностей территориального расселения чувашского этноса в России. В 2006 г. издание было удостоено диплома лауреата конкурса Ассоциации книгоиздателей России (АСКИ).

В 2002 г. вышла в свет уникальная монография-альбом «Чувашский костюм: от древности до современности», подготовленная под научным руководством В.П. Иванова. В данном научно-художественном издании впервые нашли отражение ценные коллекции народного искусства из многих музеев России, США и Финляндии. В 2003 г. книга стала лауреатом конкурса АСКИ, в 2004 г. была отмечена дипломом на международной книжной ярмарке в г. Франкфурт-на-Майне, а в 2006 г. ее авторы — В.В. Николаев, Г.Н. Иванов-Орков и В.П. Иванов — были удостоены звания лауреата Государственной премии Чувашской Республики в области литературы и искусства.

В.П. Иванов является научным руководителем авторского коллектива и основным автором двухтомной монографии «Чуваши: история и культура» (2009). В 2011 г. она заняла первое место на Всероссийском конкурсе «Наше культурное наследие» среди книг о народах России.

Важное значение имело участие В.П. Иванова в качестве одного из авторов в работе над коллективной монографией «Регионы России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте» (М., 2009). Он, как один из ведущих соавторов, внес существенный вклад в создание коллективной монографии «Чувашская Республика: социокультурный портрет» (2011).

Сфера научных исследований В.П. Иванова обширна. Так, в 2010 г. им совместно с В.Н. Клементьевым опубликована монография «Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы», в которой впервые подробно рассмотрены основные вехи национально-государственного строительства чувашского народа. В книге «Этническая история чувашского народа» (2010) освещены проблемы происхождения чувашей, дискуссионные вопросы булгаро-суваро-чу-

вашской этногенетической, языковой и культурной преемственности. Историко-краеведческие изыскания В.П. Иванова о родине и генеологии выдающихся поэтов К.В. Иванова и Я.Г. Ухсая нашли отражение в опубликованной в 2018 г. монографии «Истоки: Родина и род поэтов К.В. Иванова и Я.Г. Ухсая» (соавтор — М.Х. Сафин). В книге «Метаморфозы этничности» (2019) он рассмотрел вопросы этнопсихологии чувашей.

Особенной чертой научной деятельности В.П. Иванова является прикладной характер его многих работ [книги «Этническая карта Чувашии» (1997), «Чувашская диаспора» (1999) и др.], в связи с чем они широко используются как в управленческой сфере, так и школьно-вузовской практике. Он выступил также одним из ведущих авторов учебного пособия «Культура Чувашского края» (1994). Работая профессором (по совместительству) в ЧГУ им. И.Н. Ульянова, издал в 2014 г. учебное пособие «История этнографии чувашского народа». Он является научным руководителем, редактором и ведущим автором коллективной монографии «Этнография чувашского народа» (2017), адресованной широкому кругу читателей.

В.П. Иванов — основной автор-разработчик проектов Концепции государственной национальной политики и Программы ее реализации в ЧР на 1998—2005 гг., он вел руководство экспедиционной и научно-аналитической работой ЧГИГН по составлению этнокультурных паспортов русского (2007), мордовского (2008), татарского (2009), чувашского (2012) населения республики. В развитие данного проекта В.П. Иванов совместно с Г.Б. Матвеевым выпустил в свет в 2015 г. иллюстрированную книгу «Этнокультурный портрет Чувашской Республики», в которой были освещены основные сведения об истории, культуре и современной жизни национальностей региона.

В своей научной деятельности В.П. Иванов большое внимание уделяет делу популяризации и пропаганды знаний об истории и культуре родного народа. В этом отношении весьма значимой явилась иллюстрированная монография «Чуваши: этническая история и традиционная культура», изданная в Москве в 2000 г. 30-тысячным тиражом (написана им с участием профессоров В.В. Николаева и В.Д. Димитриева). Авторы книги в 2001 г. были удостоены Государственной премии Чувашской Республики в области науки и техники.

Определенным итогом большого и насыщенного периода научной деятельности В.П. Иванова явился выход в свет в 2017 г. в издательстве «Наука» (Москва) крупной монографии «Чуваши» в рамках серии «Народы и культуры» Института этнологии и антропологии РАН. Начиная с 2002 г., он вел руководство авторским коллективом.

Ученый является одним из основных авторов и ответственных редакторов данного издания.

В.П. Иванов — один из инициаторов и организаторов создания и установки памятников выдающемуся историку-этнографу Н.В. Никольскому (д. Юрмекейкино Моргаушского р-на ЧР, 1994) и академику В.В. Николаеву (г. Чебоксары, 2010).

В.П. Иванов — руководитель некоммерческого Фонда историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова (образован в 2000 г., зарегистрирован в г. Москве), деятельность которого направлена на оказание содействия в реализации научно-исследовательских, издательских и культурных проектов. Три издания Фонда были удостоены Государственных премий Чувашской Республики.

В.П. Иванов — член Ученого совета Чувашского государственного института гуманитарных наук, в 2007—2021 гг. состоял в Объединенном диссертационном совете по защите докторских и кандидатских диссертаций при Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова, член редколлегии журнала «Чувашский гуманитарный вестник» (с 2006 г.) и его ответственный редактор (с 2019 г.), член Совета по делам национальностей Чувашской Республики (с 2011 г.), член Комиссии при Главе Чувашской Республики по Государственным премиям Чувашской Республики в области науки и техники (с 2011 г.), член коллегии Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики (2012—2022).

За большие заслуги в развитии науки и культуры В.П. Иванов награжден Почетной грамотой Чувашской Республики (2002), ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики» (2008), является лауреатом Государственных премий Чувашской республики в области науки и техники (2001) и в области литературы и искусства (2006). За активное участие в популяризации историко-культурного наследия народов России удостоен медали «100 лет М.А. Шолохову» (2005).

Указом Президента РФ от 4.02.2013 г. награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. За вклад в проведение фундаментальных научных исследований удостоился медали ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой» (2018), а также памятной медали «100 лет образования Чувашской автономной области» (2020) и нагрудного знака Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела ЧР «За достижения в культуре» (2021).

Г.Б. Матвеев,
кандидат исторических наук, доцент

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ И РАЗДЕЛЫ В.П. ИВАНОВА В КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДАХ

Современные этнические процессы в Чувашской АССР: Методические указания и рекомендации по программированию, технике и организации статистико-этнографического исследования / Э.К. Васильева, Т.С. Гузенкова, В.П. Иванов и др.; под ред. В.В. Пименова и В.П. Иванова. Чебоксары: ЧНИИ, Ин-т этнографии АН СССР, 1984. 164 с.

Чуваши: современные этнокультурные процессы / Р.А. Григорьева, Т.С. Гузенкова, В.П. Иванов и др.; под ред. В.В. Пименова. М.: Наука, 1988. 240 с.

Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье / В.А. Балашов, Е.П. Бусыгин, В.П. Иванов и др.; под ред. В.В. Пименова и В.П. Иванова. Чебоксары: ЧНИИ, Ин-т этнографии АН СССР, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1991. 236 с.

Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья / В.П. Иванов, М.Г. Кондратьев, Г.Б. Матвеев и др.; под ред. В.П. Иванова. Чебоксары: ЧГИГН, 1993. 270 с.

Этническая карта Чувашии: Расселение, численность и межэтническое взаимодействие титульной нации и этнических групп на территории республики. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. 176 с.

Чувашский этнос: проблемы истории и этногеографии. Чебоксары: ЧГИГН, 1998. 156 с.

Чувашская диаспора: этногеографический справочник. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. 316 с.

Чуваши: этническая история и традиционная культура. М.: ДИК, 2000. 96 с., ил., карт. (В соавт. с В.В. Николаевым и В.Д. Димитриевым).

Этническая история чувашей. Чебоксары: Чуваш. респ. ин-т образования, 1992. 68 с.

Расселение и численность чувашей: этногеографический очерк. Чебоксары: Чуваш. респ. ин-т образования, 1992. 70 с.

Семья у чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1991. 100 с. (В соавт. с П.П. Фокиным).

Культура Чувашского края. Ч. I: учеб. пособие / Н.И. Егоров, В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. 352 с.

Чувашская Республика и диаспора. Проблемы оптимизации взаимодействия. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 64 с.

Современная этнополитическая ситуация в Чувашской Республике и проблемы ее оптимизации (Из опыта проектных разработок Концепции региональной национальной политики и Программы ее реализации). Чебоксары: ЧГИГН, 1999. 78 с.

Чувашский костюм: от древности до современности = Чăваш тĕмĕ аваллăхран паянлăха = The chuvach costume from ancient to modern

times / Фонд ист.-культурол. исслед. им. К.В. Иванова. Москва—Чебоксары—Оренбург, 2002. 398 с., ил. (В соавт. с Г.Н. Ивановым-Орковым и В.В. Николаевым).

Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 383 с., ил., карт.

Чуваши: история и культура / под ред. В.П. Иванова Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 1. 415 с., ил.; Т. 2. 335 с., ил. (В соавт.).

Василий Николаев: слагаемые портрета. Чебоксары: Фонд ист.-культурол. исслед. им. К.В. Иванова, 2009. 176 с., ил.

Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / под ред. Н.И. Лапина М.: Academia, 2009. С. 427—494. (В соавт.).

Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. 192 с. В соавт. с В.Н. Клементьевым.

Этническая история чувашского народа: научный очерк. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. 88 с.

Чувашская Республика. Социокультурный портрет / под ред. И.И. Бойко. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. 192 с. (В соавт.).

Проблемы этнографии чувашского народа: избранные труды. Чебоксары: Фонд ист.-культурол. исслед. им. К.В. Иванова, 2012. 668 с.

Проблемы и перспективы создания этнопарка в городе Чебоксары / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2013. 44 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 12). (В соавт. с Г.Б. Матвеевым).

Чувашская Республика: научно-популярное издание [Электронный ресурс] / И.И. Бойко, В.П. Иванов, В.Г. Харитонов и др. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 235 с.

История этнографии чувашского народа: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. 92 с.

Чуваши Присвияжья: история и культура / А.П. Васильева, А.П. Долгова, В.П. Иванов и др.; под ред. В.П. Иванова и Г.Б. Матвеева. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 303 с., ил.

Этнокультурный портрет Чувашской Республики: историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 240 с. (В соавт. с Г.Б. Матвеевым).

Этнография чувашского народа / Д.В. Егоров, В.П. Иванов, М.Г. Кондрашев и др.; науч. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 351 с., ил.

Чуваши / отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев и Е.А. Ягафова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Чуваш. гос. ин-т гуманитарн. наук. М.: Наука, 2017. 654 с., ил. (Народы и культуры). (В соавт.).

Истоки. Родина и род поэтов К.В. Иванова и Я.Г. Ухсяя. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. 148 с. (В соавт. с М.Х. Сафиним).

Чуашская Республика. История и современность: кн.-альбом / под ред. В.П. Иванова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 222 с., ил. (В соавт.).

Краткая история Чувашии и чувашского народа / Д.В. Басманцев, Ю.В. Гусаров, В.П. Иванов и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2019. 446 с., ил.

Метаморфозы этничности (Полемиические этюды по этнопсихологии чувашей). Чебоксары: Фонд ист.-культурол. исслед. им. К.В. Иванова, 2019. 144 с.

ЛИТЕРАТУРА О В.П. ИВАНОВЕ

Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. С. 177.

Исследователи этнографии и археологии Чувашии: биобиблиографический справочник. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. С. 102—103.

Ученые и сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук (1930—2005) / авт.-сост. Г.Б. Матвеев. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 67—68.

Историки России XX века. Биобиблиографический словарь. Т. 1 / сост. А.А. Чернобаев. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2005. С. 252.

Энциклопедия Башкортостана. Т. 3. Уфа: Башк. энциклопедия, 2007. С. 118.

Чуашский национальный конгресс. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. С. 97.

Чуашская энциклопедия. В 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. 2: Ж—Л. С. 87—88.

Краткая чувашская региональная энциклопедия. Т. 1. Ульяновск: [б.и.], 2009. С. 169.

Who is Who в России. Энциклопедия личностей серии «Hubners “Who is Who”». Вып. 5. М., 2011. С. 899.

«Хотя бы на полшага впереди...» (интервью) // Альманах «КИЛ». 2012. № 1 (11). С. 54—99.

Иванов Виталий Петрович: биобиблиографический указатель / сост. Г.Б. Матвеев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 36 с., ил.

Краткая чувашская энциклопедия Республики Башкортостан. Уфа: Уфимский полиграф. комбинат, 2014. С. 123.

Хушăлкапа Силпи хутлăхенче // Ăс-хакăл хăвачĕ: интервьюсем / материала Л.Н. Сачковапа Л.П. Петров хатĕрленĕ; ħсл. ред. Л.П. Петров. Шупашкар: ЧГПĤИ, 2015. С. 129—136.

Ученые Чувашского государственного института гуманитарных наук. Год 2020-й: научно-справочное изд-е / сост. и науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 78—83.

**СПИСОК ИЗБРАННЫХ РАБОТ В.П. ИВАНОВА
ПЕРИОДА 2012—2022 гг.**

Очерк этнической истории чувашей / Составлен на основе публикаций в кн.: «Краткая история Чувашии и чувашского народа». Чебоксары, 2019. С. 405—412 и «Чувашская Республика». Вып. 16. Чебоксары, 2016. С. 12—16.

Чувашское население Волго-Уральского региона в XVII—XVIII вв. // История татар с древнейших времен. В 7 т. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI — XVIII вв.). Казань: Ин-т истории АН РТ, 2014. С. 330—335.

Этногенетические корни различий в этнокультурах татар и чувашей // Чувашский гуманитарный вестник. 2013. № 8. С. 31—45.

Проблема «ясачных чувашей» как отражение многовекторности булгаро-чувашской этногенетической преемственности // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. статей. Вып. 4. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2014. С. 219—236.

Об особенностях подходов академика В.В. Николаева к исследованию древних предков чувашского этноса // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 294—298.

История старинного чувашского села Слакбаш // Вестник Чувашского университета. 2020. № 4 / Исторические науки. С. 36—44. (В соавт. с М.Х. Сафиным).

Союз мелких народностей Поволжья (1917—1918 гг.) и проект «Национально-культурная автономия» // Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Чебоксары, 13 октября 2017 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 150—166. (В соавт. с А.П. Леонтьевым).

Этнодемографическое развитие чувашского народа в XX — начале XXI века: особенности и проблемы // Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 47—56.

Расселение русских в Чувашском крае в досоветскую эпоху // Центр и периферия. Саранск, 2019. № 2. С. 62—66.

Татарское население Чувашии: этногеографический аспект // Государство и общество в России: тернистый путь взаимоотношений и взаимодействия (к 20-летию Конституции РФ) // II Смирновские чтения (г. Чебоксары, 15—16 ноября 2013 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. С. 387—396.

Мордва в Чувашии: особенности расселения и динамика численности // Мордва в Чувашии: история и современность: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Поречское, 3 декабря 2021 г.) / сост. и отв. ред. Д.В. Егоров; ЧГИГН. Чебоксары: ЧГИГН, 2022.

Татарская ассимиляция как фактор этнодемографических процессов у чувашей в XVIII—XIX вв. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. Казань, 2016. № 16. С. 332—339.

Проблемы этнической географии и исторической демографии чувашей в трудах В.Д. Димитриева // Димитриев Василий Димитриевич: ученый,

педагог, общественный деятель, гражданин. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 6—14.

Пантеон богов в чувашской мифологии (к вопросу ранжирования иерархии) // Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Чебоксары, 8 октября 2015 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2016. С. 119—140.

Этнокультура татар и чувашей: этногенетический аспект // Татары и чувашы: ветви одного древа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары—Казань, 7—8 октября 2021 г.). Казань—Чебоксары: Новое время, 2021. С. 154—162.

О роли традиционных ментальных ценностей чувашей в современных социально-политических процессах в Чувашской Республике // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 129—137.

Заметки об этнокультурной жизни современного мордовского населения Чувашии // Центр и периферия. Саранск, 2017. № 4. С. 80—84. (В соавт. с Г.Б. Матвеевым).

Проблемы социокультурной адаптации мигрантов в полиэтническом пространстве Чувашской Республики // Чувашский гуманитарный вестник. 2014. № 9. С. 36—54.

Изучение этнографии чувашей в досоветский период // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 2 (42). С. 124—131.

Исследования по истории и культуре диаспорных групп чувашского народа // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 2 (46). С. 118—129.

Страницы истории этносоциологических исследований в Чувашии // Вестник Чувашского университета / Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 77—84.

Исследования по истории и культуре национальностей Чувашской Республики: опыт, итоги // Центр и периферия. Саранск, 2018. № 2. С. 96—100. (В соавт. с К.Н. Сануковым).

СОДЕРЖАНИЕ

Этническая история

Очерк этнической истории чувашей	5
Чувашское население Волго-Уральского региона в XVII—XVIII веках	16
Этногенетические корни различий в этнокультурах татар и чувашей	27
Проблема «ясачных чувашей» как отражение многовекторности булгаро-чувашской этногенетической преемственности	46
Об особенностях подходов академика В.В. Николаева к исследованию истории древних предков чувашского этноса	64
История старинного чувашского села Слакбаш	70
Союз мелких народностей Поволжья (1917—1918) и проект «Национально-культурная автономия»	82

Этническая география и историческая демография

Этнодемографическое развитие чувашского народа в XX — начале XXI века: особенности и проблемы	98
Расселение русских в Чувашском крае в досоветскую эпоху	111
Татарское население Чувашии (историко-этногеогра- фический аспект)	121
Мордва в Чувашии: особенности расселения и динамика численности	129
Татарская ассимиляция как фактор этнодемографи- ческих процессов у чувашей в XVIII—XIX веках	141
Проблемы этнической географии и исторической демографии чувашей в трудах В.Д. Димитриева	148

Традиции и современность

Пантеон богов в чувашской мифологии (к вопросу ранжирования иерархии)	165
Этнокультура татар и чувашей: этногенетический аспект	191

Роль традиционных ментальных ценностей чувашей в современных социально-политических процессах в Чувашской Республике	203
Заметки об этнокультурной жизни современного мордовского населения Чувашии	215
Проблемы социокультурной адаптации мигрантов в полиэтническом пространстве Чувашской Республики	222

История науки

Изучение этнографии чувашей в досоветский период	246
Исследования по истории и культуре диаспорных групп чувашского народа	257
Страницы истории этносоциологических исследований в Чувашии	274
Исследования по истории и культуре национальностей Чувашской Республики: опыт, итоги	284

Приложения

Иванов Виталий Петрович	293
Монографические работы и разделы В.П. Иванова в коллективных трудах	297
Литература о В.П. Иванове	299
Список избранных работ В.П. Иванова периода 2012—2022 гг.	300

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научное издание

Иванов Виталий Петрович

**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
И ЭТНОГРАФИИ ЧУВАШИИ**

Избранные труды (2012—2022)

Редактор *Е.П. Семенова*

Корректор *Т.И. Семенова*

Выпускающий редактор *Е.В. Федотова*

Верстка *Э.В. Кирилловой*

Подписано в печать 26.04.2022. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать оперативная. Гарнитура Times.

Учетно-изд. л. 14,75. Усл. печ. л. 17,67. Тираж 100 экз. Заказ № 5.

Отпечатано в РИО БНУ ЧР

«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»

Министерства образования и молодежной политики

Чувашской Республики

428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1